МИШЕЛЬ
БЮССИ
ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ
НЕ ЗАБЫВАТЬ
НИКОГДА
ОТ АВТОРА
БЕСТСЕЛЛЕРА
«САМОЛЁТ БЕЗ НЕЁ»

Annotation

В Ипоре, на самом высоком прибрежном утесе Европы, Джамал замечает красный шарф, висящий на ограде, а затем — женщину, невероятно красивую, в разорванном платье, стоящую с застывшим взглядом спиной к обрыву. Джамал, словно спасательный круг, набрасывает на нее шарф… Однако спустя несколько секунд на холодную гальку пустынного пляжа падает бездыханное тело неизвестной. С красным шарфом на шее. Все думают, что ее столкнул Джамал. А он просто хотел ее спасти. Так считает Джамал, но можно ли ему верить?

«Не забывать никогда» — очередной захватывающий детектив от мастера интриги Мишеля Бюсси.

Мишель Бюсси
Не забывать никогда

Артуру, которому завтра — 18!

Вы заметили на обрыве хорошенькую девушку? Не протягивайте ей руку! Могут подумать, что это вы столкнули ее вниз.

13 июля 2014 года
Кому:
Научно-исследовательский институт судебно-медицинской и криминалистической экспертизы (НИИ СМКЭ)
Лаборатория идентификации жертв катастроф
Заведующему Ж. Кальметту
От:
Национальная жандармерия,
Территориальная бригада коммуны Этрета,
Департамент Приморская Сена
Лейтенанта Б. Донадье

Господин Кальметт,

Ночью 12 июля 2014 года, около 2 ч. 45 мин., возле населенного пункта Валлез д'Этиг, расположенного в трех километрах к западу от коммуны Ипор, произошло обрушение толщи скалистого берега, от которого отделился и рухнул блок объемом примерно 45 000 кубических метров. Такого рода нарушения устойчивого состояния известнякового массива на нашем побережье не редкость. Помощь, прибывшая на место менее чем через час, констатировала, что в результате обрушения никто не пострадал.

Людей под обломками не оказалось, но спасатели обнаружили странную находку, которая, собственно, и побудила написать это письмо. Среди громоздившихся на берегу меловых глыб нашли останки трех человек.

Жандармы, прибывшие на место происшествия, не обнаружили поблизости ни одежды, ни личных вещей, позволявших идентифицировать останки. Можно предположить, что речь идет о спелеологах, попавших в скальную ловушку, так как карстовые пещеры в известняке, из которого сложены здешние скалы, давно облюбовали поклонники подземных прогулок. Однако за последние месяцы и даже за последние годы к нам не поступало ни одного сигнала о пропавших спелеологах. Возможно, останки пролежали в земле много лет, но, насколько возможно оценить без специальной экспертизы, они кажутся не слишком давними.

Хотелось бы уточнить, что обнаруженные в результате обрушения кости разбросало по берегу в радиусе примерно сорока метров. Следственно-розыскная

судебная бригада, присланная из департамента полковником Бреденом, приступила к сбору разрозненных частей скелетов. Ее предварительные выводы совпадают с нашими: не все кости одинаковой сохранности, и создается впечатление, что смерть настигла свои жертвы в разное время, с промежутком в несколько лет. Причина гибели людей пока не установлена, однако при первичном осмотре костей и черепов следов травм, способных повлечь за собой смерть, не обнаружено.

Не имея ни малейшей зацепки для начала расследования, мы не в состоянии начать процесс идентификации, ибо не представляем, ни что произошло до гибели этих людей, ни что после. Вопросы остаются открытыми: кто эти трое? Когда они умерли? Какова причина их гибели?

Разумеется, находка вызвала множество пересудов среди местных жителей, переживающих в последние месяцы трагические события, на первый взгляд не имеющие отношения к обнаружению останков трех неизвестных.

Понимая, какое множество срочных дел находятся на контроле в Лаборатории и сколь велико горе семей, ожидающих официального установления личностей своих скончавшихся близких, я тем не менее позволю себе настоятельно просить вас дать распоряжение подчиненным вам службам, чтобы те в виде исключения срочно приступили к экспертизе вышеозначенных останков.

С уважением, Лейтенант Б. Донадье.

19 февраля 2014 года.

— Осторожно, Джамал, трава на склоне скользкая.

Накинув плащ, Андре Жозвиак стоял у дверей своей гостиницы-ресторана «Сирена» и чувствовал, что его благоразумный совет, похоже, уже неуместен. Ртуть в термометре, висевшем над меню, усиленно стремилась пересечь нулевую отметку. Ветер практически стих. Кованый флюгер в виде маленького парусника, закрепленный на одной из выступавших балок фасада, был недвижен, словно заледенел за ночь.

Андре Жозвиак наблюдал, как на его глазах на берегу занимался день: таяла тонкая корочка льда, покрывавшая машины, припаркованные перед казино; дрожала, постукивая друг об друга, крупная галька, напоминавшая яйца, отложенные гигантской хищной птицей. На востоке только что пробудившееся солнце лениво поднималось над морем, выкатываясь из-за голой скалы, высившейся в Пикардии, в сотне километров от здешнего пляжа.

Джамал шел мелким шагом. Андре видел, как он миновал казино и начал штурмовать подъем улицы Жан-Эли. Сцепив пальцы, хозяин гостиницы подул в ладони, согревая их. Пора подавать завтрак немногочисленным постояльцам, проводившим зимний отпуск на берегу Ла-Манша. Поначалу он считал этого молодого араба-инвалида чудаком: тот каждое утро совершал пробежку по туристической тропе, одинаково ловко двигая как собственной мускулистой ногой, так и протезом, завершавшимся стопой из углепластика, ввинченной в кроссовок. Сейчас он испытывал к нему подлинную нежность. В возрасте Джамала, иначе говоря, когда ему еще не было тридцати, Андре каждое воскресенье по утрам отмахивал сто километров на велосипеде — Ипор–Ивето–Ипор, в полном одиночестве, и те три часа, что занимала дорога, никто не полоскал ему мозги. Поэтому, когда чумовой парень из Парижа на своей силиконовой ноге каждый день с первыми лучами солнца отправляется потеть в

здешние долины, он его понимает.

Тень Джамала крадучись мелькнула на углу лестницы, ведущей наверх к скалам, и быстро исчезла за мусорными контейнерами казино. Хозяин «Сирены» вышел на улицу и закурил «Винстон». Несмотря на холод, не он один рискнул высунуть нос на улицу. Вдалеке по мокрому прибрежному песку шла почтенная дама с маленькой смешной собачкой на бесконечном поводке. Дерзкий песик, напоминавший игрушку на батарейках с дистанционным управлением, истерически тявкал на пролетавших чаек. В двухстах метрах от дамы, возле воды, засунув руки в карманы потертой коричневой кожанки, стоял высокий субъект и вызывающе глядел в морскую даль, словно намеревался взять реванш над горизонтом.

Затушив окурок, Андре вернулся в гостиницу. Он не хотел, чтобы его увидели в домашнем костюме, небритым и непричесанным, похожим на доисторического человека, вылезшего из пещеры, которую много лет назад покинула мадам Кроманьон.

С регулярностью метронома Джамал Салауи взбирался на самый высокий скалистый берег в Европе. Сто двадцать метров. Когда последние виллы остались позади, дорожка сузилась до пешеходной тропы. Вид открывался до самого Этрета, на десяток километров вдаль. В конце прибрежной полосы Джамал заметил две фигуры: старушку с собачкой и мужчину, стоявшего лицом к морю. Три чайки, напуганные пронзительным тявканьем пуделя, внезапно вылетели из-за скалы и, опережая его, с десяток метров летели у него над головой.

Первое, что заметил Джамал после указателя на кемпинг «Риваж», был красный шарф, зацепившийся за натянутое по краю поля ограждение, словно свидетельствуя об опасности. Это была первая мысль, что пришла Джамалу в голову.

Опасность.

Напоминание о камнепаде, наводнении, сдохшем звере.

Затем новая мысль. Это всего лишь шарф, зацепившийся за колючую проволоку, шарф, потерянный кем-то из отдыхающих и занесенный сюда морским ветром.

Он задумался, стоит ли прерывать привычный размеренный шаг и выгибать шею, чтобы рассмотреть ставший игрушкой ветра кусок ткани? Если бы он тогда продолжил свой путь, все пошло бы по-другому, все повернулось бы иначе.

Но Джамал замедлил ход, а потом и вовсе остановился.

Шарф, похоже, совсем новый. Ярко-красный, огненный. Джамал пощупал его, вчитался в этикетку.

Кашемир. Фирма «Берберри»… Да, за этот клочок ткани отдали небольшое состояние! Аккуратно отцепив шарф от проволоки, Джамал подумал, что надо бы немедленно отнести его в «Сирену». Андре Жозвиак знает в Ипоре всех и сможет узнать, кто потерял шарф. А если хозяин не найдется, Джамал оставит его себе. Продолжив бег, он одновременно поглаживал мягкую ткань. Когда он вернется в Ла-Курнев, в свой квартал-4000, то вряд ли станет носить его со спортивным костюмом. Кашемировый шарф за пятьсот евро — да за такой убиться можно! Наверняка в квартале найдется хорошенькая девушка, готовая обмотать им свою нежную шейку.

Справа, возле бункера десяток овец повернули к нему свои морды. Они ждали, пока оттает трава, и взгляд у них был такой же тупой, как и у тех придурков у него на работе, что в полдень выстраиваются перед микроволновкой.

Миновав бункер, Джамал увидел девушку.

Он живо прикинул расстояние между ней и обрывистым берегом. Меньше метра! Девушка стояла на краю вертикального обрыва высотой более ста метров! У него невольно закружилась голова. Зачем она взобралась на покатый склон по скользкой, покрытой инеем траве и теперь стояла над обрывом, подвергая себя большему риску, чем если бы она стояла на подоконнике тридцатого этажа самого высокого небоскреба.

— Мадемуазель, с вами все в порядке?

Слова Джамала потонули в холоде. Ответа не последовало.

Джамал находился метрах в ста пятидесяти от девушки.

Несмотря на ледяной воздух, на ней было всего лишь легкое красное платье, разорванное пополам; одна половинка облепляла пупок и бедра, другая болталась на шее, прикрывая ложбинку на груди и половинку бюстгальтера цвета фуксии.

Девушка дрожала.

Красивая. Однако Джамал быстро почувствовал, что девушка не вызывает у него никаких эротических эмоций. Невероятная, волнующая, встревоженная, она совершенно не возбуждала его сексуально. Когда впоследствии он вспоминал эту картину, чтобы объяснить ее, лучшим сравнением, пришедшим ему в голову, было сравнение с осквернённым произведением искусства. Настоящее святотатство, непростительное презрение к красоте.

— С вами все в порядке, мадемуазель? — повторил он.

Она повернулась к нему. Он шагнул ей навстречу.

Высокая трава доходила ему до середины икр, и он подумал, что, возможно, девушка не заметит протез, закрепленный на левой ноге. Она стояла напротив него. В десяти метрах. Спиной к пропасти. Очень близко.

Она недавно плакала, но, похоже, слезы уже иссякли. Растекшийся вокруг глаз макияж успел высохнуть. Джамал никак не мог выстроить обрывки противоречивых мыслей, метавшихся у него в голове.

Опасность.

Поторопиться.

Но главное, волнение. Волнение, охватившее его с головы до пят. Он никогда не видел таких красивых женщин. В его памяти навсегда запечатлелся совершенный овал повернутого к нему лица, в обрамлении двух каскадов черных волос, угольно-черные глаза на белоснежной коже, тонкий и резкий рисунок рта и бровей, словно три воинственные полосы, начертанные пальцем, обмакнутым в кровь и сажу. Впоследствии он пытался понять, что побудило его протянуть ей руку — изумление, необычность ситуации или отчаяние неизвестной девушки, но ответа так и не нашел.

— Мадемуазель…

Джамал протянул руку.

— Не приближайтесь! — вскрикнула девушка.

Это скорее просьба, нежели приказ. Искорки в ее угольно-черных глазах потухли.

— Хорошо, — тихо проговорил Джамал, — согласен. Только не шевелитесь, нам некуда спешить.

Взгляд Джамала скользнул по ее нескромному платью. Он подумал, что девушка, видимо, вышла из казино, расположенного сотней метров ниже. Вечерами в тамошнем театрально-концертном зале Си-Вью устраивали дискотеки.

Отправилась в ночное заведение повеселиться, а все обернулось не так, как хотелось? Высокая, стройная, сексуальная, она не могла не притягивать к себе вожделеющие взоры. Ночные заведения всегда полны парней, которые приходят только для того, чтобы снять на ночь цыпочку.

— Сейчас я медленно подойду к вам и дам вам руку, — произнес он как можно спокойнее.

Первый раз девушка опустила глаза, и взгляд ее на минуту задержался на карбоновом протезе. Не сумев скрыть удивления, она, однако, быстро справилась с собой.

— Если вы сделаете еще хоть шаг, я прыгну…

— О'кей, о'кей, я стою…

Джамал замер на месте, даже дыхание затаил. Только взгляд его метался между девушкой, возникшей ниоткуда в десяти шагах от него, и рыжим солнцем, вставшим над горизонтом. «Налакавшиеся чуваки услаждали свой взор, отслеживая каждое покачивание бедер вот такой королевы танцпола», — вновь подумал Джамал. Среди них вполне мог оказаться какой-нибудь урод, а может, и не один, настолько порочный, чтобы последовать за девушкой к выходу. А потом зажать где-нибудь в углу и изнасиловать.

— Вам… вас обидели?

Угольки разразились льдинками слез.

— Вы не поймете. Идите своей дорогой. Уходите! Живо уходите.

Какая-то мысль…

Джамал обхватил себя за шею. Медленно. Но девушке его движение, видимо, показалось слишком резким. Внезапно она сделала шаг назад, и нога ее повисла над пустотой.

Джамал замер. Девушка походила на испуганного воробья. Его надо осторожно взять в лодочку ладоней. Птенец, выпавший из гнезда, не умеющий летать.

— Я стою, мадемуазель, стою. Только брошу вам свой шарф. Я буду держать один конец. А вы ловите другой. И подумайте, стоит вам его выпустить или нет.

Удивленная, она замерла. Воспользовавшись ее нерешительностью, Джамал бросил ей конец красного кашемирового шарфа. От юной самоубийцы его отделяло всего два метра.

Конец шарфа упал к ее ногам.

Она осторожно наклонилась, стыдливым жестом, показавшимся в ее положении смехотворным, прикрыла обрывком платья обнажившуюся грудь, а затем схватила конец шарфа, брошенного Джамалом.

— Спокойно, — проговорил Джамал. — Я сейчас подтяну шарф и начну наматывать его на руку. И подтяну к себе вас, всего на пару метров, чтобы вы не стояли на краю пропасти.

Девушка крепко сжала конец шарфа.

Джамал понял: он выиграл, все правильно сделал. Он бросил шарф, как моряк бросает спасательный круг, и теперь медленно вытащит утопающего на поверхность, постепенно, сантиметр за сантиметром, с бесконечными предосторожностями, чтобы не оборвалась веревка, втащит его на борт.

— Спокойно, — повторил он. — Идите ко мне.

В этот миг он осознал, что встретил самую красивую девушку, такую красивую, каких он никогда раньше не видел. И он только что спас ей жизнь.

На короткую долю секунды эта мысль отвлекла его.

Внезапно девушка дернула шарф. Джамал ожидал любых действий, кроме этого. Резкое,

стремительное движение.

Шарф выскользнул у него из рук.

Далее все случилось за доли секунды.

Взгляд девушки уперся в него, незабываемый взгляд девушки у окна отходящего от станции поезда. Взгляд самой судьбы.

— Не-е-ет! — закричал Джамал.

Последнее, что он увидел, был шарф из красного кашемира, зажатый между пальцами красавицы. В следующее мгновенье она соскользнула в пропасть. Так же, как и жизнь Джамала. Но он об этом еще не знал.

I
РАССЛЕДОВАНИЕ

1
Дневник Джамала Салауи

Мне долго не везло.

Я был уверен, что удача всегда на одной стороне, только не на моей, и считал себя жертвой кошмарного заговора, составленного теми, кто поклялся сжить меня со света. Во главе с каким-нибудь божком, похожим на садиста-препода, вымещающего злость на самом слабом ученике в классе. При этом все остальные школяры, очень довольные, что шишки сыплются не на них, тоже начинают ревностно играть в палачей. На расстоянии. Чтобы не получить сдачи. Словно невезение является заразным.

Потом, с годами, я понял.

Это всего лишь видимость.

Единственный злобный божок, которого вам доведется встретить, будет именно препод, который сделает вас козлом отпущения.

Божкам, как и преподам, до вас как до лампочки. Вы для них не существуете.

Вы одни.

Чтобы монетка однажды упала вашей стороной, надо просто играть — часто, много, всегда.

Упорствовать.

Это всего лишь вопрос вероятности. А возможно, и удачи.

Меня зовут Джамал.

Джамал Салауи.

Надо сказать, это не то имя, которое приносит удачу.

Хотя…

Если вы заметили, я тезка Джамала Малика, мальчишки из «Миллионера из трущоб». Впрочем, имя — не единственное, что у нас общего. Мы оба мусульмане, живущие в немусульманской стране, и нас не слишком-то любят. Он вырос в районе Дхарави, в трущобах Бомбея, а я в длиннющем, как Китайская стена, доме, который называется Бальзак, в квартале-4000 парижского пригорода Ла-Курнев. Не знаю, можно ли на самом деле сравнивать. А уж тем более сравнивать нашу внешность. Он не слишком-то хорош, лопоухий, похожий на пугливого воробья. Но я тоже не красавец. Пожалуй, даже урод, потому что у меня одна нога, точнее, одна с половиной, вторая доходит до колена, а заканчивается пластиковым протезом телесного цвета. Как-нибудь я вам расскажу, что со мной приключилось.

Это произошло тогда, когда монетка в очередной раз упала не моей стороной.

Но главное, что нас объединяет, сейчас здесь, рядом со мной. Главный выигрыш Джамала Малика — не миллионы рупий. Это Латика, его девушка, очень красивая, особенно в конце фильма, когда она в прозрачном желтом покрывале, и он встречает ее на вокзале в Бомбее. Она его джек-пот.

У меня тоже джек-пот.

Рядом со мной та самая девушка, неимоверно желанная. Она только что надела синее платье-тюльпан. В шелковом вырезе волнуется грудь, и у меня есть право смотреть в этот вырез, когда мне захочется. Как бы вам объяснить, чтобы вы поняли? Она мой идеал

женщины, порой мне кажется, что тысячу ночей она преследовала меня в снах, прежде чем наконец явиться наяву.

Я с ней ужинаю.

У нее в доме.

Отблески пламени камина ласкают белую кожу ее лица. Мы пьем шампанское. «Пайпер-Хайдсик» урожая 2005 года. Через несколько часов мы займемся любовью, может, даже еще до конца ужина.

И будем любить друг друга хотя бы одну ночь.

А может, и несколько ночей.

А может, и все оставшиеся мне в этой жизни ночи. И этот сон не улетучится с наступлением утра, а будет сопровождать меня и в душе, и в грязном лифте последней китайской стены квартала-4000, которую еще не успели взорвать, и на станции Курнев-Обервилье пригородной электрички, следующей по маршруту линии B.

Она улыбается мне. Подносит к губам широкий бокал с шампанским, и я представляю, как пузырьки скатываются в недра ее тела и там с шелестением лопаются. Прижимаюсь губами к ее губам. Влажные от шампанского, они сладкие, как взрывная конфетка.

Шикарным интерьерам соседнего ресторана она предпочла уютную обстановку своего дома. Быть может, в глубине души она немного стеснялась появиться со мной на людях, не хотела ловить взгляды с соседних столиков, устремленные на араба, заявившегося в ресторан с самой красивой девушкой в округе. Я ее понимаю, хотя мне абсолютно наплевать на их мелочную зависть. Я больше, чем кто-либо, заслужил этот миг. Я поставил на карту все. Каждый раз, когда монетка падала неправильно, я играл вновь. И никогда не переставал верить.

Я выиграл.

Впервые я встретил эту девушку шесть дней назад, в самом неподходящем месте для встречи с феей. В Ипоре.

За эти шесть дней я несколько раз чуть не умер.

Я жив.

За эти шесть дней меня обвинили в убийстве. В нескольких убийствах. В самых гнусных убийствах. Я сам чуть было в это не поверил.

Я невиновен.

Меня преследовали. Судили. Приговорили.

Я свободен.

Увидите, вам тоже будет трудно поверить бредовому рассказу какого-то араба-инвалида. Случившееся чудо покажется вам невероятным. А версия полицейских вполне приемлемой. Вот увидите, вы тоже станете сомневаться. До самого конца.

Вернетесь к началу этого рассказа, перечитаете эти строки и решите, что я сумасшедший, что я заманил вас в западню или что я все выдумал.

Но я ничего не выдумывал. И я не сумасшедший. Никакой западни. Я прошу вас только об одном — верьте мне. До самого конца.

Увидите, все кончится хорошо.

Сегодня у нас 24 февраля 2014 года. Все началось десять дней назад, 14 февраля, в пятницу вечером, когда подростки из клиники терапии Сент-Антуан разъезжаются по домам.

2
Верьте мне до самого конца?

Холодный дождь без всякого предупреждения застучал по крышам трех зданий из красного кирпича, занятых клиникой терапии «Сент-Антуан», что расположена в парижском пригороде Баньоле. Дождь поливал деревья в парке площадью в три гектара и белые статуи щедрых, знаменитых, но забытых дарителей прошлых веков. Неожиданно с десяток фигур зашевелились, словно ливень вдохнул жизнь в гипсовые фигуры. Врачи, медбратья и санитары в белых блузах спешили укрыться от дождя, словно призраки, опасавшиеся замочить свои саваны.

Некоторые нашли пристанище под портиком, другие в двух десятках легковушек, минивэнах и минибусах, припаркованных друг за другом в посыпанной гравием аллее. В незапертые машины набилось столько подростков, что дверцы перестали закрываться.

Каждый вечер в пятницу подростки, не нуждавшиеся в сопровождении, разъезжались по домам, чтобы провести с родными конец недели. А в эту пятницу вдобавок начались двухнедельные зимние каникулы.

Я, как и все, тоже бросился искать укрытие, но сначала втолкнул Грегори в заднюю дверцу «Рено Сценик», бросив под дождем его опустевшее кресло на колесах. Потом, пытаясь отыскать Офели, обежал взглядом три стоявшие впереди машины и скорую, мигалка которой разметывала вокруг себя дождь. И помчался в комнату обслуживающего персонала.

Там царил кавардак, какой обычно бывает после похода на лыжах, когда все начинают вытряхивать содержимое рюкзаков. Среди сотрудников клиники Сент-Антуан преобладают женщины — медицинские сестры, воспитательницы и психотерапевты; сейчас дамы толпились, обнимая закоченевшими пальцами стаканчики с чаем или кофе. Одни даже не посмотрели в мою сторону, другие удостоили меня кивком, самые молодые воспитательницы, Сара и Фанни, улыбнулись мне, а главный психиатр Николь, как обычно, задержалась взглядом на моей негнущейся ноге. Большинство женщин в клинике относились ко мне неплохо: все зависело от возраста, сентиментальности и профессиональной добросовестности. «Матери Терезы» встречались чаще, чем «Мэрилин Монро».

Сразу за мной вошел Жером Пинелли, кретин, заведовавший обслуживающим персоналом. Оглядев всех, кто находился в комнате, он вперился в меня цепким взглядом следователя.

— Они увозят Офели. Полагаю, ты собой гордишься?

— Не слишком.

Я представил себе стоящую во дворе машину скорой помощи и Офели, вопящую, чтобы ее оставили в покое. Несколько секунд я придумывал, что бы такое сказать в свое оправдание или как бы объяснить причины своего поведения, чтобы ко мне перестали цепляться. Я шарил взглядом в поисках поддержки, хотя и был уверен, что вокруг нет никого, кто захотел бы мне помочь. Точно никого. Девушки опустили головы.

— После каникул мы с тобой разберемся, — подвел итог Пинелли.

К списку тех, кто каждый день отравляет нам жизнь, выискивая для себя очередную жертву, к злобным божкам и преподам-садистам надо добавить мелких начальников-фашиков: Жером Пинелли. Пятьдесят три года. Заведующий обслуживающим персоналом.

Меньше чем за полгода на его счету уже один адюльтер, две депрессии и три увольнения.

Он встал перед большим — метр на два — плакатом с Монбланом, который я повесил в комнате для персонала. Массив во всей своей протяженности. Монблан, Белая Гора, Проклятая гора. Южная игла, Зуб Великана, Зеленая игла…

— Черт, — ругнулся Пинелли, — наконец-то отдохну от этих дебильных недорослей… Меньше чем через десять часов я уже в Куршевеле…

Он медленно повернулся, словно предлагая женскому персоналу полюбоваться его профилем, и нарочито уставился на мой протез.

— А ты? Поедешь на снежок, Салауи? Это ж клево, а? С твоим карбоновым протезом тебе нужна только одна лыжа!

Он расхохотался. Шуточка скользкая… Персонал не рискнул последовать его примеру. «Мэрилин Монро» тихонько хихикнули, «матери Терезы» молча выразили свое возмущение.

Из кармана Пинелли донеслись первые аккорды сингла «I gotta feeling», не оставив ему времени сгладить впечатление или добавить еще что-нибудь в том же духе. Вытащив мобильник и пробурчав «Ну и бардак», он с достоинством направился к двери.

— После каникул придется отвечать, Салауи. Малышка несовершеннолетняя, я не смогу вечно прикрывать тебя, — произнес он, бросив на меня последний взгляд.

Придурок!

Тут вошел Ибу и демонстративно захлопнул за начальником дверь.

Ибу — мой единственный союзник в этой лавочке. Он работает санитаром, в чьи обязанности входит перетаскивать носилки, натягивать смирительные рубашки и удерживать юных пациентов, когда те начинают убивать друг друга. Иногда он помогает мне в работе: монтировать стойки, переставлять мебель, менять колеса у микроавтобуса. Ибу — настоящий бугай, здоровенный, словно баобаб. Что-то вроде Омара Си. Красавец, приколист, крутой чувак, он умеет помирить всех «Мэрилин» и всех «матерей Терез». Спортивный.

Тоже мне, спортивный… Никто не знает, что, когда он по четвергам бегал со мной пятнадцать километров от парка Ла-Курнев до леса Монморанси, в последнем стремительном рывке я каждый раз обгонял его на полкруга.

Ибу похлопал меня по руке.

— Я слышал, что сказал этот идиот, как он нес чушь по поводу лыж. Но шутки в сторону, Джам, ты едешь на каникулы?

Повернувшись к афише с Монбланом, он сверлил взглядом фото вечных снегов и ледников.

— В Ипор. И это благодаря тебе.

— В Ипор? Вау! А там беговые дорожки есть?

— Это в Нормандии, толстяк. Возле Этрета. Перепад высоты на десяти километрах может доходить до тысячи метров. Но ни снега, ни подъемников…

Присвистнув, Ибу обратился к женской аудитории:

— Наверняка этот скрытник Джамал не сказал вам, что он спортсмен высокого класса! Этот упрямец отказывается соревноваться по паралимпийским дисциплинам и приносить в клинику Сент-Антуан успех, славу и медали. Он вбил себе в голову стать первым одноногим, который пересечет финишную линию ультрамарафона вокруг Монблана.

Я почувствовал, как взгляды всех женщин немедленно устремились на меня. Как и положено заботливому приятелю, Ибу не угомонился:

— Самая тяжелая дистанция в мире. А наш малыш не боится, а?

Девушки переводили взгляд с меня на сине-белый плакат и обратно. Я же устремил свой взор к высоте более трех тысяч метров. Ледник Мер-де-Глас. Валлорсин. Канатная дорога Агюль-дю Миди. Ультрамарафон вокруг Монблана — это сто шестьдесят восемь километров пешеходной тропы, сорок шесть часов пробега… На одной ноге. Способен ли я на такой подвиг? Выложиться полностью, забыть о боли? Медсестры уже сочувствовали, на глаза наворачивались слезы. Мне показалось, что я стал розовым, как поросенок. Я уставился на стену, покрытую грязной белой штукатуркой, словно среди следов плесени и ржавчины, стекавшей с потолка, надеялся обнаружить чьи-то невидимые следы.

— К тому же Джам — холостяк, — продолжал Ибу. — Неужели никто из вас не хочет сопровождать его? Поехать с ним в Ипор, блин!

И он подмигнул мне. Я весь напрягся.

— Давайте, девушки… — не унимался Ибу. — Требуется всего-то одна волонтерка! Неделя, о которой можно только мечтать! Составьте компанию олимпийскому чемпиону и станьте его половинкой.

Спасибо тебе, Ибу. Я внутренне подобрался, словно на тренировке.

— Кроме шуток, девушки. Но потом вы мне его вернете.

3
Забыть о боли?

Вытянувшись на ложе из гальки, у моих ног лежал труп.

Из-под головы медленно текла кровь, словно чья-то невидимая рука вытягивала из-под нее кусок красного шелка, алую волну, которая нашла себе дорогу и по пологому скату заструилась к морю.

Даже мертвая, незнакомка была невероятно хороша. Черные как смоль волосы, накрывшие холодное бледное лицо, напоминали водоросли, прилепившиеся к гладкой скале после очередного отлива. Теперь тело девушки уподобилось обломку скалы, который трудолюбивое море станет обтачивать до тех пор, пока оно не растворится в окружающем пространстве.

Я отвел взгляд от тела и стал изучать известняковую стену. Она высилась прямо передо мной. С тех пор как я обустроился в Ипоре, то есть три дня назад, здешний скалистый берег еще ни разу не казался мне таким величественными. Потоки глины, стекавшие с лужаек, не видные с берега, но угадывавшиеся наверху, сплетались со следами ржавчины, сырости и грязи. Мне казалось, что я стою перед стеной гигантской тюрьмы, созданной богами, чтобы запереть в ней людей. Пытаться убежать оттуда, спрыгнуть сверху означало расстаться с жизнью.

Я посмотрел на часы.

8 часов 28 минут.

Прошло меньше четверти часа, как я вышел из «Сирены» и отправился на ежедневную тренировку. Я вспомнил советы хозяина гостиницы.

Будь осторожен, Джамал, на утесе трава будет скользить.

Потом вспомнил о красном шарфе, зацепившемся за проволоку, об овцах, о бункере… Картины сменяли одна другую. С поразительной навязчивостью. Я снова видел девушку в разорванном платье, стоявшую над краем пропасти, слышал ее последние слова: «Не приближайтесь. Вы не можете понять…», видел безмерное отчаяние, промелькнувшее в ее взгляде, прежде чем она шагнула в пустоту, сжимая в руке кашемировый шарф «Берберри», который я ей бросил.

После стремительного спуска с высокого берега сердце мое все еще колотилось так, словно я мог примчаться на пляж раньше и подхватить ее на руки. Спасти ее.

Смешно.

— Я видел, как она упала, — произнес у меня за спиной низкий голос.

Субъект в коричневой кожаной куртке. Медленно, волоча при ходьбе ноги, он подошел к телу с таким видом, словно этот несчастный случай давно сидит у него в печенках.

— Я слышал, как вы кричали, — продолжил он все тем же усталым голосом. — Я обернулся и увидел, что девушка камнем падает вниз.

На лице его появилось выражение отвращения, видимо, обозначая, что он видел, как тело разбилось, ударившись о каменистый пляж. Он прав: когда девушка прыгнула с обрыва, я закричал, устремив взор в пустое небо. Весь Ипор наверняка это слышал.

— Она не упала, — счел нужным уточнить я. — Она прыгнула.

Субъект промолчал. Интересно, понял ли он суть этого тонкого различия?

— Бедная девочка! — вздохнула подошедшая справа женщина.

Она была третьим свидетелем трагедии. Позднее я узнал, что ее зовут Дениза. Дениза Жубан. Она, как и мужчина в коричневой кожанке, оказалась на пляже раньше меня, метров на сто дальше от места падения. Я мчался, как сумасшедший, и в конце этой спринтерской дистанции прибыл на несколько секунд раньше, чем она. На Денизе были толстые желтые носки, торчавшие из голенищ высоких пластиковых сапог и терявшиеся под подолом светло-коричневого платья и серого плаща. Она прижимала к себе собачку породы ши-тцу, одетую в бежевый свитер с красными полосками, напомнившими мне полосатые одежки персонажей комиксов «Найди Чарли».

— Тише, Арнольд, — прошептала она на ухо песику и вздохнула. — Такая красивая девушка… а вы уверены, что она сама прыгнула вниз?

Ход мысли Денизы мне совершенно не понравился.

Разумеется, она сама прыгнула вниз.

Затем я поймал себя на мысли, что являюсь единственным свидетелем самоубийства. Двое других свидетелей гуляли по берегу, смотрели на море и обернулись, лишь услышав мой крик.

Что же хотела сказать Дениза? Что произошел несчастный случай?

Выражение глубочайшего отчаяния на ангельском лице девушки за миг до ее отчаянного прыжка снова бередило мою память.

— Конечно! — ответил я. — Я говорил с ней, там, наверху, возле бункера. Пытался убедить…

Дениза Жубан испытующе посмотрела на меня, словно моя кожа, мое произношение и моя негнущаяся нога являлись тремя причинами, по которым мне не стоило доверять.

О чем она думала? Что это вовсе не несчастный случай? Что девушку кто-то толкнул?

Я, как дурак, продолжал тянуть шею, пытаясь разглядеть, что там, на вершине утеса. И словно желая оправдаться, сказал:

— Все произошло очень быстро. Я подошел к ней так близко, как мог. Попытался протянуть ей руку. Бросить…

Внезапно слова застряли у меня в горле.

На лежащем в метре от меня теле я внезапно заметил одну деталь. Совершенно невероятную…

Невозможно!

Картины случившейся трагедии завертелись по кругу.

Отчаявшийся взгляд прекрасной самоубийцы.

Шарф «Берберри», трепещущий в моей вытянутой руке.

Пустой горизонт.

Черт! Что-то ускользало от меня.

Я уставился на алый шарф, брошенный возле моих ног…

Наверняка есть какое-то рациональное объяснение…

Было…

— Надо что-то делать!

Я обернулся. Возглас исходил от Денизы. На миг я задался вопросом, обращалась она ко мне или к своей собаке, которую по-прежнему прижимала к груди.

— Она права, — поддержал мужчина в кожаной куртке. — Надо бы вызвать полицию…

У него был прокуренный голос. Помимо потертой куртки на нем была надета шерстяная шапочка бутылочного цвета, под которой он прятал длинные седеющие волосы и красные от холода уши. Я почему-то решил, что он одинок, в разводе и без работы. По крайней мере, у него достаточно неприятностей, чтобы прийти на пляж в такой час, когда здесь никого нет и никто не будет выносить тебе мозг. Неожиданно я вспомнил Ланоэля, депрессивного препода математики, который учил нас в пятом классе в коллеже Жан Вилар и которого вся школа, все три поколения учеников звали Атараксом.[1] Видимо, поэтому про себя я также назвал этого типа Атараксом. Позднее, когда я с ним познакомился, то узнал, что его зовут Кристиан Ле Медеф… Я не знал, что завтра, почти в этот же час, снова увижу его здесь, еще более унылого, и он сообщит мне сведения, сделающие нас сообщниками, одержимыми одной бредовой идеей…

Спрятавшись на груди своей хозяйки, Арнольд громко тявкал.

Вызвать полицию?

По моей правой ладони пробежала дрожь, словно кашемировый шарф невидимой змеей вновь ускользал из нее. Перестав мне подчиняться, глаза уставились на красную ткань. Видимо, мое выражение лица настолько изменилось, что Дениза и Атаракс как-то странно посмотрели на меня.

Или они ждали, что я возьму инициативу в свои руки…

Вызвать полицию?

Наконец я сообразил, что ни у того, ни у другой нет мобильных телефонов. Я достал свой айфон и набрал «17».

— Жандармерия Фекана слушает, — ответил через несколько секунд мужской голос.

Я объяснил, в чем дело. Самоубийство. Место происшествия. Да, девушка мертва, совершенно точно, падение с высоты ста двадцати метров на каменистый пляж. Один свидетель видел, как она прыгнула, двое других видели, как упала и разбилась.

На другом конце все записывали. Потом раздались неразборчивые голоса. Меня попросили еще раз четко повторить название местности и отключились.

Я улыбнулся Денизе и Атараксу.

— Сейчас приедут жандармы. Будут через десять минут.

Они удовлетворенно закивали. Долгое время тишину нарушало только постукивание гальки, перекатываемой морем. С каждой волной Атаракс смотрел на часы. Он нисколько не походил на человека, огорченного смертью лежавшей у его ног девушки, ему было наплевать на ее гибель; так бывает, когда перед вами столкновение нескольких десятков автомобилей создает чудовищную пробку, и вы ловите себя на мысли, что вам совсем не жалко тех бедняг, что оказались жертвами железных коробок, а раздражены вы из-за того, что опаздываете и приехать вовремя нет никакой возможности. Однако Атаракс вряд ли слишком занят, раз слонялся по пляжу с восьми утра…

Внезапно Дениза отпустила Арнольда, и тот, спрыгнув на землю, тотчас спрятался между ног хозяйки, которая схватила меня за руку.

— Куда запропастились эти жандармы? Ладно, дай мне твою толстовку, мой мальчик.

Я не сразу понял, чего она от меня хочет. Чтобы я разделся? Сейчас от силы пять градусов… Властным голосом Дениза повторила:

— Дай мне твою толстовку для джоггинга!

Толстовку для джоггинга? Она так назвала мою флисовую куртку фирмы «North Face», сшитую из ткани по технологии Wind Wall?

Без дальнейших размышлений я подчинился. Склонившись над трупом, Дениза прикрыла моей фиолетовой курточкой лицо и верхнюю часть тела девушки.

Религиозный вопрос? Суеверие? Желание предохранить бедняжку Арнольда от психологической травмы?

Собственно, это не важно, в глубине души я поблагодарил ее за этот жест.

Прежде чем Дениза прикрыла тело импровизированным саваном, я успел в последний раз взглянуть на шарф. В голове безумный голос прокричал:

Как это возможно?

Теперь я не мог думать ни о чем ином. Я вновь перебирал все события сегодняшнего утра, каждую секунду, каждый жест, но не мог найти связного объяснения.

У мертвой девушки, лежавшей на галечном пляже, красный кашемировый шарф «Берберри» был обмотан вокруг шеи.

4
Как это возможно?

Холод больно щипал мои обнаженные руки. Солнце, появившись ненадолго из-за вершины скалы со стороны Фекана, снова отправилось спать под облачное одеяло. Чтобы согреться, я стал подпрыгивать на месте. Температура явно упала до нуля, но я не решался попросить у лежавшей на гальке девушки вернуть мне толстовку, сделанную специально для защиты от ветра. К тому же вряд ли полиция сильно задержится, я же позвонил им всего десять минут назад. Мы втроем стояли и молчали. Над нашими головами со скрипучим смехом пронеслась стая чаек.

Соединенный с хозяйкой тоненьким кожаным поводком, Арнольд сел и со смешанным чувством страха и изумления смотрел на пролетавших птиц.

Страх и изумление.

У меня наверняка такой же растерянный вид, как у этого песика.

У мертвой девушки, лежавшей на каменистом пляже, красный кашемировый шарф «Берберри» был обмотан вокруг шеи.

Я прокручивал в голове различные доводы, пытаясь найти логичное объяснение. Я был твердо уверен, что девушка выдернула шарф у меня из рук и, отшатнувшись, сорвалась с обрыва.

Я смотрел на пустой мол, пустую парковку возле казино, на три десятка пляжных кабинок, пустующих зимой. Жандармов нигде не видно.

Кто мог обмотать шарф вокруг шеи трупа? Я первым примчался на берег, куда упало тело. Вокруг не было никого, кроме Денизы и Атаракса, но оба они находились гораздо дальше от места падения, чем я. Никто из них не успел бы отбежать от тела, чтобы снова вернуться, причем медленно, дыша ровно и размеренно. Да и зачем бы им это делать?

Это ж не имеет никакого смысла!

Кто тогда?

Никто! На огромном пустынном пляже никто не мог незамеченным приблизиться к трупу. Дениза и Атаракс непременно бы его засекли. Они видели, как девушка падала с обрыва, и поспешили к ней, не отрывая от нее взгляд…

По рукам пробежала дрожь. Холодно. Тревожно. Страшно. Я должен все разложить по полочкам, исключив то, чего не может быть. И останется единственное решение: девушка сама обмотала шею шарфом во время падения со скалы!

Полное безумие…

Однако иного решения у этого уравнения нет. Я прикинул высоту обрыва, представил, сколько времени тело может падать с его вершины. Несколько секунд. Три, может быть, четыре. Вполне достаточно, чтобы обмотать полоску ткани.

Технически, без сомнения, возможно.

Технически…

Я заметил чайку, которая, бросая вызов невесомости, парила между небом и меловыми скалами.

Чтобы обмотать шарф на лету, надо заранее все продумать, принять выверенное решение, многократно все повторить, устранить любые возможные помехи. Сконцентрироваться на одной-единственной цели: прежде чем умереть, закрутить вокруг

шеи этот чертов шарф, и сделать это менее чем за четыре секунды, чтобы успеть до того, как разобьешься о прибрежную гальку…

Но это же бред собачий!

Движения, повторенные тысячи раз? Но шарф даже не принадлежал ей! Я нашел его возле тропы, инстинктивно протянул самоубийце, мысль об этом пришла мне прямо на месте. Ангельское создание на краю бездны, она не могла догадаться, что у нее в руках окажется эта полоска ткани.

Я взглянул на Денизу и Атаракса. Он закурил сигарету, а она подтянула поводок Арнольда, чтобы на ши-тцу не попал дым.

«Рассуждать логически, отсекая все невозможное», — снова подумал я. Какое решение остается? Даже если вообразить, что последним конвульсивным движением девушка успела обвить шарф вокруг шеи, вместо того чтобы камнем падать вниз или отчаянно махать руками, словно чайка крыльями, вопрос все равно остается открытым.

Зачем совершать столь бессмысленный поступок?

Внезапно появилось солнце, осветив своими лучами скалу, отчего ржавая глина и мел заискрились золотыми и серебряными искрами.

А через минуту прибыли жандармы. Свой микроавтобус «Боксер» они оставили на парковке возле казино.

Их было двое, они направлялись в нашу сторону. Позади шел тот, кто помоложе. Ему было лет сорок, его вытянутая голова напоминала булыжник; каждый раз, когда ноги его в сапогах фирмы «Вестон» скользили по мокрым водорослям, он громко чертыхался. Он явно встал с левой ноги и не успел до начала работы выпить кофе, а тут еще утро началось с необходимости забрать труп самоубийцы…

Второй жандарм уверенно ступал по галечнику, хрустевшему под подошвами его сапог. Сама опытность… Внешне он был похож на полицейского, которому вечно пора на пенсию — словно только что вышел из фильма Оливье Маршаля. Широкая грудь, расстегнутая форменная куртка, весомый животик. Физиономия еще та. Прямые седеющие волосы, зачесанные назад, достают до середины шеи, освобождая высокий морщинистый лоб. Этакий престарелый Марлон Брандо.

Когда он приблизился, я почувствовал, что мое первое впечатление верно.

Марлон Брандо. С надменной улыбкой на губах. Другой полицейский еще плелся метрах в десяти позади него, а Брандо уже стоял напротив нас, прямо над трупом.

— Капитан Пироз, — отрывисто представился он. — Здесь давно уже не было самоубийств! С тех пор как построили вантовый мост Нормандии, в моду вошло раскачиваться над водой на канате.

Он провел ладонями по лбу, словно хотел разгладить морщины, затем продолжил:

— Вы ее знаете?

Мы все трое отрицательно покачали головами.

— Что вы конкретно видели?

Атаракс ответил первым. Он видел, как девушка упала с обрыва и, пролетев сто двадцать метров, разбилась о пляжную гальку. Дениза подтвердила его слова, я ограничился утвердительным кивком.

— Значит, вы все были здесь? И никто не видел, что произошло там, наверху?

Словно почуяв мое волнение, Пироз пристально посмотрел на меня. Я ответил явно

слишком быстро.

— Я видел. Я бежал по прибрежной тропе, как обычно бегаю каждое утро. Она стояла на краю обрыва, неподалеку от бункера. Я говорил с ней. Пытался помешать ей, но…

Пироз перевел взгляд на мой карбоновый протез; казалось, он пытается совместить мою инвалидность с моими каждодневными пробежками.

— Я… я каждый день тренируюсь. Я спортсмен высокого класса. Паралимпиец. Вы… вы сами видите, — зачастил я.

Если капитан это и заметил, то не показал виду. Он лишь нахмурил лоб а ля Брандо и склонился над телом. Взял мою куртку фирмы «North Face» и отложил в сторону, на камешки.

Чуда не произошло. Чертов шарф по-прежнему обвивал шею девушки.

Я не видел ничего, кроме этой красной полоски, но, казалось, Пироз не обращал на нее ни малейшего внимания. Он исследовал красное платье, обрывки ткани, затем оглядел обрыв, словно искал какой-нибудь кустик, вцепившийся корнями в голый камень. Наконец повернулся к нам.

— Она не могла разорвать платье во время падения.

Не дав полицейскому возможность развить эту мысль, я немедленно подтвердил ее.

— Когда я встретил девушку наверху, ее платье уже было порвано. А макияж весь размазан. Похоже, она была чем-то очень напугана.

Дениза и Атаракс подозрительно уставились на меня, словно упрекая меня за то, что я не сообщил им об этом раньше. Пироз снова разгладил рукой морщины, видимо, чтобы мысли добрались до самого мозга. Другой полицейский смотрел отсутствующим взглядом куда-то в сторону: на волны, на свежепокрашенные пляжные кабинки, на ветряные генераторы, возвышавшиеся над Феканом, словно дело касалось его столь же мало, как песика Арнольда.

Пироз, похоже, к этому привык. А может, они просто поругались, пока ехали сюда?

Пироз опустился на колени и склонился над трупом.

— Самоубийство, говорите? — пробурчал он сквозь зубы. — Надо иметь веские основания, чтобы броситься с отвесной скалы…

Он исследовал складки разорванного платья.

Вспоминая эту сцену, я корил себя за то, что упустил тот единственный момент, когда мог без обиняков поговорить с фликами.[2] Спустя время признаться им, что, в сущности, это мой шарф, подробно рассказать, что произошло наверху, возле бункера, убедить, что она сама вырвала этот чертов клок ткани у меня из рук, было так же невозможно, как и поверить в мой рассказ…

И я промолчал. Наверное, ждал, что логическое объяснение свалится на меня с неба. Или что все обойдется, все забудут и перейдут к другим делам. Я не мог предвидеть, что обнаружит Пироз, приподняв платье девушки.

— Вот оно как, — присвистнул жандарм.

Я подошел поближе, Дениза и Атаракс тоже.

Под платьем у девушки не было нижнего белья.

Ни кружевных трусиков цвета фуксии, ни стрингов. Вдоль бедер тянулись фиолетовые пятна. А также царапины, четыре узкие и параллельные, на уровне паха, справа от совершенно гладкого после эпиляции лобка.

Дениза закрыла глаза и прижала к груди Арнольда. Лицо Атаракса приобрело цвет

таблеток, которые он, похоже, проглотил сегодня утром. То есть стало совсем белым. Мой карбоновый протез окончательно погрузился в галечник, и я с трудом сохранял равновесие.

Словно опуская занавес над сценой, Пироз прикрыл платьем промежность девушки.

— Полная хрень. Малышку изнасиловали… Самое большее несколько часов назад. — Он поджал губы. — Что ж, вполне основательная причина, чтобы прыгнуть вниз.

Он встал, еще раз оценивающим взором окинул отвесный обрыв, подавлявший своим величием окружающий пейзаж, и наконец перевел взгляд на шарф, обмотанный вокруг горла девушки.

Аккуратно, кончиками пальцев, размотал его.

У меня в глазах потемнело. Пироз говорил об изнасиловании. Без сомнения, мои генетические отпечатки сохранились на ткани. Децилитры пота, впитавшегося в волокна. Целая бочка ДНК.

Слишком поздно. Что говорить? Кто мне поверит?

Пироз просунул палец между шарфом и шеей девушки, медленно, словно врач, осматривающий хрипящего больного. Морщины на лбу Пироза собрались в кучку, образовав толстую волнистую складку.

— Малышку не только изнасиловали… Ее задушили.

Меня словно током ударило. Не думая, я произнес:

— Я… говорил с ней там, наверху… Она… она была жива. Она прыгнула сама. Она…

Пироз прервал меня:

— Значит, попытка удушения. Ваше появление на пешеходной тропе, без сомнения, спугнуло насильника раньше, чем он задушил ее. Вы спасли девушке жизнь… То есть могли бы спасти…

Могли бы спасти?

Слова его мне показались странными. Равно как и его версия. Завидев меня, насильник, в принципе, мог успеть спрятаться в бункере, но в остальном? Почему девушка ничего не сказала? Почему, протягивая ей руку, я не заметил никакой полосы на горле? Потому что не обратил внимания? Сосредоточил взгляд на лице? На разорванном платье?

— Что вы делаете?

Вопрос задала Дениза. Пироз встал на колени, уперся руками в гальку и стал обнюхивать кожу трупа. Арнольд с изумлением смотрел на него. Полицейский поднял голову и изобразил подобие удовлетворенной улыбки, напоминавшей улыбку ищейки, взявшей след.

— У нее соленая кожа.

Мне казалось, что я смотрю пьесу театра абсурда, где актеры импровизируют каждую реплику. Второй полицейский, по-прежнему державшийся поодаль, бесстрастно слушал своего напарника. Быть может, у них так принято. У каждого своя роль. Первый устраивает шоу, а второй исподтишка наблюдает за нашей реакцией.

— Соленая кожа? — в изумлении повторил Атаракс.

— Мда-а… Но этому-то, по крайней мере, есть простое объяснение. — Пироз выдержал паузу. — Девушка искупалась в море.

Мы все одновременно повернулись в сторону Ла-Манша.

Искупалась? 19 февраля? Ночью? В воде, где температура меньше десяти градусов?

— Обнаженной, — добавил Пироз. — Ее одежда суха.

Дениза едва держалась на ногах. Без лишних размышлений я предложил ей руку, и она

тотчас вцепилась в нее.

— Искупалась обнаженной, — продолжал флик. — Возможно, это упрощает дело, а возможно, и усложняет. Она удивительно красива, и именно красота, скорее всего, привлекла насильника.

Он пригладил волосы, пропуская гладкие пряди между пальцев, словно между зубьями редкой расчески.

— Пора оцеплять место преступления. Вызывать экспертов и остальную команду. Простите, но вам придется предъявить документы, сообщить адрес, телефон и все прочее. Прошу вас прийти для дачи показаний в жандармерию Фекана по возможности сразу после двенадцати; к тому времени мы наверняка успеем что-нибудь узнать об этой девушке.

На мне всем телом повисла Дениза. Теперь я уже откровенно дрожал от холода. Пироз это заметил и, пристально посмотрев на меня, протянул мне мою толстовку.

— Держите, полагаю, это ваша. Оденьтесь, а то простудитесь, а вы мне еще понадобитесь.

5
Кто бы мне поверил?

Прямо передо мной белела остроконечная скала — Игла Этрета. Она напоминала отделившуюся от берега деталь пазла, бородку ключа от монументальной двери, ограждающей вход в таинственное подземелье.

Расставшись на берегу с фликами, я бегал еще час, чуть меньше, чем в другие дни. Всего двенадцать километров. Дистанция Ипор — Этрета, через нависавшую над побережьем уютную долину возле местечка Вокотт и проход между скал возле Этига.

Достаточно времени, чтобы прочистить мозги. Подумать. Понять.

На улице не больше трех градусов выше нуля, но с меня градом лился пот. Трава на известняковых почвах медленно оттаивала, образуя тоненькие холодные ручейки, которые, низвергаясь крошечными водопадами, выдалбливали, секунда за секундой, охряные бороздки, иссекавшие меловые бугорки. Пейзаж казался нетронутым, но это была лишь видимость. На скалу со всех сторон наступали: вода, лед, дождь, море; скала сопротивлялась, истончалась, уступала, умирала на глазах у миллионов туристов, не замечавших ни малейших изменений в пейзаже.

Совершенное преступление.

Теперь я дрожал.

Уже час как я покинул пляж, где полицейские продолжали делать свое дело, и с тех пор без устали прокручивал в голове всевозможные доводы. Казалось, выводы капитана Пироза достаточно ясно восстанавливали цепь событий. Сегодня ранним утром, когда солнце только что встало, неизвестная девушка оставляет свое платье на пляже Ипора. Обнаженная, она заходит в море. Насильник замечает ее, следит за ней, пока она одевается. Следует за ней, когда она поднимается вверх по тропинке. Теряет шарф, возле бункера нападает на девушку, насилует ее, пытается ее задушить. Неожиданно он слышит шаги, и до моего появления успевает спрятаться в бункере. Слишком поздно.

Девушка в отчаянии прыгает со скалы.

Напротив меня, по другую сторону бухты, несколько туристов размером с муравьев осторожно шли по скользким мосткам, ведущим в Девичью Комнату.[3]

11 часов 03 минуты. Пора возвращаться.

Нависавшие над побережьем долины, раскинувшиеся на моем пути в Ипор, я преодолел минут за сорок пять. По дороге я никого не встретил, за исключением велосипедиста в долине Вокотт, и ослика на тропе Заходящего солнца. Этот ослик, похоже, стал узнавать меня, так как каждый день видел, как я пробегаю мимо. Преодолев последний холм, я спустился в низину Ла Валетт. Ветер успокоился или просто забыл подуть. Неподвижные ветряки Фекана издалека напоминали застывших гигантов. Сквозь туман я разглядел сооруженный в Ипоре ретранслятор, бункер и пасущихся вокруг овец.

Тревога сдавила мне горло.

Если версия Пироза верна, значит, насильник меня видел. Разглядывал меня, сидя в бункере. Я единственный свидетель…

Пешеходная тропинка пошла под уклон. Я ускорил шаг — насколько мне позволяла искусственная нога.

Единственный свидетель?

Я миновал кемпинг «Риваж». Выглянуло солнце, залив ярким светом ипорскую бухту. Море отступало медленно, неспешно, обнажая лунный пейзаж. Сбившиеся в кучки изумрудные водоросли цеплялись за источенные камни отмели, словно лохматые оазисы в мокрой пустыне.

Моя хромая нога отстукивала другую версию.

А если Пироз ошибается?

Если насильник бросил девушку на берегу после того, как напал на нее, изнасиловал и задушил? А девушка, потеряв голову, побежала наверх, на обрыв, уронив по дороге шарф. Не в себе. И прыгнула, несмотря на мои уговоры.

Ступени лестницы, ведущей к казино, гулко звенели под карбоновой подошвой.

Изнасиловали ее внизу, на пляже или наверху, на обрыве, для бедняжки, в сущности, значения не имеет… Но для меня между этими двумя версиями стоял вопрос, над которым я хотел поразмышлять, пока Пироз не начнет меня допрашивать.

Видел меня насильник или нет?

Еще три ступени. Обогнув мешки с мусором из казино, я ступил на бетонный мол. Добрался до своей «Сирены».

Видел ли меня насильник?

Вопрос терзал меня, но я понимал, что за ним кроется еще один, более мучительный, тот, который Пироз пока не задал.

Как проклятый красный шарф мог оказаться на шее девушки? Шарф «Берберри», на котором остался мой биологический материал для генетического исследования.

По утрам я использовал деревянные перила «Сирены», чтобы подтянуться. Я никого не беспокоил, снаружи не было ни одного столика, ни одного стула, равно как и посетителей. Висело лишь меню комплексного обеда за 12,90 — тарелка улиток, мидии с луковым соусом и десерт «Плавучий остров». Рядом на стене которого Андре прикреплял кнопками метеосводку.

Солнца не будет.

На высоте 400 метров возможен снег.

Температура может опуститься до минус 15 градусов.

Ну и ну!

Андре Жозвиак направился ко мне. Он уже не похож на того доисторического человека, который утром подавал мне завтрак; он успел побриться, причесаться и воспользоваться парфюмом. Белая рубашка. Безупречно сидящий пиджак. Готов принять парижских туристов, заблудившихся в здешних улочках. Андре не из местных, прежде чем обосноваться в Ипоре, он держал гостиницу-ресторан в Брэ-Дюн, французском курортном городке у границы с Бельгией. Он любил рассказывать, как в поисках солнца он ездил на Юг. И чтобы убедить скептиков, каждый день вывешивал самую отвратительную метеосводку во всей Франции! Для этого он каждый вечер отыскивал в Интернете уголок в стране, где отверзались хляби небесные, яростно завывала буря, а температура опускалась как нигде низко. Сегодня утром, как приписано мелкими буквами внизу сводки, он выбрал деревню Шонев в кантоне Мут, в самом центре горного массива Юра.

Первым моим желанием было желание рассказать ему о трупе самоубийцы, обнаруженном на пляже. Он владел «Сиреной» уже пятнадцать лет и прекрасно знал всех

жителей городка. Если такая красавица жила в Ипоре, он, несомненно, сможет ее опознать…

Не успел я открыть рот, как Андре опередил меня, протянув толстый конверт из коричневой оберточной бумаги.

— Почта, мой мальчик!

Я сидел на кровати у себя в комнате под номером семь. На последнем этаже. Вид на море, выше только крыша, покрытая кровельным сланцем. Когда я заказывал комнату в этой гостинице, то был уверен, что попаду в самый обычный стандартный отель…

Стереотипы!

Комнаты чистые, обстановка симпатичная. Обои явно поклеены недавно, в убранстве преобладают небесно-голубые тона, фриз с узором из ракушек и занавески со шнурами. Стоя у окна, я мог любоваться берегом вплоть до самого Фекана. Созерцать верхушки прибрежных скал, сидя на кровати.

Дрожащими руками я вскрыл конверт.

Кто мог написать мне сюда? Никто, кроме Ибу, Офели и еще нескольких девушек из числа сотрудниц клиники Сент-Антуан, не знал, что я отправился в Ипор. К тому же… Они знали название городка, куда я поехал, но не знали названия гостиницы.

Отправитель на конверте не указан. Только мое имя и адрес, выписанные круглым женским почерком.

Джамалу Салауи
Гостиница-ресторан «Сирена»
7, бульвар Александр Дюмон
76111 Ипор

На конверте штемпель Фекана.

Совсем рядом…

Клочки темной оберточной бумаги падали на кровать.

В конверте ксероксы, десятка два. Первый сразу же бросился мне в глаза. Ксерокопия статьи из «Курьер Ко», газеты, издаваемой в Фекане. Набранный жирным шрифтом заголовок занимал чуть ли ни всю страницу:

19 лет. Найдена мертвой в Ипоре, неподалеку от берегового обрыва.

Верхушки скал мерно покачивались за окном.

Пальцы мои сжали бумагу. Как местная газетенка смогла так стремительно раздобыть информацию? Девушка упала с обрыва не более трех часов назад, и полицейские наверняка еще на пляже, обследуют место преступления.

Я попытался унять бешено забившееся сердце. Отвел взгляд от окна и, глядя на листок, принялся сортировать информацию. Внезапно мне полегчало. В руках я держал старое издание «Курьера Ко».

Очень старое. Почти десятилетней давности. От четверга 10 июня 2004 года.

Вот это да! Зачем посылать мне ксерокопию статьи о том, что случилось так давно?

Дрожащей рукой я перебрал остальные листки. Все они касались одного и того же дела. Девятнадцатилетняя девушка найдена мертвой в Ипоре, неподалеку от берегового обрыва. В

конверте лежали статьи как из местных, так и из общенациональных газет, а также документы, показавшиеся мне конфиденциальными: выдержки из допросов, заметки, сделанные местными жандармами, письма, которыми обменивались следователь и капитан, который вел это дело.

По мере прочтения листков и возникавших при чтении вопросов личность отправителя стремительно отходила на второй план.

Похоже, все, о чем говорилось в присланных мне ксерокопиях, правда. Тем не менее все материалы следствия, даже самые подробные, вызывали у меня вопросы.

Спустя десять лет.

6
Видел ли меня насильник?

Дело Морганы Аврил — воскресенье, 6 июня 2004 года

Аспирант Максим Барон впервые видел труп. Но когда налетевшие на него мальчишки стали тянуть его за рукав, приговаривая: «Господин полицейский, господин полицейский, там труп на пляже», он не смог отвертеться.

Максим не нашел времени объяснить, что он всего лишь аспирант, направленный в жандармерию Фекана на стажировку, что он совершенно случайно оказался здесь, в Ипоре, на площади Жан-Поль Лоран, что в этот час он, собственно, еще не на службе, а капитан Грима отошел купить сигареты, но ларек закрыт… а он прибыл…

В общем, пришлось тащиться за подростками. У девушки на пляже оказался раздроблен череп.

Упала с обрыва, сомнений нет. Причем головой вперед. Крошево из мозга походило на прическу, венчавшую хорошенькое личико.

Сначала Максим расстался со съеденным утром завтраком: на глазах у изумленных подростков его стошнило прямо на гальку, устилавшую пляж. Утершись рукавом, он позвонил своему шефу.

— Фил, здесь труп, женский. На пляже. Там, где наверху гостиница-ресторан «Сирена» и казино.

Максим поднял глаза.

Огромная, два метра на три, афиша на стене казино извещала:

> Музыкальный фестиваль «Рифф и Клифф».
> С девятнадцати вечера до четырех утра.

Под серебристой гитарой, трепыхавшейся в состоянии невесомости перед береговым обрывом, перечислялись названия пятнадцати местных рок-групп. Бетонный мол усеивали пустые бутылки и жестянки из-под пива.

Ипор просыпался с мучительным ощущением сушняка.

Капитан Филипп Грима прибыл через минуту, однако за это время Максим успел еще раз исторгнуть остатки завтрака, а на пляже собралась толпа. Максим не был уверен, что его шефу доводилось сталкиваться с трупами чаще, чем ему самому. Шеф всего на пять лет его старше, только что окончил школу жандармерии в Монлюсоне. Скорее, приятель, чем шеф. Вчера, после того как они основательно попотели, играя в сквош в клубе Фекана, они два часа сидели в баре с видом на море, успев за это время обсудить футбол, велогонки и девочек, после чего Грима отправился домой. Капитан был женат и уже успел стать отцом.

На пять лет старше… А кажется, что на целую жизнь. Капитана Грима не тошнило. Он вел себя как босс. Никакой фамильярности со стажером Бароном, он не подмигнул ему, не хлопнул дружески по плечу. Сухим тоном он отдавал четкие приказания, которые Максим старательно исполнял, нисколько не обижаясь на холодность начальства, а наоборот, гордясь им. Настоящий пример для подражания! Станет ли он таким через пять лет?

Прежде всего капитан Грима велел стажеру Барону вытереть рот и освободить пространство вокруг трупа от зевак. Потом вынул мобильный телефон и сделал десятка три

снимков места происшествия. Наконец он повернулся к небольшой кучке людей, большинство из которых составляли подростки, и спросил:

— Кто-нибудь знает эту девушку?

В толпе выделялся тип в красной жилетке, застегнутой на блестящие золотые пуговицы. Такие жилетки носят швейцары, сопровождающие пляжный лифт, шахта которого пробита в береговом обрыве. Там, где расположено сердце, у него над ярким желтым логотипом казино Ипора сверкало вышитое золотом имя: *Жереми.*

— Я знал. Ее невозможно забыть. Она всю ночь провела на дискотеке в зале Си-Вью.

Установление личности девушки заняло менее часа.

Моргана Аврил.

Девятнадцать лет.

Студентка первого курса медицинского факультета.

Проживает вместе с матерью, Кармен Аврил, в гостевом доме «Горная долина», расположенном по дороге на Фуркамон, в Нефшатель-ан-Брэ.

Капитан Грима без труда воссоздал события, предшествовавшие драме. Накануне Моргана Аврил приехала в Ипор на фестиваль рок-музыки «Рифф и Клифф», организованный местным казино. Вместе с ней приехала ее сестра Осеан и еще трое друзей. Николя Граве, Клара Бартелеми и Матье Пикар. Николя Граве на своем «Рено Клио» и четверо его друзей выехали из Нефшатель-ан-Брэ (это примерно в ста километрах от Ипора) и прибыли на место около шести вечера. Мать Морганы долго не решалась отпускать дочерей, хотя обе уже были совершеннолетними.

Излишняя опека? Опасение? Предчувствие?

Это был их первый поход на дискотеку! Моргана весь семестр вкалывала на медицинском факультете университета в Руане и успешно сдала свои первые экзамены, заняв тридцать восьмое место. У Кармен не было оснований запретить девушке поехать развлечься. Первые результаты осмотра приглашенного судебного медика точно определили причину смерти… Моргана Аврил была изнасилована между 5 и 6 часами утра, затем задушена и сброшена с обрыва на пляж.

Припухшее лицо. Вывихнутые от удара конечности. Разорванное платье. Разодранное нижнее белье. Трусики Морганы нашли только на следующий день, в десятках метров от подножия обрыва, на уровне бункера. Стринги цвета фуксии. Нет сомнений, вниз их принес западный ветер. На стрингах нашли следы спермы и несколько волосков с лобка насильника, точно таких же, какие обнаружили на теле Морганы. Не нашли только сумочку убитой, ее не было нигде: ни в гардеробе зала Си-Вью, ни на берегу, ни на мелководье. Трое жандармов два дня подряд занимались поисками сумочки, но безрезультатно.

К 16 часам, иначе говоря, примерно десять часов спустя после обнаружения трупа Морганы Аврил, капитану Грима удалось выслушать двадцать три свидетеля, главным образом жителей Ипора, которые также провели вечер в Си-Вью. Пятнадцать мужчин и восемь женщин.

Фестиваль «Рифф и Клифф» собрал более тысячи зрителей, большинство которых сразу забронировали билеты и на фестиваль, и на дискотеку, устроенную в зале Си-Вью после выступления последней группы. Все свидетели без исключения могли в точности описать Моргану Аврил.

Красивая.

Желанная.

Возбужденная.

Капитан Грима провел не один час, перечитывая собранные по горячим следам свидетельские показания. Свидетельства зачастую нескромные, ибо речь шла об изнасилованной девушке, задушенной каким-то типом, наверняка одним из тех, кто положил на нее глаз во время дискотеки. В своем описании Морганы Аврил свидетели были единодушны. Как мужчины, так и женщины.

Кокетливая.

Пылкая.

Секси до самых стрингов.

Рассказывали про ее импровизированный приват — вокруг дубового столба, про промокшее платье, облепившее грудь, когда она вышла из туалета, про гибкое, как у угря, тело, про руки, скользившие по бедрам, приподнимая юбку, про плечи, извивавшиеся, раскрывшиеся, летящие. Про взгляд, выцеливавший мужчин, словно сквозь прицел снайпера.

Скромная студентка-медик ушла в отрыв.

А после пяти утра никто Моргану не видел. Никто не видел, как она уходила из Си-Вью. Никто не мог сказать, ушла она одна или с кем-нибудь.

Около 18 часов капитан Грима принял Кармен Аврил, мать Морганы. Он специально заставил ее ждать. Официально потому, что должен был по горячим следам расспросить непосредственных свидетелей трагедии. На самом же деле потому, что у него в голове смешались две картины: застывшее искореженное тело Морганы и это же тело, но живое, желанное для сотен мужчин, каким оно было всего несколько часов назад… И он панически боялся говорить об этом с ее матерью, которая была вряд ли намного старше его собственной матери.

Вошла Кармен Аврил. «Настоящий сейф», — определил капитан Грима.

Сейф, который он обязан вскрыть.

Он оглядел бочкообразный силуэт, стянутый, словно обручами, металлическими пуговицами замшевой куртки, толстые ноги в ботинках на шнуровке. Все части тела Кармен Аврил казались запертыми на замок, вплоть до очков с толстыми стеклами, цепочка от которых болталась у нее на шее; даже кожаная сумка с металлическими накладками. Капитан даже представил себе ключ, висящий у нее на шее и спрятанный под одеждой.

Ключ, отпиравший замок ее сердца.

«Ключ, утерянный навсегда», — быстро решил Грима. Сегодня утром его бросили на дно самого глубокого колодца.

Человек, сопровождавший Кармен Аврил, казалось, с незапамятных времен считал тяжким бременем выпавшую на его долю участь. У него было узкое лицо, завершавшееся острым подбородком, и словно сделанные из каучука руки, безвольно висевшие вдоль тела. Он напомнил ему резинового Месье Щекотку, но решил, что в такую минуту подобное сравнение неуместно.

«Они вместе не живут», — сказал себе капитан.

Он указал на два стула перед своим столом.

— Месье и мадам Аврил?

— Мадам, — ответил «сейф». — Жильбер — дядя Морганы. Он приехал со мной.

— А отец Морганы?

— У Морганы нет отца.

— Он…

Капитан судорожно подбирал слова. Умер. Пропал без вести. Уехал…

Кармен Аврил его опередила:

— У Морганы никогда не было отца.

— Вы хотите сказать, что…

У капитана не было никаких соображений, но он сумел настолько затянуть фразу, что Кармен Аврил вновь оборвала его:

— Я воспитывала ее одна. Я держу небольшой гостевой дом «Горная долина» в Нефшатель-ан-Брэ вот уже двадцать пять лет. И тоже одна.

Она повернулась к брату. Ее сумочка издала металлический звон, напомнивший звон кандалов каторжника.

— Я настояла, чтобы сегодня Жильбер поехал вместе со мной. Хотя обычно…

На этот раз Грима пришел на помощь Кармен:

— Понимаю. Вы привыкли в одиночку встречать ниспосланные вам испытания.

Он не лгал. Кармен Аврил являла собой неколебимую скалу, он прекрасно это понял из тех реплик, которыми они успели обменяться; в последующие дни расследование это подтвердило. Кармен являлась настоящим столпом Нефшатель-ан-Брэ. Хозяйка известного домашнего ресторанчика и гостевого дома с тремя колосьями,[4] вице-президент Общества по развитию края Бре, ответственная за культурные программы и туризм; пятнадцать лет назад избрана главой местного муниципального совета. Женщина сильная, активная, целеустремленная. В ее жизни никаких мужчин. Ее брат, Жильбер Аврил, шофер-дальнобойщик, работавший в компании «Гурнэ-ан-Брэ», полжизни проводил на железнодорожном пароме Дьепп — Ньюхэйвен, перевозя в своем грузовике-холодильнике молочные продукты в Англию.

Капитан не отступал и пристально взирал на Кармен. Петли ее куртки, пересеченные металлическими пуговицами-стерженьками, напоминали бойницы.

— И все же мне надо знать, что произошло с отцом Морганы.

Лицо ее приняло удрученное выражение, столь нелюбимое капитаном Грима.

— Мне надо снова повторить, капитан? У нее нет отца.

— Это всего лишь оборот речи, мадам Аврил. Разумеется, отец не воспитывал ее. Но с точки зрения генетики, мне надо знать, кто…

— Я сделала ЭКО девятнадцать лет назад…

Грима лихорадочно соображал. Он знал закон. Оплодотворение в пробирке делали только супружеским парам или, по крайней мере, парам, которые могли доказать, что живут семейной жизнью не менее двух лет.

— Но для этого надо быть семейной парой, разве не так?

— Не в Бельгии!

«Бог мой, — подумал Грима. — Кармен Аврил одна родила своих двух дочек…» При иных обстоятельствах он бы, без сомнения, сказал ей, что считает ее поступок в высшей мере эгоистичным. Уже четыре месяца он просыпался по ночам каждые три часа, чтобы дать бутылочку малютке Лоле, и, прижимая к обнаженной груди пять килограммов теплого тельца, каждый раз благословлял небо за то, что его подружка Сара не захотела сама кормить малютку.

Кармен Аврил отцепила очки от цепочки и протерла их бумажным платком.

«Немножечко конденсата», — подумал Грима. Почти слезы. В конце концов, частная жизнь Кармен Аврил и ее способ воспитывать дочь не имеют никакого отношения к насилию, которому подверглась Моргана, и к ее убийству. Психология матери лишь усложняет его задачу, он это предчувствовал.

— Мадам Аврил, я должен задать вам несколько вопросов, относящихся к Моргане. Вопросов интимного характера.

Внезапно он почувствовал себя беспомощным и таким же некомпетентным, как и его стажер Максим. Кармен старше его лет на двадцать. Он стал отцом всего несколько месяцев назад, и его недолгий опыт дарил ему только радость.

— Задавайте.

— Моргане было девятнадцать. Это ее первый поход на дискотеку. Множество свидетелей, видевших ее в тот вечер, описывают ее поведение, как бы это сказать…

Он с трепетом искал слова, чтобы облегчить тот груз, который им предстояло нести.

— Вызывающее, — наконец сформулировал он.

— Вызывающее?

В судорожно сжатых руках Кармен бронированная сумочка искривилась, словно стала мягкой, как раскаленный металл. Грудь мадам Аврил высоко вздымалась, однако металлические застежки выдержали. Цепочка, закрепленная на дужках, удержала стеклянную дамбу очков, преграждавших путь к глазам Кармен. Казалось, за увлажнившимися стеклами сосредоточилась боль, изнутри затопившая Кармен.

— Что вы называете вызывающим, капитан?

Грима плыл к цели. Он видел мыс, куда намеревался причалить, но никак не мог рассчитать, сколько гребков надо сделать, чтобы доплыть до цели.

— Желанной, мадам Аврил. Привлекательной. Притягивавшей взгляды мужчин. Не только взгляды. Она это понимала, и вы не хуже меня это знаете, мадам Аврил.

Замок не выдержал. Желая успокоить сестру, шофер-дальнобойщик погладил ее своей каучуковой рукой. Кармен бушевала, словно взорвавшаяся скороварка:

— Что вы такое говорите, капитан? Что Моргана сама искала на свою голову приключений? Ее изнасиловали, капитан. Изнасиловали, задушили и сбросили с обрыва. А вы меня спрашиваете, было ли ее поведение вызывающим!

Грима сдержался. Он подумал о Лоле. В свои четыре месяца она уже была очаровательна. Вызывающе хороша — в своем, конечно, роде. Он стал оправдываться:

— Мы с вами на одной стороне, мадам Аврил. Мы стараемся найти убийцу вашей дочери. Дорога каждая минута. Моргана стала жертвой самого жестокого преступления, никто с этим не спорит. Но чтобы поймать убийцу, мне надо собрать показания всех свидетелей.

— Свидетелей, которые рассказывают, что моя дочь сама его искала?

Сам не зная почему, капитан Грима встал.

— Мадам Аврил… Я постараюсь говорить как можно яснее. У нас только две версии. Либо убийца вашей дочери — извращенец, психически больной, встретивший Моргану ночью на улице, возможно, на парковке возле казино, или на пляже, при свете фонаря. В этом случае у нас практически нет возможности установить его личность, ибо его никто не видел. Вторая версия заключается в том, что убийца Морганы вчера вечером был на дискотеке в казино, где увидел Моргану, танцевал с ней, возможно, даже разговаривал. Они могли вместе покинуть дискотеку, Моргана могла пойти с ним совершенно добровольно. Да,

согласен, потом все обернулось кошмаром, тип оказался настоящим чудовищем, а Моргана его невинной жертвой. Но поймите меня правильно, мадам Аврил, вторая гипотеза существенно сокращает круг возможных подозреваемых.

Кармен Аврил не отвечала. Сдавив в руках кожаную сумочку с металлическими накладками, она вытянула из нее бумажный платок, но так и не поднесла его к глазам. Грима вспомнил о единодушных показаниях свидетелей.

Моргана, извиваясь, обнимает дубовый столб. Она под хмельком, одна грудь выскочила из выреза платья, но она сознательно не оправляет его. Самая красивая девушка на дискотеке… Грима не мог рассказать об этом ее матери. Во всяком случае, не напрямую. И не сейчас. Он развернулся.

— Мадам Аврил, я постараюсь выразиться еще точнее. Все те, кто знал Моргану, подтвердили, что она прилежная девушка, усидчивая, разумная. Поход на дискотеку стал наградой за год упорного труда… Как вы считаете, быть может, Моргана придавала особое значение этой поездке? Своего рода… (Грима искал наиболее точную метафору)… первый опыт, которого она давно ждала?

Кармен «расстреляла» его взглядом.

— Вы хотите сказать, что она во что бы то ни стало стремилась потерять девственность? Не ходите вокруг да около, капитан. Вы что, думаете, она была готова отдаться первому встречному?

Покачав головой, Грима уточнил:

— Она могла наткнуться на человека с дурными намерениями… Если она была достаточно на взводе и добровольно последовала за новым знакомцем, мы сумеем установить его личность.

Словно разъяренный хищник заметался за железными прутьями куртки. Капитан решил, что небольшой комплимент исправит положение, тем более что он совершенно искренний:

— Мадам Аврил, ваша дочь была хорошенькой. Очень хорошенькой. Без сомнения, самой красивой девушкой на дискотеке. Попробуйте проследить за моими рассуждениями, это очень важно. У Морганы был большой выбор. Моргана могла выбирать, с кем ей уходить с дискотеки. Если она сама выбрала своего убийцу, а не наоборот, мы его найдем. Быстро найдем.

Кармен Аврил так и подскочила на стуле. Все цепи порваны. Ярость вырвалась наружу.

— Выбрала своего убийцу? Я не ослышалась, капитан? Выбрала своего убийцу! Так вот, запомните, капитан Грима, моя дочь ни с кем не выходила! Моя дочь не была на взводе и ни на что не соглашалась. Моя дочь была изнасилована. Вы понимаете? Изнасилована, задушена и сброшена в пропасть, словно издохшее животное.

Филипп Грима снова вспомнил теплое тельце крошечной Лолы. Девятнадцать лет воспитывать дочь, чтобы потом…

Да, он понимал. Разумеется. Именно поэтому он и хотел поймать этого типа как можно скорее.

— Я всего лишь хочу поймать мерзавца, который убил вашу дочь.

Не вставая со стула, месье Каучук протянул длинную, словно ветка ивы, руку, и схватил Кармен за рукав. Оторвав от себя руку брата, Кармен встала и вперила взор в капитана Грима.

— Вы всего лишь юный неумелый кретин.

Результаты вскрытия Морганы Аврил были готовы уже на следующий день.

Они подтвердили сделанные ранее выводы. Моргану Аврил изнасиловали между 5 и 6 часами утра, потом задушили и сбросили вниз с обрыва. Именно в таком порядке. Эксперты подтвердили, что, когда она падала, то, без сомнения, уже была мертва. Во влагалище Морганы судебные медики нашли следы спермы, которую, принимая во внимание последовательность событий, признали спермой насильника.

Для капитана Грима это заключение стало хорошей новостью. Следующий шаг — взять биологический материал для анализа ДНК у всех, кто присутствовал на фестивале «Рифф и Клифф» и на дискотеке в зале Си-Вью, иначе говоря, у всех взрослых мужчин Ипора. Многие газеты вспомнили, что в 1996 году англичанка Кэролайн Дикинсон, ученица коллежа в Плен-Фужере в Бретани, была изнасилована при сходных обстоятельствах. Тогда всех тамошних мужчин обязали сдать анализ ДНК… Потом обязали мужчин, попавших под подозрение в Бретани, потом за ее пределами, затем взяли анализы более чем трех с половиной тысяч мужчин, которые, будучи в то время на свободе, в прошлом отбыли наказание за сексуальные преступления. У какого судьи хватит решимости спустя восемь лет запустить аналогичную процедуру в Нормандии?

При вскрытии обнаружились дополнительные детали, точнее, две, совершенно удивительные, однако и первая, и вторая только подтверждали предположение капитана Грима.

Прежде чем Моргану Аврил изнасиловали и задушили, она искупалась в море. Обнаженной. Судебные медики на этом настаивали: следы йода и соли не оставляли никаких сомнений. Она искупалась, а потом снова натянула платье. А потом ее изнасиловали. Читая заключение экспертов, капитан Грима периодически смотрел в сторону порта Фекан. Результаты экспертизы четко вписывались в разработанную им версию.

Моргана последовала за незнакомцем, которого возбудил ее танец на дискотеке. Затем последовало полуночное купание, обнаженными, вдвоем, вдалеке от любопытных взоров. Но после купания история соблазнения превратилась в драму. Моргана одевается, решает вернуться на дискотеку, целует незнакомца в щечку, и тот срывается с катушек.

Вторая деталь еще более странная. Насильник задушил Моргану Аврил не руками, а шарфом. Экспертиза показала, что нити, приставшие к шее жертвы, довольно редкие, особенно для такой ситуации: кашемировые, красные, с множеством оттенков, великолепного качества; эксперты без труда установили их происхождение: шарф в красную клетку марки «Берберри» — иначе говоря, модель роскошная и дорогущая.

Четыреста двадцать пять евро за кусок тряпки.

За какой-то красный шарф…

Капитан Грима присвистнул сквозь зубы.

Кольцо вокруг насильника стремительно сжималось. Вряд ли среди молодежи Ипора много тех, кто носит на шее такую роскошь.

* * *

Я поднял глаза.

Перечитал перепечатанные на машинке листки, вырезки из газет, сообщения

жандармерии, все подробности расследования, проведенного капитаном Грима.

В Ипоре девушка девятнадцати лет изнасилована, задушена и сброшена с обрыва.

Почти десять лет назад. В июне 2004-го.

После купания в море обнаженной.

Задушена красным кашемировым шарфом марки «Берберри»?

Мне показалось, что стены комнаты заходили ходуном. Мой компьютер стоял на столе. Включенный.

Я лихорадочно вбил ключевые слова в поисковик.

Моргана Аврил. Насилие. Ипор.

Менее чем через секунду Google выплюнул ответ прямо мне в лицо: десятки статей, посвященных делу Морганы Аврил. Я быстро пробежал их содержание. Никакого сомнения: на страничках, которые я только что прочел, все абсолютно точно.

Я встал. Увидел в окне смеющиеся надо мной скалы. Овцы, как ни в чем не бывало, мирно паслись вокруг бункера. Словно мне все приснилось и эта сцена произошла не несколько часов назад, а с тех пор прошло уже десять лет.

Я чувствовал, что схожу с ума.

Я снова взял конверт и провел пальцем по штемпелю.

«Фекан.
17 часов 43 минуты.
18-02-14.
Франция».

Это письмо кто-то накануне отправил мне из Фекана. Кто-то, кто знал, что сегодня на обрыве я встречу девушку. Кто-то, кто знал, что эта девушка умрет при тех же обстоятельствах, что и та, другая, десять лет назад, за одним лишь исключением… Эту девушку не сбрасывали мертвой со скалы, как Моргану Аврил, она сама с нее прыгнула, живая, по собственной воле.

Черт, в этом нет никакого смысла.

Кто мог догадаться? Как? Почему?

Я смотрел на безупречно заправленную кровать, без единой складки, аккуратные подушки, прислоненные к стене, оклеенной небесно-голубыми обоями.

Нет, я не спал! Наоборот. Циферблат будильника, зеленый и флуоресцентный, навязчиво напоминал мне об этом едва ли ни в приказном порядке. 12 часов 53 минуты.

Я едва успел на автобус, отходивший в 13.15; на этом автобусе я успевал прибыть вовремя к Пирозу в жандармерию Фекана.

7
Задушена красным кашемировым шарфом марки «Берберри»?

По лестнице в три ступени я поднялся на крыльцо жандармерии Фекана. В окошечке жандарметка с глазами, синими, как ее форменный воротничок, одарила меня улыбкой стюардессы.

— Мне назначил капитан Пироз.

— Последняя дверь направо, не ошибетесь, на ней табличка с его именем.

Голос сладкий, как у сирены, способный заманить в сети жандармерии всех молодых разгильдяев.

Я углубился в вестибюль, загроможденный ксероксом и металлическими шкафами, набитыми папками с делами. Стены заклеены афишами, зазывавшими на службу: *«Стань жандармом — почему бы и не ты?»* Я двинулся по длинному коридору. Люди в форме сидели за компьютерами. Вдоль стены у дверей стояли стулья.

В двадцати метрах от меня сидел Атаракс. На нем была та же куртка, что и утром. Я сел рядом. Он улыбнулся мне чуть более приветливо, чем прежде.

— Дениза уже на месте, — сказал он. — И Арнольд тоже… Потом моя очередь.

Я в ответ улыбнулся, но не произнес ни слова. Я пытался вспомнить его настоящее имя, то, которое он назвал сегодня утром полицейским. И через несколько минут вспомнил. Имя, нисколько не соответствовавшее физиономии этого типа, чертовски походившего на жертву общественной системы. Ле Медеф.[5] Кристиан Ле Медеф.

Ожидание затянулось. На низеньком столике лежали «Фигаро магазин» и «Пари-матч». Я не решался достать айфон и войти в Интернет. Мне жутко хотелось узнать больше о деле Морганы Аврил. Я не знал, кто отправил мне пакет на адрес «Сирены», но флики непременно должны были сравнить нынешнее дело с делом десятилетней давности: слишком много совпадений.

Насильник с красным шарфом вернулся спустя десять лет.

Атаракс раздраженно поглядывал на часы. По коридору сновали жандармы. Неподалеку, возле автомата с кофе, я заметил девушку. В подобных учреждениях женщины вообще встречаются редко. Впрочем, я видел ее только со спины. Она нервно совала монетку в отверстие автомата, но та снова выскакивала. На ней были узкие джинсы, аппетитно обтягивавшие попку, собранные в хвост рыжие волосы каскадом падали ей на спину. Она заинтересовала меня. Кто в наше время носит прическу «конский хвост»? Я с нетерпением ждал, когда она повернется и я смогу увидеть ее лицо.

Увы! Она все еще стояла ко мне спиной, когда дверь в кабинет Пироза отворилась и вышла Дениза с Арнольдом под мышкой. Единственный свидетель драмы, успевший сменить костюм: сейчас на нем был связанный на машинке красно-синий свитер — почти цветов национальной жандармерии. Провожая свидетельницу, Пироз пожал ей руку.

— Месье Ле Медеф. Теперь вы…

Атаракс и Пироз исчезли за дверью, которую капитан старательно закрыл за ними. Дениза ласкала Арнольда, словно тот был ребенком, только что покинувшим кабинет врача. Уставившись на меня своими бледно-голубыми глазами, она произнесла:

— У вас еще есть время, по крайней мере, четверть часа. Они хотят знать все, даже то, чего вы не видели.

Морщинистые руки Денизы утопали в шерсти ши-тцу, сама она то и дело сжимала ноги, словно ей очень хотелось помочиться.

Или поговорить со мной.

Наклонившись ко мне, она краем глаза продолжала наблюдать за жандармами, перемещавшимися из одного кабинета в другой.

— Мой мальчик, вам придется меня простить. Я была вынуждена сказать им правду.

Правду?

Я сделал изумленное лицо.

— Что за правду?

Дениза наклонилась еще ниже.

— Помнишь, сегодня утром ты сказал полицейскому, что мы видели, как девушка прыгнула с обрыва. Все трое. На этом они особенно настаивали. Но мне пришлось уточнить.

Пока мимо нас шел жандарм, она поправляла свитер на Арнольде, а потом продолжила шепотом:

— Я не видела, как она прыгнула. Я видела, как она падала, разбилась о гальку, и уверена, что тот человек, который сейчас у капитана, видел то же самое. К тому же с того места, где мы стояли, невозможно увидеть, что происходит наверху, на обрыве; жандармы это проверили.

Она смотрела на меня так, словно я еврей, на которого она только что донесла в гестапо, и вид у нее был притворно-жалобный, как у приличной дамы, исполнившей свой долг.

— Понимаешь, мой мальчик, я не могла сказать иначе.

Я повел себя так, как она ожидала: как послушный мальчик.

— Разумеется, мадам. Не беспокойтесь. Не волнуйтесь, расследование не затянется, это всего лишь… самоубийство.

Дениза выпрямилась и еще пристальней уставилась на меня; в ее недоверчивом взгляде читалось, что я самый наивный чувак на свете. Наконец она спустила Арнольда с рук и проследовала к выходу. Ши-тцу бежал за ней, обнюхивая каждую дверь в кабинет и приходя в восторг, словно ищейка-любитель, попавшая в помещение к профессионалам.

Я вытянул свою негнущуюся ногу. В голове царил сплошной бардак. Напротив меня рыжеволосая девица наконец одолела автомат с кофе и, радостная, обернулась. На четверть секунды ее взгляд встретился с моим, но не заскользил дальше, к моей неполноценной ноге. На мой протез не смотрели так же редко, как редко парни смотрят в сторону девушки, не разглядывая при этом ее грудь.

Со стаканчиком кофе в руках она прошла мимо, и ее хорошенькая попка скрылась за поворотом коридора. Девушка была довольно миленькая, а ее веснушчатое лицо неуловимо напоминало лицо юной Марлен Жобер.

— Месье Салауи?

Атаракс пробыл в кабинете добрых двадцать минут. Не сказав ни слова, мы обменялись взглядами на пороге двери, и я вошел в кабинет капитана Пироза.

— Садитесь, месье Салауи.

Я сел. Передо мной, на столе на постаменте из красного дерева стоял огромный макет трехмачтового парусника.

Капитан прокашлялся.

— Точная копия «Рождественской звезды»! Малое двухмачтовое парусное судно, построенное в 1929 году, одно из последних рыболовных судов, вышедших из Фекана до Второй мировой войны. Корабль моего прадеда! Но, как вы понимаете, такие воспоминания нас не омолаживают.

Интересно, Пироз сам смастерил эту модель?

Мне пришлось сделать придурковатый вид. Я вспомнил, как однажды на Рождество получил механическую игрушку от конторы, где моя мать служила официанткой в столовой. Мотоцикл длиной в пятнадцать сантиметров; когда я зажимал его между большим пальцем и указательным и толкал вперед, он сам ехал по ковру. Гениально! В то время мне было двенадцать, но каждый уик-энд я уже занимался починкой «Ямахи V-MAX» моего кузена Латифа.

— Триста часов упорного труда! — продолжал Пироз. — Музей истории рыболовства заказал мне еще одну модель — «Дельфин», последний траулер Фекана.[6] Тогда весь город лил над ним слезы. Но им придется подождать, пока я выйду в отставку; раньше я не начну делать модель. А это случится не раньше чем через год. Им следует набраться терпения, точно?

Я кивнул, толком не зная, что отвечать. Пироз пригладил ладонью волосы.

— Вам ведь наплевать на мои модели, Салауи? «Этот старый дуралей вполне годится для ужина с придурками», — думаете вы. Разве нет?

Я не стал утруждать себя ответом. Я ждал. Я понял, что Пироз ничего не говорит просто так. На его столе, за моделью рыболовецкого судна, высилась стопка досье. Сверху лежала папка зеленого бутылочного цвета с написанным маркером именем, но сразу прочесть его мне не удалось.

Морщины на лбу Пироза внезапно вытянулись.

— Это не самоубийство, месье Салауи.

Мне показалось, что меня с размаху ударили по лицу. Пироз хорошо чувствовал ритм и не дал мне опомниться:

— Мы установили личность жертвы.

Он открыл зеленую папку и протянул мне ксерокопию удостоверения личности.

— Держите, Салауи, это не секретная информация.

Я стал разглядывать удостоверение: разворот и оборот были напечатаны на одной странице.

Магали Варрон.
Родилась 21 января 1995 г. в Шарлебурге, Квебек.
Рост 1 м 73 см.
Особые приметы: нет.

Я постарался запомнить эти данные.

— Мне очень жаль, капитан. Я ничего не знаю об этой девушке.

Пироз, казалось, пропустил мой ответ мимо ушей и продолжил читать досье:

— Она была торговым агентом, рекламировала медицинские товары в регионе Гавра, работала на большую фармацевтическую компанию. Вчера она встречалась с врачами из кантонов Фекан и Крикто-Лесневаль. Судя по ее рабочему ежедневнику, ей оставалось

провести еще несколько встреч. Предположительно она намеревалась переночевать в Ипоре или где-то рядом, но в местных гостиницах ее никто не видел.

Пироз перевернул страницу дела, затем перевел взгляд на меня, словно желая проверить, насколько внимательно я его слушаю.

— Начиная с сегодняшнего утра последовательность событий достаточно ясная. Около пяти утра Магали Варрон искупалась в море. Потом ее изнасиловали, и это, как утверждают судебные медики, произошло до шести утра. Следы спермы во влагалище, синяки на теле, разорванное платье. Ее трусики не нашли до сих пор; скорее всего, это танго цвета фуксии, такого же, как и ее лифчик. Поиски продолжаются. Сумочку тоже ищут. Но ни следа.

Каждое слово Пироза ударом молотка отдавалось у меня в голове.

Разумеется, он сравнил нынешний случай с убийством Морганы Аврил десять лет назад. Сходство в каждой детали. Насилие. Место и час нападения. Возраст жертвы. Купание в море. Исчезнувшие трусы.

Кроме ее смерти…

Я прокашлялся, желая вмешаться и напомнить о деле Аврил, но капитан Пироз замахал руками, давая понять, что он еще не закончил.

— После того как Магали Варрон изнасиловали, ее задушили. — Он сделал долгую паузу. — Шарфом, который был у нее на шее. Вспоминаете? Красный кашемировый шарф в шотландскую клетку, по крайней мере, как мне сказали. Шарф марки «Берберри». Штучка, стоящая целое состояние. Если я назову вам сумму, вы не поверите, Салауи!

8
Вы не поверите?

Послюнявив палец, капитан Пироз провел им по лакированной корме «Рождественской звезды», оставив на ней невидимый след.

Я не стал просить его называть сумму.

Не стал спрашивать, уверен ли он в результатах медицинской экспертизы, уверены ли эксперты, утверждая, что Магали Варрон сначала была умерщвлена с помощью красного шарфа, а потом сброшена с обрыва.

Я промолчал, чтобы не пробудить его подозрения. Я хранил молчание, а перед глазами мелькали картины сегодняшнего утра. Шарф «Берберри», зацепившийся за колючую проволоку возле пешеходной тропинки, моя рука, неуверенно тянущаяся к шарфу и отцепляющая его от проволоки; та же самая рука бросает шарф Магали, рука Магали, которая хватает шарф, дергает за него и исчезает. Тот же самый шарф, только ниже на сто двадцать метров и четыре секунды; шарф, обмотанный вокруг ее шеи.

Расскажи об этом!

В голове чей-то голос отдавал приказ.

Расскажи о шарфе! Расскажи все этому флику. На шарфе найдут биологический материал насильника, но ведь там есть и твой биологический материал. И полиция его непременно обнаружит…

— Капитан Пироз…

Я проглотил слюну.

Что говорить?

Что Магали обмотала шарф вокруг шеи, когда бросилась вниз? Сказать, что я последний, кто касался этого шарфа? Но шарф — прямая улика против меня. Обвинение в насилии. В убийстве. Я вляпаюсь в целую кучу дерьма.

— Что, месье Салауи?

Морщины на лбу Пироза разгладились. Он с неподражаемым спокойствием ждал моего ответа.

— Я…

Я слишком долго колебался и теперь не мог произнести ни слова. Доводы, почему мне надо молчать, потоком обрушились на меня. Пироз говорил о следах спермы, о кровоподтеках на теле Магали Варрон; меньше чем через неделю эксперты определят ДНК насильника, и она скорее всего та же, что и у убийцы Морганы Аврил, десять лет назад. Тогда мне не нужно будет искать оправданий. Тогда и настанет время изложить полиции свою версию.

Внезапно я принял решение сменить курс. Пойти в атаку и сделать отвлекающий маневр:

— Хочу спросить вас, капитан Пироз. Вам не кажется, что сегодняшняя история загадочным образом напоминает дело Морганы Аврил? Ипор, июнь 2004-го. Вам это ничего не говорит?

Пироз выдержал. Вряд ли он предполагал, что удар будет нанесен так быстро, но все же сумел парировать его:

— Вы помните это дело, месье Салауи?

Я стал импровизировать. Речи нет, чтобы сейчас рассказывать о полученном мной по почте пакете.

— Спустя десять лет в Ипоре все еще говорят о нем! Трудно пройти мимо столь явных совпадений, не так ли, капитан? Насилие, купание в море, разорванное красное платье…

Я сделал паузу, показывая, что готов продолжить перечисление.

— Красный кашемировый шарф, — добавил Пироз. — В обоих случаях одно и то же орудие убийства… — Он смотрел мне прямо в глаза. — Разумеется, месье Салауи, мы провели сравнение с делом Морганы Аврил. Поверьте мне, мы над этим работаем… Но, как вам известно, той истории уже более десяти лет… А сейчас, если вам угодно, вернемся в день нынешний и сосредоточимся на убийстве Магали Варрон.

Пироз перевернул еще одну страницу досье, словно давая мне время на раздумье. Я как мог постарался продолжить в том же тоне:

— Когда я встретил Магали на вершине обрыва, она была жива. Я, видимо, помешал ее насильнику, и он не смог задушить ее. Ну, не совсем…

Капитан смотрел на меня долгим изучающим взглядом. Морщины на его лбу приняли форму буквы V, словно указуя на листы медицинской экспертизы.

— Эта версия не поддерживается медэкспертами, месье Салауи. Они считают, что Магали умерла от удушья, и только потом была сброшена вниз на каменистый пляж…

Пироз сделал передышку, позволив себе улыбнуться:

— Но я согласен с вами, сомнения имеются. Речь идет о нескольких минутах. Сейчас мы поговорим об этом. Лаборатория все еще раз проверит. И мы тоже, месье Салауи. Мне необходимо подробнейшее описание Магали Варрон. Расскажите, как она выглядела, когда вы встретили ее сегодня утром.

Капитан выспрашивал обо всем очень подробно. Точное место встречи, порванное платье, несколько слов, произнесенных Магали.

Не приближайтесь.

Если вы сделаете хоть шаг, я прыгну…

Вы не поймете. Идите своей дорогой.

Уходите! Живо уходите.

Пироз просил описать каждый взгляд Магали, каждый ее жест. Он все записывал, и процедура заняла более десяти минут.

— Хорошо. Очень хорошо, месье Салауи.

Склонившись над кораблем, он кончиком указательного пальца переместил миллиметров на пять крошечного рулевого на «Рождественской звезде».

— Теперь, если вы не возражаете, немного поговорим о вас.

Он взял листок из зеленой папки. Я узнал шапку бланка клиники терапии Сент-Антуан.

Черт побери!

Пироз взял меня за горло:

— Вы работаете в психиатрической лечебнице, месье Салауи?

— Нет, капитан! В терапевтическом и воспитательном учреждении. Там не принимают чокнутых, только трудновоспитуемых, тех, кто страдает от собственного неуравновешенного характера.

— Вы принадлежите к числу воспитателей?

— Нет, капитан.

— Вы терапевт?

— Никак нет. Я занимаюсь обслуживанием. Машины, дверные ручки, протечки кранов, все в таком роде. Площадь здания восемьсот квадратных метров, площадь сада в три раза больше; настоящий парк Шести прыгунов.

Капитан оторвал ручку от бумаги, ему было явно наплевать на мои разъяснения.

— Вы давно в Сент-Антуане?

«Вы давно» — спросил он, не «вы давно там работаете». Я понял намек. Я достаточно наигрался в прятки. Моя негнущаяся нога нервно ерзала по плитке пола.

— Я хочу расставить точки над «i», капитан. Мое детство прошло не в этом учреждении. Я не маленький псих, которого не знали куда девать, когда ему исполнилось восемнадцать, а потому оставили в доме. У меня есть диплом о среднем образовании по специальности «Обслуживание общественных зданий». Меня взяли на работу в клинику шесть лет назад.

Пироз подул в сторону стоявшего на столе парусника, словно сдувал с него пыль. Удовлетворенный тем, как надулись паруса, он погрузился в записи.

— Превосходно. Вы работали в Доме инвалидов, откуда в 2008-м вас пригласили на работу в Сент-Антуан. Ваши работодатели предоставили мне подробную информацию. Вас наняли при укомплектовании штата в 2008 году.

Этот кретин меня достал. По его тону я понял, какие пункты из моей характеристики ему запомнились — словно он подчеркнул их своим флуоресцентным фломастером.

Джамал Салауи.

Араб. Инвалид. Работает у психов…

Идеально подходит на роль убийцы.

К списку повседневных мучителей, к злобным божкам, преподам-садистам и начальникам-фашикам надо добавить: реакционеров-полицейских…

Пироз положил в папку еще один листок.

— Месье Салауи, сегодня утром у нас было не слишком много времени, тем не менее мы сумели дозвониться до вашего непосредственного начальника — Жерома Пинелли.

— Он в отпуске!

Впервые Пироз показал мне свои желтые зубы. Оскал напоминал улыбку.

— Я отыскал его в Куршевеле. Он ехал на подъемнике по склону Ла Танья, направляясь в сторону черной трассы Жокей. Он все подтвердил.

Что подтвердил этот кретин?

Пришла моя очередь «расстреливать» Пироза взглядом.

— Вашу личность, месье Салауи. Вашу должность в Сент-Антуан. Плюс в вашу пользу — у вас нет судимостей; впрочем, иначе вы бы не могли работать с подростками в специализированном учреждении. Это значит…

Мне ужасно хотелось одним щелчком опрокинуть все крошечные разрисованные фигурки, выставленные на палубе «Рождественской Звезды».

— Что значит?

— Жером Пинелли выразил сомнение.

Что еще этот засранец мог придумать?

— Сомнение?

— Он рассказал мне об Офели Пароди. Пятнадцатилетней девочке, поступившей в учреждение полтора года назад.

Скотина! Вот так, запросто, на лыжах и с солнечными очками на морде, сдать меня

фликам. Впрочем, морда Пинелли больше напоминает задницу.

Пироз сделал выводы. Они с Пинелли наверняка быстро поняли друг друга.

— Он высказал предположение, что вы близки с этой Офели, излишне близки, как говорят психиатры в Сент-Антуане. Вас неоднократно вызывали по этому поводу…

Нет, никакой не щелчок, чтобы сбросить разрисованных куколок. Размахнуться, как при пощечине, и тремя взмахами сбить все мачты — только для того, чтобы посмотреть, как Пироз станет бушевать.

Это будет настоящий цирк!

Однако, к собственному удивлению, я сохранил спокойствие. Быть может, из-за Офели: воспоминание о ней успокоило меня.

— Надо перепроверять информацию, капитан. Начальник — не всегда самое подходящее лицо для сбора сведений о подчиненных, у меня много коллег, которые думают обо мне иначе, чем Жером Пинелли. Но… я совершенно не понимаю, какая связь между моей работой в Сент-Антуан и смертью Магали Варрон. Выражайтесь точнее, капитан Меня в чем-то обвиняют? В чем? В том, что я столкнул девушку в пропасть? Изнасиловал ее, пока вы там стояли?

Пироз медленно пригладил волосы. Негодяй давно ждал, когда я взорвусь.

— Спокойно, спокойно, месье Салауи, — неторопливо закрыв папку, произнес Пироз. — Чтобы устранить недомолвки, скажу, что пока вы проходите по делу как главный свидетель. Единственный, кто видел, как Магали Варрон по доброй воле прыгнула вниз, единственный, кто говорил с самоубийцей; впрочем, версия самоубийства пока противоречит данным медицинской экспертизы…

— Что значит «пока»?

— Подумайте сами, месье Салауи. Согласно всем сведениям, которые мне удалось собрать о вас, самым разумным со стороны следователя было бы посадить вас под замок.

Ошарашенный, я откинулся на спинку стула.

— Вы быстро бегаете, месье Салауи, даже на одной ноге, и это отмечено в вашем досье. Если вы являетесь насильником, а я позволю вам улизнуть…

Пироз почувствовал, что переиграл меня. И не лишил себя удовольствия сообщить об этом.

— Так вот, прежде чем обвинять меня в поспешных выводах, месье Салауи, поразмыслите сами над ситуацией. Вашей ситуацией! Я беру на себя риск оставить вас на свободе, подожду несколько часов, необходимых для проведения генетической экспертизы. Но завтра в 14.00 я хочу снова видеть вас у себя, в этом кабинете.

Внезапно он встал, схватил зеленую папку, обогнул стол и встал у меня за спиной.

— Что с вами случилось, месье Салауи?

— Как «что»?

— С ногой, я хочу сказать.

Мне не понравилось, как он на меня смотрит.

На столе Пироза на стопке досье лежал листок. Он заинтересовал меня. Белый листок с табличкой из четырех клеточек посредине; в клеточки вписаны восемь цифр:

2/2 | 3/0
0/3 | 1/1

Математическая головоломка? В последние месяцы перед выходом в отставку Пироз увлекся разгадыванием судоку?

— Вы не ответили, месье Салауи.

Чтобы говорить с ним, мне пришлось повернуть голову.

— Простое недоразумение, капитан. Какой-то полицейский выстрелил в меня. Я убегал после вооруженного ограбления, отделение Народного Национального банка на улице Суффло, в пятом округе. Я уже тогда бегал быстро, но, получается, недостаточно. А не привлекался я потому, что меня не узнали. На мне была маска Бетти Буп…[7]

— Вы смеетесь надо мной?

— Нет, просто не люблю нагнетать.

Пожав плечами, Пироз вернулся за стол и выдвинул ящик.

— Держите, если уж заговорили о Бетти Буп…

И сунул мне в руки старый номер «Плейбоя».

— Сейчас вы прогуляетесь в комнатку тут рядом и наполните мне пробирку…

— Спермой?

— Ну да. Не взбитыми же сливками.

Приказ Пироза показался мне совершенно немыслимым.

— А это обычная процедура?

— Чего вы хотите, Салауи? Чтобы я задержал вас?

— А если я откажусь?

Капитан вздохнул.

— А зачем вам отказываться, Салауи? Если во влагалище Магали Варрон нашли не вашу сперму… Прошу вас также протянуть мне руки, я сам состригу у вас кусочек ногтя и несколько волосков.

Я скатал «Плейбой» в трубочку. Он прав. Мне не в чем себя упрекнуть. После того как они сравнят мою ДНК с ДНК насильника, все станет гораздо проще. Тогда я заставлю и Пинелли, и Пироза, и всех остальных сожрать все их оскорбления…

По крайней мере, мне так казалось.

Тогда я не мог думать иначе.

Моя сперма, мои волосы, мои ногти…

Я не касался той девушки, даже не приближался к ней.

С тех пор я несколько раз вспоминал взгляд Денизы, когда я рассказывал ей о самоубийстве Морганы Аврил. Взгляд, где читалось ужасное разочарование, что я оказался таким наивным…

Она была права.

Наивный…

Быть невиновным, не сделать ничего плохого, знать, что тебе не в чем себя упрекнуть. Но этого недостаточно.

Нет дыма без огня. Улики ничего не значат, ничего не значит истина, сомнение прокрадется везде.

Несмотря ни на что.

Несмотря на вас?

Ибо, если поразмыслить, разве не проще поверить версии жандармов и экспертов, чем версии какого-то араба, да еще и инвалида, работающего у психов?

9
Нет дыма без огня?

— Он не принимает монеты по пять сантимов… А по двадцать — глотает, я уже пробовала. Он принимает только один евро и не возвращает сдачу.

Я оторвался от автомата с кофе и обернулся, чтобы узнать, кому принадлежит женский голос у меня за спиной.

— Все флики — мошенники! — добавил голос.

Это была та самая рыжеволосая девушка. Юная Марлен Жобер. Она улыбалась мне во все личико, напоминавшее мордочку землеройки. Два черных живых глаза, маленький вздернутый нос, розовые губки, за которыми виднелись молочной белизны зубы; не хватает только тонких нейлоновых усов, торчащих из покрытых веснушками щек.

Я тоже улыбнулся ей.

— Полностью согласен.

Следуя ее совету, я бросил в щель монетку в одно евро и заказал большую чашку кофе без сахара. Она протянула мне стаканчик. Я выпил.

— Они маринуют меня уже сорок пять минут! А вас?

— А я отделался… По крайней мере, на сегодня. Но чувствую, что придется приобрести абонемент…

Маленьким розовым язычком она, словно мышь, облизала край стаканчика. Прелестное зрелище, напомнившее мне фотографии на почтовых календарях, которые моя мать вешала над раковиной. Кошечки, лакавшие молоко из плошек, девчушки в балетных пачках возле пианино. Фотографии моих детских очаровашек.

Девушка с любопытством меня разглядывала.

— Что вас сюда привело?

Я промедлил с ответом не более секунды.

— Свидетель. Какая-то девица бросилась с обрыва в Ипоре. Я был там как раз, когда она прыгала, но я ничего не мог сделать.

Она поджала губы. Ее глаза лесной мыши потускнели.

— Да, невесело. А… известно, почему она это сделала?

— Есть подозрения. Согласно проведенному расследованию незадолго до самоубийства ее изнасиловали. И пытались задушить.

— Боже мой…

Испуганным жестом мышка прикрыла рукой ротик, но быстро опустила руку. Ей явно нравилось играть.

— Надеюсь, вы хотя бы не насильник?

Вот это да! Я обожаю такую манеру ведения разговора. Так мы разговариваем с Ибу. Настоящий коктейль, четко отмеренное сочетание лукавства и черного юмора.

— Нет, не думаю. Но скоро это станет ясно, я только что сдал полиции свою сперму…

На минуту она задумалась, словно пыталась представить себе субъекта, мастурбирующего за занавеской в соседнем кабинете. Окинув меня оценивающим взором, она дошла до промежности, спустилась до колен, но ни разу не подала виду, что заметила мою железную ногу.

Превосходно, мисс! Уверен, ее привлекла именно моя искусственная нога. Мое отличие.

Тип девушек, которые обожают все, что выходит за рамки обычного. Ее две черные точки уставились прямо на меня.

— Хорошее известие! Даже если вы окажетесь насильником, надеюсь, еще пару минут я могу чувствовать себя в безопасности в вашем обществе. Лев насытился.

Я посмотрел на часы.

— Не стоит меня недооценивать… Подвергнуться сексуальному насилию в жандармерии… В этом что-то есть, как вы считаете?

Я расхохотался, но землеройка явно не была в этом твердо уверена, как пыталась сделать вид. Ее мелкие белые зубки вцепились в край пластикового стаканчика. Я решил продолжить разговор, пока она не шмыгнула в какую-нибудь дыру.

— А вы?

— Что «я»?

— Какого черта флики заставляют вас ждать сорок пять минут?

Вместо ответа она изогнулась и вытащила из заднего кармана джинсов смятый листок.

— Я жду печать. Разрешение собирать гальку на пляже.

— Простите?

Она рассмеялась.

— Теперь моя очередь удивлять вас!

Она протянула мне руку.

— Мона Салинас. Несмотря на несерьезный вид, я девушка строгая и занудная. Докторант по экспериментальной химии. Я получила стипендию от группы «Панши-Компьютер Текнолоджи», многонациональной индо-американской корпорации, специализирующейся на электронных составляющих информационных систем…

— А какая связь с галькой?

Она терзала в руках стаканчик. Мне казалось, она нервничает, возможно, из-за моей истории про изнасилование.

— Предоставляю вам самому догадаться…

Она вызывающе посмотрела на меня.

Связь между информатикой и галькой? Представления не имею! Однако я сделал вид, что думаю. Как ни странно, мне нравились девушки усидчивые, отличницы, зубрилы. Большинство парней, с которыми я корешился в Ла-Курнев, бежали от них как от чумы… А я — нет. Я заметил, что, когда знакомишься с такими девушками поближе, с ними гораздо веселей, чем с обычными пустышками. И они вовсе не неприступны. Но девушки-докторанты, да еще и по экспериментальной химии, редко ко мне обращались.

Моя землеройка начала проявлять нетерпение:

— Вы что, язык проглотили?

С растерянным видом я кивнул.

— О’кей! — бросила она. — Попробую просветить вас. Кремний является необходимым составляющим информационных технологий. Он служит электропроводником. Вы когда-нибудь слышали про Силиконовую долину в Соединенных Штатах? Название «силикон» происходит от латинского названия кремния, а вовсе не от накачанных силиконом бюстов калифорнийских дамочек.

Ну вот! Глаза мои непроизвольно, на четверть секунды скользнули к расстегнутой пуговице ее блузки, приоткрывшей ложбинку между ее маленькими грудями спортсменки, белыми, с рыжими веснушками. Молоко и мед.

Подобно канатоходцу, я чудом обрел равновесие на нити нашей беседы.

— Наверное, я совсем дурак, раз никак не могу связать ваш кремний с галькой.

Мое смущение ее забавляло.

— Терпение. Сейчас объясню. Кремний, иначе силициум, не существует в чистом виде… Вы следите за моими словами?.. Только в связанной форме. Галька! А галька побережья Ла-Манша содержит самый высокий процент кремния в мире.

— В самом деле?

— Научно доказано. Сегодня мировой столицей добычи гальки является Кайе-сюр-Мер, в Пикардии… Но жители Нормандии уверяют, что их галька еще богаче кремнием… Самые большие запасы кремния на земле и по количеству, и по качеству.

Я представил себе движущиеся вереницы серых камешков, обкатанных равнодушным морем. Однако вообразить, что в этих камешках содержатся сокровища, необходимые для производства продукции высоких технологий, я не смог.

— А разве нужно разрешение полиции, чтобы собирать гальку?

— Да! Целый век гальку вывозили тоннами для строительства здешних дорог, домов и церквей. Но недавно заметили, что галечник является своеобразной защитой для скалистого побережья и всего, что на нем построено. Так что сегодня все, хватит! Сбор гальки строго запрещен, надо получать специальное разрешение.

— Даже громадной многонациональной индо-американской компании, способной принести в регион инвестиции.

— Вы все прекрасно поняли. Мне нужно всего несколько сотен камешков. Чтобы вы лучше себе представляли, кремний, используемый в электронной промышленности, должен быть беспримесным на 99,9999999 %. — Она произносила девятки, словно выпускала маленькие мыльные пузырьки. — Это современный стандарт, но «Панши», моя лавочка, хочет получить еще более чистый кремний! Еще на две или три девятки больше. В этом и заключается моя работа: узнать, можно ли получить искомые дополнительные цифры после запятой, если использовать гальку Фекана, Ипора или Этрета.

— У вас с собой маленькая химическая лаборатория?

— Да! Молоток, пинцет, пробирки, микроскоп и ноутбук, начиненный кучей сложных программ…

Мне очень хотелось остаться с ней. Я мало что понял из ее рассказа, возможно, своим кремнием и девятью цифрами после запятой она просто заговаривала мне зубы; но мне это нравилось! Мне казалось, это просто гениально — понять, что такие серые штуковины, как обкатанные морем камни, являются настоящими сокровищами!

Мы молча допили наш кофе. Теперь, если Мона хочет поддерживать разговор, пришел ее черед спрашивать, как меня зовут и что меня занесло в Ипор. Я готов расписать ей в деталях ультрамарафон вокруг Монблана и свой будущий небывалый подвиг, который войдет в анналы паралимпийского спорта.

Молчание затягивалось.

Я бросил свой стаканчик в мусорную корзину.

Попал.

Она последовала моему примеру.

И тоже попала.

Я понял, что Мона не сделает ни шагу навстречу.

— Очень рад познакомиться с вами, Мона. Надеюсь, до скорого? Быть может, вы завтра

будете ждать свою печать, а я вернусь сюда уже в наручниках…

Она положила руку мне на плечо и, приблизив губы к моему уху, прошептала:

— Интуиция мне подсказывает, что мы увидимся раньше, чем наступит завтра.

Я молча наслаждался прикосновением ее руки. Эта девушка обожала играть в загадки, ответы на которые я не знал.

— У меня хорошая интуиция. Она говорит мне, что вы остановились в Ипоре. Гостиница «Сирена», комната 7.

Она знала обо мне слишком много. Колдунья, замаскированная под землеройку, чтобы было легче шпионить за мной. Такая же любопытная, как полицейские ищейки. Пироз напоминал кошку, а она мышку.

— Откуда вы знаете?

Она снова склонилась ко мне. Когда ее крашеные оранжевые ноготки коснулись моей ключицы, мне показалось, что по плечу пробежал хомяк.

— Моя интуиция! Беззащитные газели вроде меня должны быть хорошо осведомлены, чтобы выжить в обществе хищников вашей породы.

Резко отстранившись, она посмотрела на часы.

— Тринадцать минут! Я должна вас покинуть. Лев скоро проснется, а в вашем обществе я не чувствую себя в безопасности.

— Я не стану есть вас здесь. На глазах у жандармов.

— Здесь нет. А потом?

Потом?

Судя по ее виду, Мона по-прежнему не собиралась подсказывать мне отгадки. Сделав три шага по коридору, она подошла к одному из кабинетов.

— Мне жаль расставаться с вами, но мне действительно надо, чтобы флики подписали мне эту чертову бумажку!

— Тогда удачи!

Я пошел по коридору к выходу. Перед тем как войти в кабинет, Мона повернулась ко мне и, как ни в чем не бывало, загадочно произнесла:

— До вечера! Не опаздывайте.

10
До вечера?

Автобус высадил меня в Ипоре на площади Жан-Поль Лоран; дальше путь его лежал в Гавр. Всего-то четверть часа в пути и почти три часа ожидания в Фекане. У меня осталось время обдумать вопросы Пироза. Я почти успокоился. Сперма насильника, его отпечатки, совпадения с убийством Морганы Аврил десятилетней давности — все это доказывало (должно было доказать!), что я тут ни при чем.

Я старался не думать о сомнительных моментах…

Они должны проясниться. Вместе с приливом. Словно закатное солнце, чьи заходящие лучи расщипывали облака на радужные кружева. Тот самый свет, который так привлекал импрессионистов! Я обязан его узнать, даже если я ни разу не был в музее. В Ипор стоит возвращаться хотя бы только ради этого света.

Двигаясь в сторону моря, я думал о Моне. Ее образ сопровождал меня всю дорогу, четко очерченный профиль на фоне заходящего солнца… У нее не было того трагического изящества, как у Магали Варрон, той отчаянной красоты, которая действует на вас, как удар ножа в сердце. Нет… Мона, скорее, напоминала приятеля, с которым приятно выпить пива. Просто приятель иного пола. С таким приятелем неплохо также разделить постель, и это будет столь же просто, как выпить с ним пива. Может, это и есть любовь…

Любовь, какой ее видят брутальные мужчины.

Насколько мне известно.

Я прошел мимо мясной лавки. Из-за витрины на меня подозрительно смотрела хозяйка. Словно своим протезом я намеревался разбить тротуар перед ее магазином.

Дурища!

Образ Моны вытеснил образ хозяйки лавки.

Почему она проявила ко мне интерес?

Почему она вообще заговорила со мной?

Потому что нет ничего более естественного, чем интерес, проявленный мужчиной и женщиной одного возраста друг к другу? Особенно если они встретились в глухой дыре, где оба чувствуют себя чужаками? Вряд ли. Я никогда не мог отделаться от чувства неполноценности, очень похожего на чувство вины. Почему эта девушка заинтересовалась мной, когда я не представлял для нее ни малейшего интереса? Тут столько других чуваков, есть из кого выбрать. Есть получше меня…

Я сошел с тротуара, уступая дорогу двум старушкам с палочками, которые двигались мне навстречу.

В феврале Ипор напоминал дом отдыха для лиц преклонного возраста, аккуратный дом престарелых на берегу моря, разбитый на множество павильончиков. Нет, не дом престарелых, а старую даму. Бабушку, которую навещают в хорошую погоду по воскресеньям, а на каникулах привозят внуков, чтобы они немножко пошумели и болтовней своей повеселили ее. Бабушку, у которой есть большой, заросший сорной травой сад со скрипучими качелями.

Ипор напоминал мне мою бабулю Джамилю. Не потому, что она когда-то жила на берегу моря, то ли в Эссауире, то ли в Агадире. Вовсе нет! Она жила в Драней, в башне Жерико, за Периферийным бульваром, но у нее тоже был большой сад — общественный сад,

за которым она наблюдала со своего шестого этажа. Я ходил туда с кузенами, когда мне еще восьми не было, и этот парк развлечений был для нас словно уголок парка Диснея. Когда я там был в последний раз, там по-прежнему работали аттракционы, лошадка на пружинке, веревочный мост, но теперь вокруг детской площадки сидели одни старики, внуков не было, и им не нужно было ни за кем следить. Если бы вдруг там появился какой-нибудь малыш, они уставились бы на него, как на экзотическое животное, внезапно объявившееся в зоопарке для пенсионеров.

Я спустился к морю. В лицо мне подул ветер. Еще два десятка метров — и я в «Сирене».

Мона пробудила мои детские воспоминания, и я не знал почему.

Когда я вошел в гостиницу, передо мной вырос Андре Жозвиак.

С широченной улыбкой на лице.

И пакетом в руке.

Я сдавил пальцами гипсовое украшение, прилепившееся над деревянной обшивкой стены, украшенной рыболовными сетями. Разглядел на пакете штемпель UPS, американской компании, специализирующейся на экспресс-доставке. Рассыльный, должно быть, принес его сегодня после полудня. Андре усмехнулся.

— Для того, кто никогда не получает писем… ты написал роман, а издательства тебе отказали и возвращают рукописи?

Он протянул мне пакет. Я увидел свое имя, узнал почерк, тот же, что и на утреннем конверте. Коричневая бумага.

Андре не унимался:

— Ты завел новую подружку, и твои бывшие теперь возвращают тебе любовные письма?

Я схватил пакет и поспешил к лестнице, ведущей ко мне в комнату.

— Спасибо, Андре.

Он никогда не остановится.

— Копии для правки? Ты получил диплом преподавателя, и тебе предлагают места в частной школе?

Я обернулся, чтобы ответить так, как он ожидал.

— Это каталоги товаров, которые заказывают по почте. Медицинские каталоги. Фотографии исключительно левых ног из пластика.

Громовой хохот хозяина гостиницы достиг лестницы.

— Обед в девятнадцать часов.

На кровати валялся вскрытый пакет.

То же самое содержимое, что и утром. Вырезки из газет, подробный отчет капитана Грима, показания свидетелей.

Продолжение дела Морганы Аврил. Отправитель умело дозировал тревожное ожидание…

Разложив листки, я погрузился в чтение. Раз мой таинственный корреспондент хочет сыграть на моем любопытстве, не стану лишать его удовольствия.

* * *

Дело Морганы Аврил — Июнь 2004-го

Несмотря на молодость и отсутствие опыта, капитан Филипп Грима доказал, что его

методы необычайно эффективны. Менее чем за три дня после смерти Морганы Аврил в Ипоре 90 % жителей мужского пола в возрасте от пятнадцати до семидесяти пяти согласились сдать в жандармерию биологический материал. Этот процент охватывал почти 70 % молодых людей, посетивших фестиваль «Рифф и Клифф» (323 образца спермы, чтобы быть точным). Разумеется, ни одна ДНК не совпала с ДНК насильника.

Капитан Грима быстро сообразил, что столь емкая по времени процедура, в сущности, принесла смехотворные результаты. Абсурдная версия, предполагающая, что убийца добровольно пойдет на сотрудничество с полицией и сдаст сперму, которая его выдаст. Однако эта процедура позволяла снять обвинение с близких Морганы, настаивал судья Надо-Локе, и исключала из списка подозреваемых множество мужчин, а значит, затягивала сеть.

Капитан Грима лично участвовал в допросах главных свидетелей, включая тех, с кого благодаря анализу ДНК сняли подозрения. Первые дни он проводил на работе по двенадцать часов, затем стал возвращаться домой только ночевать. Он подогревал еду и ел на коленке, потому что на другой коленке лежала головка его малютки Лолы. В конце концов он стал засыпать даже на допросах свидетелей, даже в объятиях своей четырехмесячной дочери. На время расследования его жена Сара выставила его на улицу, и три недели, с 21 июня по 12 июля 2004 года, он спал на раскладушке в кафетерии жандармерии. Раз в три дня он навещал свою маленькую семью и приносил с собой круассаны.

У него крепла уверенность в правильности своей версии. Этому способствовал график увеселительной поездки Морганы Аврил, расписанной буквально по минутам. Несмотря на свои девятнадцать лет, 5 июня 2004 года Моргана впервые отправилась развлекаться на всю ночь. Ее мать, Кармен, согласилась отпустить ее только потому, что с ней ехал ее двадцатитрехлетний друг Николя Граве, тот, кто сидел за рулем «Рено Клио», студент последнего курса лесохозяйственного факультета Высшей школы в Меньер-ан-Брэ. Она также просила Осеан, свою вторую дочь, присмотреть за Морганой и двух других пассажиров «рено» — девятнадцатилетнюю Клару Бартелеми, работавшую помощницей учительницы в начальной школе Шарль Перро в Нефшателе, и Матье Пикара двадцати одного года, студента-медика третьего курса.

Приятная компания. Вполне разумная…

Хронология событий подтверждала версию Грима. Выехав из Нефшатель-ан-Брэ около шести часов вечера, они через час с небольшим прибыли в Ипор. На набережной закусили кебабами, посидели на камешках перед казино, как сотни других юных участников фестиваля «Рифф и Клифф», а затем отправились на концерт. Праздничная обстановка, но без излишеств. Моргана вела себя возбужденно, это было не слишком заметно.

Фестиваль завершился выступлением популярной местной группы «История А», ставшим апофеозом вечера. В час ночи диджеи устроили перерыв.

Тогда Моргана, если верить словам Матье и Николя, сама стала отжигать.

Приват-танец, двусмысленные позы…

Николя и Матье утверждали, что пытались ее урезонить, но она выпила много пива. Хотя, если верить экспертизе, в ее организме нашли изрядное количество алкоголя. Достаточно, чтобы Моргана стала неуправляемой.

Николя Граве и Клара Бартелеми довольно быстро признались, что с двух часов и до утра они целовались и ласкали друг друга на одном из диванчиков в зале дискотеки. Поездка

была для них предлогом, а трое пассажиров — алиби: они тайно встречались уже несколько недель. Исчезновение Морганы они заметили только тогда, когда в зале началась паника, примерно в шесть утра, после того как какой-то очумелый тип стал бегать вокруг диванчиков и орать:

— Там труп! Господи, труп на пляже!!!

Матье и Осеан наблюдали. К трем часам утра они заскучали и покинули танцпол. Между тремя и четырьмя они еще пытались разговаривать, перекрывая децибелы музыки и потягивая вино. Эскапады Морганы их не волновали; последний раз они видели ее на танцполе где-то около половины четвертого. Матье Пикар с самого начала был уверен, что одна она не останется, и когда она исчезла из виду, не стал беспокоиться. Зал Си-Вью, выходивший на набережную, ставшую дополнительной танцплощадкой, превратился в настоящий поцелуедром… Матье Пикар доверительно сообщил, что пытался подбить клинья к Осеан, впрочем, без особой надежды, тем более что в тот вечер она выпила больше, чем обычно. С сестрой Морганы они дружили с детского сада, но она была не из тех, кого устраивал флирт на один вечер. В отличие от Морганы. В этом вопросе Осеан больше походила на мать. На Кармен. Кастратка, иного слова он для нее не нашел.

В результате капитан Грима обнаружил черную дыру продолжительностью в два часа — между 3.30 и 5.30, от момента исчезновения Морганы до обнаружения ее трупа.

Не совсем два, если быть точным. Гардеробщица в Си-Вью, Соня Тюро, маленькая блондинка с глазами куклы Барби трэш в стиле готов, вспомнила, что видела, как около 3.40 Моргана выходила покурить. Соня уверяла, что она ничего не путает. По ее словам, в тот вечер Моргана была самой заметной клиенткой. По лицу струился пот, облегающее платье задралось на вспотевших бедрах, тонкая, на грани приличия ткань платья не скрывала нижнего белья цвета фуксии.

— На ней были трусики и лифчик, — уверенно подтвердила Соня.

— Вы очень наблюдательны! — сделал ей комплимент Грима.

— А то, капитан! Я бы с удовольствием пощупала, как она под ними устроена!

Ответ Сони прозвучал так естественно, что поставил капитана в тупик, тем более что ее внимательный взгляд, устремившись между ног капитана, подразумевал, что у нее нет сексуальных предпочтений. В следующий раз — а Соню пришлось еще раз вызывать в полицию — он доверил ее допрос полицейскому, которому скоро в отставку.

«Выход на площадку для курения»…

Капитан долго раздумывал над этим фактом.

Моргана Аврил не курила…

Новый тупик.

Очень скоро интуиция подсказала капитану Грима, что пора начать вести следствие с другого конца. Надо не искать новых свидетелей, не восстанавливать поминутно каждый шаг Морганы Аврил, а сосредоточиться на орудии убийства.

Шарф «Берберри».

19 июля 2004 года судья Надо-Локе письменно поздравил Грима с новым подходом к расследованию дела, хотя в перспективность новой версии не верил никто, кроме самого капитана.

Шарф. Полоска ткани стоимостью более четырехсот евро.

Грима высвободил время для проверки показаний всех свидетелей, собрал воедино все версии, исключив все, не имевшие отношения к делу или звучавшие слишком

неправдоподобно.

В результате трое заслуживающих доверия свидетелей вспомнили о шарфе «Берберри».

Завидев полицейского с седой головой, гардеробщица Соня Тюро сначала сделала козью рожу, но в конце концов вспомнила клиента, которого определила как «папенькиного сынка». «Загорелый» — все, что она смогла сказать о его внешности. Определения «смуглокожий», «магребинец», «метис» и тому подобные, предложенные ей пожилым жандармом, она категорически отвергла.

— Когда на роже мелькает зеркальный шар, мой сладкий, я не могу измерить толщину слоя пудры на лице клиента…

Загорелый папенькин сынок сдал свой льняной пиджак и кашемировый шарф в гардероб. Такая одежда редко встречается во время рок-фестивалей, поэтому Соня его и запомнила.

— Шарф был красный? Марки «Берберри»?

Марку она не разглядывала, но, насколько помнит, действительно, похоже, «Берберри». Соня не видела, когда тип ушел, одежду наверняка выдала ее сменщица, хотя та тоже этого не помнила. Капитан Грима предположил, что Соня Тюро выдумала таинственного клиента. Для прессы дело Аврил быстро стало «делом убийцы с красным шарфом». Предположение капитана ничем не подкреплялось. Когда Соня Тюро не сидела за стойкой гардероба, она на полном серьезе слушала курс сравнительного европейского права в университете Руана. К тому же два других свидетеля подтвердили ее показания.

После долгих расспросов Мики, временно работающий вышибалой, признал, что в ночь с 5 на 6 июня обходил парковку, слушая, как шум волн перекрывает шум музыки, и видел, как какой-то тип, стоя в тени откоса, курил возле мусорного бака казино; кажется, на нем был пиджак и шарф. Цвет он не смог разглядеть. Точное время, когда он его заметил, он тоже не вспомнил, сказал только, что после трех ночи, когда у него начался перерыв. Ничего другого он сказать не может. Единственное, в чем Мики был твердо уверен, — что тип был один.

— А не ждал ли он кого-нибудь? — спросил Грима.

— Может быть.

— Может, девушку?

— М-м-м… или приятелей. Я продолжил обход.

Мики не смог описать его внешность, только силуэт, который он разглядел, когда тип оказался в середине круга света уличного фонаря и одновременно пучка света электрического фонарика. Из рассказа следовало, что примерно в это время Моргана Аврил ушла с дискотеки… После никто не видел ее в живых.

Третий свидетель — Венсан Карре, двадцать один год, студент-химик — прибыл к семнадцати часам на вокзал в Бреоте, ближайшей к Ипору станции на линии сообщения Париж — Руан — Гавр. Оттуда междугородный автобус доставлял гостей на фестиваль. Венсан рассчитывал воспользоваться автобусом, чтобы на концерте присоединиться к приятелям из клуба любителей настольного тенниса. Он ждал примерно десять минут, стоя рядом с видным парнем, его ровесником, одетым исключительно шикарно: белоснежная рубашка, лаковые штиблеты, пиджак и красный шарф на шее. Его прикид резко контрастировал с одеждой других зрителей фестиваля. Они обменялись парой слов.

— Вырядился, словно принц, — прокомментировал Венсан.

— Девушки любят красавчиков, — объяснил «принц».

— Ты ради девушек приехал сюда или ради музыки?

Венсан Карре хорошо помнил, что тот ему ответил: «Музыки или девушек? Ты это серьезно, приятель? Хорошую музыку услышишь редко, и нового Хендрикса надо искать отнюдь не в Ипоре! А девушки… Вау, девушки хороши везде!»

Пришел междугородный автобус. Венсан не стал садиться рядом с «принцем». Он из другого теста. Оба воткнули в уши наушники mp3-плеера. Конец эпизода.

На дискотеке Венсан еще раз увидел типа в шарфе. Тот вместе со всеми двигался на танцполе и чаще, чем другие, подкатывался к Моргане, самой красивой девушке на вечеринке; впрочем, тогда Венсан еще не знал, как ее зовут. Ежу понятно, что тип к ней клеился.

На танцполе шарфа на нем не было. Десятки других свидетелей подтвердили, что вокруг Морганы крутился какой-то парень. Осеан и Матье тоже его заметили. Все, включая Венсана, собрались вместе, чтобы составить фоторобот. Красивое лицо, слегка квадратное, карие глаза, смуглая кожа, как у уроженца Магриба, хотя в точности сказать трудно. Фотограф два дня работал над созданием фоторобота: портрет получился невыразительным и без характерных особенностей. Все же его распечатали и расклеили повсюду. Поступили сотни сигналов, все проверили, но безрезультатно. Капитан Грима сомневался в сходстве полученного портрета. Ведь ни в полутемном зале дискотеки, ни после ни у кого из свидетелей не было оснований запоминать его лицо.

На следующее утро Венсан Карре снова увидел неизвестного с красным шарфом. Только что обнаружили труп Морганы Аврил, Ипор бурлил, полицейские прочесывали городок. Тип в пиджаке стоял напротив булочной на площади Жан-Поль Лоран. Венсан торопился, потрясенный случившимся; вернувшись в два часа ночи, он рухнул на кровать и заснул, но выспаться не успел, так как его скоро разбудили. На пляже нашли мертвую девушку! Изнасилованную! Ему, как и всем остальным молодым людям, пришлось идти в полицию, предъявлять документы и сдавать анализ ДНК. Когда Венсан Карре проходил мимо того типа, он еще не знал подробностей преступления. Ни кто убил, ни как.

Тип приветственно помахал ему рукой. Он его узнал. Но если бы он не махнул рукой, Венсан не обратил бы на него внимания. Как ни странно, они не говорили об убитой девушке, Венсан Карре не знал, почему. Единственное объяснение, которое пришло ему в голову, — ему показалось, что неизвестный не в курсе случившегося. Или же ему наплевать.

— Тебе понравился концерт? — спросил Венсан.

Тип расхохотался.

— Еще спрашиваешь…

— А как местные девушки?

— Хорошенькие. Очень хорошенькие.

— Да, я видел, как этой ночью ты выбрал отнюдь не самую большую дурнушку…

— И не самую большую ледышку, уж можешь мне поверить…

Венсан Карре решил, что тип выпендрежник. Еще он заметил, что красного шарфа на нем не было.

— А где твой шарф?

— Я оставил его цыпочке. На память, — ответил тип.

— Рассчитываешь снова с ней увидеться?

— С чего бы это…

Он усмехнулся. Потом психологи раз сто просили Венсана описать этот смешок во всех

подробностях, со всеми нюансами.

Смех спонтанный? Вымученный? Циничный? Садистский?

Венсан не мог ответить. Он только помнил, что сказал тип в ответ на его последний вопрос.

«Ты вернешься на автобусе?» — спросил Венсан. «Нет, я поеду к своим старикам. У них небольшая дачка на нормандском побережье».

Вот он, ключ к делу Морганы Аврил!

Разумеется, показания Венсана Карре проверили. Они оказались точными, хотя, восстанавливая по часам и минутам его времяпрепровождение, полицейские обнаружили пробел: оставив приятелей по теннисному клубу догорать до конца вечера, Венсан около двух часов отправился спать. На него это не похоже…

Капитан Грима задал ему вопрос. Венсан Карре ответил, что он очень устал, что у него выдалась тяжелая неделя. Когда его спросили об этом еще раз, он занервничал и раздраженно заметил, что, будучи единственным свидетелем, сумевшим хотя бы немного продвинуть следствие, он не ожидал, что его станут подозревать. Он прав, у Грима не было никаких оснований подозревать Венсана Карре больше, чем любого другого посетителя дискотеки в Си-Вью. Тем более что его ДНК не совпала с ДНК насильника.

Итак, искали молодого человека лет двадцати, родители которого имели домик на побережье Нормандии. По такому случаю капитан Грима узнал, что нормандское побережье тянется более чем на тридцать пять миль… Отыскать нужный домик становилось миссией поистине невыполнимой. Даже если отрядить несколько команд полицейских, им придется на протяжении долгих недель ходить от двери к двери и показывать фоторобот. Ходить придется кругами — Этрета, затем Сен-Валери-ан-Ко, затем Онфлер, потом Довиль, Кабург, Дьепп…

Мартышкин труд.

Ничего.

Тип с красным шарфом растворился в пространстве.

20 августа 2004 года капитан Грима представил отчет судье Надо-Локе. Пять недель расследование топталось на месте. Никаких новых улик. Но Грима был уверен в правильности своих действий. Моргана Аврил согласилась последовать за незнакомцем, крутившимся вокруг нее на танцполе. Тот незаметно взял в гардеробе свой пиджак и шарф, а затем ждал на парковке, пока Моргана выйдет к нему. В каком-нибудь укромном уголке пляжа они вместе искупались в море. А потом разыгралась драма.

Моргана отказывается преступить границу обычного флирта. Неизвестный настаивает. Выходит из себя, насилует ее, впадает в панику, душит ее, затаскивает на вершину обрыва и сбрасывает труп, возможно, чтобы выиграть время и заставить поверить в самоубийство.

И исчезает.

Несмотря на отсутствие подозреваемого, которого можно было бы предъявить судье Надо-Локе, капитан Грима закончил отчет на оптимистичной ноте. Убийца Морганы Аврил будет найден. Со временем он утратит бдительность, и кто-нибудь непременно его узнает где-нибудь на нормандском побережье или в ином месте. Капитан Грима был в этом уверен и обосновал свою уверенность в последнем разделе своего отчета.

Убийца Морганы Аврил никогда больше не совершит подобного преступления.

Убийцей является молодой человек, очевидно, состоятельный, образованный, воспитанный, совершивший в тот вечер самую большую глупость в своей жизни. Ему придется жить с этой чудовищной тайной, похороненной в глубине его сердца. До самой смерти.

Если его не вычислят раньше…

Доклад жандармерии Фекана вызвал ярость у клана Аврил.

Кармен Аврил и ее родные устами своего адвоката яростно протестовали против версии капитана Грима. Они не верили в молодого человека из состоятельной семьи, непреднамеренно совершившего преступление. Для них убийца был извращенцем, хищником, действовавшим по заранее разработанному плану. Их самый убедительный довод основывался на утреннем поведении неизвестного с красным шарфом, описанного Венсаном Карре. По мысли же Грима, подозреваемый номер один спокойно ждал, когда родители приедут за ним на площадь Жан-Поль Лоран, не испытывая стресса и не впадая в панику, хотя в это время полицейские уже вовсю прочесывали улицы Ипора. Подобная безмятежность никак не соответствовала версии о ночной интрижке, окончившейся драмой.

Полицейские, адвокаты и судьи часами обсуждали четыре фразы, записанные со слов Венсана Карре.

— А где твой шарф?

— Я оставил его цыпочке. На память.

— Рассчитываешь снова с ней увидеться?

— С чего бы это…

Можно ли расценивать их как неподготовленные ответы субъекта, случайно совершившего убийство и поставившего на кон свою свободу, — орел или решка? Или это слова циничного преступника, обладающего потрясающим хладнокровием? Или вообще слова невинного человека… которого никогда не забирали в полицейский участок?

23 августа в газете «Гавр либр» капитан Грима в последний раз публично высказал свое мнение: он не верит в убийцу-садиста, случайно оказавшегося на дискотеке, сумевшего войти в доверие к Моргане Аврил, а потом напавшего на нее там, где никто не мог его увидеть. Откуда тогда взялось купание в море? И почему шарф «Берберри»?

26 августа 2004 года версия Грима рассыпалась как карточный домик.

Равно как и доверие к нему как к следователю.

Вся его кропотливая работа, ночи, проведенные на работе, три месяца без малютки Лолы, которой уже исполнилось шесть месяцев, все пошло прахом.

Резкий необоснованный поворот в ведении следствия. Непродуманные действия, не соответствующие занимаемой должности.

В один день дело о красном шарфе «Берберри» приобрело поистине государственный масштаб, превзошедший по своему размаху все, что капитан Грима мог себе вообразить.

Тот, кто раздул дело, взлетел в самые высокие сферы правосудия и полиции.

Улетел далеко за пределы своей компетенции.

Звон колокола оторвал меня от чтения.

*** * ***

Колокол звенел, не умолкая, словно набат, призывавший моряков собраться на палубе. В коридоре раздался громоподобный голос Андре:
— Джамал! Ужин!
Я бросил взгляд на часы.
19.17.
Черт!

11
Рассчитываешь снова с ней увидеться?

В феврале «Сирена» больше походила на семейный пансион, чем на гостиницу-ресторан. Ужин в 19.00 и одно меню для всех немногочисленных постояльцев: два пенсионера, остановившиеся переночевать по дороге на Мон-Сен-Мишель, английская пара с рыжим малышом, высадившаяся в Дьеппе, тип в галстуке, похожий на бродячего торговца.

Я спустился вниз.

Ресторан находился в просторном помещении; мне казалось, он вполне мог вместить человек тридцать. Благодаря огромному окну, больше похожему на витрину, почти со всех мест можно наслаждаться великолепным морским пейзажем, не подлежавшим застройке. Войдя в ресторан, я увидел неожиданную гостью.

— Опаздываете, Джамал.

Мона!

Она в одиночестве сидела за столиком и, вооружившись специальной вилочкой из нержавеющей стали, примеривалась к тарелке с улитками. Через несколько столиков от нее молча ужинала пожилая пара пенсионеров. В углу комнаты англичане дружно уговаривали своего малыша съесть зеленую, словно лягушка, детскую смесь из баночки. Мона поставила второй стул прямо напротив себя.

— Вы предпочитаете ужинать в одиночестве, или я правильно приготовила для вас место?

Как я мог отказаться?

Я сел напротив нее. Она явно заранее договорилась с Андре, ибо не прошло и секунды, как мне принесли тарелку и прибор. С заговорщической улыбкой Андре удалился, причем я так и не понял, кому была адресована его улыбка, ей или мне.

— Так вы, плутовка, остановились в «Сирене» сегодня утром?

Мона подмигнула, явно гордясь тем, что в жандармерии сумела создать вокруг себя ореол таинственности.

— Совершенно верно. Вчера я обследовала сектор Вель-ле-Роз, а теперь мне предстоит исследовать участок между Антифер и Палюэль, две самые большие ловушки, куда затаскивает гальку со всего побережья. Я вас заметила сегодня утром, когда вы возвращались после моциона. Я стояла у стойки спиной к вам, и вы меня не заметили.

Ничего удивительного, как раз в это время Андре вручал мне первый пакет.

— Так вы наконец убедили жандармов поставить вам печать?

— Да! Но мне пришлось переспать с половиной жандармерии. А как вы? Новых самоубийств больше не было?

— Насколько мне известно…

В эту минуту Андре принес мне улиток под майонезом. Возможно, он услышал о «новых самоубийцах», но не стал заострять на них внимание.

— Мы заказали бутылку вина, — заявила Мона. — Я приглашаю!

Я запротестовал для виду, но Мона была неумолима:

— Я занесу ее в графу дорожных расходов. Мой финансовый директор не станет возникать из-за нескольких евро. В прошлом году компания «Панши-Компьютер Текнолоджи» получила почти пять миллиардов прибыли. А разве справедливо, что этим

пользуются только пенсионеры на Ки Бискейн?[8]

Она попросила Андре принести бургундского — шардонэ 2009 года с виноградников Вужо.

Семьдесят пять евро бутылка!

Его выручка за неделю.

Мы надолго замолчали.

Наблюдательный раунд. Я не имел никакого желания обсуждать утреннее самоубийство, шарф «Берберри» и еще менее — дело Морганы Аврил. Меня одолевали вопросы без ответов, я пытался понять, в чем причина череды невероятных совпадений. Заметив, что мысли мои улетели далеко, Мона позволила мне сделать паузу.

Мой взгляд скользил по висевшим на стенах романтическим морским пейзажам, где бурное море билось о скалистые берега, по морским узлам в рамках под стеклом, по синему спасательному кругу с надписью «Добро пожаловать на борт», по гигантскому компасу, закрепленному на балке. Морская атмосфера. Я разглядывал каждую безделушку, стараясь ненароком не заглянуть в вырез блузки Моны, которая, по сравнению с сегодняшним утром, была расстегнута еще на одну пуговицу.

Чтобы соблазнить меня или уговорить жандармов?

Мона первой нарушила молчание:

— Вы знаете, как президент Панши сделал свое состояние?

— Понятия не имею…

— Совершенно невероятная история. Она вам понравится, Джамал. Его зовут Панши Кумар Шинд, он индус, эмигрировавший в Америку. Он прибыл в Сан-Франциско в середине семидесятых без гроша в кармане. По ночам чистил сортиры в конторах, расположенных в деловых районах, а днем посещал курсы менеджмента «Как сделать свой старт-ап». Обучение в подобных школах стоит десять тысяч долларов в год, там вешают лапшу на уши тысячам иностранцев, эксплуатируют американскую мечту, сказку, стремясь реализовать которую слушатели влезают в долги, отдавать которые придется нескольким поколениям. Среди года Панши нужно было сдать работу. Проект создания предприятия, с планом маркетинга, программой амортизации капитала и все такое прочее. Смертельно усталый после ночных трудов, он не сумел написать ни строчки и уже хотел все бросить. Убирая дерьмо, он начинал понимать, как устроена Америка. Накануне дня сдачи работы он все еще чистил туалеты в Трансамериканской Пирамиде, на сорок седьмом этаже, не имея ни единой мысли о создании какого-либо предприятия, даже виртуального. Проще говоря, он только и делал, что проклинал кретинов, работавших на этом этаже и забивавших толчки бумажными полотенцами и листами А4, когда кончалась туалетная бумага.

Мона сделала паузу и пригубила шардонэ.

— И тут ему в голову пришла идея…

— В сортире?

— Да, идея самая идиотская в мире. Вместо того чтобы вешать в офисных туалетах стандартные рулоны по двадцать метров, те, которые мы используем дома, почему бы не установить более длинные рулоны? По двести, триста метров, в металлическом кожухе. За неимением лучшего он остановился на этой мысли и в оставшееся время набросал проект. На следующий день он, как обычно, должен был выйти на станции метро «Сивик Центр» линии «Л», чтобы пойти на курсы и сдать работу. В последнюю минуту он проехал остановку, вышел через пять станций, в «Вест Портал», пошел в агентство «Уэллс Фарго»

продал свой проект и оформил патент.

— И дело пошло?

— Меньше чем за год он стал мультимиллионером, — с энтузиазмом произнесла Мона. — Он один из сотни самых богатых людей мира. Назовите мне хотя бы один вокзал, один отель, одно учреждение, где сегодня не установлен большой распределитель туалетной бумаги? Подсчитайте смеха ради, сколько сантиметров туалетной бумаги отматывает за день каждый житель нашей планеты?

Опустошив свой бокал, Мона продолжила:

— Самый прибыльный патент века! Говорят, потом Панши вложился в информатику, затем купил остров в Микронезии, где ходит голышом, слегка прикрывшись пальмовыми листьями.

— В самом деле?

Она рассмеялась.

— А вам как кажется?

Я задумался.

— Вы все придумали?

— Возможно. Обожаю придумывать байки.

Мне очень хотелось зааплодировать, сжать ее в объятиях, выйти с ней на мол и там, смеясь во все горло, всю ночь бегать под луной. Никогда еще я не встречал девушку, чей взгляд на мир был бы столь близок моему. Сумасбродная, переплетающая реальность с фантазией. Она как бы стояла на подоконнике между небом и землей; внизу земля принадлежала кишащим на улицах тачкам, а небо вверху принадлежало звездам. Второй раз за день я вспомнил о Джамиле. Мона напомнила мне мою бабушку Шехерезаду из Драней, прозванную мальчишками Канал-плюс. Каждый субботний вечер они собирались на лестнице «С» в башне Жерико и, разинув рот и развесив уши, слушали ее истории. Слушали до тех пор, пока Джамилю не засунули в дом престарелых в Блан-Мениле, где санитарки сочли ее волшебные сказки бессвязным бредом: доказательством прогрессирующего Альцгеймера.

Воспользовавшись моей задумчивостью, Андре убрал мою тарелку и поставил котелок с мидиями в соусе. Заметив, что возле нашего столика он замедлил ход, я подумал, что ему, наверное, хочется обсудить историю с самоубийством. Новость о ней уже наверняка облетела городок. Девушка, прыгнувшая со скалы, найдена мертвой! Возможно, была попытка удушения…

Я представил себе панику, начавшуюся в домиках местных жителей.

Неужели спустя десять лет насильник с шарфом «Берберри» вернулся?

— А вы? — неожиданно спросила Мона.

— Я?

— Да! Теперь ваша очередь рассказать мне какую-нибудь необыкновенную историю.

Я покачал головой, давая понять, что моего внимания хватает лишь на то, чтобы доставать из котелка мидии и вычерпывать раковиной соус. Никакого вдохновения. Мона топнула ножкой.

— Не разочаровывайте меня, Джамал! Я бы ни за что не пригласила вас к себе за столик, если бы не была уверена, что вы удивите меня. Давайте, я жду фантастических рассказов!

Стараясь потянуть время, я вытирал пальцы салфеткой. Через три столика от нас оба

пенсионера сидели каждый со своим смартфоном и шарили в Интернете.

— Хорошо, Мона. Вы этого хотели? Фантастическую историю? Что ж, надеюсь, я вас не разочарую. Я изобрел революционный способ подбивания клиньев к девушкам. Проверенный способ затащить в постель любую девушку.

Мне удалось зацепить Мону. Она вскинулась, широко раскрыла глаза и приоткрыла рот. Забавно, но чтобы описать ее смеющееся лицо, как у куклы, мне в голову пришло слово, которое я не употреблял никогда в жизни, слово, звучащее обычно в устах стариков.

Мордашка.

Смесь девичьего личика, кошачьей рожицы и мышиной мордочки. Персонаж, выскочивший из какой-нибудь басни Лафонтена.

— Однако вы человек с претензиями, Джамал…

— Вы мне не верите?

— Я жду…

Я медленно вытащил из кармана бумажник, достал из него визитку и положил на стол, прикрыв ее ладонью, чтобы Мона не могла прочесть.

— Вот мое секретное оружие.

— А-а, — бросила Мона, изображая разочарование.

Я придвинул к ней карточку, по-прежнему закрывая ее ладонью.

— Вот уже десять лет, как я не выхожу на улицу без визиток. У меня в кармане всегда есть несколько. Моя повседневная жизнь — это пригородные поезда, городские тротуары… Иногда мне встречается девушка, которая мне нравится. Тогда я подхожу к ней и вкладываю ей в руку визитку, так быстро, что она не успевает разглядеть, на кого я похож.

Я убрал руку и прочел текст на карточке:

«Мадемуазель,

Не смейтесь, я подсчитал, что каждый день на улицах Парижа мне на глаза попадаются сотни женщин. И каждый день я вручаю такую карточку одной из этих женщин, иногда двум, редко трем, но никогда больше.

Одной женщине из нескольких сотен.

Сегодня я вручаю ее вам.

Вы не такая, как все. Вы выделяетесь в толпе, что-то отличает вас от других.

Если вас любит мужчина и вы с ним счастливы, мой поступок, наверное, умилит вас. Если у вас нет любимого человека, это несправедливо, ибо вы его заслуживаете. Гораздо больше, чем кто-либо из ваших подруг.

По моему мнению.

Благодарю за этот волшебный миг.

jamalsalaoui@yahoo.fr».

Я подтолкнул карточку Моне, и та схватила ее, словно карту острова сокровищ.

— Вау! И это работает?

Я наконец опустошил свой бокал шардонэ, в полной мере оценив его букет. Один евро за десять миллилитров…

— Стопроцентно! В худшем случае женщины чувствуют себя польщенными. В лучшем они сдаются. Я играю на их удивлении, на их эго, на контрасте между всеобщим парижским пофигизмом и легким романтическим флером, дарованным небом. Видите ли, Мона, это

идеальный компромисс между виртуальным кадрежем на сайтах знакомств и грубым приставанием, которому сплошь и рядом подвергаются девушки на улицах.

Мона взяла бутылку и наполнила наши бокалы.

— Одна девушка на тысячу. И как вы выбираете? — спросила она, присвистнув сквозь зубы.

— В этом-то и вопрос, Мона. Как бы вам объяснить… Есть такая штука, которую я никогда не понимал. Это любовь с первого взгляда. Она падает вам на голову буквально посреди улицы. Толпа замедляет ход и расступается. Честно, Мона, почти все женщины обладают неким очарованием, почти у всех есть нечто, что позволяет в них влюбиться и любить их на протяжении всей жизни, ни разу не пожалев об этом. Согласен, возможно, для любви с первого взгляда этого недостаточно… Но, как мне кажется, по крайней мере одна женщина из трех, действительно, хорошенькая, особенно когда она хочет нравиться. А если вас и это не устраивает, тогда одна женщина из десяти, или даже из двадцати, будет само совершенство. Свое совершенство, в своем роде! Понимаете, Мона, я теряюсь, когда говорят о любви с первого взгляда. Женщины могут ослепить меня, в каждом вагоне метро непременно есть ослепительная женщина, десяток ослепительных женщин всегда можно встретить на террасе любого кафе на парижской площади, а летом на солнечном пляже их будет целая сотня…

Остренькими, словно у кошки, зубками, она разгрызла мидию и, с любопытством взглянув на меня, продолжила есть.

— Вас трудно загнать в тупик, Джамал. Интересно, вы опасный мачо или изобретатель постромантизма?

Задумавшись, она замерла; видимо, искала брешь в моем способе.

— Вы действительно раздаете не больше трех визиток в день?

Я сделал сконфуженный вид, словно ребенок, которого застали на месте шалости.

— Шутите! В некоторые дни я раздавал по нескольку сотен…

Она рассмеялась.

— Хитрец! А теперь самый главный вопрос. Они вам отвечают?

— Серьезно?

— Да…

— Примерно 80 %… Почти все после трех писем переходят к делу. Я спал с самыми красивыми девушками столицы, срывал цветочки с такой легкостью, словно являлся главой самого большого модельного агентства Парижа.

— Вы смеетесь надо мной?

— Возможно. Я обожаю сочинять истории.

Подняв свой бокал шардонэ, она выпила вместе со мной.

— Превосходно, Джамал. Счет ноль-ноль.

Она помолчала, а потом спросила:

— Если бы вы встретили на улице меня, вы бы дали мне визитку?

Я понял, что не должен отвечать слишком быстро, а потому воспользовался паузой, дабы обозреть каждый сантиметр ее кожи, рыжие отблески на скулах, тени от ресниц, падавшие на ее очаровательный вздернутый носик. Мона присоединилась к моей игре и, устремив взор на море, приняла позу, чтобы я мог восхититься ее профилем, а потом потянулась, выставив напоказ грудь.

Взвешивая каждый слог, я наконец решился ответить:

— Да. И в тот день вручил бы только одну карточку.

Мона покраснела. В первый раз я почувствовал, что она смутилась.

— Лжец! — наконец с трудом выговорила она.

Она искала способ сменить направление разговора. Набрав побольше воздуху, задала вопрос:

— А ваша… ваша нога… Это несчастный случай?

В сущности, она не слишком отличалась от всех остальных. Так же поддалась искушению. Мой ответ был готов. Уже много лет.

— Да. Станция «Порт Майо». На противоположной платформе ждала поезда самая красивая девушка, и я не мог не вручить ей карточку… Я прыгнул на пути, а в этот момент подошел поезд метро!

Она рассмеялась.

— Вот глупость! Но когда-нибудь вы мне расскажете?

— Обещаю.

— Вы странный тип, Джамал. Забавный, но лгун. Впрочем, я уверена, мне бы вы не дали визитку. Уверена, вам нравятся романтические женщины, роковые красавицы, мимолетные видения. Не такие непосредственные, как я. По-моему, вы ловите призрачные образы, коллекционируете их, как фигурки Панини. Но так вы вряд ли поймаете ту, которая вам нужна!

— Спасибо за совет.

Мона пожирала меня глазами.

— Извините, — раздался голос у нас за спиной.

За нами стоял Андре, держа в руках две порции «Плавучего острова». Сумев избежать цунами, он поставил их перед нами, а затем обратился ко мне.

— Джамал, ты говорил о самоубийстве. Это… случилось недавно?

Андре явно ничего не знал о трагедии сегодняшнего утра. Странно!

Я коротко изложил факты, умолчав о том, что нашел шарф «Берберри», зацепившийся за ограждение из колючей проволоки, а потом этот шарф необъяснимым образом оказался обмотанным вокруг шеи Магали Варрон. Чем дальше я рассказывал, тем шире открывались глаза Андре. Когда я умолк, переводя дыхание, хозяин «Сирены», белый, словно его скатерти, пробормотал:

— Твоя история напоминает мне…

Я опередил его.

— …историю насильника, убившего Моргану Аврил. Десять лет назад.

Андре медленно закивал в знак согласия.

— Я был здесь, — проговорил он. — В первых рядах! Девица Аврил умерла, можно сказать, под моим окном. Фестиваль «Рифф и Клифф» стал для меня настоящей каторгой. Я литрами готовил соус для мидий, тонны картошки-фри и кебабов, уставил столиками всю набережную. В тот вечер погода была хорошая, молодежь прибывала со всех концов страны. Первый и последний раз, когда в Ипоре устраивали подобное мероприятие.

— Понимаю.

Я не придумал лучшего ответа.

— Я не жалуюсь, — уточнил Андре. — После убийства моя гостиница не пустовала целых полгода. Журналисты, полицейские, эксперты, свидетели, адвокаты.

— Тогда это хорошая новость, — вставила Мона. — Смерть снова заполнит вам все

номера!

Я не был уверен, что Андре оценит юмор Моны. И правда, он даже не улыбнулся, довольствуясь долгой паузой.

— Надеюсь, — наконец произнес он, — других не будет.

— Других чего?

— Других жертв…

— Одна жертва каждые десять лет. Однако у него развязаны руки.

Странным пустым взором Андре посмотрел сквозь Мону, словно вместо нее было пустое место, а затем взгляд его потерялся вдали, где-то между морем и звездами. Мне показалось, что он ожидал не столько неуместного юмора Моны, сколько сочувствия к его тревогам. Я повернулся к нему.

— Почему, Андре? Почему должны быть другие жертвы?

Казалось, хозяин «Сирены» в этот вечер постарел на десять лет. Взяв стул, он сел рядом с нами и долго вглядывался в черный горизонт. Потом тихо произнес:

— Так ты не знаешь всей истории, Джамал? Ты знаешь только о деле Морганы Аврил?

Я вспомнил последние строчки газетных вырезок, которые успел прочесть перед ужином, рассыпавшуюся версию капитана Грима, общегосударственное значение, которое придали делу…

— Спустя четыре месяца после убийства Морганы Аврил, — продолжал Андре, — было совершено второе преступление. Девушка из Эльбефа, неподалеку от Руана. Трагедия случилась в Нижней Нормандии, так же на берегу моря, в конце каникул, она работала в лагере для подростков. Тот же самый насильник. Та же сперма. Жертва так же задушена шарфом «Берберри». Вся Нормандия словно обезумела. Началась паника! Боялись, что серийный убийца продолжит… Но на этом он остановился… Две девушки…

Он замолчал, потом произнес:

— До сегодняшнего утра.

Я постарался призвать на помощь логику:

— Не значит ли это, что тот ненормальный десять лет провел в тюрьме, а теперь вышел и возобновил свою деятельность?

— Его не сумели поймать, — бесцветным голосом произнес Андре.

Он задумался, погрузился в воспоминания. Державшиеся на плаву «Острова» медленно погружались в море крема. Андре наконец удалился, чтобы убрать стол англичан, исчезнувших вместе с младенцем и оставивших после себя целое море зеленого пюре.

Мона смотрела на десерт, напоминавший айсберг, ставший жертвой климатического потепления.

— Дьявольская история.

Не глядя на нее, я размышлял.

Два убийства.

Неизвестный насильник, находившийся десять лет в бегах, сегодня утром снова перешел к действиям.

Разве что в этот раз он не убивал.

Магали сама бросилась с обрыва. После того как намотала на шею шарф.

Шарф с моими генетическими отпечатками.

Кто-то знал. Кто-то играл со мной и намеревался по капле выдавать мне информацию.

Почему я? Что я такого сделал, чтобы оказаться замешанным в эту историю?

Мона вертела в пальцах мою карточку.

— Пошли? — обратилась она ко мне.

Я не ответил. Казалось, она разочарована финалом нашего ужина; видимо, возврат к реальности оказался слишком резким. Она прочла вслух фразу с моей карточки:

— «Благодарю за этот волшебный миг». Знаете, Джамал, скажу вам честно. Мне бы очень понравилось, если бы какой-нибудь незнакомец на перроне пригородной электрички вложил мне в руку такую карточку. Кем бы он ни был, ему бы точно удалось меня соблазнить.

Она постояла у огромного окна, любуясь зрелищем пришвартованных рыбацких лодок, танцующих на волнах в свете фонарей. Никого. Одни лишь невидимые призраки.

— Однако по случаю ужина с видом на море это тоже неплохо, — наконец произнесла она.

Отодвинув стул, она пошла к выходу. Я протер глаза, утратившие остроту видения из-за невероятного стечения обстоятельств сегодняшнего дня, и улыбнулся ей. Надеюсь, моя улыбка оказалась во вкусе Моны.

— У меня принцип, Джамал. Когда парень мне нравится, я всегда сплю с ним в первый вечер.

12
Почему я?

Мона открыла окно. Перестук гальки, омываемой волнами, ворвался в комнату, и она показалась мне каютой лайнера, плывущего по морю. Обнаженная Мона стояла между двух занавесок, подставляя кожу брызгам пены, которую прибивало к молу, а потом разносило ветром.

Растянувшись на кровати, я любовался Моной; она повернулась ко мне спиной. Изгиб ее талии плавно переходил в линию бедер, спина столь же плавно переходила в разделенные ложбинкой округлые ягодицы и далее в две стройные ножки, как у русалки, променявшей море на землю. Луна окрашивала ночь мягким светом. Отблески пустынного пляжа плясали на теле Моны. Красные неоновые от вывески казино, желтые песочные от галогеновых ламп. Запах леса, смолы и соснового бора.

Она повернулась ко мне лицом. Два маленьких торчащих коричневых пятнышка увенчивали бледные дюны ее грудей. На выбритом лобке кучерявились несколько рыжих волосков.

Восхитительно.

В постели, когда Мона сняла резинку, разрушив прическу «лошадиный хвост», волосы каскадом рассыпались по ее плечам, придали объем ее мышиному личику. Она недолго хранила серьезный вид и вскоре взорвалась переливчатым смехом.

Смеясь, Мона занималась любовью.

Со свойственной ей энергией, с неутомимой изобретательностью. Словно играла в игру. Вспоминала все игры своего детства. Прятки. Салки. Закрой глаза, дай мне руку, открой рот. А какая ирония по отношению к себе самой! Я никогда не встречал подобных девушек.

Ни у кого из нас не оказалось презерватива, но ей было наплевать. Она легонько подхватила меня пониже спины, чтобы я подольше остался в ней.

Перед тем как предаться наслаждению, она стала говорить мне «ты».

Я посмотрел на часы. 3 часа 10 минут.

Мона прикрыла окно и без тени смущения направилась ко мне. Я представил себе, как она, взяв висевшую в рамке на стене ракушку, прижмет ее к лобку на манер Венеры Ботичелли.

— У меня есть еще одно пристанище в Вокотте, — произнесла она. — Ты знаешь эти места?

Я знал. Занимаясь бегом, я каждое утро пересекал неглубокую долину Вокотт, самую красивую зеленую ложбину на всем побережье. Владельцы нескольких вилл, построенных в XIX веке в стиле барокко, приватизировали эту заросшую молодняком долину с ее карманным пляжем.

— У моего научного руководителя там небольшой домик, — уточнила Мона. — Он дал мне ключи, но я там еще не была. Судя по фотографиям, это старый дом, роскошный и мрачный, как в фильме «Психоз». Нет уж, спасибо…

— Ты спала с ним?

Вопрос удивил ее.

— Ты смеешься? Я жуткая зануда во всем, что касается работы, и легкомысленна, когда речь заходит о сексе. Так что сам понимаешь, если я стану их смешивать, ничего хорошего не выйдет. О-о-о…

Мона прыгнула на простыни. Когда я сел на край кровати, ее пальцы заскользили у меня по спине.

— Уже устал? Рано отправляешься на пробежку? А ведь мама предупреждала меня: «Дочь моя, никогда не спи с выдающимся спортсменом!»

Я поцеловал ее в губы и взял в ладонь ее правую грудь.

— Всего пару минут. Можно?

Не став ждать ответа, я натянул трусы и открыл ноутбук, стоявший на столе напротив кровати. Как я и ожидал, Мона осыпала меня градом сарказмов:

— Оказывается, я нарвалась на компьютерного фаната! Что ты делаешь? Пишешь в Твиттер? Сообщаешь, что потерял девственность с самой красивой девушкой на всем побережье?

Я попытался улыбнуться.

— Нет, это про то, что рассказал нам за ужином Андре. Дело о двойном изнасиловании…

— Ты имеешь в виду историю десятилетней давности или свою историю, ту, что случилась сегодня утром?

— Ту, что произошла десять лет назад.

— А она не может подождать?

Нет… Я должен знать.

— Дай мне пару секунд, Мона. А потом я расскажу тебе сумасшедшую байку, которую ты никогда не слышала.

Я решил рассказать Моне все, включая путешествие шарфа «Берберри» от колючей проволоки ограждения и до шеи юной прекрасной самоубийцы.

Мой старенький ноут загружался безумно долго.

— Можешь оказать мне услугу, Мона? В кармане моей куртки, в бумажнике, лежит бумажка с паролем «Сирены» для подключения к Wi-Fi.

Пока Мона вытягивалась на постели, дотягиваясь до моей одежды, простыня плавно соскользнула на пол. Наконец она громко назвала мне несколько цифр и букв.

Я наугад напечатал первые попавшиеся слова:

Серийный убийца.

Нижняя Нормандия.

2004 год

Шарф «Берберри».

Google предложил мне не менее сотни ответов, почти все одинаковые. Некоторые слова появлялись в заголовках, некоторые — в резюме статей.

Миртий Камю.
Четверг, 26 августа 2004 года.
База отдыха Изиньи-сюр-Мер.
Изнасилована.
Убита.

Одно из названий прочно засело у меня в мозгу:

Изиньи-сюр-Мер.

Сам не знаю почему, ведь я даже не представлял себе, в какой части побережья Нормандии находится этот городок. Я попытался сосредоточиться, но за спиной раздался голос Моны:

— Вот почему ты такой скрытный. Ты шпик!

Шпик?

Мона порет чушь! Озадаченный, я повернулся к ней.

— Почему ты так считаешь?

Она помахала у меня перед носом маленькой золотистой звездой шерифа, основательно помятой.

Моей звездой!

Не довольствуясь портмоне, Мона обшарила все карманы моей куртки.

— Память о детстве? — спросила она.

— Совершенно верно. Пожалуйста, положи на место.

Я помнил то осеннее утро. Какой-то чувак заловил меня на улице, когда я стоял на шухере для Хакима и его дружков, и отвел к матери. Мне тогда было семь лет. Вместо того чтобы накричать на меня, мать потащила меня в торговый центр на другой стороне кольцевой дороги, в магазин игрушек. В свое время я развлекался тем, что смотрел кассеты со старыми вестернами, которые коллекционировал дядя Камель. Мать купила мне жестяную звезду шерифа, стоившую явно не более пяти франков, молча прицепила ее к моей курточке, отвела меня домой и посадила смотреть фильм про ковбоев. Не важно, какой, ей было все равно. Она просто хотела, чтобы я понял, по какую сторону закона должен находиться. Всегда.

— Ты написал эти слова?

Упрямая как ослица, Мона не убрала мою звезду. Напротив, она внимательно ее рассматривала.

— Какие-то слова. На каждом из пяти лучей.

Она медленно разбирала написанные фломастером наполовину стершиеся слова…

Стать первым.
Заняться любовью.
Родить ребенка.
Быть оплаканным.
Заплатить долг.

Я вздохнул.

— Это мои цели, Мона. Направления, если тебе угодно. Своего рода компас.

— Уточни!

Глаза Моны горели, вырывать звезду у нее из рук поздно. Простыня сползла с ее плеч, оставив прикрытым только восхитительный зад, но я ощущал себя еще более обнаженным, чем она. Я притворился, что звезда меня больше не интересует, и погрузился в чтение ответов Google.

«Курьер Бессена».

Фермерское поселение, носящее название Большие Карьеры, расположено на выходе из Изиньи-сюр-Мер. Вечер. Возле бывшей печи для обжига извести обнаружен труп.

— Кроме шуток, — настаивала Мона. — Что значат слова «на пяти лучах»?

— Мой компас. Я же сказал…

Изобразив равнодушие, я склонился к экрану компьютера, не замечая, что она продолжает рыться у меня в бумажнике. Через несколько секунд она торжествующе помахала сложенным вчетверо листком бумаги.

— Нашла! — завизжала она.

Никто никогда не копался в моих вещах, никто не знал содержания пяти строк, спрятанных в этом листке, но я даже не пытался помешать ей прочесть их.

Она читала громко. Мне казалось, что я слышал, как в груди у нее бьется сердце.

«1. *Стать первым…* спортсменом-инвалидом, принявшим участие в супермарафоне вокруг Монблана.

2. *Заняться любовью…* с женщиной своей мечты.

3. *Родить…* ребенка.

4. *Быть оплаканным…* женщиной после своей смерти.

5. *Заплатить долг…* прежде чем умру».

Она умолкла и долго смотрела на меня.

— Я не все понимаю, Джамал… Ты мне объяснишь?

Я кликнул на другую статью.

«Запад Франции. Издание Байе.

Поиски насильника наращивают темп. Начальник судебной полиции города Кана коммандан Лео Бастине взял дело Аврил–Камю в свои руки. Министерство внутренних дел специально направило в Нижнюю Нормандию психолога-криминалиста.»

— Объяснишь мне, наконец? — спросила Мона.

Я с сожалением оторвал взор от экрана.

— Маленькая лицемерка! Уверен, ты давно все поняла. Это что-то вроде целей, к которым я стремлюсь в жизни. Мои честолюбивые надежды, если хочешь. Моя программа преодоления инвалидности. Желание не умереть раньше, чем я поставлю все пять галочек. Когда я исполню все свои задачи, тогда не важно, сколько мне будет лет, когда прах мой развеют по ветру…

— Ты, действительно, больной!

— И именно это тебя и привлекает во мне!

Сохраняя спокойствие, я открыл досье PDF.

«Франс-Суар».

Серийный убийца терроризирует Нормандию. Его предполагаемый фоторобот: молодой человек лет двадцати в сине-белой бейсболке «Адидас».

— Задача номер один, — прокомментировала Мона. — Прогулка на Монблан! Это я поняла. Для этого ты каждый день тренируешься. Ты хочешь поехать туда в конце лета? У тебя еще есть время. Следовательно, первая цель достигнута!

Я невольно улыбнулся. Сознавала ли она хоть чуть-чуть всю трудность такого марафона, его нечеловеческую сложность, понимала ли, какой подвиг я непременно хотел совершить? Самый длинный марафон в мире! Моя детская мечта. Не говоря уж о квалификационных забегах, которые этому предшествуют…

— О'кей, — продолжил насмешливый голос. — Я ставлю галочку и напротив пункта номер два. *«Заняться любовью с женщиной своей мечты»*: вчера вечером ты это выполнил!

Отбросив ногой простыню, Мона, обнаженная, растянулась на кровати, словно требуя, чтобы я подтвердил ее слова.

Что сказать? Только признать, что Мона, действительно, самая красивая девушка из тех, с которыми мне довелось спать.

Не дождавшись ответа, Мона продолжила:

— Пункты три и четыре. Младенец. Заплаканная вдова. О'кей, Джамал, но здесь напрашивается весьма важный вопрос. Должен ли ты выполнить эти задачи с одной женщиной? Той, о которой говорится в пункте два?

Не открывая новых файлов, я продолжал смотреть на экран.

— Так как же? — настаивала Мона. — Любовница, мать и вдова. Одна, две или три женщины?

— Не имеет значения.

— Лгун!

— Нет… Женщина, которая плачет, развеивая мой прах по ветру, вполне может быть моей дочерью. Если я умру глубоким стариком.

— Превосходно! Вот мы и подошли к пункту пять. Что для тебя значит *«Заплатить долг… прежде чем умру»*? Ты кого-нибудь убил?

Сев на кровать, я положил руку ей на бедро.

— Я имею в виду долг, который есть у нас всех. Жизнь. Я всего лишь хочу сказать, что прежде чем умереть, хочу принести пользу. Спасти чью-нибудь жизнь, чтобы возместить жизнь собственную.

— Дурацкое желание! Ты даже не сумел помешать юной Магали прыгнуть с обрыва…

Моя рука заскользила по изгибам ее тела. Мона не признавала абсолютно никаких запретов. Я никогда и ни с кем не говорил о пяти сторонах своего компаса, даже с Ибу, даже с Офели. Поэтому счел необходимым уточнить:

— Остановить убийцу, например. Помешать ему вновь совершить преступление.

— Насильника с шарфом «Берберри»?

— К примеру…

Одной рукой Мона прикрыла мне глаза, а другой нежно взяла мою руку и повлекла ее в свой самый интимный уголок.

— Забудь об этом…

Зелененькие светящиеся цифры будильника показывали 4 часа 3 минуты. Мы снова занялись любовью, а потом, устроившись между ее ног, я рассказал ей все, не скрывая загадочной истории с шарфом, обмотанным вокруг шеи Магали Варрон. Рассказ я закончил вопросом:

— Наверное, мне надо немедленно пойти в полицию. Ты бы мне посоветовала все им рассказать?

— Не знаю. В сущности, ничего удивительного, что ты нашел шарф «Берберри», зацепившийся за колючую проволоку. Тип, который изнасиловал Магали, услышал твои шаги, запаниковал и забыл про шарф. Но потом…

Размышляя, Мона нахмурила лоб. Ее маленький вздернутый носик уставился в пол. Внезапно она встрепенулась:

— Поняла! Насильник был в маске. Или в капюшоне. Или у Магали не было времени рассмотреть его. Увидев через несколько минут тебя с шарфом в руке, она решила, что вернулся насильник. Она приняла тебя за него!

Я вновь прокрутил в голове утреннюю сцену. Вспомнил, что говорила Магали прежде, чем прыгнуть в бездну.

«Не приближайтесь.

Если вы сделаете хоть шаг, я прыгну…

Идите своей дорогой. Уходите! Живо уходите».

Неужели я так глуп? Неужели вел себя, как охотник, загнавший кролика? Ее парализовал ужас. Она была готова на все, лишь бы снова не попасть в руки своего палача. Даже на уход из жизни.

От версии Моны я похолодел.

Если бы я не подошел к ней с этим шарфом в руке, возможно, Магали бы не прыгнула.

Мона не заметила, как я содрогнулся, и продолжала рассуждать.

— Джамал, моя версия объясняет самое невероятное. Она обмотала этот чертов шарф вокруг шеи, когда падала…

Она сделала короткую паузу.

— Чтобы обвинить тебя!

Чтобы меня обвинить?

Мое обнаженное тело напоминало замороженное мясо. Как Мона выдерживает его прикосновения? Я отодвинулся от нее. На этот раз Мона заметила смену моего настроения и удержала меня за плечо.

Лежавшая на прикроватном столике звезда шерифа отражала свет маяка. Прикосновение Моны было нежным.

— Не расстраивайся, Джамал. Ты ни в чем не виноват. Ты не мог знать.

Я встал. Пальцы Моны сжали пустоту.

— Ты не сделал ничего плохого, Джамал! Ты невиновен. Тебе нечего бояться полиции. Твоя сперма не совпадает со спермой насильника Магали Варрон, а тем более насильника тех двух девушек, убитых десять лет назад.

Я смотрел в окно на черные скалы.

— Тебе нечего бояться полиции, Джамал, — повторила Мона у меня за спиной.

Но она ошибалась.

Катастрофически ошибалась.

Очень скоро я понял, сколь велика ее ошибка.

13
В руки своего палача?

10 часов 22 минуты. Конверт лежал рядом со мной на скамейке, скамейка стояла напротив дюжины дремавших на камешках каяков. Отлив. В фарватере, вырытом в прибрежной зоне, чтобы облегчить спуск лодок на воду, двое серферов завершали цеплять гики. Один, молодой, с длинными, бесцветными от соли волосами, изобразил на своей доске шлем викинга; другой, лет под сорок, с пробившейся сединой, нарисовал стилизованных леопардов с герба Нормандии, золотых на красном фоне.

Настоящие искатели приключений! Истовые и бескорыстные! Уверенные, что скользить по океанской волне можно, только бросая вызов бушующей стихии, ледяному ветру, волнующемуся морю, меловой гряде. По сравнению с ними те, кто занимается серфингом на Бермудах, под пальмами Гонолулу или в Сиднее, являются чем-то вроде воскресных трусаков по сравнению с супермарафонцами.

Я понимающе улыбался серферам. Ждал, не решаясь распечатать конверт. Наслаждался утренним покоем. Первый раз я проснулся в половине восьмого. Немедленно схватил с тумбочки звезду шерифа и приколол ее к брошенной на край кровати блузке Моны. Там, где сердце.

— Береги ее, Мона, — сонным голосом произнес я. — Я доверяю ее тебе.

Своим горячим телом она прижалась ко мне.

— Вау! Какая ответственность!

— Огромная!

Я опять заснул. Час спустя Мона ускользнула, оставив мне короткую записку:

«Мне пора вкалывать. Буду где-нибудь на берегу».

Около девяти часов я, надев спортивный костюм, спустился в холл «Сирены».

«Час благих намерений подходит к концу, — пошутил Андре, глядя на часы. — Участников супермарафона вряд ли будут отбирать среди любителей поваляться в кровати, а тем более среди хромых любителей…»

— У меня смягчающие обстоятельства! Девушка, очень красивая…

— Какая девушка? — подмигивая, спросил Андре.

Принимая во внимание средний возраст его гостей, ему нечасто доводится играть роль сводника.

Я намеревался совершить энергичную короткую пробежку километров в пятнадцать, в сторону Этрета, и, завершив круг, по тропинке Рамандез добежать до долины Гренваль. Прежде чем отправиться, я бросил взгляд на вывешенный бюллетень погоды:

«Опасность схода лавин.
Слабый снег.
К концу утра сильные порывы ветра.
-15 °C.
05350, Сен-Веран.

Высокие Альпы».

От ежедневной шутки Андре я неожиданно вздрогнул. Яркий свет, лившийся с улицы, создавал иллюзию тепла. Я вышел и зашагал мелким шагом. Стоило мне вырулить на прибрежную тропу, как под ногами захрустела замерзшая трава.

Где-то к середине дистанции я оказался над Вокоттом; остановившись, чтобы перевести дух, я задался вопросом: какой из диковинных домиков, напоминавших затерявшиеся в сказочном лесу жилища гномов, принадлежит научному руководителю Моны? Спускаясь в Ипор по тропе, на обочине которой стояло придорожное распятие, я нос к носу столкнулся с малолитражкой почтальона.

Он посмотрел на меня, как на мальчишку, с нетерпением ожидающего почтовую открытку от подружки.

— Пакет? На имя Джамала Салауи? Да, сегодня получили, но я уже был в «Сирене» Спроси его у Деде, моего парнишки…

Но меня волновал не пакет, у меня в голове вертелась другая мысль.

— Можно ли отыскать отправителя письма? По оплате, например, тем более, когда нет марки, а только штамп?

Почтальон, явно любящий свое дело, с готовностью принялся объяснять:

— Да, теоретически. Но что касается твоего письма, мой мальчик, насколько я помню — а я держал его в руках меньше четверти часа назад, — оно было проштемпелевано машиной. Любое мелкое предприятие или администрация в регионе имеют такую машину. Если ты рассчитываешь найти поклонницу, что засыпает тебя письмами, надо по-иному браться за дело.

Андре протянул мне пакет сразу при входе в гостиницу.

— Твоя подписка, Джамал! «Телерама» или «Плейбой»?

— «Пиф гаджет»…

Мне не хотелось распечатывать конверт в комнате. Солнце упорствовало, заливая светом пляж, я прошелся по берегу и сел на скамейку. Я уже знал, что найду в этом конверте.

Продолжение судебного расследования.

Материалы, необходимые, чтобы понять связь событий, случившихся десять лет назад.

10 часов 29 минут. Двое серферов заскользили в сторону Англии. Я напомнил себе, что примерно через четыре часа в жандармерии Фекана меня ждет Пироз. Разорвал конверт и стал листать страницы, крепко сжимая их застывшими от холода пальцами, чтобы ветер не унес их.

*** * ***

Дело Миртий Камю — четверг, 26 августа 2004 года

С высоты трактора Виктор Тубервиль созерцал кукурузное море. Сначала он подумал, что видит мешок, набитый кукурузой, который хамоватые туристы пытались утащить, а потом бросили. Затем разглядел разорванное платье. А следом труп девушки.

Двое жандармов из ближайшего отделения в Изиньи-сюр-Мер прибыли на место через десять минут. Они немедленно провели параллель с убийством Морганы Аврил,

случившимся тремя месяцами раньше. У них хватило присутствия духа предписать немногочисленным свидетелям, оказавшимся на месте преступления, а именно Виктору Тубервилю и его пятнадцатилетнему сыну, никому не говорить о случившемся, а потом объединились со своими начальниками, подтвердившими правильность их интуиции. Запрет двадцать четыре часа сообщать что-либо прессе предоставил полиции время убедиться в том, что оба убийства связаны между собой. Затем придется сообщить новость по радио, и на побережье Нормандии начнется паника, и это так же верно, как на средиземноморском побережье мгновенно распространяется лесной пожар.

Определение подхватили все журналисты.

Серийный убийца.

Чтобы рассеять сомнения, двадцати четырех часов оказалось больше чем достаточно.

Миртий Камю было двадцать лет и три месяца, она работала аниматором в лагере для подростков, две недели назад поставившим свои палатки в зоне отдыха Изиньи-сюр-Мер. Свидетели, последние видевшие ее живой, встретили ее около пятнадцати часов на дороге Гранкам, на выходе из Изиньи. Она шла одна. В этот день у нее был выходной.

Каждый абзац отчета о проведенной аутопсии подтверждал то, чего боялся каждый следователь, которому сообщали о новом преступлении.

Миртий Камю изнасиловали, а затем задушили красным кашемировым шарфом, скорее всего, марки «Берберри».

Анализ ДНК спермы насильника Миртий Камю установил ее идентичность сперме насильника Морганы Аврил. Детальные тесты, проведенные после тестов, сделанных на скорую руку, подтвердили аутентичность обоих идентификационных анализов.

Вышеуказанные обстоятельства убедили всех, что речь идет об одном и том же преступнике; приведенные в отчете подробности чрезвычайно всех взволновали.

Прежде чем Миртий Камю изнасиловали и задушили, она искупалась в море. Без сомнения, обнаженной, так как на ней не было ни купальника, ни купальных трусиков, а на ее нижнем белье не нашли следов морской воды. Но после того как она покинула Изиньи-сюр-Мер, ни на одном из пляжей ее никто не видел. На Миртий Камю было летнее платье, на голубом фоне которого бросались в глаза огромные малиновые цветы гибискуса. Очень элегантное. Платье оказалось разорванным почти по всей длине.

Как и в случае с Морганой Аврил, на трупе Миртий Камю сохранился малиновый, как цветы гибискуса, лифчик, а трусики пропали. Их нашли через день в фарватере бухты Вей; на них также сохранился биологический материал насильника. Последнее сходство между двумя убийствами — сумочка Миртий на длинном ремешке тоже исчезла. Следователи искали ее несколько месяцев, но все напрасно.

То же варварское преступление. Тот же насильник. То же орудие убийства. Та же агрессия.

Та же последовательность действий.

Убийца на этом не остановится.

После двадцати четырех часов следственных действий такой вердикт вынесли наиболее компетентные специалисты.

Убийца не остановится. Он снова нанесет удар.

Капитана Филиппа Грима из жандармерии Фекана вежливо поблагодарили за проделанную работу, которую он вел на протяжении трех месяцев, не став деликатно

напоминать, что в своем заключительном отчете он полностью исключил риск рецидива. Затем его отстранили от расследования, передав оба дела, Морганы Аврил и Миртий Камю, дуэту, состав которого, по мнению министра внутренних дел и министра юстиции, прекрасно дополнял друг друга.

Коммандан судебной полиции Кана Лео Бастине, уже пять лет как вышел в отставку, однако никто не оспаривал ни его опытность, ни компетентность. Наделенный тактом, организаторскими способностями, чувством команды и британским юмором, Бастине являл собой тот редкий характер, который равно ценят и подчиненные, и начальство. К нему — на замену судье Надо-Локе — пристегнули Поля Юго Лагарда, молодого судью, недавно обосновавшегося в Кальвадосе. Красавец, честолюбивый, легко общавшийся с прессой, Лагард производил много шума, но Бастине сумел его утихомирить. Молодой судья мечтал о славе, но ему пришлось довольствоваться созданием архива материалов дела, чтобы в свое время получить разрешение сделать из него бестселлер. Министр внутренних дел, напуганный призраком серийного убийцы, который, дабы стать знаменитостью, может вернуться в самом начале учебного года, настоял, чтобы к судье и коммандану присоединили третьего специалиста: психолога-криминалиста Элен Нильсон, тридцати шести лет, обладательницу кучи дипломов. Этой, по мнению чиновников с площади Бово, суперодаренной даме разрешили участвовать в расследовании в качестве фрилансера и делать разъяснения где и когда ей захочется.

Перед трио поставили четкую цель:

Действовать быстро. Сохранять спокойствие. Остановить извращенца.

Поиски не подтвердили наличия связи между Морганой Аврил и Миртий Камю.

Убийца наносил удары наугад. Хуже не бывает.

На похороны Миртий Камю в церкви Сен-Жан-д’Эльбеф собралось более пяти тысяч человек. Почти каждый десятый житель городской агломерации.

Миртий Камю стала своего рода образцом для подражания. Она того заслуживала.

Все ненавидели убийцу.

Все, кроме, вероятно, его родственников.

Шарль и Луиза Камю были людьми известными в своем городке. Известными и уважаемыми. Шарль почти двадцать лет работал директором музея Эльбефа и слыл лучшим знатоком агломерации и двухтысячелетней истории Сены. Луиза преподавала танцы в зале Гамбетта и боролась за сохранение здания цирка-театра, самого красивого исторического памятника города.

Гуманная пара. Прогрессивная. Центристы по убеждениям.

У Луизы и Шарля был всего один поздний ребенок. Настоящее сокровище, они это сознавали и потому старались не запирать Миртий в сейф.

Миртий посещала танцевальные курсы матери, цирковой кружок и школу в квартале Пюшо, где за последние двадцать лет проводились всевозможные социальные эксперименты.

К ней на день рождения, в маленький дом на берегу Сены, втиснувшийся между современных зданий, приходили как отпрыски самых богатых семейств Эльбефа, так и дочери безработных и сыновья африканских иммигрантов.

Со стороны Луизы и Шарля это был взвешенный выбор, выбор не политический, а продиктованный самой жизнью. Миртий — единственный ребенок, любимый, самый

лучший. Они хотели, чтобы Миртий была прекрасна не внешне, ибо внешне она была очень хороша без всякого старания с их стороны; они хотели, чтобы Миртий стала прекрасным человеком. Если подумать, возможно, в них даже говорил эгоизм, ведь они надеялись, что она возьмет от них лучшие из присущих им качеств, их ценности, такие как великодушие, способность уступать и прощать, а когда их не станет, передаст их дальше.

Задолго до рождения Миртий Луиза и Шарль создали для детей из неблагополучных семей Эльбефа ассоциацию «Золотой Простыни». Это было в 1964 году, когда кризис в текстильной промышленности выбросил на улицу половину рабочих агломерации. Прибытие на берега Сены заводов «Рено» не смогло полностью компенсировать потерянные рабочие места. Каждое лето ассоциация «Золотой Простыни» устраивала лагеря для детей и подростков, не имевших возможности уехать на каникулы, лагеря, которыми Луиза и Шарль руководили более тридцати лет. Они брали с собой Миртий, когда та еще толком не умела ходить, и малышка стала своего рода талисманом будущих уличных главарей, летом устанавливавших свои законы в дортуарах, а в остальное время года на городских улицах. В 1999 году Луиза и Шарль передали руководство лагерем Фредерику Мескилеку, директору Дома молодежи и культуры Эльбефа. Когда Миртий исполнилось семнадцать, Фредерик уговорил ее начать работать аниматором.

Фредерику Мескилеку нравилось, когда его называли Шишин, по имени другого Фредерика, гитариста группы «Рита Мицуко». Мескилек строил из себя денди и одновременно своего парня, носил длинные волосы, реденькую бородку и говорил степенно. Из строгого воспитания и десяти лет скаутского патруля он вынес моральные принципы, удовлетворявшие Шарля и Луизу, а кругосветное путешествие, совершенное в одиночку, когда ему еще не было двадцати, стало той изюминкой, которая притягивала к нему девушек, особенно тех, кто был значительно моложе его.

Включая Миртий.

Несмотря на разницу в возрасте, никто не сомневался, что Миртий и Фредерик полюбят друг друга. Ей было восемнадцать, а ему тридцать семь, но Луиза и Шарль не считали нужным препятствовать им.

Фредерик тоже был прекрасным человеком.

Свадьбу назначили на 2 октября 2004 года. На безымянном пальце трупа Миртий блестело обручальное кольцо.

На свадьбу Миртий собиралось прийти много народу.

Много, но значительно меньше, чем пришло на ее похороны.

Следовательское трио активизировалось. Судья, коммандан и психолог-криминалист.

Поначалу судья Лагард только и делал, что соглашался с решениями полицейского, а психолог-криминалист постоянно зевала, просматривая нескончаемые листы данных ДНК. Банк генетических кодов жителей Нормандии, созданный после убийства Морганы Аврил, пополнился кодами местных жителей, избежавших сдачи генетического материала в прошлый раз, а также отпускников и обитателей кемпингов в бухте Вей.

Безрезультатно; разумеется, всех доноров исключили из числа подозреваемых.

С завидной регулярностью вывешивали фоторобот, сделанный по указанию капитана Грима — портрет молодого человека с красным шарфом «Берберри», которого видели в Ипоре и чьи родители предположительно имели домик на побережье Нормандии.

За отсутствием иных улик он оставался подозреваемым номер один.

Подозреваемый призрак.

Либо на побережье его никто не видел, либо портрет слишком далек от оригинала.

Кармен Аврил начала давить на следователей. В сентябре журнал «Современная женщина» посвятил целый разворот интервью с матерью Морганы. Самую примечательную фразу, сказанную Кармен, вынесли на обложку: *«Если бы меня послушали, Миртий Камю была бы жива!»*

Кармен Аврил объяснила журналистке, что она по-прежнему уверена, что ее дочь стала жертвой садиста. Что он выбрал ее совершенно случайно. Как случайно выбрал Миртий Камю. Как случайно выберет новую жертву, если его не остановят. Возможно, Миртий Камю была бы жива, если бы капитан Грима не потерял время, отыскивая доказательства для своей версии несчастного случая, когда обычный парень, впав в панику, слишком сильно сжал горло своей случайной подружки; обычный парень, который никогда больше не совершит ничего подобного…

Коммандан Бастине изящно замял поднявшуюся шумиху, пригласил Кармен к себе, поговорил с ней. Власти пообещали женщине бросить на поиски убийцы все силы.

Они сдержали слово.

Судья Лагард и коммандан Бастине сплели гигантскую сеть и накрыли ею Нормандию. Поквартирные обходы, облавы, систематический опрос свидетелей, сравнение материалов картотек. Бастине не сомневался, что охота на серийного убийцу будет долгой, но в конце концов следствие найдет недостающую улику, микроскопический элемент, затерявшийся в гигабайтах информации. Работа для трудолюбивых и компетентных муравьев… В сущности, та же самая работа, которую выполнял капитан Грима в Фекане, однако теперь на нее отпущено вдесятеро больше средств.

Психолог-криминалист Элен Нильсон ужасно скучала. В отличие от коммандана Бастине она делала ставку на свидетельские показания. Показания единственного свидетеля.

Между убийством Морганы Аврил и Миртий Камю была весьма существенная разница.

За несколько дней до смерти Миртий Камю угрожали.

И ее родные знали, кто.

*** * ***

Я поднял глаза. Я почти закончил чтение. Появление на пляже, примерно в сотне метров от меня, знакомой фигуры, озадачило меня.

Атаракс!

На нем была все та же коричневая куртка, приросшая к нему, словно вторая кожа, и выглядел он все таким же усталым и подавленным, так что было легко предположить, что это Атараксу, а не Магали Варрон следовало броситься с обрыва. Он медленно направлялся в сторону открытого моря, словно ждал, когда просохнет скрытая за убегавшими волнами отмель.

Все стремилось свалить отсюда, даже море.

Прибрежные прогулки наверняка способствовали развитию его невроза.

Я быстро собрал листки, засунул их в конверт и поспешил к нему.

Мы составляли очень узкий круг трех свидетелей самоубийства Магали Варрон. Так как,

по всей вероятности, убийца с красным шарфом появился вновь, после того как десять лет назад совершил двойное убийство, у Атаракса, возможно, имелась своя версия столь невероятного стечения обстоятельств.

14
Он не остановится?

— Кристиан? Кристиан Ле Медеф?

Я шел быстро, насколько позволяли камни, скрытые прежде под водой. Пустынный пейзаж после волшебного дождя. Тысячи крошечных вершин, малюсенькие долины и полости, проделанные ветром и тысячелетиями. Заостренные. Блестящие. Моя левая нога, зацепившись за гребень, соскользнула в долину. Я выругался про себя. Если я со своей дурацкой ногой не могу сохранить равновесие на скользких камнях, мне не стоит и пытаться покорить заснеженные склоны Монблана.

— Ле Медеф! — снова позвал я.

На этот раз Атаракс обернулся и устало посмотрел на меня.

— А-а… Это вы.

Он явно забыл мое имя. Я подошел к нему, пожал руку.

— Джамал. Джамал Салауи.

Он принялся изучать мою толстовку «Wind Woll». Ту, что была на мне накануне, равно как и во все остальные дни.

— Так вы, значит, каждый день бегаете?

— Ну да.

Я не хотел вдаваться в подробности своих тренировок. Я искал повод заговорить об убийстве Магали Варрон.

— Сегодня я опять еду в полицию, в Фекан. Меня вызывали на четырнадцать часов. А вы?

Ле Медеф взглянул на меня с удивлением.

— А я нет. Я вчера подписал свои показания. Капитан Пироз сказал, что в случае необходимости он со мной свяжется… Заметьте, я не собираюсь жаловаться…

Похоже, ему хотелось осмыслить мое исключительное положение. У подножия обрыва уходила в бесконечную даль каменистая отмель. Пустыня, населенная черными согбенными тенями жителей Ипора, собиравших ракушки. Несколько десятков жителей, разбившихся на группы по два-три человека.

— Это запрещено, — произнес Ле Медеф.

— Что?

— Собирать ракушки. Запрещено! Есть плакат, он висит на посту спасателей, но все собирают… Полиция молчит. Это превосходит мое понимание…

Он поднял голос, быть может, в надежде, что его услышат собиратели ракушек.

— Если есть опасность, надо заставить уважать закон, а если опасности нет, нужно предоставить людям возможность спокойно собирать мидии… Но запрещать и не бороться с нарушителями — это же чистое лицемерие! Вы так не считаете?

— Не знаю… Я никогда не собирал мидии.

— Вы не считаете, что полицейские — лицемеры?

— Еще бы!

Я скривился, чтобы показать свое отвращение, но не к фликам, а от мысли, как можно совать в рот и есть скользких моллюсков, оторванных от камней, которых половину дня греет солнце. Моя гримаса вызвала у Ле Медефа улыбку. Отныне я решил про себя называть

его «Ле Медеф», ибо, в сущности, его собственное имя более забавно, чем «Атаракс».

— Итак, капитан Пироз снова хочет говорить с вами? — спросил он.

— Увы…

— Впрочем, это логично… Здесь, внизу, мы с Денизой и отважным Арнольдом ничего не видели. Только разбившуюся девушку. А вы смотрели с балкона.

И он вновь воззрился на сборщиков ракушек.

— Только представьте себе, Джамал: вдруг случится отравление? И они все умрут. Или только один. Например, старик. Или мальчик. После того как они слопают начиненного бактериями краба. Здесь, между нефтеналивными судами и атомной электростанцией, такое вполне может случиться, это отнюдь не из области фантастики.

До нас долетали обрывки слов, которыми обменивались собиратели, находившиеся в пяти десятках метров от нас: дед и его два внука. Сапоги, желтые непромокаемые куртки, ведро с надписью «Хелоу Китти».

Нет, я не мог себе представить.

— Странное, однако, дело, — продолжал Ле Медеф.

Я понял, что он намекает на самоубийство Магали Варрон.

— Почему?

— Полагаю, капитан Пироз сказал вам. Понимаете, полицейские не считают это самоубийством. Малышку изнасиловали, потом задушили. Но ведь у вас несколько иная версия, не так ли?

Не успел я открыть рот, как он торопливо заговорил:

— Надо сказать, ваша версия меня удивила. Девушка добровольно прыгает со скалы. Знаете, я покопался в Интернете и нашел кое-какие сведения об этой Магали Варрон.

Приблизившись ко мне, он понизил голос. Теперь он обеими ногами стоял в промоине с соленой водой, однако ему, похоже, было наплевать.

— Я кое-что нашел. Правда, в это трудно поверить… У меня есть время для поисков, собственно, все дни в моем распоряжении.

— Как это?

— Я безработный, в разводе, сидел с детьми, они теперь учатся на другом конце Франции…

Черт! Я ожидал сведений о Магали Варрон, а он, приблизив небритое лицо к моему плечу, рассказывал мне свою жизнь.

— Я работал на АЭС «Палюэль». Квалифицированный инженер! Не так-то просто особенно когда у вас, как у меня, есть экологическая жилка. Однажды, восемь лет тому назад, я все бросил и вложил средства в ветряные двигатели. За ними будущее! Моя жена согласилась, она тоже эколог, ну, во всяком случае, была им. Вначале все шло хорошо, я создал малое предприятие в Кане, даже нанял двух техников и одного коммерческого представителя, мы намеревались ездить по округе и продавать ветер здешним земледельцам… Никогда еще мое дурацкое имя «Ле Медеф» не звучало так весомо.

Переводя дух, он усмехнулся. Мне было не смешно. Запах его туалетной воды смешивался с брызгами волн. Голос его приобрел мелодраматические интонации. Немножко наигранные, но тогда я не обратил на это внимания. Я вспомнил об этом позже, гораздо позже.

— Неожиданно на рынок рванулись жирные коты, — нервно продолжал Ле Медеф, — Нордекс. Веолия. Суэз. Ровно в тот момент, когда закон запретил выдавать разрешения на

установку ветряков в частных владениях. Теперь каждый столб устанавливался на основании результатов опросов и выяснения, какая от него польза для общества и не потребует ли его установка пересмотра градостроительного плана. Не стану долго расписывать, через полгода все мелкие хозяева словно растворились, а многонациональные корпорации разделили пирог. В итоге! Жена удрала с коллегой, занявшим мое место на АЭС. Я по уши влез в долги, чтобы платить за обучение моих мальчишек. Должен сказать, я до сих пор каждый месяц получаю напоминание об оплате своих займов и раз в год открытку от моих мальчиков.

Ле Медеф напоминал мне одного из тех ослов, что словно приросли к скамейкам в квартале-4000. Одиночки, они пытались заново отснять кино своей жизни. Наверное, они верили, что если им удастся заловить первого встречного и рассказать ему о своих несчастьях, он возьмет их на себя.

— Год назад, — продолжал Ле Медеф, — я остался без жилья. К счастью, мне попался старик, который искал кого-нибудь, кто привел бы в порядок его летний дом в Ипоре, и предоставил дом в мое полное распоряжение. Он никогда не ездит в Ипор, но продавать дом не хочет. В общем, это его дело. Я согласился, мне надо немного подлечиться… Я занимаюсь починкой, стригу газон, поддерживаю халупу в порядке и живу там бесплатно. И не жалуюсь, надо признать. Ипор — не самая занюханная деревня, чтобы начать все сначала.

Когда он, словно задержавший дыхание пловец, заново набирал воздух, я нарочито посмотрел на часы. Он понял намек.

— Ладно, вернемся к несчастной Магали Варрон. О том, что надо подняться на ноги, потом. Пироз вам о ней рассказывал?

— Он сказал мне, что она распространяла лекарственную продукцию, обходила всех страховых врачей кантона. Без сомнения, переночевала в Ипоре, только они не знают, где…

Ле Медеф снова повернул голову в сторону мальчиков и их деда; во взоре его читалась тревога, словно собиратели мидий находились в большой опасности.

— То же самое. Он мне рассказал то же самое, и тогда я напрягся. А на… АЭС «Палюэль» я работал в контакте с местными больницами и врачами. Контроль качества воздуха, распределение дозиметров и таблеток йода, прочая ерунда. Я общался с дюжиной местных эскулапов. И все они знали малышку Варрон… Надо сказать, та еще куколка! Она работала на Байер-Франс. Все видели в ней энергичную и кокетливую красотку, такую, какая нужна для того, чтобы врачи выписывали своим больным ее таблетки. Вы успели разглядеть ее лучше, чем я. Я хотел сказать, рассмотреть ее живой. Очень красивая девушка, если бы такая предложила врачам выписывать в качестве антирадиационного средства галюциногенные грибы, они бы и их упаковками прописывали. Короче говоря, девушка без комплексов… По крайней мере, на первый взгляд.

Ле Медеф обладал даром приковать к себе любого чувака, согласившегося его выслушать.

— Почему только «на первый»?

Он брел по выступавшим из воды камням. По низу его ботинок тянулась темная линия.

— Мои говнодавы промокли! Я возвращаюсь в деревню. Вы со мной?

Не двигаясь с места, я спросил:

— Так что же вы узнали о Магали Варрон? У нее были проблемы?

— Я же сказал, идемте со мной. Надо проникнуться, как и я, чтобы понять…

У меня не было выбора. Я следовал за ним по пятам. Пока мы шли к молу, я сообразил, что Кристиан Ле Медеф живет в этих краях уже больше десяти лет. Он также наверняка

сопоставил самоубийство Магали Варрон и убийства Морганы Аврил и Миртий Камю. Красный шарф… «Может, стоило навести его на эту мысль?» — подумал я, но промолчал и поспешил за ним.

Одно разоблачение за другим…

Мы миновали «Сирену». Ле Медеф свернул на улицу Эмманюэля Фуа, торговую улицу Ипора.

— Сейчас вы увидите, — сказал он мне. — Это что-то невероятное!

С заговорщическим видом он остановился перед домом печати.

— Смотрите сюда, на газеты, что выложены на прилавке.

Я изучил заголовки: «Париж-Нормандия», «Гавр-пресс», «Курьер Ко». Не заметив ничего необычного, я вопросительно посмотрел на Ле Медефа.

— Я… я ничего не вижу.

— Вот именно! Вы не поняли? Невероятно! Девушка бросается с обрыва, изнасилованная и, возможно даже, задушенная. А на следующий день ни в одном из местных ежедневных изданий об этом ни слова. Ни единого слова.

Внезапно я понял, куда клонит Ле Медеф, и попытался выдвинуть контр-аргумент.

— Это самоубийство. Оно не заслуживает…

Я пропустил какого-то типа, выходившего из дверей магазина с газетой «Экип» под мышкой. «Курьер Ко» писала о расширении границ городской агломерации Фекана, «Гавр-пресс» — о сокращении рабочих мест в агломерации Пор-Жером, «Париж-Нормандия» о повышении цен на недвижимость на побережье.

— Правда, ни одного слова? — продолжал Ле Медеф, повысив голос. — Только не говорите мне, что вы ничего не сравнивали. Вы наверняка говорили с местными жителями. Вы же в курсе, черт возьми! Вернулся серийный убийца! Изнасилование, юная девушка задушена красным шарфом стоимостью в месячное пособие! Черт, прошло десять лет, а я все помню, словно это случилось вчера. На протяжении полугода дело не сходило с первых полос всех газет. А сейчас? Ничего! Совсем ничего!

— Слишком мало времени. Все случилось вчера утром…

— Совершенно верно. Но это же сенсация! Как они могли пройти мимо?!

Я подробно изучил первую страницу ежедневной газеты, надеясь найти сообщение о самоубийстве хотя бы в колонке происшествий. Гордый своим открытием, Ле Медеф не мешал мне. Сам он наверняка прошерстил все газеты.

Я попытался придумать другое объяснение:

— Все дело в полицейских. Они сумели сохранить информацию в тайне. Примерно как… как о несчастном случае на атомной станции: сначала все молчат, ожидая, когда устранят опасность, а потом сообщают населению.

Я явно не убедил Ле Медефа.

— Как полиция могла утаить информацию? Есть три свидетеля. Я, например, уже всем рассказал приятелям. Полагаю, вы тоже, разве нет? Так же и Дениза, это в ее стиле… Не говоря о тех, кто вчера утром видел, как полиция на пляже осматривала труп… И никто не задавался вопросами? В такой деревне, как Ипор, где никогда ничего не происходит и где старперам нечего делать, кроме как пережевывать слухи?

Кристиан Ле Медеф прав. Невозможно предположить, что ни один журналист не получил информации о случившемся, ни один не провел параллель с делом Аврил–Камю десятилетней давности. Что никто, кроме нас, не в курсе…

Однако получается именно так.

— Итак? — настаивал Ле Медеф. — Вы нашли объяснение?

Я отрицательно покачал головой.

— Вот и я не нашел. Поверь мне, мальчик, это дело плохо пахнет, от него идет вонь.

Я отдал себе отчет, что он обратился ко мне на «ты», словно искал во мне сообщника для расследования, превосходившего наше разумение. Он пальцем указал на маленький дом. Синие ставни, стены из местного камня с орнаментом из красного кирпича, черепичная крыша. Не самое худшее временное пристанище для бомжа.

— Это моя конура! Выпьешь кофе?

Время поджимало. До встречи с Пирозом оставалось менее трех часов.

— Нет. Мне очень жаль. Кстати, вы знаете, где живет Дениза, наш третий свидетель?

Кристиан Ле Медеф казался разочарованным.

— С Арнольдом, разумеется… — Он улыбнулся собственной шутке. — Других идей у меня нет. Я не видел ее со вчерашнего дня. Я ведь даже фамилии ее не знаю… А ты обретаешься у Андре Жозвиака, в «Сирене»?

— Да. Остановился на неделю.

— О'кей. Если узнаю чего-нибудь новенькое, сообщу. Я продолжу копать, чтобы побольше разузнать про эту Магали Варрон. Вот что я тебе скажу: надо нарушить омерту. Вчера вечером я говорил по телефону с доктором Шарье, у него свой кабинет в Дудвиле. Это врач, которого Магали посетила накануне своего большого выхода. То есть еще один тип, который в курсе случившегося! Что касается Шарье, то на него непросто произвести впечатление. Ты бы видел его секретарш, вот это бомбы… Так вот, он тоже попал под обаяние малышки Магали. Даже пытался поухлестывать за ней. Он заговорил ее, и в конце концов она ему рассказала, что занимается танцами; тогда он пригласил ее как-нибудь вечерком пойти вместе с ним потанцевать. Хотел показать ей, что он тоже умеет выдерживать темп. Надо сказать, красавица Магали занималась отнюдь не диско, а современными восточными танцами, кажется, танцем живота…

Беллиданс…

Молния ударила в мой мозг, и разорвавшиеся нейроны напрасно пытались соединиться вновь.

Кристиан Ле Медеф продолжал что-то говорить, кажется, он представлял себе Магали Варрон в сари с пайетками…

Я перестал его слушать.

— До скорого, Кристиан. Держите меня в курсе ваших поисков, — сказал я, помахав ему рукой.

Изумленный моим резким уходом, он остался стоять посреди улицы.

Я находился примерно в ста метрах от «Сирены» и с трудом сдерживал себя, чтобы не припуститься бегом.

Беллиданс…

Андре нигде не видно. Я поднялся по лестнице, отпер дверь, бросился к ноутбуку и включил его, заранее проклиная его медлительность. Диск Windows крутился медленнее, чем мои мысли.

Беллиданс.

Накануне я впервые прочел это слово в материалах из коричневых пакетов.

В биографической справке о Моргане Аврил!

Пока раскочегаривался мой ноут, я разложил на кровати листки, относившиеся к жизни Морганы Аврил. Статьи в прессе, полицейские заметки, интервью…

Наконец стрелка на экране показала, что можно начинать работать.

Я лихорадочно напечатал имя.

Магали Варрон.

Выскочило сразу несколько социальных сетей.

Facebook. Copains d'avant. Twitter. Linked In. Daily Motion.

Схватив листок и первую попавшуюся ручку, я провел черту. Одна колонка для Магали, другая — для Морганы. Последовательно записал все сведения, которые удалось найти, расположив их в порядке важности.

Дата и место рождения, кружки, которые посещали во время учебы в школе, музыкальные пристрастия, отдых, в каких странах побывали…

Слова и имена выстраивались на каждой половине страницы практически против моей воли.

Каждое новое слово казалось еще невероятнее, чем предыдущее.

Я продолжал поиск до тех пор, пока информация не стала повторяться.

Строчки, словно обезумев, скакали у меня перед глазами. Сюрреалистическая картина.

Неужели случай мог так поиздеваться надо мной?

15
Девушка без комплексов?

— Алло! Мона, ты где?

— Джамал? Ты проснулся? Я еду вдоль берега из Гренваля и скоро буду в Ипоре.

— О’кей, я тебя встречу. Мне надо с тобой поговорить. Срочно, очень срочно. Совершенно безумная штука.

— Она имеет отношение к твоему серийному убийце?

— Скорее, к его жертвам.

Прибежав на мол, я услышал, как кто-то зовет меня.

— Джамал, я здесь!

Мона.

Она сидела на качелях на маленькой детской площадке, устроенной на прибрежном склоне. Тобоган, маленькая стенка для скалолазанья, веревочный мост. Она тихо раскачивалась, словно сушила свой неопреновый комбинезон, расстегнутый на груди. У ее ног стоял рюкзак с образцами особо редкой гальки, способной произвести революцию в электронной промышленности.

Подойдя к ней, я с изумлением увидел, что Мона прицепила мою звезду шерифа к комбинезону. Кому еще, как не этой девушке, я мог доверить свои невероятные открытия?

Я сел напротив нее, на борт маленького лягушатника, который наполняют только в теплые солнечные дни — если такие здесь бывают. И мы оба уставились на медную рыбку с открытым ртом, предназначение которой — выплевывать в бассейн струю воды.

— Итак? — нетерпеливо начала Мона. — Что ты хотел сказать мне?

Я протянул ей исписанный листок.

— Смотри, Мона! Два столбца. Один — для Магали Варрон, скончавшейся вчера утром, другой — для Морганы Аврил, убитой садистом десять лет назад. Я выписал все, что о них известно. Так вот, слушай… Моргана Аврил была фанаткой прогрессивных рок-групп семидесятых: «Пинк Флойд», «Йес», «Генезис», это указано в отчете следствия, именно поэтому она так хотела поехать на фестиваль «Рифф и Клифф». На своей страничке в *Facebook* Магали Варрон также признавалась, что фанатеет от нескольких музыкальных групп. Точнее, трех: «Пинк Флойд», «Йес» и «Генезис».

— Как и тысячи других фанатов, я полагаю?

Качели Моны по-птичьи жалобно скрипели. Я вновь обратился к своему листку:

— О’кей, продолжаю. В Нефшателе Моргана занималась восточными танцами, а именно танцем живота…

— Знаю. Салонный танец, версия беллиданс. Это сейчас модно…

— Магали также обучалась танцу живота, только в Гавре.

— Я же тебе говорила…

— Разумеется, совпадение! Но подумай сама, Мона! Это всего лишь начало… Школьные годы Морганы Аврил прошли в государственных школах ее родного города Нефшатель-ан-Брэ, с 1986 по 2003-й. Я выписал все названия: дошкольное обучение в школе «Шарль Перро», начальная школа «Клод Моне», коллеж «Альберт Швейцер», лицей «Жорж Брассанс». Классический путь сотен других маленьких жителей Нефшателя. Ничего общего с Магали Варрон, жившей в департаменте Валь-де-Марн, к югу от Парижа. Окончил

начальную школу в 2004 году, она, естественно, поступает в коллеж в Кретейе… Догадайся, как называется коллеж?

Вместо ответа качели издали три новых взвизга.

— «Альберт Швейцер»! — почти проорал я.

Сместив прямую траекторию, Мона резко качнулась вбок. Не став отвечать на ее изумленный взгляд, я продолжил:

— Еще одно совпадение, разумеется! Лицей Магали находится в двадцати километрах от Кретейя, а если быть точным, в Куркуроне. Как, по-твоему, называется лицей в Куркуроне?

— «Жорж Брассанс»? — неуверенно произнесла Мона.

— Совершенно верно! Я проверил, во Франции не меньше десятка лицеев носят имя Жоржа Брассанса… И среди них один в Нефшатель-ан-Брэ и один в Куркуроне.

— Странно, ты прав. Но…

Я не дал ей перевести дух.

— Слушай дальше. И Моргана, и Магали обе изучали медицину, Моргана в Руане Магали — в университете Эври-Валь-д'Эссон.

Мона ногой притормозила движение качелей.

— Быть может, они дальние родственницы? Или дружили их семьи?

— Нет. Ни в одной из статей, ни в одном досье, посвященном расследованию дела Аврил, я не нашел упоминания о Магали Варрон. Впрочем, когда убили Моргану, Магали было десять лет. И она не жила в Нормандии.

Ветер с моря продолжал раскачивать качели, с которых соскочила Мона. Холодный ветер. Она до конца застегнула молнию своего комбинезона. На груди ее блестела звезда.

— О'кей, — произнесла она. — Поразмыслим спокойно. Ты прав в одном: это не может быть совпадением. Возможно, между девушками существует некая связь… Априори, согласно тому, что тебе удалось узнать, Моргана не могла быть знакома с Магали Варрон. Магали младше нее на десять лет. Она жила в Иль-де-Франсе.

Личико ее сморщилось, маленький носик вздернулся и задвигался, словно у недоверчивого кролика, вынюхивающего след. Внезапно в глазах ее загорелись искры, свидетельствующие о гениальном решении.

— Но ведь возможно и обратное, Джамал! Магали вполне могла слышать разговоры о деле Аврил, об убийце с красным шарфом. В то время ей было десять лет, и эта история могла травмировать ее детскую психику… Предположим — а почему бы и нет? — что она стала отождествлять себя с Морганой, копировать ее вкусы, привычки, вплоть до выбора коллежа, а затем лицея. Отсюда коллеж и лицей, которые носят те же имена, что и коллеж и лицей Морганы Аврил…

Я с сомнением пожал плечами.

— Настолько, чтобы умереть той же смертью через десять лет? Заставить себя изнасиловать? Изобразить удушение шарфом «Берберри»?

Розовый носик Моны часто задышал.

— Согласна, в это поверить трудно.

Я подошел к Моне. Прежде чем продолжить, мне захотелось прижаться к ее влажному комбинезону и заключить ее в объятия.

— Это еще не все, Мона. Магали Варрон не только скопировала смерть Морганы Аврил. — Мой голос понизился на две октавы. — Она родилась 10 мая 1993 года — иначе

говоря, день в день, только через десять лет после Морганы Аврил.

— Моргана родилась 10 мая 1983 года?

— Да, в больнице Фернан Ланглуа в Нефшатель-ан-Брэ.

Мона поперхнулась.

— А где… где родилась Магали Варрон?

— Почти за шесть тысяч километров от Нормандии, в северном предместье Квебека…

Я дал Моне время вздохнуть и с облегчением выдохнуть, чтобы потом сразить ее наповал.

— Предоставляю тебе возможность догадаться, как называлось то предместье…

Ответ застрял у нее в горле, и она с трудом вытолкнула его:

— Нефшатель?

— Да! Каким бы невероятным это ни казалось, но она родилась в Нефшателе, городке между Шарлесбургом и Лоретвилем.

Внезапно Мона расслабила мышцы своей мордашки настороженной мышки. Словно отказывалась понимать. Шагнув ко мне, она прижалась своим неопреном к моей «Wind Woll». Объятия непривычные, скользкие. Мы чувствовали себя космонавтами на планете Марс.

— Магали Варрон не только скопировала смерть Морганы Аврил, — повторил я. — Она скопировала ее рождение! Я провел поиск: во всем мире только пять городов носят название Нефшатель: четыре во Франции и один в Канаде. Магали Варрон приехала во Францию, в Кретей, когда ей исполнилось семь лет.

— Черт возьми, Джамал, что значит вся эта история?

— Я ничего не понимаю, Мона. Ничего не понимаю. Что-то ускользает от нас. Возможно, есть рациональное объяснение.

Не размыкая объятий, я прошептал ей на ухо:

— Копировать чужую жизнь. Каждый шаг, с начала до конца. Все увлечения, все школы, словно зеркало, только на расстоянии. Своего рода голограмма. Черт, это невозможно!

Мона попыталась найти довод, однако голос ее звучал неуверенно:

— Серийный убийца всегда ищет похожую жертву, ведь так? Понимаешь, что я хочу сказать? Похожих девушек, которые напоминают ему мать, бывшую супругу или вымышленную, но вполне определенную женщину.

— Но здесь все наоборот, Мона! Здесь получается, будто эта девушка, Магали Варрон, старалась заменить жертву, самой выступить в роли добычи. Словно привлекала к себе хищника, пока он наконец не нашел ее…

— И сама доделала за него его работу, — добавила Мона. — И даже обмотала орудие убийства вокруг собственной шеи. Последний совершенный ею поступок.

Я не ответил. Несколько секунд я слушал шум прибоя, а потом нежно поцеловал ее в губы, проводя рукой по изгибам ее дельфиньей кожи. Когда рука моя спустилась на бедра, Мона тяжело задышала. В крошечном кармашке ее комбинезона я нащупал что-то плотное. Пальцы скользнули в кармашек и вытащили желтую косынку.

— Это для волос, — прошептала Мона. — Чтобы не мешали.

Косынка заскользила в моих пальцах. Без всякой задней мысли я поднял руки и, держа кусок ткани за оба конца, приблизил к ее подбородку.

Медленно.

— Интересно, сколько времени понадобится, чтобы затянуть эту штуку?

Я еще ближе приблизил шелк к ее шее. В следующее мгновение взор Моны потух.

В ее глазах я прочел страх. Внезапный и неизбывный ужас.

Какой кретин!

Я тотчас опустил руки; но зло свершилось.

— Пожалуйста, Джамал, не играй в такие игры… — произнесла она, и в голосе ее зазвенели слезы.

— Прости меня. Я не хотел… — промямлил я.

Она вырвала косынку у меня из рук.

— Оставь. Это мне надо извиняться, это глупое предчувствие.

Она уставилась на свисавшую с ладони желтую ткань.

— Хочешь знать, в чем я уверена, Джамал?

— В чем?

— Что это невозможно.

Глядя на высившийся перед нами обрыв, на бункер, на овец, на то самое место, откуда вчера упала Магали, она повторила:

— Невозможно, чтобы девушка во время падения с высоты обернула платок вокруг шеи.

Решительным жестом Мона сложила руки, потом отвела их за голову и стянула желтой косынкой волосы на затылке.

Сколько времени ей понадобилось? Менее секунды?

— Это не вопрос времени, Джамал! — резко произнесла она. — Быть может, это возможно, так сказать, технически. Но ты представляешь? Выполнить это движение, паря в воздухе, вернее, падая как камень. Точно рассчитанное движение… Абстрагируясь от всего остального. Это невозможно, Джамал, я уверена. Хотя тебе я тебе верю: когда Магали стояла на обрыве, шарфа на шее у нее не было, а внизу он появился…

— Видимо… может, есть некое рациональное объяснение…

— Ты уже нашел его, Джамал.

Я молчал. Она права. Эта история не выдерживала критики.

И все же…

Мона затолкала косынку в карман. Она села на мотоцикл-качалку и посмотрела на меня, словно медсестра, которой предстоит сделать укол несговорчивому пациенту.

— Подводя итог тому, что нам известно, Джамал, получается, что в 2004 году серийный убийца насилует и убивает двух женщин, Моргану Аврил и Миртий Камю. Спустя десять лет при аналогичных обстоятельствах умирает девушка. Версии две. Версия, на первый взгляд, идиотская: девушка повторяет судьбу Морганы Аврил, ее жизнь, ее вкусы, ее музыкальные пристрастия, школы с такими же названиями, как и те, где училась Моргана, проводит досуг… Вплоть до самоубийства, в точности повторяющего смерть Морганы.

— И выбирает тот же самый день и то же самое место рождения, что и Моргана, — вставил я. — Кретинизм!

— Согласна, кретинизм. Тогда перейдем ко второй версии, более логичной. Убийца вновь наносит удар. Принимая во внимание все, что мы знаем о Магали Варрон, на этот раз отнюдь не наугад. Он выбирает жертву, насилует ее, душит. Это ведь гипотеза полицейских, точно?

— Да, и такая же кретинская! Магали не скончалась от удушья, она совершила самоубийство.

Медленно покачав головой, Мона задумалась.

— Менее чем через два часа мне предстоит встреча с капитаном Пирозом, — продолжил я. — Должен тебе сказать, Мона, у меня заранее мурашки бегают. Я… по сути, я являюсь идеальной фигурой для преступника.

— У них ничего нет против тебя. Это не твоя сперма, Джамал! У тебя есть судимость?

— Нет!

— Ты никогда никого не убивал? Никогда никого не грабил?

Она слегка раскачивалась, сидя на мотоцикле. В латексном комбинезоне, с разметавшимися по плечам волосами, она напоминала ангела ада на миниатюрном «Харлей Дэвидсоне».

Я улыбнулся ей с видом отчаявшегося Друпи;[9] похоже, в этой улыбке заключалось все мое обаяние.

— Грабил, было. Чтобы заплатить за свое обучение. Но я никогда не попадался, у меня безупречный метод.

Зрачки ее задрожали. Она явно была рада сменить тему.

— Очередная история?

— Я совершал кражи только летом, на берегах рек, в ущельях Тарна или Ардеша. Знаешь, это настоящие автострады для каноэ и каяков. Я крал из железных ящиков, куда туристы складывали свои документы, часы и мобильные телефоны, а потом, вытащив на берег лодки, отправлялись скакать по скалам. В кемпинге или на пляже невозможно шарить в сумках, там все смотрят за всеми. Но когда ты в желтом спасательном жилете, а перед тобой три десятка каноэ, никто не обратит на тебя внимания.

Мона чуть не упала со своего мотоцикла.

— Черт. Гениально придумано. Ты, действительно, проделывал такие трюки?

Она пристально вглядывалась в каждую мою ресницу.

— Возможно… Обожаю придумывать истории.

Ответ прозвучал, как удар.

— А красный шарф ты тоже придумал?

Фраза вырвалась у нее невольно. Она произнесла ее инстинктивно. По крайней мере, в тот момент я думал именно так. Я был уверен, что она не подготовлена заранее.

Лицо мое помрачнело.

— Черт, только не ты, Мона!

— Что «не ты»?

— Мона, послушай меня, я не имею отношения к смерти этой девушки. И к изнасилованию. Четырехлетний пацан — и тот понимает разницу между игрой, между тем, что делают понарошку, и тем, что всерьез. Мне кажется, ты об этом забыла, Мона…

Я умолк и посмотрел ей прямо в глаза.

— Если я не могу доверять тебе, тогда кому же?

Похоже, она обиделась. Стараясь не повышать голоса, она встала и произнесла:

— Все хорошо, Джамал. Успокойся. Я тебе верю.

Мое сердце билось так сильно, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Я не блефовал. Я действительно готов был запаниковать. Одному невозможно разобраться в этой безумной истории.

Если Мона меня бросит…

Если Мона меня бросит, кто мне поверит?

Полиция?

Андре? Кристиан Ле Медеф? Дениза и Арнольд?
Вы?

16
Еще одно совпадение?

Мы с Моной могли молчать целую вечность.

Мона уже собиралась уходить, как зажигательная мелодия «La Grange» в исполнении рок-группы «ZZ Top» неожиданно взорвала воздух.

Это зазвенел мой мобильный! Пришла смс-ка. Я нервно нашарил в кармане телефон.

— Поклонница? — с любопытством спросила Мона.

Похоже, она обрадовалась, что некая сила извне разорвала паутину, в которой запутались мы оба. Я прочел послание и начал разряжать обстановку:

— Ты даже не представляешь, как ты угадала…

— Молодая и хорошенькая?

— Хорошенькая — да. И очень молоденькая.

— Сколько ей лет?

— Пятнадцать…

Мона привстала на цыпочки и окинула меня удивленным взглядом.

— Ее зовут Офели, она подросток из клиники Сент-Антуан. Ее изнасиловал собственный отец. Подарок на день рождения. Тогда ей исполнилось восемь лет. Последствия сказываются до сих пор. Вспышки ярости. Психическая неуравновешенность. Нарушения сексуального характера… Ни один взрослый, ни один воспитатель, психиатр или препод не может с ней договориться. Но мне удается найти с ней общий язык.

— И она звонит тебе во время каникул?

— И ты туда же. В клинике меня с этим достали. По их мнению, я слишком с ней сблизился и мешаю процессу исцеления…

— Они правы, — заметила Мона. — У каждого своя работа. А чего хочет от тебя эта крошка?

Я протянул Моне телефон, чтобы показать присланное Офели фото. Она позировала, прижавшись лицом к щеке чернокожего бугая, половину ноздри которого занимал пирсинг. К фото прилагалось короткое послание. Два слова: *«Какая оценка?»*

— Что значит «Какая оценка»?

Я забрал у Моны телефон.

— Наша с ней игра. На уик-эндах или на каникулах, когда Офели подцепляет себе парня, она присылает мне его фото, и я его оцениваю… Даю оценку и характеристику. Вроде «Можешь найти лучше», «Уже лучше», «Вне всякой критики». По возвращении я иногда тоже показываю ей фото своих подружек…

Успокоившись, Мона наконец рассмеялась.

— И ты еще удивляешься, что воспитатели в твоей клинике тебя шпыняют!

Я быстро набрал ответ.

> «5 баллов из 20. Отсутствие воображения. Постарайся, чтобы снова не подсунули».

Когда я нажимал, чтобы отправить почту, Мона, презрев ветер, гулявший между дамбой и пляжными кабинками, резко расстегнула комбинезон. Обе ее груди аккуратно

высвободились из неопренового плена.

— А я? Какая оценка?

Эта девушка точно сумасшедшая!

— Ты хочешь получить оценку от моей приятельницы?

Я настроил iPhone и направил его на лицо Моны.

— Готово, ушло. Однако предупреждаю, Офели очень злая. До сих пор она не дала ни одной из моих подружек даже среднего балла.

Я подошел к Моне.

— Одевайся, пока не простыла до смерти. Я тебя покидаю, меня ждут жандармы.

Я сам застегнул молнию, и декольте Моны превратилось в скромный воротничок под горло.

У меня осталось время забежать в гостиницу, переодеться и заглотить бутерброд, прежде чем сесть в автобус, направлявшийся в Фекан, где находилась жандармерия.

Когда я вошел в холл «Сирены», Андре раскладывал проспекты дворца Бенедиктин. Обычно он проводил время за стойкой, то исчезая, то появляясь и таким образом убеждая всех, что у него есть некий тайный ход, секретный люк под барной стойкой или что-то в этом роде.

Похоже, новой почты для меня у него нет…

— Скажи, Андре, — обратился я к нему, — среди твоих клиентов не мелькало имя торгового агента фармацевтической компании Магали Варрон? Она распространяла лекарства в регионе Гавра. Время от времени ей приходилось ночевать в гостиницах. Вот, к примеру, позавчера…

— Девушка, что совершила самоубийство?

Он продолжал равнодушно раскладывать проспекты. Туристический поезд Этрета. Музей рыболовства в Фекане. Я чуть было не спросил, как это он так быстро сообразил, о ком речь.

— Ну да…

— Имя мне ничего не говорит. Ты же знаешь, в округе есть не менее десятка гостиниц, не считая тех, что в Этрета, а также гостевые комнаты, которые держат почти все местные крестьяне. У тебя нет ее фото?

— Нет…

Я постарался подробно описать Магали Варрон. Не скрыл от него ее чарующую красоту и притягательную силу ее отчаянного взгляда.

Ответ Андре прозвучал как нечто само собой разумеющееся:

— Такую красивую девушку я бы заметил…

Еще бы.

Когда я взбирался по деревянной лестнице, снова завибрировал телефон.

Новая смс-ка!

Ответ Офели на фото Моны.

Я прочел текст, убежденный, что моя маленькая протеже разобьет в пух и прах рыженькую землеройку, раскритикует с присущей ей ревностью и злобой. Послание сразило меня наповал.

«21 балл из 20. Не бросай ее, это женщина всей твоей жизни».

Когда я открыл дверь своего номера, из распахнутого окна на меня подул ледяной ветер.

Горничная решила проветрить.

Кровать заправлена безупречно. Полотенца заменены на чистые. Я вспомнил, в каком беспорядке оставил комнату после ночи, проведенной с Моной.

И внезапно замер на месте.

На моем рабочем столе, рядом с ноутбуком, лежал коричневый конверт. Новый, нетронутый. На этот раз никаких штампов. Никакого адреса. Только мое имя.

Джамалу Салауи.

Тот же женский почерк, что и на предыдущих конвертах.

Прежде чем взять пакет, я высунулся в открытое окно. Порыв ветра остудил мое вспотевшее тело. Попасть ко мне в комнату снаружи довольно просто: плоская крыша ресторана «Сирены» и его пристройки могли выступить в роли своеобразной лестницы для великана. Но кто мог решиться на такое рискованное предприятие? Прямо напротив моря, на виду у всех? Только для того, чтобы положить конверт мне на стол?

Я было решил спуститься и спросить Андре, не входил ли ко мне кто-нибудь, кроме горничной, но потом передумал.

Потом…

Я закрыл окно. Надо успокоиться. Пот, который моя навороченная куртка теоретически должна поглощать, горячими ручьями струился по телу. Я сел на кровать, разделся, отвинтил свой карбоновый протез. Пока я раздирал конверт, мокрые ладони оставляли на нем темные следы. Он был не такой толстый, как предыдущие. Всего три листка, сцепленные скрепкой.

Я тотчас узнал трехцветную ленточку национальной полиции.

> «Региональное отделение судебной полиции города Кана. Дело Миртий Камю.
>
> Протокол от 28 августа 2004 года.
>
> Лист № 027. Свидетельские показания Алины Массон».

Скинув с себя все, кроме трусов, я сел на кровать, свесив до полу свою единственную ногу, и попытался унять охватившую меня дрожь.

*** * ***

Дело Миртий Камю — суббота, 28 августа 2004 года

— Я была самой близкой подругой Миртий.

— Мы знаем, — ответил Бастине.

Коммандан регионального отделения судебной полиции Кана и психолог-криминалист Элен Нильсон допрашивали четырех свидетелей. Луиза и Шарль, родители Миртий Камю. Фредерик Мескилек, ее жених. Алина Массон, ее лучшая подруга, та, которая начала говорить первой. Та, чьи показания могли оказаться решающими.

Коммандану Бастине не было нужды подглядывать в записи, он знал дело наизусть. С тех пор как неподалеку от Изиньи обнаружили труп изнасилованной и задушенной девушки, он спал меньше пяти часов, да и то не подряд, полчасика там, полчасика тут, словно

штурман, прокладывающий курс.

Курс против времени.

В одиночку…

Чтобы прижать мерзавца, нанесшего за три месяца два удара. В июне Моргана Аврил в Ипоре, затем Миртий Камю — сейчас.

Честно говоря, он нисколько не рассчитывал на Элен Нильсон, дамочку, которую министерство повесило ему на шею. Нет, он не имел ничего против психологов-криминалистов, напротив, он относился к ним вполне благосклонно и часто прибегал к их помощи, чтобы лучше понять тех психов, которыми ему приходилось заниматься. Но сейчас он спрашивал себя, каким образом эта вычурная блондинка, заявившаяся с авторучкой «Дюпон» в футлярчике в качестве оружия, блокнотом «Монблан» в качестве снаряжения и бутылочкой «Активии» на обед, может быть ему полезна.

— Мадемуазель Массон, вы руководили подростковым лагерем, возле которого Миртий Камю нашли мертвой?

Алина кивнула.

«Девчонка!» — подумал Бастине.

Алине Массон исполнился двадцать один год, она всего на несколько дней старше Миртий Камю. В лагере Изиньи-сюр-Мер, организованном ассоциацией «Золотой Простыни», никто не делал никаких формальных различий между девушками. Длительная работа на равных.

Бастине решил идти прямо к цели:

— Миртий чувствовала угрозу? Знала, что ей угрожал мужчина, причем не один раз? Вы это подтверждаете, мадемуазель?

— Не совсем так, коммандан.

Бастине нахмурился. Не отрывая взгляда от своих изумрудных ногтей, Элен Нильсон переформулировала вопрос:

— Не торопитесь, мадемуазель Массон. Изложите нам факты. Только факты. Кто был этот мужчина?

— В первый раз я его увидела, — принялась объяснять Алина, — на пруду базы отдыха Изиньи. Он держался примерно в сотне метров от нас. Он… он пялился на Миртий.

— И как вы на это отреагировали?

— Никак. В тот момент я толком даже внимания на него не обратила. Ну, такое ведь часто случалось.

— Часто? — повторил комиссар.

Алина бросила смущенный взгляд на Фредерика Мескилека. Жених Миртий жестом показал, что она может говорить. Элен что-то записала к себе в блокнот «Монблан», а коммандан Бастине велел свидетельнице продолжать.

Миртий ввела в привычку каждое утро устраивать для подростков получасовые занятия гимнастикой на берегу пруда. Включала нехилую музыку, танцевала, а подростки повторяли за ней движения. Через несколько дней занятия Миртий стали местом ежедневной встречи всего кемпинга. Семьи, туристы, подростки.

— Она была в центре внимания, — подытожила Элен.

— Да, именно…

Алина колебалась, но, взглянув вопросительно на Луизу Камю, дрожащим голосом продолжила:

— Миртий была очень красива. Она танцевала грациозно и зажигательно, никто не оставался равнодушным.

В уголках глаз Луизы поблескивали слезы. Бывшая преподавательница танцев сжимала морщинистую руку мужа.

— Вы можете описать нам человека, который смотрел на Миртий? — повернул разговор Бастине. — Который пристально смотрел на Миртий, смотрел не так, как другие…

— Я видела его только издалека. Нормального роста. Скорее, молодой. Пожалуй, нашего возраста. На нем была сине-белая бейсболка с тремя полосками «Адидас». И солнечные очки. Он показался мне загорелым.

Бастине чертыхнулся. Описание подходило под описание незнакомца с красным шарфом, которого видели три свидетеля в Ипоре, подозреваемого номер один в деле об убийстве Морганы Аврил, того, кого безуспешно пытался найти капитан Грима. Но оно также подходило под описание сотен других молодых людей…

— Когда вы еще раз увидели этого типа?

— Он слонялся по лагерю, по крайней мере, я несколько раз замечала его бейсболку. По-моему, он из местных. Или аниматор из другого кемпинга. В Изиньи раскинули палатки по меньшей мере десяток лагерей…

— Точнее, семь, мадемуазель, — уточнил Бастине. — Сто тринадцать подростков и двадцать восемь взрослых, которые с ними работают.

Элен Нильсон возвела глаза к небу, словно дотошность коммандана ее утомила.

— Сейчас скажу точно, — продолжила Алина. — По-настоящему второй раз я его заметила в открытом море, возле Сен-Маркуф.

Бастине быстро сверился с заметками. Островки Сен-Маркуф, расположенные в семи километрах от побережья Нормандии, являлись единственными островами в виду французской береговой линии на участке от Кале до северной оконечности Котантена. Два валуна, торчащих из моря, на которых Наполеон соорудил форт для защиты от англичан. Собственность государства, ночевки запрещены, но пристать к берегу можно. Поездка на острова Сен-Маркуф являлась непременным здешним развлечением. Как и положено, ассоциация «Золотой простыни» организовала лодочную экскурсию на острова, состоявшуюся за пять дней до убийства Миртий.

— Миртий и ее группа из пяти подростков провели на архипелаге весь день, — продолжала Алина. — Я присоединилась к ним с другой группой, после полудня, примерно в 3 часа 20 минут. Я… я узнала того типа. Та же бейсболка, те же очки. Он прибыл на «Зодиаке», маленьком суденышке, что-то вроде наемного катера… он плавал вокруг островов.

— И как долго? — спросила Элен.

— Не знаю… Когда мы подплывали к Сен-Маркуф, он был уже там. Сделал несколько кругов и, понятное дело, все время пристально смотрел на Миртий. А потом дал задний ход. Собственно, его катер появился там не больше чем минут на пять, но…

— Но на этот раз, — прервал ее Бастине, — это вас встревожило.

Элен демонстративно вздохнула.

— Не совсем так, коммандан, — произнесла Алина. — Своим хождением кругами он стал действовать нам на нервы.

— Понимаю. Рефлекс бдительной директрисы. Когда вы в последний раз видели этого человека?

— Спустя два дня у Миртий был выходной, она отправилась пешком на пляж в Гранкам-Мэзи, и мы договорились, что я заберу ее, когда поеду за покупками на девятиместном микроавтобусе. В назначенный час я отыскала ее на пляже. Она спала, в купальнике, лежа на спине, прикрыв платком глаза. Я разбудила ее. И только тогда заметила, что он тоже там, лежит на полотенце метрах в тридцати от нее. На обратном пути Миртий призналась, что заснула прямо на песке и проспала крепким сном больше двух часов… — Дрожащими пальцами Алина поискала в кармане носовой платок, не нашла, оставила это занятие и продолжила: — Значит, все это время тот тип мог как угодно пялиться на нее, воображать невесть что и даже снять кино, сфотографировать ее.

Внезапно Алина замолчала и залилась слезами. Судорожно вцепившийся руками в подлокотники кресла, Фредерик Мескилек никак не отреагировал на ее слезы. Казалось, он окаменел от ненависти к убийце своей невесты.

Элен протянула Алине пачку бумажных платков в элегантной голубой упаковке. Однако Бастине решил не затягивать паузу.

— Вы можете описать его?

Алина оказалась сильной девушкой. Высморкавшись и откашлявшись, она продолжила:

— Не совсем. Он лежал на животе. По-прежнему в бейсболке и солнечных очках. Довольно худой, мускулистый, с рельефными мышцами, как у спортсмена. Но узнать его я бы не смогла.

Полицейские показали ей фоторобот неизвестного из Ипора, потом с помощью фотошопа заменили красный шарф на бейсболку «Адидас» и добавили солнечные очки.

Это вполне мог быть он.

Или нет.

Коммандан Бастине понимающе улыбнулся.

— О’кей, мадемуазель Массон. Последний вопрос, который относится скорее к вам. Вы можете подтвердить, что Миртий вела дневник?

— Не совсем, коммандан. Не совсем дневник.

Родители, жених и подруга по очереди описали блокнот «Молескин» небесно-голубого цвета, где Миртий еще подростком начала вести записи. Она всегда держала его при себе или носила в сумочке.

И блокнот, и сумочка исчезли. Без сомнения, это дело рук насильника.

Миртий поверяла блокноту свои самые потаенные мысли. Несколько коротких фраз, иногда забавных, иногда меланхоличных. Миртий очень любила писать.

Бастине уже собрался поблагодарить всех четверых свидетелей, когда Элен подняла руку. Психолог-криминалист долгое время колебалась, стоит ли задавать свой вопрос в присутствии жениха Миртий. Фредерик Мескилек вызывал у нее чувство неловкости. Без сомнения, из-за разницы в возрасте со своей бывшей невестой. Впрочем, в свои тридцать семь он по-прежнему обладал шармом харизматичного воспитателя, а его кроткий, как у буддистского монаха, взгляд, вполне сочетался с широкими плечами дзюдоиста.

Придав своему голосу как можно более ласковые интонации, психолог обратилась непосредственно к Алине:

— Мадемуазель Массон, как по-вашему, почему в день убийства Миртий Камю принарядилась и выглядела необычайно элегантно?

Алина вздрогнула от удивления.

— Что вы хотите этим сказать?

Элен подняла палец с изумрудным ногтем и таким же кольцом, давая Бастине понять, что ему не следует вмешиваться. И уточнила.

— Миртий работала аниматором в лагере для подростков. Под вашим руководством. Полагаю, что, постоянно общаясь с мальчишками, вы носите на работе практичную одежду: шорты, футболки, тенниски… Во всяком случае, не белье цвета мальвы и не короткие платья…

— Это… это был ее выходной, — запинаясь, произнесла Алина, удивляясь, почему психолог-криминалист об этом не помнит.

Коммандан Бастине «расстреливал» глазами свою коллегу. Сдерживая ярость, Фредерик Мескилек сжимал руки на подлокотниках; Луиза и Шарль, сохраняя полнейшее спокойствие, встали тихо, словно два призрака.

Прежде чем Фредерик Мескилек покинул комнату, коммандан успел его рассмотреть. Высокий. Стройный. Неприступный. Длинные волосы собраны в хвост и завязаны черной лентой. Бастине был убежден, что через несколько месяцев его дерзкая моложавость исчезнет. Найдут они убийцу его предполагавшейся жены или нет, это дела не меняет, Мескилек сдуется быстрее, чем кто-либо другой, поседеет, обрюзгнет, словно аппетитный, но перезрелый фрукт.

Согласно материалам дела все называли его Шишин.

«Истории любви кончаются плохо, — ни с того ни с сего подумал Бастине. — В основном…»

В последующие дни вопрос, заданный Элен Нильсон, прокладывал себе дорогу в сознании Алины Массон — словно маленькая трещинка на зеркале воспоминаний, которая постепенно распространяется на все зеркало.

Она сотни раз вспоминала короткое платье и белье цвета мальвы.

Алина не решалась поговорить с Элен Нильсон. Держа в руках визитку, полученную от психолога-криминалиста, она несколько раз начинала набирать номер ее мобильного телефона, но никогда не доводила дело до конца. Она боялась довериться психологине с холеным лицом.

Даже если эта женщина мыслила верно.

Она одна.

Алина предпочла молчать. С каждым днем она жалела об этом все больше, но рассказать о своих сомнениях означало выдать секрет Миртий. Своей лучшей, своей единственной подруги.

В последующие дни Шарль и Луиза Камю сблизились с Кармен Аврил.

И хотя они являли собой полную противоположность, они объединили свои силы.

Шарль и Луиза стремились к покою, Кармен хотела войны.

Шарль и Луиза хотели, чтобы свершилось правосудие, Кармен обуревала ненависть.

По сути же цель у них одна.

Узнать истину.

Установить личность убийцы Морганы Аврил и Миртий Камю.

В последующие дни коммандан Бастине потребовал от своих подчиненных сконцентрироваться на поисках подозреваемого номер один.

Человек в бейсболке «Адидас».

Собранные показания подтвердили слова Алины Массон, несколько других свидетелей также встречали этого молодого человека на базе отдыха «Изиньи-сюр-Мер», на пляже в Гранкам-Мэзи, возле лодочного клуба…

Встречали… но никто не знал, кто он. Опросив всех потенциальных работодателей, полиция убедилась, что он не работал в здешних краях.

Одинокий хищник, растворившийся в толпе отдыхающих?

Сам факт, что молодой человек сразу не явился в полицию, чтобы свидетельствовать в свою пользу, укрепило коммандана Бастине в мысли, что именно он насильник и убийца. Тот самый молодой человек, который носил красный шарф в Ипоре.

Чем дальше шло время, тем больше коммандан отчаивался найти его след. Этот тип проскользнул сквозь ячейки сети. Теперь если им не поможет его величество случай, в который Бастине, опираясь на собственный опыт, давно не верил, они, скорее всего, никогда не узнают, кто он.

И был не прав.

Спустя два месяца, а именно 3 ноября 2004 года, судьба вроде бы повернулась к следователям лицом. В тот день полиция установила личность молодого человека в бейсболке «Адидас».

Поздно.

Дело Камю — Аврил облачилось в траур еще двух смертей.

17
Судьба повернулась лицом?

Я едва не пропустил автобус на Фекан. Мне удалось поймать его на перекрестке тропы Колен и улицы Крамуазан. Шофер без колебаний нарушил правила, позволив мне запрыгнуть на ходу; что ж, в этом преимущество ловли автобуса на одной ноге. Воспользовавшись возможностью срезать путь, я за выкроенное время успел закончить чтение. Противореча самому себе, я был одержим невероятным сходством между самоубийством Магали Варрон и убийством Морганы Аврил, случившимся десять лет назад. Такое количество совпадений ни один полицейский не сможет переварить. Но я был уверен, что параллельно мне надо идти еще одной дорогой, дорогой расследования убийства Миртий Камю, совершенного серийным убийцей и насильником. Если некто забавляется тем, что присылает мне по почте подробные отчеты о ходе расследования, значит, в этих отчетах так или иначе содержатся ответы на мои вопросы. Надо только помнить каждую мелочь, так как все материалы составляют цельный слаженный ансамбль. Каждый элемент пазла надо поставить на свое место.

В 13 часов 45 минут автобус высадил меня в Фекане на набережной Виконтства. У меня оставалось немного времени, и я купил в булочной сандвич с ветчиной и съел его, любуясь видом на порт, возле причала.

В жандармерии у окошка дежурного я, стараясь скрыть свою нервозность, начал шутить с жандарметкой с улыбкой стюардессы.

— Меня вызвали к Пирозу, — произнес я с видом школяра, вызванного к директору.

Дежурная жандарметка изобразила понимающее лицо подчиненной, знающей о дурном расположении духа своего шефа. И прежде чем я направился по коридору, пожелала мне удачи.

Ровно 14.00.

Я стоял перед дверью кабинета капитана Пироза.

Дверь открыта. Я отметил, что ждать мне пришлось не более секунды.

— Входите, месье Салауи.

Пироз знаком велел мне закрыть за собой дверь. Его седые, зачесанные назад волосы падали на плечи, словно ветви плакучей ивы под тяжестью инея.

— Садитесь.

Он нисколько не походил на директора, уставшего читать мораль хулиганам-ученикам, скорее он напоминал доктора, готового сообщить пациенту дурные новости. За моделью парусника «Рождественская Звезда» высилась стопка папок.

— Я получил ваши результаты, месье Салауи.

Неважно, какой это доктор. Пусть будет тот, кто лечит рак.

— Они неутешительны, месье Салауи.

— Это значит?

— Отпечатки пальцев… — Словно расческой, Пироз провел растопыренными пальцами по жирным волосам. — Они ваши.

Несмотря на то что подготовился, я с трудом выдержал удар.

— На шарфе «Берберри»?

Пироз кивнул.

— Сейчас я вам объясню, капитан.

Пока я излагал свою версию толкования фактов, рассказывал, как нашел шарф, зацепившийся за колючую проволоку возле бункера, поведал о своем идиотском поступке, о брошенном Магали Варрон шарфе, флик ни разу не прервал меня. Я рассказал, как девушка прыгнула с обрыва, сжимая в руке шарф, развевавшийся на ветру. Я приготовил свой рассказ еще в автобусе, однако, когда пришло время говорить о том, что было дальше, я начал мямлить.

Пляж.

Шарф, обмотанный вокруг шеи самоубийцы.

Я выдвинул версию Моны: девушка не видела лица своего насильника, спутала меня с ним, запаниковала и прыгнула, чтобы убежать от меня, чтобы меня обвинить. Я сам не верил в эту версию, но у меня были основания казаться искренним, ибо я подозревал, что убедить Пироза сложно.

В этом я оказался прав.

— Ваша версия очень интересна, месье Салауи. Но вы меня прервали. Разумеется, следы ваших пальцев на красном кашемировом шарфе…

Он открыл лежавшую перед ним зеленую папку. По опыту я знал, что это недобрый знак.

— Месье Салауи, вам придется объяснить, почему мы нашли отпечатки ваших пальцев на шее Магали Варрон, на ее ногах и на груди…

Я замер.

Парализованный.

Тело мое превратилось в холодный стальной каркас, негнущийся, как и моя левая нога. Дыхание перехватило, вдох и выдох давались с трудом.

— Это… это невозможно, капитан, я не касался девушки.

Пироз оторвал взор от своей папки и откинул голову, словно ниспадавшие на плечи волосы оттягивали ее назад.

— Исходя из того что вы мне рассказали, вы не дотрагивались до нее, пока она не спрыгнула. Но на берегу, когда она уже была мертва?

Почва, куда хотел завлечь меня Пироз, отвратительна.

— Я ее не касался, капитан! Ни до смерти, ни после! Кристиан Ле Медеф и старуха Дениза должны были вам сказать…

— Я просто хочу помочь вам, месье Салауи.

Черта с два…

Я восстановил в памяти сцену на пляже, всю, вплоть до мельчайших деталей. Никаких сомнений. Я даже случайно не мог иметь тактильный контакт с Магали Варрон.

Что означает этот новый бред?

Я насмешливо улыбнулся Пирозу.

— Ни на секунду не верю вашим домыслам, капитан. А что дальше? Вы заявите, что мою сперму нашли во влагалище Магали Варрон?

Зажав седую прядь между большим и указательным пальцем, Пироз медленно пригладил ее.

— Мне бы это показалось совершенно логичным, месье Салауи. Человек, задушивший Магали Варрон, скорее всего, и изнасиловал ее.

Я взорвался. Глаза закатились, «Рождественская Звезда» закачалась.

— Черт знает что! Я хотел спасти девушку! Не дать ей упасть, а вы меня обвиняете…

У меня не нашлось сил завершить фразу. Улыбка Пироза была для меня, как ледяной душ. Меня охватил неуемный страх.

Он не все мне сказал.

Я бросил ему вопрос:

— У вас есть результаты теста ДНК? Они тоже сошлись?

— Нет… Еще рано. Быть может, сегодня вечером…

— Но хотя бы приблизительно?

— Приблизительно — пожалуйста. Они плохие. Для вас плохие!

Вот дерьмо так дерьмо!

Я сидел на электрическом стуле, и через меня только что пропустили две тысячи вольт. Моя сперма во влагалище Магали Варрон… Ведь именно на это намекает мерзавец Пироз.

Спокойствие жандарма резко контрастировало с той бурей, что бушевала у меня в голове.

— Полагаю, вы догадываетесь, как дальше развернутся события. Сегодня утром следователь подписал предъявленное вам обвинение. Нам осталось уладить некоторые формальности. Например, быстро найти вам адвоката.

На несколько мгновений он позволил мне вынырнуть из воды, чтобы потом было проще задохнуться.

— Но, признаюсь вам, месье Салауи, прежде чем дело дойдет до предъявления обвинения, я бы хотел с вами поговорить. — Впервые руки выдали его колебания. — Поговорить, но не о деле Варрон. О двойном убийстве — Морганы Аврил и Миртий Камю случившемся десять лет назад. Помните, месье Салауи?

Почему я должен помнить?

Внезапно мне показалось, что Пироз ступил на скользкую тропу, перешел границу дозволенного следователю. Я расправил плечи.

— Так вот как это делается, капитан? Три девушки мертвы. Вы начинаете с того, что шьете мне убийство первой, а потом вешаете на меня еще два преступления, которые полиция десять лет не может раскрыть.

Пироз лишь слегка нахмурил брови, речь моя не произвела на него впечатления.

— Вы наверняка провели свое маленькое расследование, месье Салауи. И должны были заметить некоторые совпадения в жизни Морганы Аврил и Магали Варрон. Поразительные совпадения. Впрочем, это неточное определение. Вы правы, мы топчемся на месте… Но мы обрели уверенность, что все три преступления связаны между собой!

Я не стал ничего утверждать. Лишь огрызался, как собака, схваченная за шкирку.

— Находить объяснение совпадениям — ваша работа, не моя.

— Вы правы.

Пироз снова погрузился в папку. На этот раз в бежевую.

— Я сейчас задам вам очень простой, но очень важный для вас вопрос, месье Салауи. Десять лет назад у вас уже была искусственная нога? В вашем досье ответа нет.

Я понял суть вопроса, Пироз мог не объяснять. Подозреваемый номер один в деле Аврил–Камю, неизвестный с шарфом «Берберри» на шее, а через три месяца в бейсболке «Адидас», вполне подходил под мое описание.

Темноволосый, среднего роста, спортивный, смуглая кожа.

Только он не хромал.

Ничто не могло заставить меня сказать Пирозу правду.

По крайней мере, отвечая на этот вопрос.

— Нет, капитан, я таким родился… Ну, почти. Мне не повезло, потому что фея, которая склонилась над моей колыбелью, имела дефект дикции и что-то напутала в своем заклинании.

Пироз недоверчиво смотрел на меня. Он мог сколько угодно стращать меня своими обвинениями, я намеревался отыграться. И заранее ликовал, представляя, как глаза его полезут на лоб.

— Паршивка-фея помахала своей волшебной палочкой у меня над головой, произнесла волшебное заклинание, абракадабра или что-то в этом роде, а затем сказала так: «Тогда пусть среди всех младенцев в мире этот младенец будет самый культяпистый». Да, капитан, именно так и сказала.

Лицо Пироза выразило огорчение.

— Всего лишь небольшая путаница, капитан. Глупо, не правда ли?

Мой утомленный мозг полнился пузырьками, взрывавшимися, словно крошечные фейерверки. Мне казалось, что я с обнаженной саблей наступаю на осадную машину.

Пироз побагровел.

— Здесь вам не игра, Салауи. Я пытаюсь вам помочь.

Но я гнул свое:

— Или загоняете меня в ловушку. Инвалид. Араб. Холостяк. И работает у психов. Идеальный козел отпущения. Разве нет? Все десять лет, пока полиция ищет…

Пироз уперся локтями в стол. Я продолжал отрицать:

— Я не касался той девушки, капитан. Это не мои отпечатки у нее на шее. Не моя сперма. Ищите другого дурака.

Флик на минутку скрылся за фок-мачтой «Рождественской Звезды», а потом самым спокойным тоном, на какой он только был способен, продолжил:

— Вы выбрали неверную стратегию, Салауи. Отсутствие ноги не спасет вас от вердикта присяжных…

Идиот! А какая, по его мнению, стратегия верная?

Напрасно мой ум придумывал все новые версии, искал всевозможные выходы. Объяснение только одно.

Полицейские подтасовки.

Они лепили виновного, какой нужен им. Бедняга, случайно оказавшийся утром в неурочную минуту на обрыве.

Я.

В следующее мгновение другое полушарие моего мозга напомнило мне, что я нахожусь в жандармерии Фекана, а не в Северной Корее или Южной Африке… Здесь не делают фальшивых улик, чтобы посадить невиновного. Не здесь. Не во Франции…

— Я имею право на адвоката.

— Разумеется, Салауи. Невозможно отправить гражданина в камеру предварительного заключения прежде, чем он в присутствии адвоката не выслушает пункты обвинения.

Всплыли смутные воспоминания из сериалов, просмотренных на продавленном диване в нашей квартире в Ла-Курнев. «Наварро и компания», усыпительное «мыло», которое смотрела моя мать и перед которым валялся я, лишь бы не идти убираться у себя в комнате.

Дело Аврил–Камю десятилетней давности. Десять лет, за десять лет истекает срок давности ответственности за убийство. В моей голове забилась безумная мысль.

Что, если я их последний шанс?

Через несколько месяцев дело Аврил–Камю сдадут в архив.

А если перед тем как закрыть занавес, полиция решила посадить первого встречного?

— Вы знаете какого-нибудь адвоката, Салауи?

Я не ответил. Теперь я во всем сомневался. Еще одна деталь, на которую я до сих пор не обратил внимания, удивила меня. Тоже из области воспоминаний о культовых сериалах матери.

— А разве при допросе не обязательно присутствие двоих жандармов?

— Нет, месье Салауи… При простом допросе не обязательно.

Раздраженный, Пироз встал.

— Признаюсь вам, у меня есть трое подчиненных, которые пытаются разгадать тайну смерти Магали Варрон, отрабатывают каждую версию, ищут лиц, с которыми она встречалась в последние дни. Они тоже отмечают совпадения увлечений и учебных заведений Магали Варрон с увлечениями и учебными заведениями Морганы Аврил. Разительные сходства, в которых никто ничего не может понять. Вам повезло, Салауи, что вы попали ко мне. В то время когда все, абсолютно все против вас, я продолжаю искать убийцу в другом месте. Поверьте, это чертово досье не убедило меня в вашей виновности, так что не стоит портить себе жизнь.

Последнюю фразу Пироз произнес с некой торжественностью в голосе. Проповедь представителя правосудия. Словно он один мог противостоять судьбе, намеревавшейся раздавить меня.

Ловушка? Еще одна ловушка? Пироз хитер.

Он наклонился ко мне, его длинные волосы соскользнули на шею и закрыли подбородок, словно накладная бородка, которая вот-вот отклеится.

— В последний раз, Салауи, это очень важно. Десять лет назад вы передвигались на своих ногах?

Должно быть, Пироз истолковал мое длительное молчание как раздумье. Но я уже принял решение.

Я ему не верил.

Я был виновен.

В его глазах. В глазах других полицейских. Все улики были здесь, собраны, подшиты, все факты, все свидетели.

Что стоили мои слова против непробиваемой уверенности?

Ничего.

Я не знал, кто они, но они загнали меня в тупик.

У меня больше нет выбора, я должен пройти сквозь сеть, которой они меня опутали.

Сейчас. Невзирая на последствия.

Действие заняло не больше секунды. Я слегка наклонился вперед, обеими руками выхватил подставку из красного дерева из-под модели «Рождественской Звезды» и в этот же миг, развернувшись и подняв руки, жахнул ею капитана жандармерии по черепу.

Не успев даже вскрикнуть, Пироз тяжело рухнул на пол. Руки его еще цеплялись за пустоту, тогда как ноги уже не держали его. Только обезумевший взор по-прежнему оставался цепким.

Его надменная уверенность быстро перешла в паническое отчаяние. Струйка крови вытекала из умолявшего меня рта.

— Нет, Салауи, нет…

Чего «нет»?

Чего он боялся потерять больше?

Свою модель? Свою добычу? Свою жизнь?

Упершись обеими руками в выложенный плиткой пол, он попытался встать. И получил удар. Алые капли, выступившие у него на лбу, ручейками стекали вдоль длинных волос.

Я в последний раз взглянул на «Рождественскую Звезду», на тоненькие снасти, выполненные с поразительной точностью, на искусно расписанные спасательные круги и вымпелы, на маленьких матросов, аккуратно расставленных на палубе, а потом в гневе обрушил корабль на затылок Пироза.

Он снова растянулся на полу. Нокаут.

Несколько секунд я стоял молча, уверенный, что, встревоженные шумом, сейчас сюда ворвутся жандармы числом не менее десятка.

Тишина. Дверь закрыта.

Можно подумать, они привыкли к тому, что у них все колотят друг друга.

Я быстро оценил ситуацию. Как теперь выкручиваться? Вылезти в окно? Рвануть по коридору к выходу? Схватить Пироза за шиворот и, приставив к его горлу нож для разрезания бумаги, волочить его за собой?

Смешно!

Единственный шанс — это уйти так же, как пришел. Раскованно. В меру весело. У окошка дежурного заговорщически подмигнуть жандарметке.

Я осторожно оторвал полоску ткани от шторы салатового цвета, призванной защищать кабинет от редкого феканского солнца, меньше чем за минуту связал Пироза занавеской и заткнул ему рот.

Он дышал, но не шевелился. Глаза закрыты, ресницы и волосы слиплись от крови. Еще несколько секунд понадобилось, чтобы на лету схватить зеленую папку.

Магали Варрон.

Унести другие папки я не решился. На столе капитана высилась гора папок, но у меня не было времени изучать их. Тем более тащить их с собой. В последнюю минуту я сунул в свою папку листок, торчавший из-под груды документов, тот самый, который еще вчера привлек мое внимание.

8 цифр в 4 клетках.

2/2 | 3/0
0/3 | 1/1

Еще одна тайна?

Подождет…

Я вышел.

Первый же встретившийся мне жандарм перешел мне дорогу; второй появился справа и задел меня плечом; двое других шли мне навстречу с другого конца коридора, оба вооружены, взгляд внимательный; однако при моем приближении они расступились.

Не оборачиваясь, я прошел между них и благополучно достиг предбанника для посетителей.

— Ну как, выжили? — с улыбкой спросила меня жандарметка, высунувшись из окошка дежурного.

Улыбаясь ей в ответ, я испытывал угрызения совести. Вряд ли коллеги похвалят ее за любезничание с беглым насильником. Ведь она ничего не заподозрила, не подняла тревогу. Осмелится ли она признать, что этот тип довольно симпатичный? Что он не похож на убийцу? Что, возможно, они ошибаются?

На миг мне показалось, что масштаб подтасовки улик, совершенной полицейскими, чтобы обвинить меня, не соответствовал той легкости, с которой мне удалось бежать из жандармерии.

Мне не на что жаловаться.

Когда я спустился с крыльца, в лицо мне ударил порыв ветра, насыщенного йодом.

Я свободен.

Но надолго ли?

Быстрым шагом я пошел прочь от полицейского участка, держа направление к морю.

Через сколько времени Пироз поднимет тревогу?

Я быстренько перебрал в уме пять лучей моей звезды. Стать героем супермарафона вокруг Монблана, заняться любовью с женщиной своей мечты, родить ребенка, быть оплаканным, отдать долг…

Плохое начало…

На несколько часов мне удалось избавиться от фликов; в лучшем случае на несколько дней. Вернуться ночевать в «Сирену» невозможно, как, собственно, и приближаться к Ипору.

На что я надеялся?

В одиночку доказать свою невиновность? Что завеса тайны рассеется как дурной сон? Что полиция найдет другого виновного? Настоящего убийцу?

За спиной тянулась береговая линия. Пустынно. Несмотря на холод, редкие гуляющие не намеревались покидать бетонный причал. Галька заглушала мои шаги, никто не обращал на меня внимания.

Никто меня не слышал.

«Я невиновен!» — кричало у меня в голове.

Невиновен!

Вода потихоньку поднималась, но если идти быстро, можно уйти достаточно далеко, прежде чем она закроет отмель. Между Феканом и Ипором почти десять километров береговой линии, но доступ к морю лишь один — в Гренвале, и десятки табличек, строго запрещающие гулять под прибрежными скалами. Местная полиция давно завязала играть в прятки со здешними контрабандистами, предоставляя это делать таможенникам. Между морем и меловыми скалами никто не станет меня искать.

Под ногами перекатывалась галька. Фекан превратился в размытую полоску серых домов. Сжимая в руках зеленую папку, я вспоминал Пироза и выдвинутые им обвинения.

Меня преследовал один вопрос: когда я ударил его и сбежал, разорвал ли я сотканную вокруг меня паутину? Или это всего лишь еще один шаг к той бездне, которая стремилась меня поглотить?

II
ЗАДЕРЖАНИЕ

22 июля 2014 года
Кому:
Национальная жандармерия,
Территориальная бригада коммуны Этрета,
Департамент Приморская Сена
Лейтенанту Б. Донадье
От:
Научно-исследовательский институт судебно-медицинской и криминалистической экспертизы (НИИ СМКЭ)
Лаборатория идентификации жертв катастроф
Заведующего Ж. Кальметта

Господин лейтенант,

Отвечая на ваше письмо от 13 июля 2014 года, где шла речь об обнаружении 12 июля 2014 года на побережье Ипора (департамент Приморская Сена) останков трех человек, сообщаю, что наша служба со всей добросовестностью отнеслась к расследованию данной трагедии.

В настоящее время никто из трех индивидов не идентифицирован, однако проведенные экспертизы выявили ряд неоспоримых фактов.

Мы можем с уверенностью сказать, что кости принадлежат трем взрослым мужчинам, которым на момент смерти было от двадцати до тридцати лет.

Ни на одном из трех черепов нет никаких повреждений, равно как и на прочих костях скелетов, что, по нашему мнению, исключает из причин смерти повреждения, нанесенные извне, например, обрушение одной из стен пещеры, где эти люди находились. Тем не менее принимая во внимание обстоятельства обнаружения данных останков, версия насильственной смерти по-прежнему имеет основание, и мы продолжаем исследования. В частности, дополнительные химические анализы позволят, установить, не идет ли речь об отравлении.

Одним из самых сложных вопросов явилось определение даты смерти трех неизвестных. Согласно принятой при идентификации личности процедуре мы присвоили каждому скелету идентификационное наименование, сохраняющееся за ним на протяжении всего расследования: три имени, алфавитный порядок которых соответствует хронологической последовательности гибели неизвестных.

Мы столкнулись с труднообъяснимым явлением, суть которого в том, что все три индивида скончались в разное время, что исключает смерть, которую можно определить как «коллективная» или «одновременная»; соответственно, исключаются несчастный случай с группой спелеологов, тройное убийство и коллективное самоубийство.

Индивид, получивший имя Альбер, скончался раньше всех, летом 2004 года.

Второй, Бернар, скончался спустя несколько месяцев после Альбера, скорее

всего, где-то между осенью 2004-го и зимой 2005-го.

Третий, Сезар, скончался в 2014 году, между февралем и мартом, следовательно, примерно пять месяцев назад. Принимая во внимание высокий уровень кислотности в образовавшейся в карбонатной породе каверне, где лежали трупы, быстрота разложения последнего тела не кажется удивительной.

Как и вы, господин лейтенант, мы уверены, что опознание вышеуказанных останков должно проводиться в рамках дела, именуемого «делом убийцы с красным шарфом», одна из жертв которого, Моргана Аврил, в июне 2004-го была найдена убитой неподалеку от места обнаружения останков.

Прежде чем придут результаты дополнительных исследований, и в частности, результаты ДНК-идентификации, биологическим материалом для которой послужили кости, мы вряд ли сможем определить, каким образом смерть трех неизвестных мужчин связана с убийством молодых девушек.

Мы сделаем все возможное, чтобы в кратчайший срок выполнить экспертизы, способствующие скорейшему расследованию дела. Однако не стану скрывать, что в связи с сокращением штатов и увеличением количества работы нашим службам приходится выполнять прежде всего срочные задания. Определение же причин смерти Альбера и Бернара не может являться нашей приоритетной задачей, ибо предписанный законом десятилетний срок давности практически истек.

С наилучшими пожеланиями,

Ж. КАЛЬМЕТТ,

Заведующий лабораторией идентификации жертв катастроф

НИИ СМКЭ.

18
Надолго ли?

Почти полдня я прождал наступления темноты, прячась в бесчисленных карстовых пустотах, цепляясь, словно мидия, к скалистой поверхности, где меня быстро находили морские волны.

Я промок насквозь.

Море позволило высохнуть полоске галечника длиной примерно в метр, расположившейся между меловым откосом и морем; но несколько дерзких волн, решив позабавиться, разбивались о скалу и рикошетом обдавали брызгами дурака, скрючившегося на этой условно сухой полоске. Однако, вознаграждая меня за усилия, Бог в бесконечном своем сострадании подарил мне самый роскошный закат солнца. Любуясь закатом, я направился в сторону отливавшей рыжиной висячей долины по направлению к Вокотту.

Прежде чем выбраться из леса Ог, я немного подождал. Десять минут. За это время тьма сгустилась, а влажная одежда превратилась в ледяной саван.

Свободен, все еще свободен, но замерз, словно побывал в морозилке.

Ночью было пасмурно. В полумраке долина Вокотт выглядела совершенно призрачно. Три десятка домиков, затерявшихся в джунглях, где смешались сосны, лещина и дубы, казалось, были построены выигравшим конкурс архитектором дьявола. Виллы соперничали друг с другом в причудливости убранства. Крыши швейцарских шале, тирольские башенки, английские панорамные окна, мавританские фасады. Убедившись, что вокруг больше нет ни одной машины, я вышел и пошел вверх по дороге, сбегавшей к берегу моря. Орсен, вилла научного руководителя Моны, пряталась за перекрестком.

Мартен Денен.

123, дорога Заката.

«Ты найдешь ключ на бортике колодца, под одним из кирпичей, — уточнила Мона по телефону. — Возле сарая. Садовник, который ухаживает за домом и садом, уходя, кладет его туда. Будь как дома. Я приеду, как только смогу».

Она послала мне виртуальный поцелуй и отключилась. Не задавая вопросов, довольствуясь тем, что я ей сказал.

«За мной гонится полиция.

Я должен лечь на дно.

Ты должна помочь мне».

Мона потрясающая девушка.

Нашарив под кирпичом ключ, я отпер дверь и спрятался за стенами виллы Орсен.

«Будь как дома…»

В первую очередь душ, горячий. Потом поставить точку. Все рассказать Моне — как только она приедет…

Прежде чем я нашел ванную, мне пришлось поплутать в лабиринте коридоров, бесчисленных крошечных комнатенок и соединявших их лестниц, опутавших все три этажа. Мартен Денен, научный руководитель Моны, наверняка нечасто посещал свое загородное владение. Тем не менее дом содержался в образцовом порядке. Садовник стриг газон и

безупречно подрезал заросли роз, помощница по хозяйству, ценившаяся наверняка на вес золота, изгоняла колонии пауков и надраивала витражи, обрамлявшие каждое окно на верхнем этаже.

Вилла образцового содержания… но пустая.

Именно этот контраст и поразил меня, когда я извивался перед огромным зеркалом в позолоченной раме, пытаясь стянуть с искусственной ноги промокшую штанину джинсов. Протез стукнул по голубой фаянсовой плитке из Делфта. Эхо, прокатившееся по тысяче и одной комнате пустой виллы, похоже, разбудило призраков и фантомов.

Шум водной струи заглушил шорохи поместья. Я стоял в душе на одной ноге.

Туалет, облицованный плиткой цвета розового фламинго! Определение должно понравиться Моне.

Закрыв глаза, я представил себе убранство виллы Орсен. Мартен Денен законсервировал свой дом. Слово найдено точно. Законсервировал. Прибывая сюда после долгих месяцев отсутствия, он находил его в прежнем виде.

Видимость жизни.

Цветы на камине и у изголовий. Искусственные.

На столе в кухне корзина с фруктами. Великолепная имитация. Этажерки в коридорах, где в беспорядке навалены карманные издания, иллюстрированные журналы и забытые с незапамятных времен коробки с салонными играми.

Наслаждаясь горячей водой, стекавшей по моему обнаженному телу, я думал о странной обстановке этого дома с привидениями, о его совершенно нереальной атмосфере, словно воссозданной воображением писателя-романтика…

Как, впрочем, и сама Мона…

Появившаяся ниоткуда исследовательница из Национального центра научных исследований.

Энергичная. Хорошенькая. Ни на кого не похожая, бесстыдная.

Словно выпорхнула из головы какого-нибудь писателя… или из моей головы, из головы холостяка в поисках любви.

Я поднял голову и усилил напор воды.

Нет, при здравом размышлении вторая версия не выдерживала критики! Мона обаятельна до безумия, но если бы меня попросили составить портрет идеальной женщины, это не был бы портрет Моны.

И, словно по волшебству, под горячим водопадом душа перед взором моим проплыло бледное лицо Магали Варрон.

«Будь как дома».

Я закрепил протез и натянул махровый кремовый халат, висевший на вешалке. Настоящий Calvin Klein. Я не решался позвонить Моне. Мне нельзя забывать об осторожности. Вполне возможно, полиция уже установила ее связь со мной. Я знал, что она не выдаст мое убежище, но ее могли заподозрить, проследить за ней…

Эту мысль я изгнал. А чтобы не думать о том, что у меня нет никакого плана, кроме того, что надо стремиться вперед, я снова затерялся в череде пустых комнат. Выиграть время. Больше ни единой идеи, как доказать свою невиновность.

Через полчаса я уже более или менее ориентировался в здешнем причудливом лабиринте. Побывал во всех комнатах, за исключением погребов, которые наверняка столь

же обширны, как сама вилла. В гостиной на кованой этажерке выстроились медного цвета бутылки.

«Будь как дома».

Я налил себе кальвадосу. Кальвадос «Булар». На этикетке стоит «без возраста».

Как и дом.

Стоило мне сделать глоток, как в горле вспыхнул пожар. Мой кашель разбился о стены, беззвучно отскочил, а затем с сухим дробным стуком удалился на верхние этажи, словно пугливый стучащий дух, дерзко потревоженный каким-то наглецом. Напрасно я рылся в памяти, дошел до раннего детства в Ла-Курнев и череды жилищ, от угла с кроватью до пятикомнатной квартиры, где мне довелось жить по мере увеличения семейства… Нет, никогда в жизни нога моя не ступала в такой просторный дом.

Мне даже стало страшновато.

Я решил ждать Мону в комнате, которую назвал гнездом орла; в этой круглой комнате, оборудованной в маленькой башенке, возвышавшейся на несколько метров над крышей и каминной трубой, были самые высокие потолки в доме. Снаружи я принял этот китч за причуду архитектора. Этакий снобистский эрзац донжона. Но я ошибся! Из каждого окна, напоминавшего средневековую бойницу, открывался великолепный вид на висячую долину Вокотт, берег и море.

Настоящий маяк!

Мартен Денен устроил там кабинет. Невысокие книжные шкафы по всему кругу, триста шестьдесят градусов, огибали два вольтеровских кресла и дубовый стол, покрытый толстой пурпурной кожей.

Я ждал долго, наверное, боле часа, ощущая себя между небом и морем. Веки мои уже слипались, когда на плечи мне легли руки Моны.

Я не слышал, ни как она вошла, ни как поднялась по лестнице.

Настоящая фея!

Звезда с ее волшебной палочки сверкала там, где у нее сердце.

— Спасибо, — произнес я, прежде чем поцеловать ее.

Долгим поцелуем.

Некоторое время мы любовались луной и ее трепещущей двойняшкой, купавшейся в Ла-Манше.

— Рассказывай, — наконец велела мне Мона.

Я не скрыл от нее ничего. Ни обвинения Пироза. Ни побег. Ни уверенности в собственной невиновности. Я был жертвой полицейских интриг. Выслушав меня не перебивая, Мона произнесла три слова, те единственные три слова, которые я хотел услышать.

— Я тебе верю.

Я снова поцеловал ее. Растрепал ее золотистые волосы, и они пролились мне сквозь пальцы.

— Почему? Почему ты помогаешь мне?

Ее рука проникла под распахнувшиеся полы моего халата.

— Хочешь знать? Аромат неизвестности. Неуемное пристрастие к историям, выходящим за рамки привычного. Внутреннее убеждение, что ты и муху не обидишь…

— Муху — нет. А флика?

Она рассмеялась.

— Если я велю тебе позвонить адвокату и завтра утром сдаться жандармам, ты это сделаешь?

Я сжал Мону в объятиях.

— Нет! Я не хочу угодить к ним в ловушку. Хочу сам все понять.

— Понять что?

— Все! Возможно, есть логическое решение. Некий ключ, открывающий выход из их поганого зеркального дворца.

Пока Мона отыскивала припасенные на кухне деликатесы — фуа-гра, утиные консервы и красное вино бержерак, — я открыл досье Магали Варрон, украденное со стола Пироза.

Я чертыхался про себя, ибо досье не содержало ничего, чего бы я уже не знал. Подробная биография, подтвержденная информацией, собранной в Интернете, рассказ о детстве в Канаде, а затем в Валь-де-Марн, образовательные учреждения, которые она посещала, работа в Байер-Франс. Во второй части досье лежали материалы, относившиеся к изнасилованию и смерти. В развернутом медицинском отчете пронумерованы все телесные повреждения, сопровождаемые неаппетитными фотографиями, указана группа крови, ДНК, описано состояние асфиксии как последствие удушения… «которое повлекло за собой смерть», уточнялось в отчете.

Они ошибались, черт их дери! На несколько минут, но ошибались.

Я жалел, что не потратил время, чтобы порыться в папках Пироза и выловить среди них те, которые могли относиться к делу Камю и Аврил, где могли содержаться иные сведения, нежели те, которые некая добрая душа подкидывала мне в день по чайной ложке.

А также толкование той серии цифр, того уравнения, которым интересовался Пироз.

2/2 | 3/0
0/3 | 1/1

— За стол! — позвала Мона с таким подъемом, что на какое-то время рой вопросов, гудевший у меня в голове, разлетелся в разные стороны.

Запасы научного руководителя оказались вполне достойны меню «Сирены». Не утруждая себя особо, Мона поставила на стол баночку фуа-гра и подогрела на пару утиные консервы в баночках.

— За здоровье Мартена! — воскликнула она, поднимая бокал с бержераком. — В год Панши платит ему столько, что хватит на три кругосветных путешествия. Так что надо помочь ему и опустошить запасы.

Я выпил. Улыбка грустная. Сердце не на месте.

— Что ты собираешься делать? — внезапно спросила Мона.

— Не знаю…

— Жаль.

Она намазала фуа-гра на мягкую булочку, целлофановую упаковку которых она отыскала в глубине шкафа.

— Жаль. Думаю, в конце концов они тебя схватят. Тогда ты все потеряешь. Все, что привлекает меня в тебе. — Она пальчиком погладила звезду, приколотую к блузке. — Гениальная идея — строить жизнь во имя исполнения мечты, даже целых пяти. Ты… ты что будешь делать с этими мечтами?

— У меня нет выбора, Мона.

Она молча смотрела на меня, долго смотрела, не пытаясь меня переубедить. Словно перед ней сидел упрямый мальчишка. В ту минуту, когда она встала, чтобы взять стоявшую за ней кастрюлю, раздались резкие зажигательные звуки рока: звонил мой мобильник.

Номер неизвестен.

Я нажал на кнопку.

— Салауи?

Голос Пироза.

— Салауи, не отключайтесь. Не делайте глупостей. Вернитесь, черт бы вас побрал! У вас есть право на адвоката. У вас будет доступ к материалам следствия. Вы сможете сами выстроить свою защиту.

Я решил немного послушать, но не более пятнадцати секунд. Мерзавец наверняка пытался вычислить мое местонахождение.

— Салауи, вы меня безобразно разукрасили, но с этим потом разберемся. Я связался с клиникой Сент-Антуан, со всеми вашими коллегами, включая медицинский персонал, психотерапевтов. Вы не один! Вам могут помочь. Не ухудшайте свое…

Двадцать пять секунд.

Я нажал на кнопку и выключил телефон; рука моя все еще дрожала. Слегка. Мона накрыла ее своей рукой. Она говорила необычайно ласково, словно хотела меня приручить.

— В сущности, этот флик говорит то же, что и я, только другими словами.

Сдаться.

Самое простое решение.

— Они хотят повесить на меня убийства, Мона. Ты слышала, что он сказал? Все эти психотерапевты станут утверждать, что я сумасшедший…

Она еще сильнее сжала мою руку. Я продолжал:

— Моих отпечатков нет на теле той девушки! Я до нее не дотрагивался! Полиция врет. Они что-то мухлюют. Почему никто не знает о смерти Магали Варрон?

— Я знаю, Джамал. Андре Жозвиак знает, а он наверняка сообщил всему Ипору, который встречается у него за стойкой.

— Сегодня об этом не написала ни одна газета.

— Напишут завтра… Джамал, зачем полицейским брать на себя риск фальсификации данных?

— Не знаю, Мона. Но если ты хочешь играть в вопросы и ответы, то у меня целые ящики вопросов! Почему кто-то развлекается, посылая мне письма, где содержатся подробности дела Аврил–Камю? Почему Магали Варрон после того, как скопировала жизнь Морганы Аврил, совершила самоубийство? Почему красный кашемировый шарф оказался у меня на дороге, словно фонарь, который невозможно обойти?

Мона оттолкнула от себя едва початую баночку с фуа-гра.

— О’кей, ты выиграл. Я отказываюсь гадать.

С помощью щипчиков из нержавеющей стали она подцепила из банки два утиных бедрышка. Карминного цвета. Они произвели на меня впечатление ног, оторванных от тела новорожденного, которые судебный медик сохранил у себя в банке. И хотя я не шелохнулся, Мона заметила мое отвращение. Она положила мне руку на плечо.

— Я точно знаю, что ты не убийца! Мне такого ни разу не приходило в голову. Но кто-то в это верит…

От вида вываренного мяса мне захотелось блевать.

— Почему я, детективы хреновы?

Мона задумалась. Глядя на ее сосредоточенную мордашку землеройки, отражавшую высочайшую степень концентрации мысли, на трепещущие ноздри, сжатые ресницы, передние резцы, закусившие нижнюю губу, я на миг смягчился.

— Почему ты… Хороший вопрос, Джамал. Ты бывал в Ипоре? До этой недели?

— Нет…

Ее зубы, готовые впиться в меня, отпустили нижнюю губу.

— Я хочу правду, Джамал! Я не полицейский. Если хочешь, чтобы я тебе помогла, прекращай играть.

— Нет, говорю же тебе. Но намеревался.

— Джамал, объясни.

— Лет десять назад я чатился в Сети с одной девчонкой, она мне нравилась, я подцепил ее на уик-энде на пляже, она собиралась ехать в Этрета, но для меня тамошние цены неподъемны, поэтому я заказал гостиницу здесь, в Ипоре.

— А дальше?

— Дальше? Как только эта скотина увидела, что ее прекрасный принц без одной ноги, она отказала мне в медовом месяце.

— А ты ей не сказал?

— Нет. Забыл поставить у себя под столом веб-камеру…

— О’кей. И ты так никогда и не доехал до Ипора?

— Ни разу!

Мона рассмеялась и разлила в бокалы бержерак.

— Жаль. Придется добавить твое отмененное свидание в Ипоре в список совпадений! А зачем ты приехал сюда на этой неделе? Неужели в мире нет других мест, где можно готовиться к твоей колченогой прогулке по ледникам?

— Несколько месяцев назад я по телефону ответил на какую-то анкету. Что-то там о туризме в Нормандии. Разыгрывались призы. Я выиграл неделю в гостинице в Ипоре, с полупансионом. Сама понимаешь, я недолго колебался, соглашаясь запереть себя в этой дыре.

— Понимаю.

Мона опустошила свой бокал, пошла к окну, затем подняла глаза к башенке, тень от которой взметнулась высоко над крышей.

— И все же надо быть разумным, Джамал, я не смогу приходить сюда ночевать. Жандармы быстро установят, что мы знакомы. Завтра утром они явятся в «Сирену» с судебным поручением.

Я подошел к ней и обнял за талию.

— Но до завтрашнего утра у нас ведь есть время?

Ее взгляд заскользил по моему торсу и густым темным волосам на груди, полный контраст со светлым махровым халатом.

— Не здесь, — прошептала она, устремляя взор к гнезду орла. — Там, наверху…

19
Аромат неизвестности?

Мона решила принять душ и только потом присоединиться ко мне в самой верхней комнате виллы. Я услышал на лестнице ее шаги. Она тоже закуталась в халат Kevin Klein. Рубинового цвета.

Одарив меня поцелуем в губы, она полюбовалась окрестностями, уснувшей долиной и слепыми волнами, лизавшими берег, а затем, подойдя к одному из окружавших нас книжных шкафов, схватила за торчащий уголок книгу и вытащила ее. Грациозно уселась на стол, покрытый пурпурной кожей.

— Морис Леблан! — провозгласила она, раскрыв желтый томик. — Отец Арсена Люпена. Свои первые романы он написал здесь, в Вокотте. Здесь даже разыгрывается действие одного из его рассказов…

Мне наплевать, что она говорит.

Я хотел забыть дело Варрон–Аврил–Камю.

Хотел забыть жандармов, которые шли за мной по пятам.

Хотел забыть все, кроме белого тела Моны, закутанного в рубиновый халат.

Она закинула ногу на ногу; махровый халат, перетянутый на талии поясом, слегка приоткрылся.

— Послушай, Джамал, этот рассказ Мориса Леблана должен тебя заинтересовать. История одного бедолаги, который проходил мимо шикарного дома в Вокотте. Его звали Линан. Забавное имечко, ты не находишь? Он проник в дом с намерением стянуть чего-нибудь съестного, чтобы накормить своих голодных детей. Но ему не повезло: в его присутствии хозяин дома выпустил себе пулю в лоб. Самоубийство!

Подойдя к ней, я медленно развел в стороны полы халата, чтобы освободить ее белые, словно алебастр, груди.

— А потом? — прошептал я.

С едва слышным шелестом халат медленно соскользнул на стол, обнажив ее тело до талии. Теперь Мона напоминала красный плод, с которого сняли кожицу, чтобы добраться до мякоти. Она позволила моим рукам разгуливать по ее груди. В ее голосе зазвучали хриплые нотки, но она не потеряла нить рассказа:

— Жуткий грохот, Линан запаниковал, что-то уронил, прибежал слуга, увидел у ног Линана тело своего хозяина… Нетрудно догадаться, что потом. Арест. Процесс. Все думают, что это бедняга Линан убил хозяина дома, никто не верит в самоубийство.

Мои руки продвинулись еще ниже и теперь ласкали живот, замирая возле рубинового пояса, завязанного ниже пупка.

— И чем все кончилось? — прошептал я ей на ухо.

Она вздрогнула, вскинула голову и подняла книгу на уровень глаз.

— Мммммм… Ты хочешь, чтобы я прочла тебе последние строки? Слушай, это очень поучительно, тебе понравится.

> «Служитель правосудия возвестил о начале утра.
>
> — Приготовьтесь к смерти, Линан.
>
> Над ним совершили последний туалет. Его связали. Он позволял делать с

собой все, что они считали нужным — словно покорное животное, словно вещь. Они должны были подвести его к эшафоту.

Зубы его стучали. Он заикался.

— Я н-не… не убивал… Не убивал».

Мои пальцы развязали обмотанный вокруг талии пояс, и он соскользнул вниз. Полы красного махрового халата распахнулись, словно лепестки розы с первыми лучами солнца.

— «Эшафот», — прошептала Мона. Рассказ, опубликованный в газете «Жиль Блаз» 6 февраля 1893 года. Один из первых памфлетов против смертной казни!

Продолжая сидеть на столе, она отложила книгу в сторону. Она напомнила мне мадам Кончетти, преподшу по английскому, которая любила вот так сидеть, отчего весь наш класс просто тащился. Конечно, преподша была чуть более одетой.

Мои руки заскользили по обнаженным бедрам.

Самоубийство? Невиновный. Липовый убийца.

Спасибо, Мона. Посыл понят.

— И ты хочешь, чтобы я сдался фликам?

Когда, опершись на стол, я губами прижался к ее шее, она, словно фокусник, ногой развязала на мне пояс халата. Не довольствуясь этим подвигом, она принялась пальцами ноги исследовать мое тело, скрытое под складками светлой махровой ткани.

Внезапно, растопырив пальцы, она уперлась обеими руками в мягкую кожу стола и изогнулась. Груди взметнулись к небу. Две вершины-близнецы, рожденные одним вулканом. Обеими руками я сжал их, в то время как мой язык, словно с горы, спускался по ее животу, и я пьянел от этого бесконечного спуска, завершившегося на подстриженном и влажном газоне.

Мона спала на покрытом кожей столе, свернувшись клубочком, словно ребенок. Засыпая, она заставила меня пообещать, что разбужу ее до рассвета, чтобы она смогла долететь до своей комнаты в «Сирене».

Маленькая шаловливая вампирша… Чувственная и предприимчивая.

Я не мог не задаться вопросом, что больше возбуждало Мону. Заниматься любовью с беглецом, обвиненным в насилии и убийстве, или, отдавшись ему на письменном столе своего научного руководителя, прижиматься охваченным сладострастием телом к мягкой красной коже на том самом месте, где препод правил ее работу?

Несомненно, и то и другое.

Мне не хотелось спать. Я ходил кругами по комнате — в прямом и переносном смысле. Взгляд мой уже несколько часов блуждал между звездами, зажженными отливом, обнаженным телом Моны и окружавшими меня книгами.

Старые карманные издания соседствовали с огромными фотоальбомами, толстыми научными фолиантами и десятками архивных папок. Я машинально читал надписи на корешках.

1978–1983–1990–1998–2004…

2004?

Год смерти Морганы Аврил и Миртий Камю.

Я взял папку и открыл ее, ожидая найти записи лекций, студенческие работы, ксероксы научных статей.

Ничего подобного!

Я закусил губу, чтобы не вскрикнуть от неожиданности. Профессор Мартен Денен, специалист по молекулярной химии, развлекался тем, что собирал статьи из «Курьера Ко», где говорилось о деле Морганы Аврил.

Выхватив наугад несколько листков, я лихорадочно бросил папку на ближайший стул. Пожелтевшие листочки рассказывали ту же самую историю, которую я узнал из документов, присланных мне незнакомцем.

Ничего нового, содержание большинства статей мне известно.

Ничего нового… за одним исключением.

Почему профессор, крайне редко бывавший в Ипоре, собирал эти вырезки?

Я не решился разбудить Мону и задать ей этот вопрос.

Потом.

Я снова углубился в содержимое папки, посвятил остаток ночи внимательному прочтению статей, пытаясь выловить из них некую ускользнувшую от меня деталь, которая могла стать путеводной звездой в этом деле, ключом ко всем его загадкам…

Как же я был наивен…

Пробежав глазами с десяток статей, я вдруг увидел красочный разворот.

Дело Аврил.
Специальный номер «Курьера Ко».
Издание от 17 июня 2004 года, четверг.

Статья называлась *«О тебе, Моргана».*

У меня не закралось никаких подозрений.

Я не сразу заметил большую фотографию молодой девушки, улыбающейся, в восточном костюме, видимо, во время показа танца живота.

Внезапно я замер: руки опустились, рот открылся. Я впервые видел лицо Морганы Аврил. Ни в одной из присланных мне статей не было ее фотографии. Или же кто-то постарался изъять их. Теперь я понял почему.

И заорал как оглашенный.

Стены круглой комнаты задрожали, словно при запуске космической ракеты.

— Черт-черт-черт! Этого не может быть! Это не она!

Я снова впился глазами в газету. На фотографии, помещенной на развороте страницы газеты 2004 года…

…улыбалась Магали Варрон! Девушка, родившаяся на десять лет позже и на моих глазах спрыгнувшая с обрыва. Вчера.

Проснувшись, Мона одним прыжком соскочила со стола. Набросив халат и позабыв про пояс, она с тревогой подбежала ко мне.

— Ночной кошмар?

Дрожащими руками я протянул ей газетный листок.

— Что за хрень, Мона. Посмотри на это фото.

Она прочла заголовок *«О тебе, Моргана»,* затем сосредоточилась на снимке.

— Жуть как хороша, — проговорила исследовательница.

— Черт… Мона, ты принимаешь меня за идиота?

— Нет, а что?

Я провел рукой по ее губам, желая стереть с них ироническую улыбку.

— Девушка на фото. Та, кого в старой газете называют Морганой Аврил. Это она вчера вечером совершила самоубийство. Это… Магали Варрон.

Мона долго и пристально смотрела на меня, словно решала сложное уравнение со множеством неизвестных. Прежде чем выдать решение, она машинально запахнула полы халата. Не подхваченные поясом, они снова распахнулись.

— Они похожи, Джамал.

— Нет, Мона! Это не простое сходство. Это… Да нет, это она!

— Ты видел Магали всего несколько секунд…

— Возможно. Но ее лицо врезалось мне в память, можешь ты это понять? Каждая мельчайшая черточка ее лица…

— Ты так говоришь, словно успел в нее влюбиться.

Мона говорила нарочито спокойными голосом. С капелькой цинизма. Я предпочел не отвечать и повернулся к ней спиной, чтобы изучить остальные материалы архивной папки. Перебирая статьи, я находил все новые фото Морганы Аврил — в фас, в профиль, портретные фото и фото в полный рост.

Это она! Каким бы невероятным это ни казалось, но это Магали, я уверен, не мог ошибиться.

Похоже, моя одержимость не пришлась Моне по вкусу. Она запахнула халат под самое горло и, упершись руками в край стола, уставилась на меня, как на нерадивого ученика.

— Нет, Джамал, подумай хотя бы пару секунд. Мы с тобой согласились, что в этом деле есть сакральные теневые стороны, но два факта не дают оснований для сомнений. Первый — Моргана Аврил умерла 5 июня 2004 года. Все средства массовой информации сообщили об этом, вся полиция Франции искала ее убийцу. Второй — Магали Варрон умерла 19 февраля 2014 года, и ты стал тому свидетелем. Все остальное — я согласна с тобой — окутано тайной, но обе смерти — аксиомы…

— Что?

— Аксиомы. Факты, которые можно рассматривать как бесспорные и на которых можно выстраивать дальнейшие рассуждения.

— Продолжай! Каковы же твои рассуждения?

Мона изучила фото Морганы Аврил, извлеченное из «Обозревателя Брэ».

— Итак, мы знаем, что Магали Варрон усиленно подражала Моргане Аврил. Спустя десять лет. Те же школы, те же увлечения, та же профессия… Даже смерть та же. Потрясающая мимикрия. Не удивительно, что она стремилась походить на нее и внешне.

— Это больше чем сходство, Мона! Это она!

— Больше чем сходство? Что ты этим хочешь сказать?

Мона завелась. Я начинал понимать, почему она считалась идеальным исследователем: она могла найти правдоподобное объяснение любого парадокса.

— Даже не зная друг друга, Магали и Моргана могли оказаться родственницами. Ты говорил, Моргана родилась в результате ЭКО, сделанного в Бельгии? Спустя десять лет Магали могла родиться от того же биологического отца. После убийства она увидела фото Морганы, когда его показали по телевизору. Задалась вопросом, откуда такое сходство,

расспрашивала, обнаружила, что у них один отец, это травмировало ее психику…

— Настолько, что заставило инсценировать насилие и удушение, а затем броситься с обрыва…

— Почему бы и нет? Я ищу, Джамал, ищу, как и ты, рациональные объяснения.

— В этой истории нет ничего рационального…

В комнате повисло тяжелое молчание. Мы ощущали себя двумя сторожами на маяке, которых гроза отрезала от остального мира.

— Ничего рационального, — повторил я. — Почему, к примеру, твой научный руководитель, который приезжает сюда едва ли раз в год, посвятил столько времени сбору вырезок из местной газеты?

— В 2004 году он писал обоснование, необходимое для занятия руководящей должности. Работа на несколько сотен страниц. Необходимое условие для получения места профессора в университете. У него было направление от Национального центра научных исследований. Год без чтения лекций. Он провел здесь несколько месяцев, разговаривая только с галькой, микроскопом и текстовым редактором. Надо полагать, иногда ему становилось скучно. И он увлекся этим делом, ведь все произошло всего в нескольких километрах от его эрмитажа. Увлекся, как и все здешние жители.

Как и все здешние жители.

Снова у Моны на все готов ответ!

Мне казалось, что она отвечает мне хорошо заученный урок.

— Странно однако! Каждый раз, когда некий исследователь приезжает в Ипор собирать галечник, юная девушка совершает самоубийство!

Еще не произнеся свою реплику до конца, я уже пожалел о ней. Мона не удосужилась мне ответить. Она взбила волосы, поставила в шкаф книгу Мориса Леблана, завязала халат на талии.

Спокойная. Естественная.

— Я иду одеваться, Джамал. Сейчас три часа утра. Я должна вернуться в «Сирену». Жандармы наверняка захотят меня расспросить о вчерашнем вечере, о нашем ужине тет-а-тет, об одной комнате на двоих, о позднем пробуждении. Мне придется сказать им, что ты был моим дружком всего на один вечер и со своими замысловатыми историями показался мне настоящим параноиком. И, Бог свидетель, у меня нет ни малейших соображений, где бы ты мог находиться.

— Я верю тебе, Мона. Ты очень хорошо умеешь рассказывать истории.

Я не знал, что еще сказать. Мое безудержное воображение, которое привлекло ее ко мне, куда-то испарилось. Я смотрел, как она спускается по лестнице.

Она в последний раз обернулась ко мне.

— Еще одно техническое уточнение, Джамал. Наша команда исследователей каждый год собирает галечник в Ипоре. С тех пор как существует наша лаборатория. А если говорить точно, то уже двадцать три года.

Она исчезла, оставив меня одного сторожить маяк.

Она приняла меня за безумца. А за кого иначе?

Я наблюдал, как «фиат-500» Моны выехал на усыпанную гравием аллею и исчез за первым поворотом дороги.

Подчиниться ей? Все бросить? Позвонить в полицию? Ждать, когда они придут меня

арестовывать?

Нет, не сейчас!

Я еще не сдал все карты, а потому не готов сложить оружие. Я единственный свидетель. Кристиан Ле Медеф и старушка Дениза тоже рассматривали застывшее лицо Магали Варрон и могли сравнить его с Морганой Аврил.

Я оторвал лист «Курьера Ко» с большой фотографией Морганы Аврил.

Никакая логика не могла поколебать мое убеждение.

Это не простое сходство.

20
Ночной кошмар?

Было чуть больше четырех утра, когда я, взяв фонарь, пустился в путь. Два километра до Ипора я шел по берегу моря, прижимаясь к подножию скалистого берега.

Я не спал всю ночь. Завтра найду время выспаться. Целый день. Спрячусь в каком-нибудь подвале моего замка с привидениями. Если полицейские не окажутся хитрее и не вычислят моего убежища. Если Мона не выдаст меня раньше.

При свете фонаря отвесный меловой берег казался крепостной стеной, непреодолимой и нескончаемой.

Ипор спал. В отблесках синих неоновых огней казино, терзавших своим светом ночную мглу, я стал искать глазами «фиат» Моны среди десятка машин, припаркованных на стоянке напротив моря. Не нашел. Наверняка Мона бросила его где-нибудь в глухом переулке.

В этот час светлые ставни в комнатах «Сирены» плотно закрыты.

В моей комнате.

И в той, где спала Мона. Одна.

Невидимая рука сжала мне сердце. Я шагнул на темный причал, изо всех сил стараясь сосредоточиться и не отвлекаться на мелочи. Терять время больше нельзя. Последние две сотни метров представляли собой наибольшую опасность: на сонной деревенской улочке всегда есть риск встретиться с нежелательными лицами. Возможно, полиция объявила меня в розыск или что-то в этом роде, например, пообещала недурное вознаграждение тому, кто выдаст им хромого насильника. Никогда еще я не чувствовал себя настолько уязвимым. Здесь, в отличие от квартала-4000, невозможно раствориться в лабиринте лестничных клеток или подземных парковок, соединяющих густонаселенные многоэтажки.

До дома Кристиана Ле Медефа двести метров по открытому пространству.

Я двигался бесшумно, не смущая сон обитателей Ипора мрачным постукиванием, иначе говоря, не уподобляясь капитану Джону Сильверу, возвращавшемуся на «Эспаньолу».

Со временем я научился скользить протезом в нескольких миллиметрах от асфальта.

Неожиданные звуки заставили меня вздрогнуть.

У меня за спиной.

Я ускорил шаг, а затем резко остановился.

Звуки не стихали. Напротив, нарастали. Размеренные… Приближающиеся.

С сильно бьющимся сердцем я съежился под портиком агентства «Ипор-недвижимость», пытаясь целиком уйти в тень.

На холодной улице послышалось хриплое дыхание. Топот шагов по тротуару участился. Несколько секунд ожидания превратились в бесконечность, затем по мне пробежала тень.

Старый пес не меньше меня удивился нашей встрече.

Я приложил палец к губам, давая ему понять, что пора прекращать шуметь. Подчинившись, он сел, но стоило мне двинуться по улице, как он пошел следом, соблюдая дистанцию в несколько метров.

Его желтые глаза напоминали фары, свет которых не освещал ничего. Несчастный серый пес скакал на трех лапах. Без деревянного, алюминиевого или карбонового протеза

для облегчения передвижения, только негнущаяся культя, подогнутая под углом и покрытая шерстью. Быть может, он преследовал меня исключительно из зависти?

Я остановился перед домом Ле Медефа и тотчас заметил, что сквозь ставни первого этажа пробивается свет.

Мой свидетель не спал! Держу пари, этот депрессивный тип еще и страдал бессонницей.

Пес сел на тротуаре напротив, видимо, собираясь ждать меня.

Я вошел в калитку и тихонько постучал в дверь.

Нет ответа.

Я повернул ручку, уверенный, что она не откроется и мне придется придумывать способ, как сообщить Кристиану Ле Медефу о своем приходе, при этом не перебудив весь квартал.

Зря!

Дверь открылась, словно Ле Медеф ждал моего визита. Я осторожно вошел в дом и тихо, едва слышно произнес:

— Кристиан? Кристиан Ле Медеф?

Мне не хотелось, чтобы этот параноик выстрелил в меня.

Ответа не было. Лампочка освещала высокую лестницу. Возможно, депрессивный Медеф накачался снотворным…

Атаракс…

Поднимаясь по лестнице, я старался топнуть на каждой ступени. Плохо закрепленные лестничные перила дрожали в моей вспотевшей ладони, мне даже показалось, что они вот-вот рухнут. Разве Кристиан Ле Медеф получал деньги не за то, чтобы поддерживать дом в порядке?

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Я ступил на ковровое покрытие, устилавшее лестничную площадку.

— Кристиан?

По-прежнему ни звука.

Я осторожно толкнул дверь спальни, ожидая найти Ле Медефа в постели. Обколотого или пьяного.

Глаза мои уперлись в пустоту.

В комнате никого не было. Безупречно заправленная кровать. У изголовья рядом с зажженной лампой книга. На стойке для одежды немного барахла: пижама, футболка, бежевый пуловер.

Комната старого холостяка.

Я остановился, собираясь с мыслями. Едва слышное потрескивание сбило меня с толку. Я вприпрыжку спустился по лестнице.

«Комната старого холостяка», — повторял я про себя. Однако этот холостяк встает очень рано! Ясно же, что Ле Медеф уже встал. Звуки, сбившие меня с толку, больше всего напоминали треск плохо отрегулированного транзистора. Ле Медеф, похоже, завтракал. Я засеменил по выложенному черной и белой плиткой полу. Помимо прихожей, на первом этаже была всего одна комната: небольшая кухня, совмещенная с гостиной.

В центре стоял стол. И стул.

Я застыл на пороге, не в силах пошевелиться.

Черт, что здесь могло произойти?

На столе стояла тарелка. Кусок мяса, явно пережаренного, утопал в море спагетти. Рядом наполовину опустошенный стакан красного вина и почти пустая бутылка. Нож, вилка, клетчатая салфетка, все на своих местах. Половинка багета.

И ни следа Ле Медефа.

— Кристиан? — снова позвал я.

«Франция, которая не спит, на излете ночи», — глухо ответил мне транзистор, прежде чем запустить «Мой старик» в исполнении Даниэля Гишара. На случай, если Кристиан в душе или в туалете, я позвал громче.

Ничего.

Сегодня Ле Медеф не ночевал дома.

Он даже не завершил свой вчерашний ужин.

Мой мозг отказывался соображать.

Черт, что могло случиться?

Я быстро обыскал каждый угол дома общей площадью не более шестидесяти квадратных метров и убедился, что Ле Медефа в нем нет. Не было и трупа Ле Медефа…

Ничего. Только несколько личных вещей, одежда, книги, ноутбук, пароля к которому я не знал, полный холодильник, стопка местных газет, лекарства, антидепрессанты, но среди них ни атаракса, ни анафранила…

Словно Ле Медефу пришлось срочно уехать.

Когда?

Наплевав на отпечатки, я пощупал хлеб на столе. Мягкий.

Поковырял золу в камине. Теплая.

Ле Медеф, похоже, исчез менее десяти часов назад, наверняка в час ужина. Это примерно соответствовало тому времени, когда Мона приехала ко мне в Вокотт. Я снова окинул взором гостиную. Она напомнила мне квартиру дяди Юсуфа. Когда я вместе с матерью туда попал, мне было семь лет. Дядя умер от инфаркта за три часа до нашего прихода, и матери надо было забрать документы для организации похорон. На столе остывал суп в чашке, рядом лежал надкушенный кусок хлеба, под стулом стояли тапочки.

Неужели Кристиан Ле Медеф скончался?

Его убили? Похитили? Подтолкнули к бегству? Почему?

Последние слова, сказанные им вчера перед домом прессы, зазвучали у меня в голове:

«Я продолжу копать, чтобы побольше разузнать про Магали Варрон.

В этом заговоре молчания есть что-то ненормальное».

Неужели он что-то раскопал?

Он верил в заговор, в махинации.

Молчание газет.

Молчание жандармов.

Неужели полиция забрала Ле Медефа, чтобы он не заговорил?

«Смешно!» — тихонько нашептывал мне голосок разума. Во Франции полиция не хватает граждан по вечерам, не дав им завершить трапезу.

Я посмотрел на часы. 4 часа 35 минут. Я на десять минут превысил время, отведенное мною на визит к Медефу; пора возвращаться в Вокотт. Пока не проснулся Ипор. Я открыл

все ящики, провел рукой под шкафами, скинул с полок книги, а с вешалок одежду. Ничего.

За исключением одной штучки.

Заложенного в телефонный справочник белого листочка, на котором, без сомнения, сам Ле Медеф нацарапал несколько цифр:

2/2 | 3/0
0/3 | 1/1

Дрожащими руками я закрыл справочник. Неужели Медеф вышел на тот же след, что и Пироз? Неужели из-за этого его убрали?

Пот из подмышек струился у меня по рукам, затоплял ладони, и на всем, к чему я прикасался, оставались влажные следы.

Ручки, щеколды, выключатели…

Литры ДНК, которые, как только соседи поднимут тревогу, позволят обвинить меня в исчезновении Кристиана Ле Медефа.

Через ставни я посмотрел на улицу. Она по-прежнему пустынна, не считая сидевшей под фонарем трехногой собаки. Свернув листок с цифрами, я опустил его в карман и вышел из дома.

21
Неужели он что-то раскопал?

Я проспал до десяти утра. Разбудила меня эсэмеска Моны:

«Полиция побывала в „Сирене“.
Тебя ищут. Ничего не сказала.
Тебя хотят взять живым. Уфф!
Позаботься о себе.
Бонни».

Несколько минут я сидел без движения, наслаждаясь лучами солнца, повисшего над долиной Вокотт; солнечные лучи пробрались в дом и позолотили льняные простыни. Подсунув под спину пышную пуховую перину, я напечатал ответ:

«Не возьмут!
Тайна № 123: Кристиан Ле Медеф, прозванный мною Атараксом, свидетель № 2 самоубийства Магали Варрон, исчез вчера вечером.
Возможно, это ловушка!
Будь осторожна.
Клайд».

Несколько минут я ждал ответа Моны, но не дождался.

Встать. Умыться. Одеться. Позавтракать. Продумать план действий.

Мона ограничила наше общение. Наверное, она права. Раз жандармы приходили к ней, значит, они ее подозревают и могут установить слежку.

Около одиннадцати, выпив кофе и истребив коробку праздничного печенья «Лотюс», сохранившуюся, видимо, с Рождества, я спустился в подвал, единственное место в доме Мартена Денена, которое я еще не успел осмотреть.

Дальнейший план боевых действий представлялся мне весьма смутно. Весь день скрываться на вилле и, используя имеющиеся в моем распоряжении средства коммуникации, попытаться найти след. Интернет. Телефон. Как в фильме Хичкока, где тип с загипсованной ногой расследует дело, не выходя из дома.

Судя по толстому слою пыли, в профессорский погреб давно никто не спускался. Асимметричные следы моих ног отпечатались на пыльном бетоне более четко, чем если бы я ступал по снегу. Когда загорелась висевшая на проводе голая лампочка, в воздухе распространился запах горелых насекомых.

Гора громоздких вещей, предназначенных для использования солнечными уик-эндами. Велосипеды, зонты от солнца, шезлонги, барбекю, садовые стулья, сетка для бадминтона, мячи, ракетки.

Возле стен выстроились картонные ящики.

У меня впереди целый день, и я, не устояв перед искушением, сорвал с первой коробки коричневый скотч. В ней лежал десяток фотоальбомов.

Не пожалев времени, я перелистал их, представив себе, что каждый альбом является

одним из эпизодов ситкома.[10]

Семья Денен, эпизод 1

Университетский профессор позировал перед Иглой Этрета; судя по припаркованному позади оранжевому «рено» пятой серии, это примерно восьмидесятые годы. Профессор стоял, держа за руку жену, стройную улыбающуюся блондинку с растрепавшейся прической. По фотографиям, уложенным в целлофан, прослеживалась жизнь профессора. Мартен на пляже. Мартен мастерит. Мартен ловит рыбу.

Другой альбом. Денен, уже постарше, позировал перед Иглой Этрета; судя по припаркованному позади «Ауди А4», где-то в двухтысячные годы. Профессор стоял, рука об руку с женой, коренастой блондинкой с короткими волосами и строгим взглядом. Мартен — серфер. Мартен играет в гольф. Мартен играет в теннис с сыном, темноволосым мальчиком, который, скорее всего, мой ровесник; на протяжении страниц прослеживалось его взросление и пребывание на семейной загородной вилле.

Я продолжал листать наугад, пока не нашел то, что искал: фотографию Моны. Среди сотен снимков их было две.

На первой Мартен Денен вместе с Моной собирали галечник. На второй исследователь позировал вместе с Моной на фоне Иглы Этрета. Руки их не соприкасались, однако Мона казалась еще красивее, чем обычно.

Профессор Денен — везунчик.

Словно телепатия — не вымысел, в эту минуту телефон известил меня о приходе эсэмески. Ответ от Бонни!

> «Не надейся на Ле Медефа, комиссар.
> Делай ставку на свидетеля № 3. На старушку Денизу.
> Иначе прямая дорога в дурдом!»

Улыбнувшись, я нащупал в кармане оторванную страницу «Курьера Ко». Мона права. Ле Медеф вышел из игры, теперь только Дениза могла подтвердить, что лицо Магали Варрон идентично лицу Морганы Аврил. Только Дениза могла доказать, что крыша у меня еще не съехала. Но я знал только ее имя и возраст…

Дениза. Семьдесят лет.

Да уж, и впрямь редкий образчик, такой же редкий, как какая-нибудь пятидесятилетняя Натали или тридцатилетняя Стефани.

Не обзванивать же всех Дениз, проживавших в округе, по телефонному справочнику! Можно, конечно, спросить ее адрес у Пироза…

Я нервно напечатал короткий ответ. Словно сигнал SOS:

> «Дениза, а дальше?»

Как будто Мона могла это знать. Ле Медеф говорил мне, что больше не видел Денизу в Ипоре. Она вполне могла жить в одной из окрестных деревень.

Я продолжил обшаривать погреб. На самой высокой полке я обнаружил маленькую красную коробку и с трудом разобрал наполовину стершуюся надпись:

> «Винчестер АМ боеприпасы».

Коробка с патронами!

Не бывает боеприпасов без оружия… Профессор Денен наверняка прятал револьвер в подвале, чтобы его не нашли дети.

Добрых полчаса я старательно искал, пока наконец не нашел предмет своих поисков в одном из ящиков комода, доступ к которому преграждали скамеечка для ног и стол для пинг-понга. Сначала я вытащил кучу втиснутой в ящик одежды. Фирменные шмотки, смятые, словно половые тряпки. Вышли из моды? Стали малы? Забыты? Потертые перчатки «Луи Вюиттон». Розовая рубашка поло «Эден Парк». Футболка на подростка от Армани. Стильный хлопковый галстук с рисунком «виши». Не удержавшись, я взял галстук и намотал его на пальцы. Каждый чувак, у которого есть немного бабла, обязан иметь подобный аксессуар в своем гардеробе. Я попытался себе представить, что в результате очередного невероятного совпадения я очутился в погребе убийцы с красным шарфом и роюсь в его шмотье… иначе говоря, в погребе со шмотками Мартена Денена, профессора молекулярной химии. Не получилось.

Револьвер был спрятан под одеждой.

Кольт «Королевская Кобра». Название написано белым по черному металлу. Новый. По крайней мере, мне так показалось, ведь я впервые держал в руках огнестрельное оружие.

Звук прибывшей смс-ки эхом отозвался в подвале; я как раз собирался проверить подвижность спускового крючка:

«Спрашивай про собаку!»

Несколько секунд я сидел в растерянности, пытаясь понять сообщение Моны.

Собака? Какая собака?

Сначала я решил, что это послание с подтекстом, потом вспомнил про Арнольда, собачку Денизы породы ши-тцу.

Четвертый свидетель?

Мона смеется надо мной!

Я обдумывал остроумный ответ, что-то вроде: «Если, собирая гальку, у тебя выпадет минутка, спроси адрес у чаек», как вдруг палец застыл на клавиатуре.

В голове со всей очевидностью сложилось решение.

Мона и не думала смеяться надо мной!

Ее совет совершенно прозрачен. *Спрашивай про собаку!*

Немного дерзости, много удачи — и, возможно, сработает.

Я вылетел из погреба, не удосужившись убрать за собой разбросанные вещи. В доме наверняка есть телефонный справочник. Искать его я отправился в гостиную, где принялся открывать все ящики. Скрип шин в саду виллы приковал меня к месту, словно чья-то железная рука схватила таившиеся у меня в голове мысли.

Жандармы!

Инстинктивно я спрятался под подоконник.

Я отчетливо слышал, как хлопнула дверца автомобиля. Шаги по гравию… Я не намеревался сдаваться, тем более так глупо. Я встал и осторожно выглянул в окно.

Во дворе виллы стояла машина. Какой-то тип целенаправленно шел к двери.

Невероятно! Даже полиция не нашла меня здесь.

А он нашел!

Он постоял, закуривая сигарету, потом уверенным шагом направился к двери.

Почтальон дошел до почтового ящика, сунул в него большой коричневый конверт, сел в желтый «рено-кангу» и продолжил турне.

22
С подтекстом?

Джамалу Салауи
В доме Мартена Денена
Вилла Орсен
123, дорога Заката
Вокотт
76111 Ваттето-сюр-Мер.

Дрожа всем телом, я прочитал адрес:

«Джамалу Салауи
В доме Мартена Денена».

Рукописные строчки прыгали перед глазами.

Кто мог знать, что я скрываюсь именно здесь!

Никто! Никто, кроме той, кто предоставила мне это убежище.

Той единственной, кто помогла мне избежать ареста.

Той единственной, кто соглашалась мне верить.

Мона.

Неужели она с самого начала разыгрывала комедию, с той самой встречи в жандармерии?

Я снова выглянул в окно и, окинув взором долину, перевел взгляд на пляж. Каким образом моя собирательница гальки могла быть причастна к смерти Магали Варрон? К смерти Морганы Аврил и Миртий Камю? Полная бессмыслица. Только Мона могла отправить сюда, на виллу своего научного руководителя, почту на мое имя, но тем самым она выдавала себя с головой.

Я отказывался что-либо понимать. Но любопытство оказалось сильнее. Я догадывался, что в конверте новые подробности дела Аврил–Камю, подробности, о которых не писали ни в Интернете, ни в прессе.

Выбрав самое удобное кресло в гостиной, стоявшее перед потухшим камином, я дрожащими руками разорвал конверт.

В нем оказались всего две странички.

Протокол допроса Фредерика Мескилека. Вещественные доказательства МС-47, МС-48 МС-49, МС-50.

* * *

Дело Миртий Камю — Понедельник, 30 августа 2004 года

Элен Нильсон попросила коммандана Бастине позволить ей самостоятельно снять показания с Фредерика Мескилека, жениха Миртий Камю. Коммандан отнесся к просьбе психолога-криминалиста с пониманием. Он изнемогал под грудой дел, отбивался от

требовавшего результатов судьи Лагарда, от объявленной ему герильи под управлением Кармен Аврил, которая вместе со своим адвокатом отказывалась верить, что полиция делает все возможное, чтобы найти убийцу ее дочери… Вдобавок ко всему Бастине жил в постоянной тревоге, опасаясь сообщения о новом трупе изнасилованной девушки.

Во время разбора полетов Бастине заметил, что его морщинистое лицо и мешки под глазами никак не гармонируют с гладким лбом и нежными скулами психолога. «Пять тысяч евро!» — тихонько усмехнулся его помощник Беранже. Стандартная цена… лифтинга.

Такие штучки превосходили понимание Бастине!

Каким образом девушка, столь занятая собственной внешностью, могла заниматься ремеслом, предполагавшим погружение во внутреннюю жизнь других людей?

— Месье Мескилек, — спросила психолог-криминалист, — речь, действительно, идет о письме Миртий?

— Да. Это последнее письмо, которое я получил от нее. Она отправила его, когда работала в лагере, за несколько дней до смерти.

Фредерик Мескилек сидел рядом с Алиной Массон. Она кивком подтвердила его слова. Боевой настрой лучшей подруги Миртий Камю резко контрастировал с туманной меланхолией, читавшейся во взгляде Мескилека.

— Вы разве не обменивались смс-сообщениями?

— Да, конечно, но…

Фредерику Мескилеку явно было трудно говорить о своей невесте, так и не ставшей его женой. Терзая в кармане пачку сигарет, он взглядом буквально умолял разрешить ему покурить в комиссариате.

Алина Массон приняла эстафету:

— Миртий была романтиком. Она любила писать письма. Я хочу сказать, письма на бумаге. Она любила писать. В летнем лагере нам часто доводилось завершать собрания далеко за полночь, но она находила в себе силы писать даже после отбоя, при свете фонаря.

Каждая черта характера Миртий, описанная устами ее лучшей подруги, стрелой вонзалась в воспоминания Мескилека. Обхватив голову руками, он начал жевать незажженную сигарету. Элен наблюдала за ним, как энтомолог наблюдает за мухой, бьющейся о стенки стакана, которым ее накрыли. Несмотря на обещание, коммандан Бастине не смог не вмешаться:

— Предлагаю вам прочесть это письмо!

Насколько возможно, Элен нахмурила свой подтянутый лоб, потом примирительным тоном смягчила предложение шефа:

— Месье Мескилек, я знаю, речь идет о глубоко личном письме, о стихотворении, насколько я поняла из ваших слов. Это, без сомнения, последние слова Миртий, написанные перед тем, как ее лишили жизни. Но, может быть, мы найдем в них некое указание…

Фредерик Мескилек размял пальцами сигарету, потом ответил:

— Мы должны были пожениться.

Не по теме.

Психолог захлопала длинными ресницами. Слишком длинными. Накладными.

— Я знаю, Фредерик. Нам хотелось бы услышать, что она вам написала.

Вынув из кармана листок, Мескилек поднял его на уровень глаз. Казалось, что он держит в руках тяжеленную стопку книг. Губы его зашевелились, но с них не слетело ни

звука.

Пальчиками с красным, в цвет платья, маникюром, Элен Нильсон погладила под столом колено комиссара. Тот было удивился, но быстро понял, что она всего лишь просит его проявить чуточку терпения.

Она протянула к свидетелю руку, утопавшую в рукаве из браслетов.

— Не волнуйтесь, Фредерик. Доверьте нам это письмо.

Листок упал на стол. Психолог-криминалист громко и отчетливо прочла его вслух:

«Миртий, 24 августа 2004 года, Изиньи-сюр-Мер, ночь, 2 часа 25 минут.

Любовь моя,
У времени стрелки я украду,
И если бежать — с тобой убегу.

Костыль украду у белого дня,
Чтоб ты никуда не ушел от меня.

Нарциссы я украду у весны,
Чтобы всегда со мною был ты.

В броню шелкопряда запру я тебя,
Чтоб ты никуда не сбежал от меня.

Вселенную нашу окружу я забором,
Чтобы никто не взял нас измором.

В отрепья одену судьбу нашу лихую,
Чтоб не позарился никто на такую плохую.

Я всех красавиц готова убить,
Чтобы им помешать тебя любить.

Чтобы никто не смел тебе докучать,
Я всех готова навеки прогнать.

Я стену построю, чтоб нас окружить,
И от врагов сумею нас защитить.

M2O.

Алина Массон вытащила бумажный платок и вытерла выступившие в уголках глаз слезы. Фредерик Мескилек сунул в рот новую сигарету и, глядя перед собой пустыми глазами, стал терзать ее зубами, пока не отгрыз фильтр.

— Прекрасные стихи, — произнесла Элен, уверенная, что это не избитый комплимент.

Миртий была талантлива. Талант, который смяли, словно исписанную страницу, скомкали, прежде чем бросить в урну.

Она лучше понимала чувства тех, кто жил, озаренный лучами обаяния Миртий, их чувства, метавшиеся от гнева к отчаянию. Она пригласила Шарля и Луизу Камю присутствовать при допросе, но родители Миртий вежливо отказались. Они больше не желали делить память о дочери с полицейскими и судьями. Миртий похоронили в Эльбефе, на кладбище Сент-Этьен, и они каждое утро приходили туда. Только вдвоем. Когда они рассказывали следователям подробности из жизни Миртий, им казалось, что они развеивают воспоминания о ней, как могли бы развеять ее пепел.

Бастине ничего не сказал. Он был разочарован. Не то чтобы ему не понравились душещипательные строки, просто он не видел в них ничего, что могло бы помочь отыскать убийцу. Ничего, даже если перечитать каждую строчку с конца до начала. Он поводил пальцем по листку.

— Что означает подпись — M2O?

— Миртий, 2 октября, — уточнил Мескилек. — Дата свадебной церемонии. В церкви в Оривале и в мэрии Эльбефа. Затем коктейль в Доме молодежи и культуры, а вечером ужин в зале здания цирка-театра.

Он обезглавил сигарету и выплюнул в ладонь окурок. Алина положила на стол использованный бумажный платок.

— Стихотворение, действительно, может вам помочь? — с сомнением спросила она.

Бастине поддержал ее сомнение, едва заметно покачав головой. Не говорить же ей, что потерял время, что единственно полезная для следствия улика — это небесно-голубой блокнот «Молескин», куда Миртий регулярно записывала свои мысли, где можно найти необходимые сведения о ее жизни в дни и часы, предшествовавшие изнасилованию. Блокнот, украденный убийцей.

Бастине встал. Приглядевшись к Фредерику Мескилеку, он нашел его физиономию отвратительной, не имеющей ничего общего с Шишином, гитаристом, которым бредили юные аниматорши Дома молодежи и культуры. В том числе и прекрасная Миртий.

Миртий, 2 октября.

Какие-то дурацкие слова звучали у него в голове.

«Скажи мне да, Фредди».

Какая чушь!

Заглянув в кабинет, Бастине объявил, что у него срочные дела, и он, полностью доверяя Элен, поручает ей завершить допрос.

«Продолжайте говорить о поэзии, — подумал он, — об излишне сексуальном платье, что было на Миртий Камю в день трагедии, о дате бракосочетания, об утерянном блокноте…» Он знал, что в этом деле сострадание не играет никакой роли. Зачем интересоваться личной жизнью жертвы? Разве только для очистки совести? Расследование должно сосредоточиться на убийце. Во время допроса, продолжавшегося около двадцати минут, ему передали три новых сообщения от тех, кто, по их словам, узнал незнакомца в бейсболке «Адидас», что крутился вокруг Миртий Камю перед ее гибелью. Существенное прибавление к нескольким десяткам других свидетельских показаний. Следовало из принципа проверить каждое показание, хотя сам Бастине был уверен, что насильник не

позволит так просто себя обнаружить.

Спустя три часа Бастине вызвал к себе бригадир жандармерии коммуны Валонь. Бастине как раз договаривался о том, чтобы развесить во всех туристических бюро департамента фоторобот неизвестного в синей с белым бейсболке, а также почти идентичный ему фоторобот неизвестного с красным шарфом «Берберри». Предполагаемый убийца проживал в дачном домике своих родителей, следовательно, мишенью становились туристические места; но в мэрии заартачились:

«Развешивайте, где угодно, коммандан, но только не под носом у туристов».

Туристы? В сентябре?

— Лео?

— М-м, ну да.

— Это Ларошель, из бригады коммуны Валонь.

— М-м, ну да.

Бригадир надолго умолк. «Когда же этот идиот наконец проснется», — подумал Бастине.

Торжествующий Ларошель не скрывал своего триумфа. Его слова буквально пригвоздили Бастине к стулу.

— Мы загнали его в угол!

— Кого?

— Вашего типа в бейсболке «Адидас». Того, кто крутился вокруг малышки Камю. Его задержали в Морсалине. Поверь мне, сообщение из достоверных источников, его скоро возьмут. А у меня есть его имя и адрес!

23
Его имя и адрес?

Я читал и перечитывал стихотворение.

Взволнованное. Беспокойное.

И снова спрашивал себя: какая связь существует между делом Миртий Камю… и мной?

К чему рифмовать столько подробностей? В чем расследование второго преступления убийцы с красным шарфом может помочь мне решить загадку первого, убийства Морганы Аврил? И как следствие загадку самоубийства Магали Варрон, случившегося два дня назад? Выйти из тупика, куда я себя загнал?

Узнать имя типа, задержанного полицейскими коммуны Валонь, подозреваемого номер один по делу Миртий Камю, мне пока не суждено, ибо тот, кто прислал мне эту информацию, его не сообщил. Умолчание — явно часть его плана.

Я встал и заходил по гостиной, внимательно читая каждую строку стихотворения. Лакированный паркет скрипел под ногами, напоминая навязчивый перезвон в телевизионной игре. После чтения стихотворения интуиция не оставляла меня в покое.

А что, если присланные материалы — не ловушка? Если, тот, кто посылает мне письма, хочет, чтобы я нашел решение? Чтобы спустя десять лет я ознакомился с ворохом показаний тех, кого допросила полиция, и определил личность двойного убийцы?

Стихотворение — одна из деталей пазла. Одна из многих.

Я снова подошел к окну. Какой-то чувак в галстуке, прижав к уху телефон, шел к берегу, постоянно оборачиваясь.

Я рассортировал вопросы, роившиеся у меня в голове. Почти десяток.

Зачем присылать мне письма с вырезками и ксероксами? Какими особыми знаниями я обладаю, чтобы расследовать дело, о котором два дня назад ничего не знал?

Кто кроме Моны мог знать, что я прячусь в загородном доме Мартена Денена?

Куда делся Кристиан Ле Медеф? Его похитили? Убили?

Что означают четыре клетки и восемь цифр, которыми интересовались Пироз и Ле Медеф?

На улице блондинка с двумя детьми, четырехколесным велосипедом и роликами спускалась по крутому склону.

Где искать ответы на первые четыре вопроса, я не знал вовсе, хотя сами вопросы казались мне вполне логичными и разумными. Ничего общего со следующими шестью, где один другого бредовее.

Как могла полиция найти мой отпечаток на трупе Магали Варрон, если я ее не касался?

Каким образом она обмотала красный шарф вокруг шеи во время падения с обрыва?

Почему газеты ничего не написали о смерти Магали Варрон?

Как объяснить невероятное сходство между Магали Варрон и Морганой Аврил? Рождение, увлечения, учеба… и одинаковые лица!

Возможно ли, что Моргана Аврил не умерла десять лет назад, хотя все газеты Франции написали о ее трагической гибели?

И дополнительный вопрос.

Возможно ли, что один-единственный критерий может помочь решить это уравнение с десятком неизвестных?

Я снова осторожно выглянул в окно. Следом за семейным автодомом шел, заплетаясь ногами, подросток в наушниках MP3, огромных, словно уши шапки-ушанки; он явно отключился от внешнего мира.

Уверен, только с помощью собственного серого вещества мне эту загадку не решить, хотя в старых фильмах почтенный следователь с округлившимся брюшком всегда распутывал дело, не покидая своего кресла.

Я должен действовать, и первым моим действием станет установление местопребывания третьего свидетеля.

Денизы.

Мона права! Надо спросить адрес у ее собаки…

В следующую минуту я устроил в гостиной Мартена Денена настоящий погром, пока наконец под стопкой старых газет не нашел адресный справочник. Лихорадочно листая желтые страницы, я нашел в радиусе двадцать километров три ветеринарные клиники. Начал обзвон с ближайшей, с клиники «Аббасьяль» в Фекане. Кошачьим голосом отозвалась секретарша.

— Простите, — в свою очередь промяукал я, — я звоню от имени своей бабушки Денизы относительно ее собачки Арнольда.

— Арнольд, — повторил медоточивый голос. — Подождите…

Стук клавиатуры. Она печатала быстрее, чем говорила.

— Арнольд, ши-тцу, одиннадцать лет. Это она?

Я чуть не заорал от радости!

— Да! Как… как вам сказать? Моя бабушка стала забывчива. Она забывает часы приема, время вакцинации. И я решил сам позаботиться и об Арнольде, и о самой старушке.

— Понимаю, подождите, сейчас проверю.

Я услышал стук пальцев по клавишам, затем сладкий, как карамелька, голос произнес:

— Шесть месяцев назад вашей бабушке посылали памятку. Арнольд должен посетить нас до начала июня, чтобы получить прививку от пироплазмоза.

— Я так и знал! Бабушка забыла. Вы можете еще раз прислать мне эту памятку?

— На ваш адрес или на адрес бабушки?

— На адрес бабушки. Я навещаю ее каждую неделю.

Секретарша явно обожала заботливых мужчин, ибо голос ее окончательно превратился в патоку:

— Сегодня же пришлю ее вам, месье…

Я изобразил колебания, однако строго дозированные. И ровно перед тем, как она собралась класть трубку, поймал ее:

— Подождите! Какой адрес дала вам бабушка? Возможно, предыдущая памятка потерялась, потому что несколько месяцев назад нам пришлось переехать в дом в низине.

Короткое молчание, никакой клавиатуры. Я догадался, что она вращает колесико мыши.

— Дениза Жубан. Здание бывшего вокзала, в Турвиль-лез-Иф. Этот адрес сейчас верен?

— Абсолютно, мадемуазель.

Мадемуазель.

Она растеклась в благодарностях, я этим воспользовался и повесил трубку.

В следующую минуту на столе в гостиной уже лежала карта масштабом 1:25 000.

Селение Иф располагалось в шести километрах от Ипора, в деревенской глуши. Я довольно долго изучал поросшие лесом участки, холмы и одинокие тропинки, пока наконец не разработал маршрут, позволявший добраться до Денизы Жубан с минимальным риском, не встретив свидетеля, готового выдать меня жандармам. Чтобы пропилить шесть километров через леса и поля колченогому, требуется время, а значит, есть риск, что его схватят.

Я понимал, насколько рискованно идти на встречу со старушкой. Но, возможно, это менее рискованно, чем целый день плесневеть в доме.

У меня сохранился последний козырь.

Дениза и Арнольд.

И я рассчитывал с успехом пустить его в ход.

24
Она стала забывчива?

Уже несколько километров я шел по заброшенной железнодорожной колее. Бывшая ветка, соединявшая Фекан с Руаном, не удержалась после сокращения потока туристов, приезжавших на нормандское побережье. От нее остался только длинный шрам, терявшийся в заболоченных полях, где глубина топи местами доходила до десяти метров. Место на болотах себе частично отвоевали вязы, дубы и лещина.

Ритм моих шагов определялся расстоянием между шпалами, скользкими от холодного моросящего дождя. До самого Турвиля я не встретил никого, за исключением нескольких чаек, шпионивших за мной с неба, и сарыча, неподвижно сидевшего на сухом стволе платана; казалось, он сидит здесь последние лет сто, ожидая, когда пройдет очередной поезд.

Перевалив через насыпь, я оказался в деревушке Иф, прямо напротив дома, где, судя по полученному мною адресу, проживала Дениза Жубан.

Бывший вокзал! Голубенький домик начальника вокзала, стены, покрытые штукатуркой до самой черепичной крыши с двумя торчащими печными трубами с оранжевыми оголовками и монументальные часы, остановившиеся в 7 часов 34 минуты. Никто не счел нужным отвинтить с фасада фаянсовую табличку: «Железная дорога». Нетрудно вообразить, что за дубовой дверью шелестит элегантная толпа: дамы в кринолинах, усатые банкиры в канотье и юные парижане в матросских костюмчиках.

Их ждали поезда.

Вокруг заброшенной колеи выстроились десяток вагонов и три локомотива. Вагон Восточного экспресса, спальный вагон, паровоз Шапелона из серии «Пасифик». Новенькие, словно еще вчера ездили.

Зрелище сюрреалистическое, хотя, подготавливая свой поход, я выяснил, что общество бывших железнодорожников устроило свой штаб прямо напротив бывшего вокзала; там же члены общества занимались восстановлением старых ржавых вагонов, чтобы железнодорожные компании со всех концов света могли продлить им вторую молодость.

Дождь стал накрапывать сильнее. Это объясняло, почему сегодня никто не занимался починкой вагонов. Я подошел к двери домика; внутренний голос упорно нашептывал мне, что и в этот раз все пойдет не так, как я предполагал.

Что старушки Денизы не окажется дома.

Что ее тоже заставили замолчать.

Что…

За окном раздалось тявканье Арнольда, и в обрамлении кружевной занавесочки показался черный нос. Те две минуты, что Дениза отпирала мне дверь, песик истерично лаял, пуская слюни на выложенный плиткой пол.

Широко раскрыв глаза от изумления, она смотрела на меня так, словно я в своей фиолетовой толстовке «Wind Wall» был каким-то инопланетным существом, явившимся из далекого будущего.

— Месье?

Она меня не узнала. Хотя я специально надел ту же самую одежду, в которой был два

дня назад, когда мы с ней встретились.

— Джамал. Джамал Салауи. Вы должны меня помнить. Пляж в Ипоре. Магали Варрон молодая девушка, самоубийца.

Обшаривая самые дальние уголки памяти, Дениза, не задавая вопросов, пригласила меня пройти. Арнольд долго и недоверчиво смотрел на меня, затем отправился спать на подушку в зеленом чехле, цвет которого гармонировал с его лимонным свитером.

Большая комната, служащая одновременно и вестибюлем, и столовой, и гостиной, была красиво оформлена потолочными балками, нормандскими шкафами и комодами, кружевами и сухими букетами; но основное внимание привлекали развешанные по стенам фотографии. Десятки черно-белых фотографий поездов, застывших на фоне восхитительных пейзажей. Бескрайние заснеженные степи, головокружительные склоны Анд, бесконечные дамбы, уходящие в море.

— Мой муж был железнодорожником, — уточнила Дениза. — Жак умер больше девяти лет назад.

Она повернулась к плакату, где Восточный экспресс пересекал Венецианскую лагуну.

— Мы часто пользовались его бесплатным проездом…

Я достал из кармана оторванную страницу «Курьера Ко» от четверга, 17 июня 2004 года.

— Я хотел показать вам одно фото, Дениза.

И сунул ей под нос портрет Морганы Аврил, позаботившись замаскировать заголовок и дату статьи *«О тебе, Моргана»*. Даже если у старушки слабовата память, за два дня она не могла забыть лицо Магали Варрон. То же самое лицо, что и на газетной странице.

— Вы ее узнаете?

Извинившись, что оставляет меня одного, Дениза пошла в спальню за очками, в ближайшую к двери комнату направо. Глядя на ее походку, мне показалось, что она менее уверенная, чем была в тот день на пляже в Ипоре, в утро самоубийства. За два дня она словно постарела на два года. Наконец она вернулась и принялась рассматривать фото.

— Да… это та самая девушка, которая скончалась после того, как ее изнасиловали.

Я с трудом сдержался, чтобы не подхватить Денизу на руки и не закружить по комнате. Как я и предвидел, она также спутала лицо Морганы Аврил с лицом Магали Варрон. Я не сошел с ума и не придумал это невозможное сходство! Но станет ли почтенная дама моей союзницей?

Я развернул газетный лист.

— Посмотрите на дату, Дениза, посмотрите, когда вышла эта газета.

Она поправила очки, словно четкость ее зрения зависела от того, с какой миллиметровой точностью очки сидят на носу.

— Четверг, 17 июня 2004 года? Боже мой… Мне казалось, эта чудовищная история произошла совсем недавно…

На противоположной стене я увидел, как поезд «Синкансэн» въезжает в туннель, проложенный между небоскребами какого-то японского города, возможно, Осаки.

— Два дня назад, — подсказал я.

Дениза звонко рассмеялась мелким старушечьим смехом и села на деревянный стул с соломенным сиденьем. В три прыжка Арнольд очутился у нее на коленях. С иронией в голосе она произнесла:

— Я знаю, что иногда теряю чувство времени. Но два дня — это даже для меня чересчур. Если поразмыслить, газета права, в то время когда расследовали это дело, Жак был еще жив. Он покинул меня в 2005-м…

Подняв морщинистую руку, она знаком велела мне сесть. Она по-прежнему не спрашивала, ни кто я, ни почему я задаю ей вопросы. Я взял другой стул, деревянный, с сиденьем, набитым соломой, и сел напротив нее. Арнольд стал принюхиваться, словно всерьез намеревался поменять колени.

Возбуждение переполняло меня, я делал все возможное, чтобы оно не вырвалось наружу.

Дениза помнила убийство Морганы Аврил!

В сущности, это логично, она же постоянно живет здесь. Но, похоже, она не видела связи между двумя девушками, скончавшимися с интервалом в десять лет.

— Вы правы! — подтвердил я. — Это фотография Морганы Аврил, молодой девушки, изнасилованной и убитой в Ипоре в 2004 году. Но я пришел к вам поговорить о другой девушке, о Магали, той, что совершила самоубийство, спрыгнув с обрыва.

Ее дрожащая рука погрузилась в длинную шерсть Арнольда. Она смотрела на меня так, словно не понимала, что я ей сказал, и не решалась попросить повторить; наконец она отчетливо произнесла шесть слов:

— Я была там, когда нашли труп.

Разумеется, Дениза. Я тоже. Мы оба там были. Втроем, вместе с Ле Медефом.

Она закрыла глаза. Мне даже показалось, что она задремала. Она говорила медленно, словно рассказывала сон:

— Я шла по пляжу. Стояло раннее утро, кажется, не слишком холодное. — Она погладила пузико ши-тцу, и песик заурчал от удовольствия. — Арнольд был совсем маленький…

В голове моей зажегся сигнал тревоги.

Арнольд? Совсем маленький?

— Это был безумный день, — продолжала Дениза. — Молодежь танцевала везде, особенно перед казино. Всюду звучала музыка, много музыки, всю ночь, рок-музыка. Я тоже, когда была в их возрасте, любила танцевать под рок, но, разумеется, другой, не тот, который играли в тот вечер. Вам не кажется странным, что молодежь, сменив музыку, сохранила ее прежнее название? Они все выглядели совершенно счастливыми. Разумеется, пока не случилась трагедия. Пока под скалой не нашли тело этой бедной девушки.

Внезапно мне захотелось схватить мохнатый клубок, лежавший на коленях Денизы, и подбросить его до потолка, воздействовать на старушку неким подобием электрошока. Чтобы она сосредоточилась на воспоминаниях двухдневной, а не десятилетней давности. Чтобы подтвердила, что я никоим образом не касался трупа Магали Варрон.

Я повысил голос. Арнольд навострил ушки.

— Мадам Жубан, я пришел не для того, чтобы вы рассказывали мне о Моргане Аврил, а для того, чтобы мы могли поговорить о том, что случилось два дня назад, в среду, когда мы с вами встретились. Помните, вы гуляли с Арнольдом по пляжу в Ипоре?

Лицо Денизы озарила улыбка. Мне даже показалось, что при слове «гуляли» Арнольд завилял хвостом.

— Господи, точно, я гуляла… Арнольд тоже. Но это было так давно. Вот уже несколько лет, как мои ноги больше не могут долго ходить. Как и лапы Арнольда…

Я пытался сопротивляться крушению всех своих надежд.

О чем говорит эта безумная старуха?

Это было так давно… Ее ноги больше не могут долго ходить…

Но еще позавчера она вышагивала по пляжу Ипора с песиком на поводке!

Дениза продолжала, видимо, не в силах остановить поток ностальгических воспоминаний:

— Я словно брошенные под открытым небом поезда. Как заржавевшее железнодорожное полотно. Я живу здесь, чтобы ждать и вспоминать. Время от времени за мной приезжает такси и отвозит меня к врачу или Арнольда к ветеринару. Мадам из Помощи на дому приносит мне покупки.

У меня закружилась голова, я вперил взгляд в фотографии на стенах. Поезда метались, словно выполняя команды безумного стрелочника. Дениза проследила направление моего взгляда.

— Я много путешествовала. Вместе с Жаком мы несколько раз совершили кругосветное путешествие. Совершенно бесплатно. Он был гениальным машинистом… Помню, в марте шестьдесят второго, как только выехали из Тайшета, Байкало-Амурскую магистраль завалило снегом и…

Не выдержав, я прервал ее. Арнольд навострил ушки и угрожающе зарычал, показав длинные, размером с дынную семечку, зубы.

— Позавчера я столкнулся с вами в жандармерии… Вы выходили из кабинета капитана Пироза.

— Так вы, значит, полицейский? — заикаясь, произнесла Дениза.

— Нет… нет. Совсем наоборот.

И тотчас пожалел о своем «наоборот». Рискуя испытать на себе остроту зубов Арнольда, я положил руку на колено Денизы.

— Вам страшно? Вас просили забыть о том, что случилось позавчера? Ни с кем об этом не говорить? Особенно с журналистами?

Дениза резко поднялась. Арнольд с визгом соскользнул с ее коленей.

— Значит, вы журналист? И явились копаться в подробностях той давней истории?

Я тоже встал. Ее морщинистое лицо находилось на уровне моей шеи. Я почти перешел на крик:

— Мы вместе более четверти часа ждали на пляже приезда жандармов. Вы прикрыли тело девушки моей ветровкой. У девушки вокруг шеи был обмотан красный шарф…

Дениза попятилась. На вешалке возле входа висела серая непромокаемая куртка, соломенная шляпа и шелковый бежевый платок. Сначала наши взгляды сосредоточились на этом куске ткани, потом встретились.

В глазах Денизы я увидел ужас.

Я обнял ее за плечи и постарался придать голосу самые ласковые интонации:

— Я не хочу причинить вам зло. Не хочу обижать вас. Я хочу только…

Сначала я не понял ее жеста. Привычным движением она взялась правой рукой за левое запястье.

Пронзительный звук разорвал тишину, на часах замигала красная сигнальная лампочка.

То, что я принял за часы…

Как многие пожилые люди, проживающие в одиночестве, Дениза носила тревожный браслет, соединенный с ее лечащим врачом или со службой скорой помощи…

Если она не выключит эту штуку, помощь прибудет через несколько минут.

В следующую секунду зазвонил телефон. Она хотела снять трубку, но я удержал ее за рукав. Включился автоответчик, и в комнате зазвучал тревожный голос:

— Мадам Жубан? Это доктор Шарье. Что-то случилось? Ответьте мне, мадам Жубан Что случилось?

Этот лекарь сейчас поднимет тревогу.

Я должен сматываться…

Я решил испытать судьбу. В последний раз.

— Дениза, умоляю, посмотрите на меня. Вы наверняка меня узнали!

Ее взгляд прошел сквозь меня, словно я бесплотный призрак, а ее интересует только находящаяся за мной дверь. Затем, уверенная в прибытии скорой, она ответила умиротворенным тоном.

— Да, я вас узнаю. Вы стояли рядом со мной, на берегу…

Прежде чем я ощутил сладость надежды, почтенная дама взяла меня за руку.

— Вы тоже очень молоды. Но, в отличие от других молодых людей, вы не танцевали. Хотя могли бы. В свое время у вас были обе ноги… Вы…

Я больше не мог ее слушать. Я выбежал на улицу, оставив дверь открытой. Последнее, что сохранила моя память о старом вокзале, был Арнольд; пробежав метра три по стоянке, он разразился лаем, словно предупреждал, чтобы ноги моей здесь больше не было.

Между двумя поставленными на строительные блоки вагонами я проскользнул на насыпь и побежал по заброшенному железнодорожному полотну, уходившему в никуда; полотно напоминало бесконечную застежку-молнию, которую застегнул великан, чтобы никто не смог проникнуть в его спрятанные в земле тайны.

— Алло, Мона?

В первый раз я решился солгать ей. Точнее, рассказать не все. Не говорить, что старая Дениза Жубан не способна вспомнить несчастный случай, произошедший два дня назад… зато прекрасно помнит смерть Морганы Аврил, случившуюся десятью годами ранее.

Что она путала все, включая день, когда мы с ней встретились.

Что она приняла меня за другого.

Что она просто-напросто безумна.

Телефон звенел в пустоте. Мелькавшие под ногами шпалы напоминали ступени нескончаемой лестницы, ведущей в ад. Через сотню метров придется покинуть защитный ров заброшенной железнодорожной колеи и пойти по склонам, разделяющим огороженные заборами домики. Моросящий дождь превратился в холодный туман, леденивший кожу и преобразивший меня в расплывчатый силуэт случайного прохожего, отважно бредущего сквозь непогоду.

Я один.

Кристиан Ле Медеф исчез. Дениза Жубан впала в старческий маразм.

Я единственный свидетель кончины Магали Варрон.

Я нервно сжимал в руке мобильник.

Единственный свидетель, за исключением жандармов, Пироза, его помощника и всех жандармов из бригады Фекана, что склонялись над трупом.

Абонент недоступен. Попробуйте позвонить еще раз.

Я нажал зеленую кнопку айфона.

— Алло, Мона?

Она ответила.

— Ну как? Ты нашел свою старушку?

— Нет. Точнее, да, но это долгая история…

— Расскажи!

— Потом, Мона.

Я остановился под лещиной. Крупные холодные капли стекали с веток и разбивались о синтетическую ткань моей курточки.

— Могу я взять твою машину?

Несколько мгновений из телефона доносился только шум галечника, перебираемого волнами, затем голос Моны игриво спросил:

— Чтобы поехать в полицию и сдаться?

— Нет, Мона. Чтобы съездить в Нефшатель.

— Куда?

— В Нефшатель-ан-Брэ. Кармен Аврил, мать Морганы, по-прежнему держит там гостевой дом «Горная долина». Это примерно час пути. Надо уточнить кое-какие подробности… Мне нужны доказательства, нужно, чтобы ты…

— О’кей, дружок. Не переутомляйся. Бери, если хочешь, мою тачку. Она на месте, стоит на причале перед казино…

Я так и не придумал, какими словами выразить огромную признательность, которую я испытывал к Моне.

— Перед казино? Вот черт! Я не могу появиться в Ипоре среди бела дня. Даже в такую погоду меня могут сцапать…

Мона вздохнула, словно мамаша, которой ничего не остается, как только уступить капризу своего малыша.

— Ох, ты достал меня, Джамал! Я оставлю свой «фиат» на выезде из Ипора, после муниципального кемпинга, возле теннисных кортов. Ключ зажигания будет лежать сверху. А дверца и багажник не запираются уже давно…

— Спасибо, Мона. Я докажу тебе, что ты поставила на верную…

— Заткнись! Отключись, пока я не передумала…

Затолкав телефон в карман, я снова вспомнил о почтальоне, о коричневых конвертах с моим именем и адресом Мартена Денена. Адресом, известным только Моне, Моне, которой я не стал сообщать, что ни один свидетель не в состоянии подтвердить мою версию…

Кто из нас двоих предатель?

Я трусил по обледенелой тропинке. На равнине сгустился туман. Я больше не видел стройных рядов тополей, обрамлявших поля, где высились столбы линий высокого напряжения, тянущихся в сторону АЭС.

Мое свидетельство против всех остальных.

Кто мне поверит?

Кто сможет поручиться за мою невиновность?

Никто…

Никто, кроме вас?

А вы по-прежнему расположены верить всему, что я сказал?

Я ничего не придумываю. Все кончится хорошо.

Вы готовы поставить на меня?

Я умственно здоров. Ничего не украл, никого не убил.
И сейчас это докажу.

25
Что-то случилось?

По автостраде А-13 «Фиат-500» летел со скоростью 130 километров в час. Последние двадцать километров я утопил педаль акселератора, чтобы не потерять скорость на длинном участке, где дорога, ведущая в Брэ, шла на подъем. Впрочем, регулятор скорости не требовался: мотор и без него выдавал свой максимум.

Я постоянно оглядывался, желая убедиться, что меня никто не преследует. На всякий случай, ибо автострада была пустынна. Редкие грузовики на подъеме замедляли скорость, я обгонял их, и они исчезали из виду. Интенсивное движение наблюдалось на встречном направлении. Несколько английских одноместных автомобилей с лыжами и чемоданами на крыше двигались на юг, скрупулезно соблюдая ограничение скорости. Уверен, такими темпами они прибудут в горы, когда снег уже растает. Беспрерывно накрапывал дождь, и раздраженные «дворники» скрипели, счищая каждую каплю.

Внезапно однообразие пейзажа заповедного края Ко нарушилось. Появились огромные заболоченные поля, со всех сторон огражденные плотными живыми изгородями. После длительного подъема дорога внезапно ринулась в пустоту, чтобы взобраться на высившийся впереди склон. Я впервые видел глиняную долину, образовавшуюся в меловом плато. И тотчас резко вырулил вправо, чтобы попасть на дорогу, ведущую в Нефшатель-ан-Брэ.

Новые дома, выросшие возле развязки, напоминали грибы, сгрудившиеся возле пня. Дорога бесплатная, Руан всего в пятидесяти километрах. Совершенно очевидно, что разросшийся за счет маленьких домиков пригород поглотил деревенские просторы вплоть до развязки.

Термометр «фиата» показывал, что за бортом всего три градуса выше нуля. В разгар полудня я намеревался въехать в призрачный город, населенный немногочисленными стариками, презревшими холод и обледенелые тротуары, соединявшие два торговых центра.

Переехав эстакаду над Арком, я увидел беспорядочно припаркованные в два ряда грузовики и вынужден был резко затормозить.

Что они тут делают?

Неожиданно, словно из-под земли, впереди появилась орава ребятишек в разноцветных шапочках и рассыпалась между машинами.

16.30. Черт, это же час окончания занятий в школе!

Чтобы избежать людского внимания, на ближайшем перекрестке я свернул с центральной дороги. Проплутав в лабиринте улиц, между тупиками и улочками с односторонним движением, я припарковался в пустынном переулке. Натянув на голову шапочку Найк, подтянул штанину, чтобы она скрывала мой протез, и вышел из машины. Тротуар покрывал грязный тающий снег, в котором моя негнущаяся нога проделала тонкую борозду.

Я зашел в магазин с запотевшими окнами, первый попавшийся.

Я был готов держать пари, что Пироз не успел поставить на ноги все отделения жандармерии в департаменте, а жандармы не успели развесить мой портрет во всех витринах местных магазинов.

Продавец ранних овощей и фруктов. Он занимался тем, что пытался удержать на наклонной стойке выставленные в витрине яблоки.

«Овощи и фрукты-био», — гласила табличка над кассой.

— Что вам угодно?

— Я ищу гостевой дом «Горная долина». В нем по-прежнему заправляет Кармен Аврил?

Коммерсант выпрямился. Он был, можно сказать, лыс, за исключением пучка волос, коротко подстриженного и напоминавшего хохолок ананаса.

— А что вам от нее надо?

Вымученно улыбнувшись, я попытался обезоружить его недоверие:

— Не буду вас обманывать. Я журналист, мы готовим репортаж об убийстве ее дочери, Морганы.

Хохолок оглядел меня с головы до ног; так, наверное, смотрят его клиенты, когда выбирают фрукты. Хорошо еще, что он не ощупал мне ногу.

— Не думаю, что она обрадуется, когда к ней явятся надоедать с этой историей. Все кончено, все забыто.

— Десять лет, — уточнил я. — За те месяцы, что остались до истечения срока давности, мы хотели бы возобновить дело.

Не дав себе труда ответить, он повернулся к пирамиде из ягод. В разгар зимы этот кретин продавал клубнику-био, малину-био, вишню-био…

Услышав за спиной шаги, я вздрогнул. Раскрасневшаяся от холода девушка внесла на вытянутых руках три ящика с капустой: красной, белой и зеленой. Тяжело дыша, она довольно больно толкнула меня своими ящиками.

— Кармен будет согласна. Не то чтобы она любила этих журналюг, но она готова выслушать каждого, кто может помочь ей прижать того негодяя, который убил ее дочь.

Пожав плечами, хохолок ананаса продолжил ворчать у себя в углу.

«Опять напишут, что у нас тут целая деревня извращенцев».

Уверенными движениями девушка поставила ящики в шахматном порядке.

— «Горная долина» находится в трех километрах выше Нефшателя, по дороге на Фуркамон. Вы вряд ли пропустите вывеску «Гостевые дома Франции».

Когда я выходил из магазинчика, она угрожающе бросила мне вслед:

— Разговор с ней вам удовольствия не доставит.

По улице, ведущей к проулку, где я оставил автомобиль, шагали школьники, и мне пришлось идти за ними. Они шли по трое в ряд, избегая выщербленного тротуара, где выбоины превратились в моря, покрытые ледяной коркой. Ни один родитель не сопровождал их; можно было подумать, что родители забирали своих детей из школы только в хорошую погоду.

Меня это устраивало. Меньше свидетелей.

Подув на замерзшие пальцы, я открыл дверцу «фиата».

Рука застыла на металлической ручке, словно примерзла к ней.

На пассажирском сиденье лежал коричневый конверт.

Джамалу Салауи.

Чертов почерк, ставший почти родным.

Я тотчас вспомнил Мону. Она единственная, кто знал, что я поеду в Нефшатель… но она физически не могла находиться здесь! Где она раздобыла вторую машину? Как могла приехать раньше меня, когда я всю дорогу мчался, выжимая из двигателя все, на что он

способен? Как могла проследить за мной, когда я всю дорогу пялил глаза в зеркальце заднего обзора?

Зачем ей играть в такую садистскую игру?

Я сел в машину, включил зажигание и прижал руки к вентилятору, согревая их.

Кто мог знать, что я припаркуюсь именно здесь?

Никто.

Кто мог бросить конверт на сиденье?

Кто угодно. Дверца автомобиля не запирается…

Несколько минут я сидел с включенной на максимум вентиляцией, направленной прямо в лицо, пока горячий воздух не стал обжигать мне кожу. Затем открыл конверт.

*** * ***

Дело Миртий Камю — Пятница, 8 октября 2004 года

Коммандан Лео Бастине в третий раз внимательнейшим образом перечитал факс бригадира Ларошеля.

Неизвестного в бейсболке «Адидас», подозреваемого номер один в деле об убийстве Миртий Камю, звали Оливье Руа.

Ему 21 год, он проживал в Морсалине, вместе с родителями, владельцами дома прессы в Валони. Совмещая работу с учебой, он изучал в Кане коммуникационные технологии в сфере культуры.

Собственно, вряд ли установление личности молодого человека, чей фоторобот висел в каждой районной жандармерии, стоило считать заслугой бригадира Ларошеля. Его родители, Моник и Жильдас Руа, 7 октября 2004 года явились в отделение жандармерии коммуны Валонь заявить об исчезновении сына.

Оливье был в кемпинге Изиньи-сюр-Мер, плавал возле островков Сен-Маркуф и загорал на пляже Гранкам-Мэзи одновременно с Миртий Камю. Без сомнения, он и есть тот самый тип, которого разыскивает полиция.

Родители объяснили, что смерть Миртий Камю необычайно взволновала Оливье, хотя они так и не поняли, почему. После сообщения о смерти девушки он надолго заперся у себя в комнате и выходил только для того, чтобы прогуляться в одиночестве. Вечером 6 октября 2004 года он вышел и направился в северном направлении, по бульвару Дюн, продолжением которого служит дорога на Сен-Вааст-ла-Уг. И больше не вернулся.

Коммандан Бастине был уверен, что ровно через тридцать семь часов преступника доставят к нему. Стремление Оливье Руа затвориться в четырех стенах можно истолковать как нежелание встречаться с полицией, его депрессию — как угрызения совести, а его бегство как признание.

На следующий день, около 18 часов, обвинение рухнуло, как карточный домик.

ДНК Оливье Руа не совпало с ДНК насильника!

Спустя час поступило еще одно сообщение: Оливье Руа не мог ни убить Моргану Аврил, ни быть незнакомцем с красным шарфом, которого видели зрители фестиваля «Рифф и Клифф». На уик-энде 5 июня 2004 года он вместе с тремя приятелями участвовал в фестивале искусств на улицах Биаррица, в девятистах километрах от Ипора.

Появление-исчезновение Оливье Руа разрушало версию Бастине. Но на всякий случай в течение нескольких недель полиция распространяла листовку «Внимание, розыск!». Срывала расплывчатые фотороботы и заменяли их фотографией Оливье Руа. Неубедительно.

Зачем тратить столько сил на розыски типа, который в лучшем случае может лишь выступить свидетелем?

Судья Поль Юго Лагард публично усомнился в методах Бастине, а затем направил просьбу в кассационный суд, чтобы его освободили от этого липкого дела, где стремительно вязла его карьера. Местные газеты закрыли тему. Судебные хроникеры сменили пластинку и принялись обсасывать историю рабочего из Мондевиля, совершившего самоубийство, надышавшись окисью углерода у себя в гараже вместе с женой и четырьмя детьми.

Психолог-криминалист Элен Нильсон все реже брала билеты на поезд Париж — Кан, а потом и вовсе перестала появляться, разочаровав полицейских из региональной службы судебной полиции, каждый раз заключавших пари о том, какая часть ее тела благодаря волшебному скальпелю пластического хирурга омолодится в очередной раз.

Все, кто после убийства Миртий Камю день и ночь трудились над раскрытием этого преступления, боялись лишь одного: обнаружить новую жертву. Страх, гонка наперегонки со временем держала их в форме, действовала, словно допинг, заставляла выбрасывать адреналин. Однако отныне им оставалось только уповать, что еще одно изнасилование вновь пробудит интерес к делу. Напрасная надежда.

Убийца с красным шарфом «вышел в отставку»…

12 октября 2004 года, через несколько дней после того, как версию с Оливье Руа окончательно признали ошибочной, в региональном отделении судебной полиции Кана Кармен Аврил встретилась с Лео Бастине. Она положила на стол коммандана пухлое досье под названием *«Двойной убийца»* и в нескольких фразах сформулировала его содержание.

Чтобы установить личность убийцы Морганы и Миртий, следовало работать только в одном направлении: искать, кто мог находиться 5 июня 2004 года в Ипоре, а 26 августа 2004 года в Изиньи-сюр-Мер. Возможность, что этот субъект невиновен, практически равно нулю, тем более что он после убийства не явился в полицию.

Бастине согласно кивнул и усталым движением открыл досье. В нем лежали бесконечные списки: адреса, телефоны, копии электронных страничек. «Искать единственного субъекта, посетившего нормандское побережье весной в субботу, а потом в конце лета в четверг, означает проверить списки всех туристов, которые останавливались на базах отдыха, в гостиницах, в гостевых домах, — думал коммандан. — Искать среди тех, кто жил у друзей или у родственников? Среди тех, кто приехал в Нормандию на один день и расплачивался банковской картой на дорожном терминале, обедал в одном из ресторанов, купил сувенир в одном из киосков. Среди тех, кто оставил визитку, чек или просто свое лицо на фотографии?»

Коммандан аккуратно закрыл досье, затем поднял обрамленные свинцовыми кругами глаза на Кармен.

— Мадам Аврил, буду откровенен. Команду, занимавшуюся делом Аврил–Камю, за последний месяц сократили в десять раз. Вместо пятидесяти следователей теперь им занимаются пятеро. Если не откроются новые факты, через несколько недель полиция перестанет считать его приоритетным.

Кармен Аврил даже бровью не повела. Бастине забил последний гвоздь:

— Согласно правилам с прошлой недели это дело должно занимать не более десяти процентов моего рабочего времени.

Он подтолкнул к ней папку *«Двойной убийца»,* не потрудившись даже оценить добровольно проделанную работу.

— Мы не закрываем дело, мадам Аврил. Расследование продолжится, но не в спешном порядке. У нас есть ДНК-профиль насильника, мы знаем, что он дважды совершил преступление. Надо ждать…

Бастине был убежден, что Кармен ему ответит. В сущности, пощечину он заслужил.

Ждать чего? Когда он изнасилует еще одну девушку?

Он был разочарован.

Не глядя на него, Кармен встала и, зажав папку под мышкой, вышла, хлопнув дверью и прокричав на весь этаж:

— И без вас обойдемся!

В июне 2004 года, спустя несколько дней после убийства Морганы, Кармен Аврил создала некое сообщество, куда вошли все те, кто хорошо либо шапочно знал Моргану, почти пять сотен человек. Но довольно быстро число их сократилось до десятка самых близких, энергичных, а главное, достаточно великодушных, чтобы помогать выплачивать гонорары адвокатам, которые занимались этим делом.

В тот вечер, когда обнаружили труп Миртий Камю, Кармен пригласила Шарля и Луизу присоединиться к этому сообществу. А на следующий день они основали общество «Красная нить». Первая статья устава, сданного в префектуру, состояла из трех слов: *«Никогда не забывать».*

Шарль Камю стал председателем общества, его спокойствие и дипломатичность больше подходили для ведения переговоров с полицией и органами правосудия, нежели взрывной характер Кармен Аврил, удовольствовавшейся местом вице-председателя. К великому сожалению, Кармен всегда было сложно договариваться с мужчинами. Особенно с вышестоящими. Осеан, сестра Морганы, стала секретарем, Алину Массон, лучшую подругу Миртий, назначили казначеем. За несколько недель, последовавших за вторым убийством, версия «Двойной убийца» сплотила обе семьи, но, как только стало ясно, что никто не поможет им дойти до конца поисков, группа распалась.

«И без вас обойдемся», — бросила мать Морганы в лицо коммандану Бастине.

Кармен Аврил рвалась начать крестовый поход, мстить, карать.

Шарль Камю стремился к правде, правосудию и даже прощению.

Хилый консенсус, установившийся в обществе «Красная нить», рушился на протяжении всего 2005 года. Кармен согласилась на сотрудничество с журналистом канала «Франс-2», пожелавшим сделать передачу под названием «Введите обвиняемого», о двойном убийстве, совершенном неизвестным с красным шарфом. Шарль категорически наложил вето, но мать Морганы объяснила, что после показа по телевидению возрастет число потенциальных свидетелей, не говоря уж о финансовой стороне вопроса: плата за право использования личных материалов позволит заплатить адвокатам и следователям. За ней выстроился весь клан Аврил, Луиза Камю умолкла, Алина Массон и Фредерик Мескилек долго не решались отречься от Шарля, но потом все же встали на сторону Кармен.

Передачу назначили на 24 марта 2005 года, на 22.30.

Как и остальные члены общества «Красная нить», Кармен первой увидела 90-минутную

передачу на частном предпремьерном показе в студии «Ла Плен-Сен-Дени». В передаче последовательно рассказывали о случившихся событиях, о различных версиях, выдвинутых следствием; рассказы чередовались морскими пейзажами, непристойными снимками жертвы и выжимавшими слезу рассказами соседей. И ничего нового, что могло бы способствовать завершению расследования.

Лица сидевших в первом ряду каменели.

Чистой воды вуайеризм! Изнасилование Морганы и Миртий сняли исключительно для того, чтобы составить конкуренцию сериалам «Эксперты» или «Морская полиция: Спецотдел», показанным на других каналах. Кармен Аврил хотела запретить показ, но «Франс-2» не уступил. Передача собрала 18,6 % зрителей, что немногим больше обычного уровня. Канал не заплатил ни сантима ни обществу «Красная нить», ни — посмертно — двум главным действующим лицам.

Спустя несколько дней Шарль и Луиза Камю объявили о своем намерении дистанцироваться от общества. Шарль сослался на проблемы со здоровьем, что посчитали извинением, достойным дипломата.

Последний раз они обращались к Кармен Аврил как раз накануне драмы.

27 декабря 2007 года.

26
Ждать чего? Когда он изнасилует еще одну девушку?

Сложив листочки в конверт, я засунул его в бардачок «фиата».

Итак, два дела — Морганы Аврил и Миртий Камю — объединили в одно. Меньше чем через год после второго убийства.

Дело прекращено.

Запуская двигатель «фиата», я улыбался. Последняя информация явно полезна.

Именно сейчас.

Если я сообщу Кармен Аврил, что спустя десять лет убийца ее дочери вышел из своего убежища, она примет меня с распростертыми объятиями.

Спустя несколько минут я припарковал машину в сотне метров от рекламного щита «Гостевые дома Франции». Сгибаясь под тяжестью трех портфелей, вдоль дорожного откоса шла женщина, за ней вприпрыжку трое ребятишек. Они направлялись к коттеджному поселку, выросшему, словно грибы, на возвышенностях Нефшателя.

— Я ищу Кармен Аврил.

Многодетная мать перевела дух.

— Идите вниз по аллее. Не ошибетесь. Вон, смотрите, это она, на террасе своего гостевого дома.

Она указала на синий силуэт, видневшийся между ветвей низко обрезанных деревьев, а затем, словно локомотив, потянула за руку первого ребенка, чтобы два остальных «вагончика» последовали за ней.

Я пошел по аллее.

Гостевой дом «Горная долина» вытянулся метров на пятьдесят. Серая зимняя погода гармонировала с мрачным тесаным камнем стен, однако, без сомнения, весной эти суровые стены исчезали за пышными кустами гортензий и цветущими ветвями большой яблони, растущей посреди двора; сейчас ее обнаженные ветви наводили уныние.

На террасе женщина крепкого телосложения, вооружившись молотком, пыталась выправить шаг резьбы у сооружения, являвшегося, на мой взгляд, старинным прессом для выжимания сока из яблок. Такой винтажный агрегат явно заслуживал место не в саду, а в музее быта и традиций Нормандии.

Кармен била сильно, энергично и точно.

Со спины ее можно принять за мужчину.

Внезапно молоток повис в воздухе. Кармен обернулась, словно почуяла мое присутствие.

— Кто вы?

— Мадам Аврил?

— Да.

Пока я — насколько смог — естественным голосом выдавал тираду, десятки раз прокрученную в голове еще в Ипоре, сердце мое билось все чаще и чаще.

— Я капитан Лопес. Из комиссариата Фекана. Хотел бы с вами поговорить.

Она оглядела меня с головы до ног. Казалось, с ее губ вот-вот сорвется вопрос: «А разве на работу в полицию берут инвалидов?»; но она сдержалась.

— Что вам от меня нужно?

— Не буду лукавить, мадам Аврил. Я пришел в связи с делом об убийстве вашей дочери Морганы. Еще… еще одно похожее убийство.

Молоток полетел на выложенную плитками террасу, и Кармен не успела его подхватить. Ее красное лицо, увядшее, словно забытое на дне корзины яблоко, еще больше сморщилось, а я облегченно вздохнул.

Пироз с ней не связался!

Странно, особенно принимая во внимание множество совпадений между Магали Варрон и Морганой Аврил, зато я, не побоявшись рискнуть, получил шанс разыграть свою партию с Кармен Аврил.

— И что нового?

— Ничего конкретного, мадам Аврил, я не хотел бы тешить вас напрасными надеждами. Но в последние дни в Ипоре произошел целый ряд волнующих событий. Я могу войти?

Интерьер сельского дома не уступал его утопавшим в зелени стенам. Настоящая жемчужина, очаровательное жилище. Потолочные балки. Широкий камин из кирпича и песчаника, где можно зажарить целого теленка. Любовно восстановленные сельскохозяйственные орудия. Роль стола в гостиной исполняло колесо от телеги, деревянные чурбаны играли роль табуреток. Пастельные тона, сельские пейзажи, немного стекла и кованого железа дополняли картину, напоминая о современности. Идеальное сельское пристанище для проезжающих парижан. Гостевой дом Кармен Аврил вряд ли пустовал!

Кармен преложила мне сесть на канапе, от него пахло коровьей шкурой. На миг у меня мелькнул вопрос, как женщина в одиночку смогла отреставрировать обстановку дома.

Затем я рассказал ей все.

О самоубийстве Магали Варрон, о предшествовавшем ему изнасиловании, о красном кашемировом шарфе «Берберри», который оказался обмотанным вокруг ее шеи. Только забыл уточнить, что наверху, на обрыве, Магали встретила любителя бега трусцой.

Меня…

Почти четверть часа Кармен Аврил слушала меня, раскрыв рот.

— Значит, этот подонок вернулся, — процедила она сквозь зубы.

Не давая ей передышки, я достал из рюкзака папку с надписью «Магали Варрон», украденную со стола Пироза. Трехцветные шапки документов и официальные печати должны сделать убедительной ту невероятную информацию, которую я собирался сообщить Кармен.

— Вы должны выслушать меня, не перебивая, мадам Аврил. Затем я попрошу вас кое-что объяснить. Однако если у вас есть…

Она покачала головой. Она вновь вспомнила об убийстве дочери и была готова выслушивать все что угодно. Я глубоко вздохнул и перечислил все, что узнал о Магали Варрон.

Родилась 10 мая 1993 года в Нефшателе, в Канаде. Ходила в школу в парижском пригороде, сначала в начальную школу «Клод Моне», потом в коллеж «Альберт Швейцер» и в лицей Жорж Брассанс, затем поступила на медицинский факультет. Исполняла танец живота. Фанатка прогрессивного рока семидесятых.

Возбуждение Кармен переросло в изумление.

Какой смысл имеет это последовательное перечисление совпадений с жизнью ее

дочери? Тот же день и одноименное место рождения, те же названия образовательных школ, те же увлечения.

Бред какой-то.

Хозяйка «Горной долины» молча встала; некоторая неуверенность движений выдавала ее волнение.

Она прошла на маленькую кухню и вернулась оттуда с подносом, где размещалось стандартное угощение для гостей. Местная выпечка, стаканы, графин с водой, оранжад и свежее молоко. Руки ее дрожали, поднос вибрировал. Поставив поднос на низенький столик, она задумчиво произнесла:

— Что вам сказать, капитан? Все, что вы мне рассказали, кажется по меньшей мере невероятным. Совершенно невероятным. Кто эта девушка? Эта… Магали Варрон?

Прежде чем «забить второй гвоздь», я налил себе молока.

— Я еще не все сказал, мадам Аврил. Магали Варрон была похожа на вашу дочь. Сходство практически один в один…

Я не решился напомнить об оплодотворении из пробирки. Сказать, что ее дочь Моргана и Магали могли оказаться сводными сестрами, так как у них оказался один биологический отец. Словно читая мои мысли, Кармен опередила меня:

— Невероятное сходство, капитан Лопес? Это забавно. У Морганы не было младшей сестры! А тем более кузин, которые на десять лет моложе ее. Никого, кроме меня и сестры Осеан.

Я покачал головой, словно размышляя об иных возможных объяснениях. На самом деле я старался выиграть время. Чтобы «вытащить рыбу» Кармен из глубины, следовало потихоньку «подтягивать леску, водя ее по поверхности воды». Я снова перелистал досье Магали Варрон, вплоть до страницы с данными ее ДНК.

— Мадам Аврил, я подошел к тому вопросу, который привел меня сюда. Нам известно, что вы храните все архивы общества «Красная нить». Мне хотелось бы кое-что проверить — вместе с вами.

Кармен должна «заглотить наживку». Если все, что я читал ей, правда, она готова ринуться по любому следу, который может привести ее к убийце дочери. Даже по самому невероятному.

Небрежно взяв сухой бисквит, я пододвинул к ней листок.

— Я хотел бы сравнить ДНК Магали Варрон с ДНК вашей дочери.

«Леска натянулась, как струна». Кармен помрачнела. За последние десять лет она перестала доверять полицейским.

— А вы разве не сохранили досье моей дочери у себя в архиве?

Я замялся. Но быстро нашелся.

— Да, конечно, разумеется. Но получить досье дела, которое закрыто, — долгая процедура, надо согласовать со следователем, подписать кучу бумаг. Я решил, что быстрее приехать к вам.

Она как-то странно посмотрела на меня. Не уверен, что она мне поверила, но, возможно, приняла мои объяснения как очередное доказательство некомпетентности полиции.

— Вы работаете с капитаном Пирозом? — внезапно спросила она.

Я усиленно жевал бисквит. Мед и миндаль. Чуть вязкий. По дороге в Нефшатель я постарался продумать все возможные вопросы и ответы на них, но такого вопроса

глупейшим образом не предусмотрел.

Справившись с изумлением, я проглотил бисквит.

— Да, разумеется. Это он меня прислал.

Порозовевшие скулы на ее утомленном лице запылали кармином. Похоже, Кармен Аврил первый раз позволила себе расслабиться.

— О’кей, идемте со мной в кабинет. Пироз единственный честный полицейский во всей Нормандии.

Я не стал говорить, что не могу разделить ее убеждение. Мы прошли через небольшой вестибюль.

— Подождите меня, — сказала хозяйка «Горной долины».

Она оставила меня в кабинете и направилась в комнату рядом, без сомнения, ту, где хранила информацию по делу Аврил–Камю. Пока она отсутствовала, я изучал кабинет. Очевидно, изначально тут размещалась детская, но потом за ненадобностью Кармен переоборудовала ее. На стенах, оклеенных обоями с изображениями самолетов и воздушных шаров, висели фотографии. Черно-белые фото. Моргана в детстве. Моргана играет в доктора. Моргана играет в ковбоя. Моргана играет в пожарника.

Странно, но я не увидел ни одной фотографии ее сестры Осеан.

Кармен вернулась с архивной папкой и шлепнула ее на столешницу, положенную на пару козел.

— Оставляю вас, капитан, работайте, через минуту я в вашем распоряжении.

Она снова исчезла в соседней комнате, а я начал поиск. Перебрав несколько листков, я увидел ксерокопию документа, исходившего из жандармерии Фекана.

> «Генетический код Морганы Аврил, установленный в понедельник, 7 июня 2004 года. Региональное отделение службы криминалистического учета. Руан».

Рядом я положил другой листок. С 2004 года оформление и шрифт, используемые региональными отделениями службы криминалистического учета, изменились, но шапки, заголовки и печати остались прежние.

> «Генетический код Магали Варрон, установленный в четверг, 20 февраля 2014 года. Региональное отделение службы криминалистического учета. Руан».

В первом пункте указано, что у Морганы, как и у Магали, вторая положительная группа крови. Насколько я помнил из лекций по медицинской биологии, прослушанных мной в клинике «Сент-Антуан», не самая распространенная группа крови. Ее имеют меньше десяти процентов французов.

Еще одно совпадение.

По затылку забегали мурашки. Глаза заметались по буквам и цифрам, составлявшим генетический код обеих девушек.

Я всмотрелся в две диаграммы, сопровождавшиеся длинной чередой букв и цифр.

> TH01chr 11 6/9. D2 25/29. D1816/18
> TH01chr 11 6/9. D2 25/29. D1816/18

Я не разбирался в деталях. Ничего не понимал в историях с генотипами гомозиготными и геретозиготными. Но я запомнил, что научно доказано, что два разных индивида не могут обладать одинаковыми генетическими маркёрами и одинаковой частотой их сцеплений. Цифры прыгали у меня перед глазами.

VWA chr 12 14/17 TPOXchr 15 9/12 FGA 21/23
VWA chr 12 14/17 TPOXchr 15 9/12 FGA 21/23

Синие и зеленые кривые напоминали энцефалограммы. Точные до десятой доли миллиметра. Дальше выискивать разницу бессмысленно, я уже понял…

ДНК-профили Магали и Морганы идентичны!

Я продолжал механически водить пальцем по строчкам, словно безумный ученый, до бесконечности перечитывавший формулу, бросавшую вызов законам мироздания.

D7 9/10. D16, 11/13, CSFIPOchr, 14/17
D7 9/10. D16, 11/13, CSFIPOchr, 14/17

То, что я видел, не могло существовать.

Два человека, родившиеся с разницей в десять лет, не могли иметь одинаковый генетический код!

Магали.

Моргана.

Значит, обе — одна и та же личность?

Какой бы бредовой ни казалась эта очевидность, я был в этом убежден с самого начала. Моргана Аврил не умерла десять лет назад. Это она разговаривала со мной в среду утром, возле бункера, прежде чем прыгнуть с обрыва. Впрочем, думая о потрясающем сходстве между Морганой Аврил и той девушкой, что на моих глазах совершила самоубийство, о Магали Варрон, должен признать, она показалась мне немного старше, чем Моргана на фотографиях 2004 года. То же самое лицо, точь-в-точь, но лицо, постаревшее на несколько лет, возможно, на десять лет.

И снова приходится признать: два дня назад Моргана Аврил была жива!

Аллель частота D3, 0,0789. Генотип частота D3, 0,013.
Аллель частота D3, 0,0789. Генотип частота D3, 0,013.

Внезапно я подумал о том, какая огромная юридическая махина была пущена в ход, чтобы раскрыть дело Аврил. Полицейские, следователи, свидетели, журналисты, сотни статей в газетах. Как смогла Моргана всех обмануть? Как смогла выжить? Но чей-то голос шептал: «Это же полный бред…»

Неуверенным шагом я направился в соседнюю комнату, чтобы предупредить Кармен.

Ее дочь Моргана жива.

Была жива два дня назад.

Прежде чем умереть во второй раз…

Хозяйка «Горной долины» не слышала, как я вошел. Она стояла ко мне спиной и разговаривала по телефону, прикрывая левой рукой рот и микрофон.

— Говорю же вам, сейчас здесь один из ваших коллег, — шептала она. — Черт побери, Пироз, что это за история с двойником моей дочери, совершившим самоубийство в Ипоре два дня назад?

Мускулы мои напряглись.

Кармен Аврил звонила в полицию! Эта гадюка не поверила мне и захотела проверить, правду ли я сказал. Она доверяла Пирозу, она сама мне об этом сказала…

Вот черт!

Я проклинал себя за потерю бдительности. Сделав шаг к базе беспроводного телефона, я нажал на кнопку громкой связи.

Истерический вопль капитана Пироза взорвал воздух:

— Задержите его, мадам Аврил. Задержите, ради бога, мы едем!

Клик.

Я прервал связь. В ту же минуту, не раздумывая, я вытащил из кармана револьвер «Королевская кобра», взятый у научного руководителя Моны и направил его на Кармен.

— Кто вы? — закричала она.

Что я мог ответить?

Сунуть ей под нос строчки ДНК-профиля и держать до тех пор, пока она мне не поверит?

Запереть ее в доме и бежать на улицу? Снова бежать?

Доколе?

Как вырваться из опутавшей меня паутины? Не лучше ли положить револьвер и спокойно дождаться Пироза, сидя на канапе в гостиной?

Кармен слегка наклонилась, мускулы ее напряглись, как у медведя, готового выпрыгнуть из берлоги. Стены вокруг меня шатались, я с трудом удерживал кольт на одном уровне. Комната, где мы находились, раньше тоже была детской. На стенах висели другие фотографии Морганы. Трехлетняя Моргана набрасывает рождественскую гирлянду на плечи матери.

Шестилетняя Моргана на тракторе.

Семилетняя Моргана сидит во дворе на яблоне.

Кармен едва заметно подалась вперед. Я опустил дуло пистолета на несколько миллиметров и в то же время перевел взгляд на другую ветку яблони, что была на фотографии.

Словно чудодейственное ускорение подтолкнуло все мои мысли, помчавшиеся в одном направлении, подкрепляя мою уверенность. И тут же разлетевшиеся тысячью искр.

Я понял. Понял все.

Я знаю, кто такая Магали Варрон…

Продолжая сжимать рукоятку револьвера «Королевская кобра», я разразился безудержным безумным смехом…

27
Кто вы?

Две девчушки лет семи раскачивались на ветвях яблони.

Моргана и ее сестра Осеан.

Та же красная шапочка, то же зеленое пальтишко с меховым капюшоном, те же меховые сапожки, тот же шерстяной шарф на шее.

Тот же возраст. То же лицо.

Близнецы!

Вытирая уголки глаз, где от нервного смеха выступили слезы, я направил ствол прямо на Кармен, давая понять, что ей не следует ничего предпринимать.

У Морганы есть сестра-близнец!

Об этом не сказано ни в одной из бумаг, присланных в коричневых конвертах. В расследовании упоминалась Осеан, сестра Морганы, прилагались ее показания, рассказ о дискотеке во время фестиваля «Рифф и Клифф», но нигде не был указан ее возраст. И я ни разу не обратил на это внимания.

Все ясно.

Мне «забыли» сообщить эту информацию, чтобы надежнее загнать меня в западню.

Дулом револьвера я сделал знак Кармен выйти из комнаты.

Наконец-то пазл сложился; ну, почти сложился. Моргана, без сомнения, мертва, ее изнасиловали и убили 5 июня 2004 года. Спустя десять лет Осеан, ее сестра-близнец, бросилась с крутого берега в Ипоре. Это она отчаянным взглядом смотрела на меня возле бункера. Осеан решила повторить смерть своей сестры. Она придумала, создала и сыграла персонаж по имени Магали Варрон. Та же дата рождения, те же пристрастия, те же школы… И та же ДНК!

Я подтолкнул Кармен к кабинету. Левой рукой схватил оба листка с анализом ДНК.

Как Осеан удалось обмануть полицию? Как она сумела всех убедить, что ее виртуальный двойник, Магали Варрон, родилась в Канаде на десять лет позже и жила там до семи лет?

Я снова вперил взор в тест, сделанный судмедэкспертами, въелся взглядом в печать национальной жандармерии.

Если только Пироз специально не подкинул мне ложную информацию.

Кончиком ствола я указал на фотографию на стене. Ту, где девчушка лет шести наряжена в костюм ковбоя.

— Это она? — спросил я у Кармен. — Это Осеан, ваша вторая дочь?

— Да. Они были неразлучны. Осеан следовало родиться мальчишкой, Моргана же ощущала себя маленькой принцессой, однако никто никогда не мог их разлучить, даже я. Когда Моргану убили, я думала, Осеан не переживет ее.

— И все же пережила. На десять лет, — бросил я. — Это ведь Осеан, не так ли бросилась с обрыва два дня назад?

Внезапно я почувствовал: что-то не клеится. Кармен Аврил недоверчиво смотрела на

меня, но в ее взгляде не было ни печали, ни гнева. Ничего не подсказывало, что она только что потеряла вторую дочь, причем в результате трагедии, сопоставимой с той, что случилась десять лет назад.

Поглядев на настенные часы, висевшие над дверным проемом, она произнесла:

— Я похожа на мать в трауре?

Я вспомнил слова, которые Пироз проорал в телефон:

«Задержите его, ради бога, мы едем!»

Надо сматываться, и чем скорее, тем лучше. Но я услышал свой ответ, спокойный, с паузой после каждого слова, чтобы придать ему особую важность.

— Это была ваша дочь, мадам Аврил. Это была Осеан. Я видел, как она прыгнула вниз. Видел… видел ее труп.

Хозяйка «Горной долины» улыбнулась. Мои слова ее нисколько не впечатлили.

— Когда это случилось?

— В среду. Два дня назад. Ранним утром…

— Я не могу верить вашим басням, месье… месье Лопес.

Она шагнула ко мне, и я опустил ствол кольта до уровня ее пупка.

— Сегодня в полдень я разговаривала с Осеан по телефону, практически меньше пяти часов назад.

Я выдержал удар.

Кармен блефовала! Женщина, поистине, высеченная из бетонного монолита. Она лгала, чтобы дать Пирозу время приехать сюда. Все хотели навесить на меня смерть трех девушек.

— О’кей, я вам верю, — наконец вымолвил я. — Ваша дочь Осеан жива, позавчера она не спрыгнула с обрыва в Ипоре. Но в таком случае я хотел бы поговорить с ней.

— И речи быть не может!

— Она живет далеко отсюда?

Кармен презрительно посмотрела на меня.

— Вы опасный безумец.

У меня нет времени. Пироз или жандармы из Нефшателя, которых он наверняка предупредил, вот-вот приедут.

— Еще более безумный, чем вы думаете, мадам Аврил. Следуйте за мной, поговорим в другом месте.

Несколько секунд она прикидывала, насколько серьезны мои намерения, и молча подчинилась. Она неторопливо вышла в сад; галька, усыпавшая дорожки, скрипела у нее под ногами. Огромная яблоня отбрасывала тень скелетных ветвей на покрытую инеем траву. Каждую секунду я был готов услышать вой сирены и в конце аллеи, ведущей к гостевому дому, увидеть полицейские машины.

Никого. Дорога на Фуркамон пустынна. Кармен Аврил устроилась на пассажирском сиденье «Фиата-500»; я продолжал держать ее под прицелом.

Она оказалась на удивление сговорчивой.

— Не пытайтесь выскочить из машины, — на всякий случай предупредил я, включая зажигание.

— Об этом не беспокойтесь. Не знаю, кто вы, но так или иначе вы имеете отношение к смерти Морганы, а также смерти девушки, изнасилованной и задушенной позавчера.

— Изнасилованной — скорее всего. Но не задушенной.

Она уставилась на меня, словно мальчишка, пойманный за руку на лжи.

— Задушенной! Пироз успел сообщить мне по телефону. Магали Варрон не совершила самоубийство, как вы тут мне рассказывали, она убита. Я не отпущу вас, Лопес, я десять лет ждала той минуты…

Какой минуты?

У меня нет времени попросить Кармен уточнить, она сама это сделала, бросив на меня уничтожающий взгляд.

— …когда убийца моей девочки и малышки Миртий Камю снова нанесет удар.

Намереваясь бороться до конца, я смотрел ей прямо в глаза.

— Пироз ведет грязную игру. Не знаю, что он вам рассказал, но он ищет козла отпущения. Сожалею, но вашему приятелю-жандарму следовало бы поразмыслить, прежде чем душить девушку.

Кармен пожала плечами, словно мои слова для нее ничего не значили. Не важно. Я понял, что она ведет себя послушно только потому, что не знает, какую в точности роль я играю во всей этой истории. Смерть для нее, без сомнения, значила гораздо меньше, нежели поиск истины.

— Могу я знать, куда вы меня везете?

Не ответив, я тронулся с места. Проехав десять километров, мы выехали из Нефшателя, затем я свернул на проселочную дорогу. «Зеленая дорога, выезд № 11», — гласила деревянная табличка. После первого поворота я остановился под липой. Выключив зажигание, я снова наставил револьвер на свою пассажирку.

— Дайте мне ваш телефон. Живо.

— Зачем?

Я повторил. Я наклонился, достал ее сумку и извлек оттуда «Самсунг Гэлакси»; Кармен не протестовала, но и не содействовала мне.

Я провел пальцем по экрану.

Список контактов.

ОСЕАН.

Я скользнул в галерею. Высветилась фотография Осеан. Во весь экран. Словно электрический разряд!

Это она. Никаких сомнений.

Магали Варрон и Осеан Аврил — одно и то же лицо.

На экране мобильника она улыбалась на фоне безоблачного неба, почти в той же позе, которую приняла за секунду до того, как спрыгнуть с обрыва. Ее распущенные волосы развевались на морском ветру, а прищуренные от яркого солнца глаза бросали вызов свету.

До тех пор пока она не разбилась о прибрежную гальку. Девушка, чей номер я нажал, умерла позавчера.

Голос ответил после первого же звонка. Далекий шепот, почти неслышный.

— Мама? У меня пациентка. Я тебе перезвоню через десять минут.

Несколько минут я молча ждал, прежде чем наконец понял, что она отключилась.

На пассажирском сиденье ликовала Кармен.

— Вы довольны, Лопес? Вы слышали голос Осеан. Или вы считаете, что попали на автоответчик призрака? А может, вы звонили в рай?

«Самсунг» чуть не выпал из моих потных дрожащих рук. Я больше не раздумывал. Я действовал по приказу мозга, готового вот-вот взорваться. Где доказательство, что девица, ответившая мне, Осеан Аврил? Список контактов скользил у меня под пальцами.

РАБОТА-ОСЕАН.

Я кликнул.

На этот раз три звонка, потом ответила какая-то женщина, четко выговаривавшая каждое слово.

— Медицинский кабинет слушает.

Несколько секунд я собирался с духом, потом начал импровизировать:

— Добрый день, я никак не могу найти вас, а мне назначено через четверть часа. Можете мне подсказать, как к вам проехать?

— Без проблем, месье, вы в Нефшателе?

— Почти…

Пока секретарша объясняла мне дорогу, Кармен смотрела на меня паническим взглядом.

Поворот в сторону центра города, направо, по главной улице, еще раз направо перед церковью. После короткого пробуждения, вызванного окончанием занятий в школе, Нефшатель, казалось, снова погрузился в липкую холодную дрему.

Жандармов нигде не видно.

Площадь перед медпунктом почти пуста. Я припарковался напротив.

Несмотря на грозивший ей револьвер, Кармен сделала попытку открыть дверцу «фиата». Впервые я видел страх в ее глазах. Сжимая в руках оружие, я, словно извиняясь, принялся оправдываться:

— Я никого не убил, Кармен. Я всего лишь хочу знать правду. Как и вы.

Ответ хозяйки гостевого дома прозвучал как приговор.

— Она будет не такой, какую вы ждете, Лопес. Осеан работает вон за той дверью. Она не та девушка, которую вы ищете, не Магали Варрон, которую вы не смогли спасти.

Кармен отстегнула ремень безопасности, но открыть дверцу больше не пыталась.

— Не она, не вторая моя дочь. Уверяю вас, у меня нет тройняшек…

На миг мне пришла в голову и эта мысль.

Тройняшки, четверняшки, пятерняшки.

Молодые девушки, словно клоны, готовые одна за другой прыгать с крутого берега. По одной раз в десять лет. Смешно! Достойно дурного детектива.

Убедившись, что вокруг нет машин, я вышел из «фиата»; руку с пистолетом я замотал грязной тряпкой, найденной в бардачке. Сойдет за временную повязку.

Ступенька. Толкнув дверь из полированного стекла, я пропустил Кармен вперед. И сразу увидел четыре блестящие золотые таблички с именами и званиями врачей, работавших в кабинете. Внимание мое привлекла третья табличка.

Осеан Аврил.

Акушер-гинеколог.

Моя негнущаяся нога споткнулась о ступеньку. Не выпуская спрятанное под тряпкой оружие, я сумел сохранить равновесие, опершись об оштукатуренную стену.

«Нет! — кричал голос у меня в голове. — Девушка, только что ответившая по телефону, не могла быть сестрой-близнецом Морганы. Ее сестра-близнец на моих глазах упала с высоты сто двадцать метров». Словно за пару костылей, я цеплялся за две аксиомы, высказанные вчера вечером Моной. Есть только два неоспоримых факта.

Моргана Аврил скончалась десять лет назад.

Магали Варрон умерла два дня назад.

Их чудесное сходство, включая генетический код, можно объяснить только тем, что они близнецы!

Войдя в клинику, я положил обмотанную руку на бедро Кармен; жест, который вполне можно принять за дружеский. За приемной стойкой девушка в белом халатике улыбнулась нам, а затем обратилась к Кармен:

— Добрый день, мадам Аврил. Если вы приехали повидать Осеан, то она сейчас занята. Но скоро освободится.

И она бросила взгляд на дверь справа от меня.

Доктор Аврил.

Не раздумывая, я отстранил Кармен и толкнул дверь.

Четыре пары глаз уставились на меня.

Женщина в кресле дрожащими руками схватилась за свой круглый живот.

Мужчина рядом одной рукой обхватил ее за плечи, а другую выставил вперед, готовый ударить любого, кто к ней приблизится.

Двухлетний ребенок в углу комнаты собирал башню «Лего», выбирая детальки из коробки с конструктором.

Осеан Аврил за рабочим столом.

— Что-то случилось?

Акушерка непонимающе смотрела на меня.

Горячая волна захлестнула меня.

Это она… Магали Варрон.

Тот же меланхоличный взгляд.

Та же изысканная хрупкость.

То же совершенство в каждой черте лица, словно художник, нарисовавший эти черты, знал мои самые потаенные чувства… Девушка моей мечты, как я мог ошибиться?

Та, которой я протянул руку возле бункера.

Та, чей труп я караулил на пляже в течение долгих минут, пока не прибыли жандармы из Фекана.

Та, кто сейчас сидела передо мной. Живая, объяснявшая молодой паре, как дать жизнь ребенку…

Моя рука бессмысленно повисла. Тряпка соскользнула на пол, словно дохлая медуза, обнажив кольт.

Беременная женщина закричала, следом заревел ее сын. Башня «Лего» рухнула. Мальчик бросился к отцу и прижался к нему. Сжатые зубы. Сжатые кулаки.

— Вон отсюда! — приказала Осеан.

Отрезая мне путь к отступлению, между дверью и коридором стояла Кармен Аврил. Со всех стен из рамок на меня возмущенно смотрели голенькие младенцы всех цветов кожи, смотрели так, словно желали завершить на мне бесконечную цепочку продолжения рода.

Пора бежать. Думать потом.

Резко развернувшись, я изо всех сил толкнул Кармен. Она тяжело рухнула на спину, опрокинув в коридоре два стула. Размахивая перед собой револьвером, я услышал, как завопила девушка в белом халатике за стойкой.

Стеклянная дверь отлетела в сторону.

Ступенька.

В следующую секунду я уже сидел за рулем «фиата». Еще через секунду машина развернулась и перепрыгнула через водосток.

Я перевел дух и заставил себя ехать медленно, по крайней мере до выезда из Нефшателя. Посмотрев в зеркало заднего обзора, мне показалось, что на дороге на Фуркамон, за рекламным щитом «Гостевые дома Франции» мигает синий проблесковый маячок полицейской машины.

Я снова снизил скорость.

Полиция уже у Кармен!

Вряд ли им понадобится много времени, чтобы раздобыть описание моих примет, марку машины и, возможно даже, ее номер — в том случае, если Кармен оказалась наблюдательной.

«Фиат» въехал на мост через Арк; «49 км/ч» замигало световое табло.

Мне надо исчезнуть. Кармен наверняка позвонила в полицию. Если они не схватили меня в Нефшателе, то, скорее всего, попробуют захватить меня на трассе.

Я свернул вправо, в направлении Меньер-ан-Брэ. У меня нет иного выбора, кроме как затеряться на сельских дорогах.

У меня остался единственный шанс.

Из-за меня вряд ли объявят план-перехват. Я не знал правил, но, как мне казалось, подобный план объявляли довольно редко, во всяком случае, реже, чем случались преступления и ловили беглых убийц. Если я не стану сворачивать с сельских дорог, если переждy ночь, то, соблюдая определенную осторожность, сумею добраться до Вокотта.

Потом…

Я включил фары. Шоссе, бегущее передо мной, сужалось. Скоро белая разделительная полоса стала моим единственным ориентиром в полумраке. Нить Ариадны, делившая мой путь на две равные части. Словно загипнотизированный, я сосредоточил взгляд на этой линии; мне казалось, что, глядя на нее, я смогу поделить свой разум на две камеры, разделенные непроницаемой перегородкой.

Первая камера отказала. Я все выдумал. Два дня назад ни одна девушка не совершала самоубийство. Если такая девушка и существовала, то она умерла, задушенная моими собственными руками. Ее лицо не было лицом Осеан Аврил, я перепутал его с другим, с лицом ее сестры, убитой десять лет назад. Быть может, я задушил также и Моргану? Я безумен, я убивал, я забывал, я путал свои жертвы. Я не помню Миртий Камю, но если я убил Моргану Аврил, значит, я изнасиловал и убил и третью девушку.

В пронзительном свете фар белая лента медленно раскручивалась, вызывая головокружение.

Теперь я понимал тех невиновных, которые после бессонных ночей, многочасовых допросов и вороха доказательств, приведенных стороной обвинения, признавались в преступлениях, которых они не совершали. Невиновных, в конце концов начинавших верить в чужие истины и сомневаться в собственной правоте, в которой были твердо уверены, когда входили в кабинет следователя.

Резкий поворот.

Алебастровая линия стала тоньше булавки.

«Нет!» — чеканил в голове голос.

Нет!

У меня осталась вторая камера, она сопротивлялась. Должен быть ключ, должно быть логическое объяснение.

Надо только успокоиться и подумать. Снова разбросать все части пазла и заново сложить их, но уже по-другому.

Посмотреть сверху, отступить. Вознестись над видимостью.

Поговорить с тем, кто согласится мне поверить.

Мона?

28
Поговорить с тем, кто согласится мне поверить?

— У полиции есть описание примет моей тачки?

Мона кричала в телефон.

Фары «фиата» ослепили мальчишку с мячом под мышкой, собиравшегося перейти дорогу перед указателем «Карвий-По-де-Фер».

Я нажал на тормоз. Рассмеялся, увидев рядом с мальчишкой табличку: *«Сбросьте скорость, подумайте о наших детях».* Картонный мальчишка равнодушно смотрел, как я замедлял ход.

Деревушка Карвий-По-де-Фер спала.

Уже целый час я ездил по грязным дорогам, изрытым, словно траншеи, от деревни к деревне.

Я поднес мобильник к губам.

— Не уверен, Мона. Возможно, Кармен Аврил не запомнила номер.

— С чего ты взял? Она десять лет караулит убийцу дочери! Черт возьми, Джамал, как только она расскажет им о «Фиате-500», они тотчас узнают, что это моя машина.

В зеркальце заднего обзора удалялся брат-близнец картонного мальчишки с мячом. Деревушка Карвий-По-де-Фер оказалась крохотной, замерзшей, съежившейся в комочек. Надо бы сказать Моне, чтобы она не беспокоилась и заявила полицейским, что у нее украли автомобиль, потому что дверца не запирается, и…

— Приезжай ко мне в Вокотт, — прошептал я в аппарат.

— А как я туда доберусь? Ты что, забыл? Ты же едешь в моем авто.

Я не решился предложить встретиться возле Ипора. Слишком опасно! И я рискнул забросить удочку:

— Пешком. До Вокотта не больше двух километров.

На миг мне показалось, что Мона швырнула мне аппарат в физиономию. Передо мной вырос большой, сияющий огнями сельский дом, вознесшийся над долиной реки Дюрдан.

— Два километра! Подниматься по скалистому берегу и спускаться! Нет, дружочек, у меня нет бионической ноги!

Около девяти вечера начался дождь, холодный и частый. Вдали от моря он наверняка перейдет в снег. В висячих долинах Вокотта струйки дождя побегут по заасфальтированным склонам, сольются в быстротечный поток и обрушатся на галечный пляж. Кочевники в пустыне называют сухие русла рек, которые вода заполняет только в сезон дождей, вади. Это слово я узнал от матери. Интересно, а как их называют здесь?

Я высматривал в окно Мону. Несколько раз я порывался выйти, сесть в машину, оставленную в саду, и отправиться ей навстречу. Но Мона наверняка пойдет по прибрежной тропинке… Зачем неоправданно рисковать? Чтобы облегчить свою нечистую совесть?

Через двадцать минут сквозь стену дождя пробился дрожащий пучок света. За ним вырос темный силуэт, согнувшийся в попытке защититься от ветра и дождя. Но я все еще медлил, не бежал открывать дверь, протягивать теплый плед, кричать в ночь: «Слава богу, ты пришла».

Только Мона ли пришла в сад?

Я тогда узнал Мону, когда она чуть не вышибла дубовую дверь. Она молча стянула через голову желтый дождевик, делавший ее похожей на домовичка, и бросила его в меня.

Отшатнувшись, я схватил его и отбросил на пол; с него полилась вода. Я заметил, что сегодня Мона не надела мою звезду шерифа, хотя еще вчера она была приколота на том месте, где сердце. Логично, ведь сейчас она начнет меня ругать. Потом, быть может, выслушает меня.

Мона долго смотрела на меня. Мокрые рыжие волосы налипли ей на лицо. Она была чудо как хороша, этакий крохотный лесной зверек, бежавший от грозы, чтобы найти убежище в домике на опушке. Пугливый. Хотелось прижать его к себе, согреть. Наконец она улыбнулась своей неподражаемой улыбкой.

— Мне кажется, за мной никто не следил!

Захлопнув дверь, она преградила дождю дорогу в дом.

— Я иду в душ, Джамал. Встану под кипяток!

Через полчаса Мона вышла из душа. Сняв с себя мокрую одежду, она натянула на голое тело широкий чистошерстяной серый свитер, доходивший ей до середины бедер и соскальзывавший с плеча. Рыжие волосы, блестящие и зачесанные назад, зрительно увеличивали лоб. Поджав колени и натянув свитер до самых пяток, она села на канапе и вопросительно посмотрела на меня.

— Давай рассказывай.

Я рассказал все.

Про поездку в Нефшатель-ан-Брэ, про поиски Кармен Аврил. Про доводы, с помощью которых хотел убедить ее дать мне посмотреть досье Морганы. Про одинаковый генетический код. Про фотографии сестер-близнецов. Про налет на медицинский кабинет. Про свидание с Осеан Аврил. Живой…

— Она такая же красивая, как в твоих воспоминаниях?

Вопрос удивил меня. Я не ответил. Точнее, ответил не совсем.

— Это она, Мона. И хотя я знаю, что это невозможно, это она. Та девушка, которая называла себя Магали Варрон. Та, которой я протянул шарф на обрыве, когда она прыгнула.

Мона не настаивала. Она попросила приготовить чай. Под раковиной Денена я нашел пакетики чая «Твайнингс». Когда я вернулся в гостиную, она сидела, обхватив руками согнутые ноги и упершись подбородком в колени. Она напомнила мне маленького ежа, свернувшегося в клубок.

— Ты еще не хочешь сдаться полиции?

— Они пытаются загнать меня в ловушку, Мона.

— О’кей, о’кей, не будем к этому возвращаться.

— Спасибо, что пришла.

— Не за что. Спасибо за адреналин.

В кухне засвистел чайник. Я не пошевелился.

— Что ты собираешься делать? — спросила Мона.

— Я думал об этом по дороге. Я оставил себе одну ночь. Только одну ночь! Начать все с начала, найти решение, поставить все на свои места. Если завтра я ничего не найду, я звоню Пирозу и сдаюсь.

Мона посмотрела на медный маятник, раскачивавшийся, словно метроном, в футляре

нормандских настенных часов.

21 час 40 минут.

— Одну ночь? Ва-банк, однако! Если убрать три часа на короткий сон и час на секс, остается не так уж много времени…

Внезапно она встала. Чистошерстяной свитер XXL позволял видеть ложбинку между ее белоснежных грудей. На темном паркете белели ее босые ноги.

— С чего начнем?

Я без колебаний ответил:

— Магали Варрон! Полиция десять лет мурыжила дело Аврил–Камю, но ничего не нашла. Магали Варрон — ключ ко всему.

Я разложил на столе оба досье — Морганы Аврил, взятое у ее матери, и Магали Варрон, украденное из кабинета Пироза.

— О'кей, — произнесла Мона. — Я займусь Интернетом. Может быть, вчера в нем появилась какая-нибудь новая информация, которую ты пропустил.

Она прижалась ко мне. От нее пахло яблочным гелем для душа. Мои руки заскользили по ее обнаженным бедрам, по теплым ягодицам и упругому телу, изогнувшемуся под толстой шерстью. Когда она поднялась на цыпочки, я прижал свой восставший член к ее животу. Шерстяной свитер, словно кокон, обволакивал тело, готовое стать моей добычей. Неожиданно свитер показался мне таким широким, что я стал раздеваться, чтобы нырнуть под него, ибо места для двоих там явно хватит. Однако Мона, осчастливив меня долгим поцелуем в губы, ласково, но уверенно оттолкнула меня.

— За работу, дружочек!

Она села за компьютер Мартена Денена. Я разложил на столе десяток конвертов, полученных за последние два дня.

Мозговой штурм.

Мы напоминали двух студентов, пытавшихся за несколько часов до решающего экзамена вспомнить, что они изучали в семестре. Медный маятник вел ритмичный отсчет обратного времени, неизменно ударяясь о доски, словно желая сбежать из своего дубового футляра.

Внезапно раздался возмущенный вскрик Моны.

— Ты что, издеваешься надо мной?

Изумленный, я подошел к ней, стараясь смотреть на экран, а не на ее грудь в широком вырезе свитера.

— Вчера, — продолжала Мона, не отрывая взгляда от экрана, — на детской площадке в Ипоре ты сказал мне, что на основании данных Интернета восстановил жизнь Магали Варрон. Facebook. Copains d'avant. Twitter. Linkedln. Daily Motion. Помнишь? Две колонки одна для Морганы, другая для Магали. «Пинк Флойд» и другие любимые группы, увлечение танцем живота, начальная школа в Канаде, затем коллеж и лицей парижского округа, которые носят те же названия, что и коллеж и лицей в Нефшатель-ан-Брэ. Полное совпадение, вплоть до даты рождения, тот же день, то же название городка, только с разницей в десять лет… Короче, целый ряд совершенно идиотских совпадений.

— Да, а что нашла ты?

Мона посмотрела на меня с сожалением. Так смотрят, когда хотят сообщить шестилетнему ребенку о смерти родственника.

— Ничего, Джамал. В Интернете ничего нет. Я пробила по разным поисковикам, но нигде не нашла ни следа Магали Варрон. Словно она никогда не существовала.

29
Словно она никогда не существовала?

Подобно пальцам безумного пианиста, мои пальцы бегали по клавиатуре компьютера. Я прекрасно помнил, что набирал, когда хотел получить сведения о Магали Варрон. Сайты, доступные в три клика, на которых подростки рассказывают о событиях своей жизни.

Ничего.

В Сети ни единого следа этой девушки.

Я повернулся в Моне.

— Кто-то уничтожил всю информацию…

Мона не ответила. Хотя голос мой дрожал, я счел нужным добавить:

— Любой может это сделать. Убрать странички с сайтов Интернета. Это новое доказательство… — Я перевел дыхание. — Новое доказательство того, что меня хотят завлечь в ловушку.

Мона встала. Потянула свитер вниз, пытаясь дотянуть до середины бедер, но шерсть, сжимаясь, постоянно уползала вверх, обнажая покрывшуюся мурашками кожу.

— Может, ты просто выдумал эту девушку?

Я смотрел на Мону и молчал. Она ходила босиком по комнате, не останавливаясь ни на секунду.

— Бог мой, Джамал, по сути, что известно о Магали Варрон? Только то, что ты мне рассказал! Ты говоришь, что прочел про нее в Сети, но там нет ни единой ссылки, даже перекрестной. Ты описал мне ее лицо, но это лицо другой девушки, скончавшейся десять лет назад, а также лицо ныне здравствующей сестры-близнеца. Ты утверждаешь, что эта девушка прыгнула с обрыва, изнасилованная и задушенная, но в газетах об этом ни слова. Никто не может подтвердить твои слова. Твой Кристиан Ле Медеф исчез. Дениза Жубан уже много месяцев не выходит из дома… Ты сам-то отдаешь себе отчет, Джамал? Есть только одно решение, которое объясняет все. Ключ простой и очевидный.

Не отрывая глаз от экрана компьютера, я продолжал наугад вбивать в поисковик слова, надеясь найти подтверждение своим выводам — хотя бы одному. Магали Варрон скрывалась где-то там…

Внезапно Мона остановилась. Натянула ворот свитера на обнажившееся правое плечо.

— Джамал, Магали Варрон не существует! Ты все выдумал. Три дня назад не было никакого самоубийства. Ты сам придумал эту сцену! Выдумал лицо девушки. Сочинил ее жизнь. Придумал свидетелей.

Резко вскочив, я схватил досье, украденное из кабинета Пироза, и потрясая им, сунул его под нос Моне.

Папка зеленого цвета.

На наклейке рукой Пироза написано: *«Магали Варрон».*

— А как же жандармы, что следуют за мной по пятам? А это чертово обвинение? А полиция, что нагрянула к тебе сегодня утром в «Сирену»? Это тоже я выдумал?

Она ответила мне ровным тоном учительницы младших классов:

— Совершенно верно. Тебя разыскивала полиция. Полицейские пробыли у меня две минуты, они спросили, знаю ли я тебя и знаю ли, где ты находишься, но они ни слова не сказали о Магали Варрон. Равно как и о случившемся позавчера изнасиловании.

Я поднес папку к самым глазам Моны.

— Это кретинизм, Мона! А доклады судебных медиков? А фотографии искореженных членов Магали Варрон, а результаты экспертизы ДНК, где стоят печати отделения жандармерии? Я что, сам их подделал, а затем поставил печати?

Похоже, у нее наконец закралось сомнение в собственной правоте.

— Не знаю. Только я вижу, что ты все придумал, и это все объясняет. Почти все… К тому же ведь это отличная байка, разве нет?

Отличная байка?

Я в изумлении смотрел на нее.

— Подумай, Джамал. Если нет трупа Магали Варрон, значит, не было изнасилования. И обвинения в убийстве. У жандармов против тебя ничего нет! Ты самый настоящий параноик. Думаю, ты еще и присочинил чуток, чтобы половчее меня закадрить…

В ее тоне я не услышал ни единой нотки юмора.

— Черт возьми, Мона, что я, по-твоему, делал в жандармерии в тот день, когда мы столкнулись с тобой возле автомата для кофе?

— Не знаю. Может, тебя вызвали как свидетеля по какому-нибудь другому делу…

Она нарочито замолчала. Часы продолжали равномерно тикать.

Внезапно я понял.

Ясно увидел оборотную сторону пазла, который сложила Мона.

Я не случайно придумал Магали Варрон. Ее лицо, ее изнасилование, красный шарф вокруг шеи, скалы Ипора.

Я описал сцену, которую уже однажды пережил!

Именно об этом и подумала Мона. Жандармы из Фекана вызвали меня как свидетеля по делу десятилетней давности: по делу об убийстве Морганы Аврил. Я все перепутал. Смешал прошлое с выдуманным настоящим.

Я сошел с ума…

Прежде чем окончательно соскользнуть в бездну, я попытался зацепиться за последние шероховатости:

— А эти письма? — спросил я Мону, указывая на разложенные по столу коричневые конверты. — Разве я сам себе их прислал?

Она подошла ко мне и положила руку на плечо.

— Нет, Джамал. Нет. Но, возможно, кто-то заинтересован в том, чтобы ты вспомнил подробности дела Аврил–Камю. Это вполне объясняет…

Стряхнув с плеча ее руку, я заорал:

— Чтобы я вспомнил? О чем? Я никогда не слышал об этом деле! Я вообще узнал о нем только на этой неделе!

Мона спрятала руки в рукава свитера, и я тотчас пожалел о своем крике. Я не знал, что делать. Не знал, виновен я или нет. Неожиданно мне захотелось плакать. Разрыдаться как ребенок.

— Я… я не имею никакого отношения к этой истории, Мона. Меня хотят заставить расплачиваться за другого. Выставить меня психом. Если ты бросишь меня, они своего добьются…

Отведя взгляд, Мона посмотрела на часы.

22 часа 10 минут.

— Одна ночь, Джамал! Я даю тебе одну ночь, чтобы убедить меня. Как только над

скалами взойдет солнце, ты идешь сдаваться в полицию.

— Значит, я могу изложить свой план сражения?

— Разумеется.

— Кроме Пироза и его жандармов, подтвердить, что я не придумал самоубийство Магали Варрон, могут только два человека. Кристиан Ле Медеф и Дениза Жубан.

— Ты их уже спрашивал.

— Да, Ле Медеф все подтвердил, но потом исчез. Или его заставили исчезнуть. Мы вернемся к ним, к ним обоим, и ты сама поговоришь с ними — о чем захочешь.

— Среди ночи?

— Да.

— А жандармы? Ты рискуешь нарваться на них в Ипоре.

— Жандармы, которые идут за мной по пятам? А ты, случайно, сама не сбрендила?

Мона расхохоталась. Ее губы коснулись моих.

— Надеюсь, ты позволишь мне заварить чай?

Глядя, как она идет на кухню, я крикнул ей вслед:

— Раз я получил право на защиту, значит, я могу сделать звонок другу?

— Что ты сказал?

— Есть еще один след, но я по нему не пошел. Табличка с цифрами, которую я видел у Пироза и Ле Медефа. В Интернете невозможно найти, что это значит, тем более в связи с делом Аврил–Камю. Но в клинике «Сент-Антуан» у меня есть приятель, он настоящая ходячая энциклопедия. Его зовут Ибу. Вдруг он…

— Ты прав. Звони своему ученому другу, ведь доктора с диссертациями по экспериментальной химии — сплошные болваны!

Ибу ответил почти сразу. Я быстро прервал его вопросы о подготовке к марафону вокруг Монблана, о погоде в Нормандии и попытку рассказать последние сплетни.

— У тебя есть минутка, Ибу? Ты ничего не выиграешь, но можешь помочь мне не проиграть по-крупному…

Я описал табличку и назвал цифры, полагая, что речь идет о шифре, код которого не поддается разгадке.

2/2 | 3/0
0/3 | 1/1

В ответ услышал громовой хохот.

— Проще простого, зайчик мой. Все это знают! Квадрант дилеммы заключенного.

— Что?

— Дилемма заключенного! Это своего рода теорема, выведенная из теории игр.

Я включил на громкую связь, чтобы Мона тоже могла слышать.

— Теорема очень проста. Представь, что двое грабителей, совершивших, например, вооруженное ограбление, задержаны полицией и их допрашивают раздельно. Каждый задержанный, если, не хочет сознаваться, может выбрать одно из двух: либо молчать, либо предать своего сообщника. Если он предает сообщника, его отпускают, а приятель получает по полной. Но проблема в том, что ни один из задержанных не знает, как поступит его подельник…

— Ибу, я ничего не понимаю. Что за теория и при чем тут твоя история?

— Сейчас объясню. Представь себе, что мы формализуем нашу задачу с помощью цифр, которые, например, обозначают, срок заключения. Это знаменитый квадрант. Если оба арестованных молчат, им вменят что смогут и каждому дадут не более года тюрьмы. Если оба начинают предавать друг друга, обоих признают виновными и каждый получит по два года.

— А зачем жандармы допрашивают их по отдельности?

— Индивидуальный интерес должен возобладать над коллективным. Если первый задержанный предает второго, в то время как второй его выгораживает, с первого снимаются обвинения, а второй получает по полной, три года тюряги за своего приятеля, который выходит на свободу.

— Черт возьми, Ибу, неужели ученым платят за то, чтобы они выдумывали подобную чепуху?

— Еще как! Особенно одному американцу. Роберту Аксельроду. Он объявил конкурс на создание уравнения, позволяющего получить максимальный выигрыш в игре дилемма заключенного.

— А в нее можно играть?

— Да. Вдвоем. Вдесятером. Даже сто человек зараз. Правило самое простое, какое только можно придумать: ты предаешь или начинаешь сотрудничать. Ты втайне делаешь свой выбор, а потом сравниваешь выбор других игроков и считаешь очки.

— И дальше? Что значит эта волшебная формула?

— Согласно Аксельроду суть ее заключена в трех словах. Сотрудничество — взаимность — прощение. Поясняю: ты предлагаешь другому игроку сотрудничество. Если он врет тебе и предает, впоследствии ты нанесешь свой удар, также предав его. Затем ты снова предлагаешь сотрудничать. Согласно Аксельроду это золотое правило, на основании которого строятся любые типы взаимоотношений между человеческими индивидами.

— Ну уж нет!

Я не видел никакого соотношения между этой дурацкой теорией, делом Аврил–Камю и самоубийством Магали Варрон. Почему Пироз и Ле Медеф написали на листке цифры этой дилеммы?

На несколько секунд я задумался.

— Поправь меня, если я ошибаюсь, Ибу, но это решение Аксельрода работает только в том случае, если игроки несколько раз играют друг против друга. Насколько я могу сделать вывод, основной принцип заключается в том, чтобы не дать себя обмануть два раза подряд. Но если ты играешь всего одну партию, решающую, то лучше всего пробудить доверие того, с кем играешь, а затем предать его, точно?

— Ты все прекрасно понял, дружочек!

Нажимая отбой, я чувствовал, что ни на шаг не продвинулся к цели. Очевидно, дилемма заключенного не вдохновляла и Мону. Возможно, я сам выдумал эту последовательность цифр и сам нацарапал их…

Она сунула в пластиковый пакет коробку сухого печенья, вытащила термос и включила кофеварку.

— Со вчерашнего дня тебе вряд ли удалось поспать больше двух часов. Следи за кофе, а я пойду переоденусь.

Внезапно я задался вопросом, где в этом доме она собирается найти сухую женскую одежду, но она не оставила мне времени на размышления. Нервно растягивая свитер, она произнесла:

— Мне нужно знать, Джамал. Это важно… — Она так сильно потянула вязаное полотно, что деформировались петли. — Десять лет назад ты уже… — Серый свитер превратился в решетку, прикрывавшую ее обнаженное тело, словно шкура зебры. — …еще передвигался на собственных ногах?

Такой же вопрос задал мне Пироз в жандармерии.

Я смерил ее взглядом. Цинично. Холодно.

— Передвигался на собственных ногах? Ты это хочешь узнать, Мона? Давай продолжай, договаривай до конца! Мог ли я танцевать десять лет назад? Лазать по скалам? Бегать за девушками? Ухлестывать за ними, насиловать их, душить, ведь ты об этом хочешь спросить, не так ли, Мона?

— Нет, ни о чем таком я не думаю, Джамал.

— Если бы в окрестностях появился хромой, его бы тотчас засекли.

— Мне надо, чтобы ты мне ответил на вопрос, — повторила Мона.

Я приподнял штанину, явив железный стержень, соединявший колено с карбоновой стопой.

— Я прошел сквозь стекло витрины торгового центра «Богренель», это в пятнадцатом округе. Мы вместе с десятком приятелей из Ла-Курнев занимались паркуром. Я порвал связки…

Мона открыла рот, словно рыба, вытащенная из воды. Я оказался быстрее:

— Это случилось в мае 2002-го, двенадцать лет назад.

Мона не ответила. Она прекратила терзать свитер, и мохер снова принял форму доспеха.

— Опять сочиняешь?

— Возможно, я обожаю придумывать истории.

Мона решила сама сесть за руль. Она натянула джинсы «капорал», очень модные, но слишком большие для нее, наверняка позаимствованные из гардероба сына Мартена Денена, и зеленый свитер, поверх которого надела свою еще мокрую куртку.

И никакой звезды на сердце…

Дождь кончился, температура опустилась ниже нуля. Прежде чем Мона запустила двигатель, я положил пальцы ей на руку.

— Если все кончится плохо…

Я открыл бардачок. Рука коснулась холодной рукоятки кольта. Я думал, Мона сейчас закричит.

Совсем наоборот! Она смотрела на меня как на распоследнего идиота.

— Кольт Мартена Денена? Но это оружие защиты, Джамал! Оно стреляет только резиновыми пулями или холостыми патронами. Мартен никогда бы не стал хранить у себя штучку, которая может убить кого-нибудь.

Заявление Моны придало мне храбрости или же, наоборот, испугало?

Времени на размышления не было, ибо в следующую минуту, когда я убирал оружие, пальцы мои коснулись пергаментной бумаги. Бумаги, по текстуре ничем не отличавшейся от почтовых конвертов для бандеролей.

Коричневый конверт.

На мое имя.

Два часа назад, когда я припарковал «фиат» в глубине аллеи, его там не было. Я осторожно отложил кольт. Неужели какой-то неизвестный, воспользовавшись темнотой и дождем, бесшумно проник в сад?

Неизвестный… а может, проще: всего лишь Мона?

Решив потребовать у нее объяснений, я поднял глаза… и понял, что она думает точно так же.

Для нее я — единственный, кто мог подбросить конверт в машину.

Единственный, кто знал, что я открою бардачок, чтобы достать из нее револьвер…

Мона пристально смотрела на меня. Я снова вспомнил слова Ибу. Дилемма узника.

Чертова игра…

Два сообщника. Один выбор, тайный.

Предать или довериться.

Я разорвал конверт.

30
Сотрудничество — Взаимность — Прощение?

Дневник Алины Массон — декабрь 2004 года

Насколько я помню, Миртий была всегда.

Я жила на улице Пюшо, на седьмом этаже, в квартире с видом на Сену, мост Гинмер и прибрежную тропу, по которой раньше матросы тащили баржи. Туда никто никогда не ходил играть.

Миртий жила в пассаже «Табуэль», в городском домике с маленьким садом. На улице напротив.

Я всегда звала ее Мими.

Для нее я всегда была Линой.

Мими — Лина.

Двое неразлучных.

Мы перебрали воспоминания, и оказалось, что впервые мы встретились в 1983 году, в больнице Фегрэ. Я появилась на свет в тамошнем родильном отделении 17 декабря, а Мими родилась 15-го. Но ее мать Луиза обычно говорила, что подружились мы в детском парке Пюшо, где катались на тобогане, когда нам исполнился год и один месяц. С тех пор как Мими больше нет, я часто рассматриваю наши старые фотографии, где мы с ней стоим в варежках, шарфиках и шапках.

Мы оказались в одной группе детского сада. Нормально! Я часто ходила играть к Мими: у нее была маленькая забавная собачка по кличке Бюффо. Позднее я узнала, что Шарль назвал ее так в честь знаменитого клоуна. Мы по-всякому тормошили ее, засовывали ее в коляску и отправлялись с ней гулять, подвязывали ей салфетку и пичкали детскими пюре.

Мими никогда не приходила ко мне. Мне было немножко совестно. К тому же у меня не было собаки.

Мы были неразлучны, как близнецы, по крайней мере, так говорили о нас в начальной школе «Альфонс Доде». Хотя внешне мы нисколько не похожи.

Луиза и Шарль много работали. Особенно по средам, субботам и во время каникул. У Луизы была своя школа танцев, Шарль водил группы по музею. Иногда мы гуляли по улицам Эльбефа, но чаще отправлялись к Жанин, бабушке Мими.

Она жила в Оривале, на улице Рош, в доме на берегу Сены, и у нее в саду были гроты, только нам запрещали туда лазить, потому что боялись обвалов. Жанина смешила нас, и мы не особенно ее слушались. Мы прозвали ее бабушкой Ниндзя, так придумала Мими. Она вообще большая выдумщица.

Иногда мы брали с собой Бюффо. Вдоль Пляжного бульвара мы вели его на поводке. Наверное, этот бульвар до сих пор так и называется. Сегодня там нет никаких пляжей, как, впрочем, и нет их и по берегам Сены.

Когда нам исполнилось восемь, мы впервые вместе отправились в летний лагерь, расположенный среди сосен в Буа-Плажан-Ре. Фредерик работал там аниматором. Мими находила его очень красивым: у него были длинные волосы, гитара и мускулистые руки,

которыми он подбрасывал ее так высоко, что ей казалось, что она вот-вот улетит. Лагерем руководили Луиза и Шарль. Другие дети не любили Мими. Она была любимицей, дочерью начальников лагеря, возможно, единственной, у которой оба родителя имели работу.

Мы с Мими поддерживали друг друга.

Мими — Лина, навсегда.

В лагере «Буа», как его сокращенно называли, Мими часто плакала, но не хотела ничего говорить родителям. Мы спали вместе, в одном большом дортуаре. По ночам Мими иногда писала в постель. И, смеясь, говорила, что именно из-за описанных простыней лагерь получил название «Золотая простыня». Я переживала вместе с ней. Мы незаметно оставались в дортуаре и меняли матрасы. Я отдавала ей свой, а когда один из матрасов начал вонять мочой, мы заменяли его на матрас дежурного аниматора, который спал в коридоре.

Никто ничего не узнал.

Наша тайна.

Если бы я об этом рассказала, она бы меня убила. Я никогда никому ничего не говорила. Но умерла она.

После коллежа мы стали посещать кружки Дома молодежи и культуры. Разумеется, чтобы встречаться с Фредом. Мими занималась танцами и театром. Я ходила в цирковой кружок. Мне хорошо давались трюки с шаром, эквилибр, балансировочная доска. Мими — иное дело, она сама грация, само совершенство. Иногда Луиза открывала театрально-цирковой зал только для нас, и мы выходили на сцену и мечтали. Однажды в гардеробе мы нашли старую афишу, где человек в трико прыгал с трапеции прямо в огненный круг. Его звали Рустам Трифон, он выступал в цирке Молдавии. Красивый, как бог, белокурый со светлыми стальными глазами. Мы передавали афишу друг другу — неделю она висела у меня, неделю у нее. Рустам Трифон стал нашим кумиром. Кем-то вроде Филипа Николича из группы «2Be3». Мы скачивали через «What's up» песни «4 Non Blondes», слушали и мечтали отправиться в Приднестровье… Там жил Рустам.

Наш первый лагерь, куда мы отправились аниматорами, находился в Буа-Плаж-ан-Ре, это было в 2001-м. Директором был Фредерик. Мими по-прежнему находила его красивым; теперь он коротко стриг волосы и играл на гавайской гитаре. В лагерь, как всегда, приезжали дети из проблемных кварталов Эльбефа, их кузены, их младшие братья, а возможно, даже их дети. Мы с Мими поднимали их среди ночи, чтобы они пошли пописать, и, смеясь, как безумные, проверяли, сухие ли у них матрасы и пижамы.

На следующий год на заработанные деньги мы позволили себе съездить в Бретань на рок-фестиваль «Старые плуги» и даже видели там «Blues Brothers». До них буквально можно было дотронуться! Мы познакомились с бретонскими волонтерами. Такие красавчики! Однажды вечером Мими отправилась гулять с одним из них, с тем, который чистил туалеты; по ее мнению, он был самым симпатичным.

В этом вся Мими.

Когда через две недели мы вернулись домой, скончался Бюффо. В день святой Анны. Стояла жара, в полдень он заснул среди розовых кустов и не проснулся. Шарль похоронил его; собственно, он даже не стал двигать тело, а просто вырыл под ним ямку. С тех пор каждый раз, когда я иду в пассаж «Табуэль» и захожу к Шарлю и Луизе, я смотрю на розы и вспоминаю о Бюффо.

Мне кажется, собачка бы не возражала возродиться в виде розы.

В 2003 году летний лагерь впервые сменил остров Ре на Нормандию — из-за нехватки постоянно уменьшавшихся субсидий. В лагерь стали принимать все больше подростков. Однажды вечером в сентябре в Кодбек-лез-Эльбеф на задворках «Мак-Дака» Мими нашла потерявшегося щенка. Она назвала его Рональдом, имя дурацкое, но это было единственное имя клоуна, которое пришло ей в голову. Она принесла его Шарлю и Луизе. Своего рода способ дать понять родителям, что теперь она будет бывать дома гораздо реже. Во время работы в летнем лагере она часто ходила гулять с Фредериком. Все понимали, что у них роман, хотя он и старше нее на девятнадцать лет.

Честно говоря, мы все этого ждали. Даже считали, что они немного затянули с решением жить вместе. Следующей весной Мими спросила меня, хочу ли я стать свидетельницей на ее свадьбе. Теперь она хотела все ускорить. Свадьба планировалась на 2 октября, в Оривале, в церкви, вырубленной в скалистом берегу Сены, «такой же прочной, как и ее любовь», — говорила она. Мими была более романтичной, чем я, ей нравился католический обряд, белое платье, поэзия; она была уверена, что встретила принца на белом коне.

Я ответила «да». И сказала, что до свадьбы намерена заставить ее хорошенько попрыгать. Что у меня есть суперсумасшедший план похорон ее свободной девичьей жизни. После лагеря в Изиньи мне хотелось, закинув за спину рюкзак, вместе с ней доехать автостопом до другого конца Европы, до самого Приднестровья…

Мими покинула меня 26 августа 2004 года.

Даже не попрощавшись.

У нее был выходной, и она куда-то отправилась, ничего мне не сказав.

Меня привели туда жандармы. Я первая увидела ее посиневшую шею, ее обнаженное тело, прикрытое разорванным платьем, ее широко раскрытые и устремленные в небо глаза.

Я сообщила Шарлю и Луизе. Они известили Фредерика.

Прежде чем им позвонить, я вспомнила всю свою жизнь, промчавшуюся, словно скоростной поезд. Детский парк «Пюшо», Бюффо, цирк, Рустам Трифон, гроты бабушки Ниндзя…

Я даже представить себе не могла, что мне придется всю жизнь страдать без Мими.

Шарль, Луиза, Фредерик и я, мы хотели знать правду. Однако с Кармен Аврил и ее обществом против забвения «Красная нить» это почему-то не прокатывало. Впрочем, общество давало повод для частых долгих разговоров с Осеан, сестрой Морганы. Мы с ней почти ровесницы, и мы обе потеряли тех, кто был нам больше всего дорог на этом свете.

Их обеих убил один и тот же тип.

Близнецы по несчастью.

Однако мы не понимали друг друга. Или понимали плохо. Как и ее матерью, Осеан руководила ненависть. Осеан мечтала найти убийцу сестры и собственными руками задушить его. Я же была уверена, что стану каждый день посещать его в тюрьме и рассказывать ему о Мими, чтобы он понял, кем она была, раскаялся в своем поступке, полюбил ее и молил ее о прощении.

Когда установили личность Оливье Руа, подозреваемого номер один, Шарль и Луиза поняли, что никто никогда не узнает правды о гибели их единственной дочери.

Ибо Оливье Руа оправдали.

Коммандан Лео Бастине не скрывал, что дело сдается в архив… Если не произойдет ничего неожиданного. Шарль и Луиза вышли из общества «Красная нить» в 2005-м. Это был их личный выбор. Но они настояли, чтобы Фредерик и я остались его членами.

Никогда не забывать.

Тогда мы не поняли, почему.

Луиза терпеливо ждала до 2007 года, когда после десятилетней реставрации открылся театрально-цирковой зал «Эльбефа». По такому случаю Шарль и Луиза пригласили несколько артистов мировой величины.

Приехал Рустам Трифон. Ему было пятьдесят три года. Его афиша, приколотая к стене кнопками, все еще висела над кроватью Мими. Он согласился отправиться в тупик Табуэль, даже поднялся к ней в комнату, взлетев по лестнице с легкостью ангела. Я попросила его сорвать в саду розу, и он положил ее на могилу Мими на кладбище Сент-Этьен. Вид у него был взволнованный.

Прекрасная и печальная минута.

Вечером мы втроем сидели на арене: Шарль, Луиза и я. Глядя на огромный плюшевый занавес, пурпурный в свете прожекторов, я сказала:

— Мими бы это понравилось.

Шарль и Луиза промолчали. Возможно, они считали, что Мими сверху все видит. Слышит. Испытывает те же эмоции. А возможно, нет. После смерти Мими у них установились особые отношения с Богом.

Потом мы расстались.

Я до сих пор сожалею, что не рассказала им о своих сомнениях.

На следующий день Шарль и Луиза уехали на остров Ре. Строения, принадлежавшие летнему лагерю Буа-Плаж-ан-Ре, почти десять лет назад продали кемпингу. Еще один кемпинг. Люксовый, с бассейном и теннисным кортом, куда не сунется ни один трудный подросток из предместий Эльбефа. Около 18 часов 50 минут, буквально за несколько минут до закрытия, Шарль и Луиза поднялись на маяк «Бален». На высоту пятьдесят семь метров. Двести пятьдесят семь ступеней. С Атлантики дул холодный ветер, они были одни.

Взявшись за руки, они перебрались через бетонную балюстраду и прыгнули вниз.

С тех пор я часто навещаю бабушку Ниндзя, она по-прежнему живет на улице Рош. Она единственная, кто осталась в живых из членов моей настоящей семьи. Мы много говорили. В конце концов я поведала ей все, что у меня на душе. Она приободрила меня. Я правильно сделала, что ничего не сказала Шарлю и Луизе. Хорошо, что они ушли, убежденные, что Мими стала жертвой случайного убийцы. Не обвиняли никого, кроме судьбы. Она также дала мне понять, что, если меня продолжит грызть сомнение, надо от него избавиться.

— Но как, Жанин? Как?

— Рассказав все полиции, милочка. Даже если придется разбередить самые уродливые раны.

Я вспомнила стихотворение, написанное Мими.

Последнюю строфу:

«Я стену построю, чтоб нас окружить,
И от врагов сумею нас защитить.

M2O».

Мими никогда бы не смогла написать такие строчки.
Мне очень не хватало Мими.

31
Разбередить самые уродливые раны?

Выключив в «фиате» верхний свет, Мона повернулась ко мне.

— И что там?

Коричневый конверт упал к моим ногам. Мне трудно связать только что прочитанное с убийством Морганы Аврил и самоубийством Магали Варрон, но связь существует, непременно…

Надо только найти ее… Передо мной предстал красный шарф, туго обмотанный вокруг шеи.

Мона заметила, как у меня из уголков глаз выкатились слезы.

— Трогательно?

— Очень.

— О Моргане или о Миртий?

— Миртий. Точнее, Мими… Очень красивое признание в любви.

Глаза Моны странно заблестели. Она помолчала, потом нежно провела пальцем по моему веку, убирая слезу.

— Спасибо, — произнесла она.

— За что?

Не ответив, она включила задний ход, чтобы машина могла выехать из парка.

23 ч 10 мин.

Мона припарковалась на площади Жан-Поль Лоран, прямо напротив дома Кристиана Ле Медефа. Вокруг ни одного полицейского. Прежде чем покинуть стоянку, я натянул на голову капюшон своей толстовки «Wind Wall North Face».

— Вчера здесь было не заперто, — сказал я, подойдя к домику.

Я повернул ручку. Дверь открылась.

— Однако твой свидетель слишком доверчив, — усмехнулась Мона.

Подождав, пока мы оба войдем в дом, я громко позвал:

— Кристиан! Кристиан Ле Медеф!

Никто не ответил, как я и ожидал. Атаракс, бывший инженер-атомщик, в дом не вернулся.

Бежал?

Похищен?

Убит?

Мона бодро шла за мной по темному коридору.

Внезапно я остановился. Заледенел, словно в доме неожиданно упала температура.

Лестница была полностью погружена во тьму.

— Света нет, — проговорил я.

— Но это же логично, разве нет?

— Нет! Вчера на втором этаже в комнате Ле Медефа горел ночник.

— Ты выключил его, когда уходил.

Я покачал головой. Я был уверен, что ничего не трогал. Кончиками пальцев я включил фонарик на своем айфоне. Экран осветил ступени.

Ничего. Ни единого шороха. Никаких признаков жизни. Точно так же, как прошлой ночью во время моего визита.

За исключением погашенного ночника.

Поднявшись на двенадцать ступеней, я осветил лестничную площадку, постоял немного, а потом позвал:

— Ле Медеф!

Никого.

Я снова ошибся. Вчера вечером я сам не заметил, как нажал на выключатель этой чертовой лампы.

— Ничего, ты еще увидишь, какой я сумасшедший! — неожиданно бросил я Моне, спускаясь с лестницы. — Иди за мной в гостиную.

Она пропустила меня; двигаясь по коридору, тела наши касались друг друга. Свет от экрана мобильника скользил по стенам, освещая отклеившиеся от сырости обои, серые розетки, тронутые грибком деревянные панели. Поглощенный мыслью об исчезновении Кристиана Ле Медефа, вчера я не заметил, до какой степени запущен дом; сейчас мне показалось, что он и вовсе давно заброшен.

Я опустил фонарик, осветил черно-белую плитку. Тишину нарушал только звук наших шагов.

Тишина…

И снова меня словно током ударило. Безумие бродило вокруг, продолжало бродить.

Я не услышал никакого бормотания. Кто-то выключил транзистор!

— Вчера радио работало, — прошептал я в темноте.

Мона не ответила. Я чувствовал за спиной ее дыхание. По телу побежали мурашки. Что я увижу в следующей комнате? Я остановился на пороге.

— Кристиан?

Смешно. Что я себе вообразил? Что похитители приводили его днем доесть тальятелли?

Кругом тишина. Не слышно даже радио…

Кто приходил сюда после меня? И зачем, черт возьми? Чтобы доставить труп Ле Медефа?

Свет от телефона проскользнул в центр комнаты, где прежде стоял стол, переместился в сторону, где был стул, затем на место микроволновки, телевизора, радиоприемника… Сделал несколько кругов, каждый раз ускоряя движение. Заскакал в истерическом мерцании.

Погоня осветителя, сошедшего с ума.

Внезапно, презрев элементарную осторожность, я повернул выключатель. Белый свет от лампочки без абажура ослепил нас, заставил закрыть глаза. Когда же, приставив руку козырьком ко лбу, я открыл глаза, то не поверил самому себе.

Комната была пуста.

Совершенно пуста.

Ни стула, ни стола, ни бутылки, ни тарелки, ни стакана, ни телепрограммы, ни даже радио. Никакой мебели.

Со вчерашнего дня гостиная и кухня полностью опустели. Телефон в руках внезапно стал тяжелым, словно кусок железа. Голова закружилась. Мона переступила порог комнаты. Слабое эхо сопровождало ее шаги.

— Ле Медеф жил здесь?

— Да.

Преодолевая головокружение, я поочередно указывал места, где стояла исчезнувшая мебель. Водил пальцами по стенам, по полу. Следы пыли или ее отсутствие ясно свидетельствовали, что мебель убрали совсем недавно. Словно все пришлось срочно эвакуировать.

— Они вывезли все, — произнес я.

— Кто эти «они»?

— Мона, я не знаю. Но это довольно просто. Один стол, один стул, немного кухонной утвари. Все влезет в один фургончик…

Мона не ответила. Я продолжал разматывать нить своего объяснения:

— Сначала устраивают исчезновение неудобного свидетеля. Затем всех имеющихся доказательств…

— Настоящий заговор… Просто суперорганизация, Джамал.

В голосе Моны звучала ирония.

Повернувшись к ней, я схватил ее за плечи.

— Черт возьми, Мона! Ты считаешь, что я все сочинил? Каждую деталь? Стакан вина, тарелку с тальятелли, тихо игравшее радио? Думаешь, я совсем с ума сошел?

Слова, сказанные громким голосом, ударялись о голые стены. Мона дошла до середины комнаты, где стоял стул Ле Медефа. Стоял еще вчера.

— Довольно вопросов, Джамал. Будем придерживаться принятого плана. Помнишь, что ты обещал? Сегодня ночью мы наносим визит двум твоим свидетелям. Кристиану Ле Медефу и Денизе Жубан. Затем ты идешь в полицию сдаваться.

Я не стал возражать. У меня больше нет сил.

Еще несколько минут мы постояли в пустом доме, потом Мона взяла меня за руку, и мы пошли к выходу. Как только мы вышли на улицу, дверь соседнего дома напротив открылась. Слабый свет упал на шоссе. Я инстинктивно отшатнулся в темноту. Тип, вышедший на улицу, различил только одинокий силуэт Моны.

— Что, холодновато на улице?

Между его ног проскользнула хромая тень. Я узнал вчерашнюю собаку на трех лапах. Ее хозяин целую вечность закуривал сигарету, пользуясь возможностью при свете зажигалки рассмотреть лицо Моны.

— Не каждую ночь увидишь, как такая хорошенькая девушка вроде вас слоняется по улице.

Трехногая собака заковыляла ко мне. Не раздумывая, Мона подозвала ее щелкающими звуками и, наклонившись, принялась гладить. Сосед, похоже, оценил ее поступок.

— Вы давно здесь живете? — спросила Мона.

— О-о, лет этак десяток уже будет…

Он выпустил клуб дыма.

— Что вы делали в доме?

Этот кретин заметил свет!

— Приходили в гости, — беспечно ответила Мона.

Стараясь не касаться тротуара носком левой ноги, я отступил еще дальше в темноту.

— В такой-то час?

Он, казалось, удивился. К моему изумлению, рука немедленно сжала в кармане

рукоятку кольта. Выпустив очередной клуб дыма, тип пожал плечами.

— Надо думать, они на все готовы, лишь бы продать…

— Продать? — вопросительно произнесла Мона.

— Ну да. Они уже полгода ищут покупателя. Ипор, конечно, не Довиль. Здесь на продажу выставлены десятки таких домов…

У меня подкосились ноги. Чтобы сохранить равновесие, я оперся рукой на холодный шершавый песчаник. Мона продолжала разыгрывать неведение:

— Дом уже полгода стоит пустой?

— Ну да. Кроме, разумеется, покупателей, которые в него приезжают. Но это редко… Особенно в такой час.

Выплюнув окурок, он улыбнулся Моне, подумав, впрочем, без особой надежды, как было бы хорошо заполучить такую очаровательную соседку, а потом подозвал собаку. Дверь за ними захлопнулась.

Подождав немного, я пошел в темноте к «фиату». Сзади прозвучал голос Моны:

— Доволен?

Я попытался проартикулировать самый невероятный довод.

— Пустой дом! Идеальное место, чтобы расставить мне ловушку. Они отлично собирают и разбирают декорации.

Мона помигала фарами «фиата».

— Значит, Ле Медеф — их сообщник? А я думала, он твой союзник. Он сам показал тебе дом, где он живет?

— Возможно, он мне не доверял. Он говорил о заговоре, об омерте.[11] Быть может, он боялся! Может…

Мона протянула мне ключи.

— О’кей, let’s go, Джамал. Последний этап. Садись за руль, ты знаешь дорогу к Денизе.

Больше она ничего не сказала.

Она могла привести тысячи доводов и доказать, что я выдумал сцену с исчезновением Кристиана Ле Медефа. И с исчезновением мебели. Сосед, к примеру, не мог не заметить грузовой фургон, стоявший напротив двери. Так что, в сущности, единственным свидетелем, которого я мог предъявить за последние сутки, был пес на трех лапах.

Я включил зажигание.

На табло приборной доски высветились зеленые цифры: 23 часа 32 минуты.

— В такой час у Денизы Жубан инфаркт случится…

— Или у меня, — ответила Мона. — Какой сюрприз ждет нас сверх программы? Дениза, задушенная пришельцами? Ее призрак, который предложит нам чаю?

Призрак Денизы Жубан…

В тишине кабины я вспоминал, что говорила почтенная дама. Она утверждала, что уже несколько лет не выходит из дома. Но она же меня узнала, вспомнила, что видела меня на пляже в Ипоре — правда, в утро убийства Морганы Аврил. Десять лет назад. Моя последняя надежда покоилась на свидетельстве старухи со старческим слабоумием, чей бред убеждал меня лишь в собственной амнезии.

Сидя на пассажирском месте, Мона, включив верхний свет, перелистывала досье Морганы Аврил и Магали Варрон, украденные у Кармен Аврил и Пироза. Внимательно перелистывала. Внезапно мне показалось, что ее что-то смутило. Она то и дело переводила

взгляд с одной папки на другую.

Выезжая на дорогу, ведущую к бывшему железнодорожному вокзалу Турвиль-лез-Иф, я замедлил ход.

— Ты что-то нашла?

Она как-то странно посмотрела на меня.

Совершенно очевидно.

Она что-то нашла. Что-то, что привело ее в смятение.

— Нет. Впрочем, возможно.

— Что?

— Потом. После старушки.

— Почему?

Внезапно Мона повысила тон.

— Я же сказала: после старушки.

32
Ты что-то нашла?

Сначала свет фар «фиата» высветил вагон Восточного экспресса, затем паровоз Шапелона и наконец фасад бывшего вокзала, часы на котором по-прежнему показывали 7 часов 34 минуты.

Как только я выключил фары, вокзал, поезда и парковка исчезли во мраке ночи. Мы пошли, освещая дорогу фонариками. Через несколько шагов фонарики высветили голубенькие стены бывшего дома начальника вокзала.

— Будем будить Денизу? — спросила Мона.

Не ответив, я взялся за ручку двери. На этот раз дверь оказалась заперта. Деревушка Иф насчитывала всего несколько домиков, темные силуэты которых вырисовывались неподалеку.

— Если мы начнем стучать, то разбудим всех вокруг.

Не тратя времени на размышления, я рванулся к окну с частыми переплетами. Ставни были открыты. Схватив камень размером с яйцо, я ударил в оконное стекло, самое близкое к щеколде. Десять сантиметров на десять. В темноте сверкнули осколки разбитого стекла. Отбросив все мысли об осторожности, я открыл окно изнутри.

На ладони выступило несколько капель крови. Легкие порезы. Мона молча смотрела на меня.

— Сделаем Денизе сюрприз, — шутливым тоном произнес я.

Тон явно лишний.

Почему надо входить, как взломщики? Бороться с очевидными фактами? На что я надеялся? Застать врасплох армию заговорщиков, ставящих новую декорацию в доме Денизы Жубан, воздвигающих перегородки новой призрачной комнаты?

Мы влезли в окно.

«Арнольд», — внезапно вспомнил я.

Арнольд нас учует!

Как ни странно, ши-тцу не появлялся. Я пытался вспомнить расположение комнат в бывшем доме начальника вокзала. Кажется, спальня Денизы рядом с гостиной, по диагонали.

Фонариком я осветил стены.

И вздохнул с невероятным облегчением. Почувствовал бодрящее, едва ли ни обжигающее тепло. Фотографии поездов, колесящих по всему миру, по-прежнему украшали стены! Восточный экспресс переправлялся через Венецианскую лагуну, синкансэн въезжал в свой японский город. Мой фонарик продолжал исследовать комнату, перелетая с выступающих потолочных балок на нормандский шкаф, с засушенных цветов в вазе на стулья с соломенными сиденьями.

Я помнил каждый высвеченный предмет! Значит, какие-то нейроны моего мозга еще работали. Впервые за долгое время я мог довериться своей памяти. Я не придумал встречу с безумной Денизой.

Я колебался: позвать ли Денизу Жубан, как я звал Кристиана Ле Медефа, или застать ее врасплох в постели, вызвать шок, растрясти ее, отнести под душ и трясти до тех пор, пока

она не изменит свою версию и не вспомнит среду, берег моря в Ипоре, Пироза и труп Магали Варрон.

Мы подошли к спальне. Когда я толкнул дверь, мой кроссовок, прикрученный к протезу левой ноги, наступил на что-то мягкое.

Пронзительный визг разорвал тишину. Звук, изданный детской игрушкой. Какой-то зверь, похожий на жирафа, — словом, игрушка для самых маленьких.

Тотчас в спальне Денизы Жубан загорелась лампа. Свет обжег мне глаза. Рука в кармане сжала револьвер. Не дать старушке заорать. Не дать ей и в этот раз поднять тревогу. Не дать…

Стены комнаты пожилой женщины были оклеены обоями «Хелло Китти».

С потолка свисали на ниточках маленькие феи. Симпатичные зверушки карабкались по занавескам. Большие плюшевые игрушки свалены в кучу. Собаки, кролики и слоны. Над кроватью цвета морской волны раскачивались еще одни феи. Из кровати, морщась от яркого света, на меня смотрели глаза. Глаза шестилетнего ребенка.

Громкий крик заставил меня повернуть голову. Крик исходил из кроватки поменьше, окрашенной в розовый цвет.

Оттуда вынырнула головка девочки лет трех. Испуганная, она кричала, не переставая, не переводя дыхание, отчего на щеках ее, на лбу и на шее выступили красные пятна.

— Джамал, кретин…

Ничего другого Мона сказать не могла. До сих пор она с пониманием относилась к моей игре в поиск свидетелей, но сейчас я перешел черту.

Я развернулся, чтобы попытаться успокоить девочку.

Напрасный труд.

Вслед за ней заревел мальчик; он кричал еще громче, сотрясаясь всем тощим тельцем, облаченным в пижаму с пиратами.

— Какого черта вам тут надо? — прогремел голос у нас за спиной.

На пороге комнаты возникли двое взрослых. Женщина в ночной рубашке, растрепанная, бледная, онемевшая от ужаса. Мужчина лет сорока, с обнаженным торсом, покрытым седеющими волосами, сжимал кухонный нож.

Рука его дрожала…

Когда я выхватил кольт и направил его на обоих родителей, на плечо мне легла мягкая ладонь Моны.

Чисто инстинктивно.

Детский плач звучал все громче. Мать, словно волчица, казалось, только и ждала, когда мы ослабим бдительность, чтобы броситься на двух чужаков, вставших между ней и ее детьми.

Голос Моны звучал умоляюще:

— Нет, Джамал.

Я еще сильнее сжал рукоятку револьвера.

— Какого хрена? Что вы тут делаете? — спросил я.

— Что?

Изумленный отец семейства выдержал мой взгляд. Он прилагал все усилия, чтобы не выдать своего страха.

Я повторил вопрос:

— Что вам тут нужно?

Похоже, он не понял смысла вопроса, но тем не менее ответил:

— Мы сняли на неделю этот дом…

Мона с облегчением вздохнула и потянула меня за рукав.

— Довольно, Джамал. Пора уходить.

Я не двигался. «Королевская кобра» — всего лишь безобидное оружие самообороны, но человек с ножом этого не знал.

— А вчера? — спросил я. — Сразу после полудня вы здесь были?

— Нет, — ответил отец семейства. — Мы весь день осматривали побережье, где высадились союзники, но…

По мере моих вопросов голос его звучал все более уверенно. Возможно, он подумал, что имеет дело с береговой полицией…

Мона снова потянула меня за рукав.

— Идем. Ты меня напугал.

Я медленно последовал за ней, продолжая держать семейство на мушке. Мать устремилась к малышке, и та немедленно, словно по волшебству, замолчала. Отец, не выпуская из рук ножа, следил за нами настороженным взглядом.

Мона крепко сжимала мою руку; она торопила меня покинуть дом. Не теряя рассудка. В моей голове вещи из привокзального домика отплясывали сарабанду. Поезда на стенах, соломенные стулья, феи на ниточках…

Черт, не мог же я выдумать все эти прибамбасы! Я прекрасно помнил и фото, и мебель, каждый предмет в комнате. Когда мы вышли из дома, Мона заставила меня ускорить шаг. Я вспомнил, как несколько часов назад Арнольд гнался за мной до самой парковки; похоже, он жил здесь всегда, а потому защищал территорию со всей злостью мелкой шавки. Возле стены стояли два детских велосипеда, один двухколесный, другой с двумя дополнительными колесиками. В нескольких метрах от них была припаркована «ауди», приписанная к 75-му департаменту.

Мона молча вела машину. Я говорил один, словно убеждая самого себя. Лихорадочно выстреливал все аргументы, до последнего патрона.

— Готов согласиться: здание бывшего привокзального домика переоборудовали в сельский гостевой дом. О’кей, семья сняла его на неделю. Но вчера она целый день провела в другом месте. Вполне можно было успеть убрать детские игрушки. Чтобы в доме обосновалась Дениза. Сыграла для меня комедию. Рассказала историю про мужа-железнодорожника. И попыталась убедить, что не помнит самоубийство Магали Варрон.

Мона не отвечала. Мы не проехали и трех сотен метров, как она резко свернула направо и остановила машину на просторном пустыре напротив серого здания. На нем большими красными буквами было написано: *«Склад Бенедиктин».* Местность казалась пустынной.

Мона выключила мотор.

— Конец пути, Джамал. Я зашла так далеко, как могла.

— Послушай меня, Мона…

Я сосредоточился на фотографиях поездов в рамках. Байкало-Амурская магистраль, засыпанная снегом, склоны Анд и дамбы, пересекающие море. Вчера я видел все эти фото! В доме Денизы!

— Нет, Джамал, все кончено. Дениза Жубан никогда не жила в деревне Иф. Равно как и Кристиан Ле Медеф в доме на площади Жан-Поль Лоран. Ты никогда не говорил с ними, они никогда не видели девушку, которая прыгнула с обрыва. Они не видели, и никто не видел. Ни один журналист. Ни один жандарм. Потому что, Джамал, Магали Варрон никогда не существовала. Ты ее придумал. Не знаю, почему, но ты придумал все эпизоды ее жизни. Они, без сомнения, имеют сходство с историей Морганы Аврил, так как ты дал ей лицо Морганы. Быть может, они также имеют отношение к убийству Миртий Камю. Наверняка именно поэтому тебя разыскивает полиция. Ясно одно, и это, пожалуй, хорошая новость для тебя, Джамал. — Прежде чем добить меня, она глубоко вздохнула. — Жандармы не смогут повесить на тебя убийство и изнасилование Магали Варрон, потому что ее не существует!

Я схватил полицейское досье, украденное у Пироза.

На нем заглавными буквами было написано: МАГАЛИ ВАРРОН.

Я не мог придумать…

Мона раздраженно отмахнулась, словно приказывая мне молчать.

— Мы уже говорили об этом, совсем недавно. Я выполнила свою часть соглашения, Джамал. Теперь тебе пора выполнить свою. Как только рассветет, ты пойдешь в полицию сдаваться.

Я не хотел уступать:

— Послушай, Мона, они только этого и ждут! О’кей, сейчас мы бьемся головой о стены, но есть еще темные места, которые хорошо бы осветить. Разве ты не находишь? Вот, к примеру, дилемма заключенного. И письма! Я все же не настолько сошел с ума, чтобы засунуть конверт в коробку из-под перчаток, а через час забыть об этом.

Мона так ласково посмотрела на меня, что я немедленно вспомнил психиатров из клиники «Сент-Антуан», когда те с профессиональным терпением выслушивали неправдоподобные рассказы подростков, пойманных на лжи.

Идиотизм! Но я не мог отказаться от своей мысли.

— Разгадка находится в письмах! Там есть что-то, чего никто не заметил, Мона. Что я один могу обнаружить…

Она нежно погладила меня по голове. Жест скорее матери, нежели возлюбленной.

— Забудь, Джамал. Забудь настоящее. Забудь все, что произошло за последние три дня. Тебе все привиделось. — Ее указательный палец спустился ко мне на лоб. — Тебе привиделось, ибо истина у тебя в голове, скрыта где-то очень глубоко. Тебе надо разобраться с тем, что произошло десять лет назад, а не с тем, что случилось на этой неделе.

Не думая, я схватил ее за запястье и сильно сжал, очень сильно, а потом отбросил ее руку, словно сухую ветку.

Мой голос стал ледяным:

— Тогда ты тоже.

— «Ты тоже» что?

— Ты тоже играешь в игру. Сводишь меня с ума, чтобы заставить расплачиваться за чужие грехи! Пытаешься повесить на меня убийство двух девушек десятилетней давности. Ведь это и есть цель игры? Заставить меня сорваться? Заставить признаться?

Внезапно мысли мои обратились к конверту в бардачке, найденном в салоне «фиата», и к почтальону, приносившему почту в Вокотт. Кто-то словно предвидел мои шаги и первым наносил удар. Организовать это могла только Мона! Она основной двигатель заговора!

— Оставь меня, Мона. Я продолжаю играть. Один.

Ее рука снова попыталась завладеть моей рукой, но я оттолкнул ее.

— Я больше не доверяю, Мона. Не доверяю никому.

Я понимал, что поступаю как распоследний негодяй.

Быть может…

Ради меня Мона пошла на неслыханный риск.

Или нет.

Сомневаться — значит, идти на риск. Я больше не мог позволить себе рисковать. Сейчас я встану, выйду из машины и затеряюсь в ночи. Мона открыла дверцу.

— Оставь машину себе, Джамал. Тебе она нужнее, чем мне…

Взгляд Моны в последний раз скользнул с досье Магали Варрон на досье Морганы Аврил. Я вспомнил, что, перед тем как остановиться у здания бывшего вокзала, она что-то обнаружила, что окончательно убедило ее в том, что я бредил.

— *После. После старушки*, — сказала она.

Сейчас спрашивать слишком поздно.

Выйдя из машины, она наклонилась ко мне. В широком круге света ближайшего фонаря ее лицо удлинилось. Она больше не походила на веселую землеройку, скорее на загнанного зверька, маленького неосторожного грызуна, не заметившего наступления зимы. По щекам ее текли слезы.

— Есть еще кое-что, Джамал. Мне кажется, именно в этом и заключается суть проблемы. В твоем пазле не хватает очень важной детали, она бросается в глаза, хотя ты ее до сих пор не заметил.

Слезы потекли еще обильнее.

Важная деталь, которую я пропустил?

Прежде чем я начал искать в ее словах скрытый смысл, Мона разъяснила.

Совершенно искренне:

— Ты влюбился в ту девушку, Джамал! В Моргану Аврил. В ее лицо, которое ты мне восторженно описывал. Такое благородное, такое чистое, такое печальное. Ее лицо, которое, как тебе показалось, ты видел три дня назад на вершине обрыва. Строгое и отчаявшееся, помнишь? И чтобы оно не растворилось, не утекло сквозь пальцы, ты решил пофантазировать над трупом. Трупом хорошенькой девушки, умершей и похороненной десять лет назад. Сожалею, но мне на это наплевать. Я не могу ревновать к призраку.

— Мона, эта девушка существует.

Не ответив, она улыбнулась мне. Подошла к капоту «фиата». Долго смотрела на пустынную дорогу, убегавшую вдаль, затем извлекала что-то из кармана куртки.

В ночи сверкнула золотая искорка.

— Я возвращаю ее тебе, — произнесла Мона.

И аккуратно положила на капот автомобиля звезду шерифа.

Я был не в силах произнести ни слова.

— Удачи тебе, — бросила она в открытую дверь.

Звезда шерифа. Мои пять задач, которые надо выполнить…

За последние дни я основательно забыл о пяти лучах моей звезды, как, впрочем, и обо всем остальном. Теперь, когда Мона уходила все дальше, растворяясь во мраке стоянки, пять задач почему-то всплыли в моей голове.

Стать первым. Заняться любовью. Родить ребенка. Быть оплаканным. Заплатить долг.

Погрузившись в собственные мысли, я не сразу заметил, что Мона повернула назад. Когда она подошла к машине, я подумал, что она вернулась ко мне и сейчас поцелует меня, обнимет и, опустив глаза, попросит прощения.

Она всего лишь отвела в сторону «дворники».

Черт, что за игру она ведет?

Медленно, одним пальцем, она начала писать на запыленном стекле. Двенадцать букв:

М. А. Г. А. Л. И. В. А. Р. Р. О. Н.

Затем стерла одну букву, одну-единственную, и тотчас написала ее вновь, несколькими сантиметрами ниже.

Сначала М.

Потом О.

Потом Р.

Потом Г.

Затем все остальные.

Когда каждая из двенадцати букв была стерта, а потом начертана ниже, на другой строке и в ином порядке, на пыльном ветровом стекле появилось новое имя:

М. О. Р. Г. А. Н. А. А. В. Р. И. Л.

Мона нагнулась к дверце «фиата».

— Одна и та же женщина, Джамал. Покойница и ее призрак…

В конце дороги вспыхнули фары, закрутился синий вихрь полицейской вертушки.

33
Покойница и ее призрак?

Неожиданно полицейский микроавтобус изменил траекторию движения и, чиркнув колесами по откосу, остановился в нескольких метрах от «фиата».

Фары включены на полную мощность. Два солнца пробивают лучами ночной мрак, вверху кружится синее электрическое небо.

На миг я задумался, каким образом жандармы так быстро нашли нас. Только на миг.

Какой кретин!

Наверняка, как только мы покинули гостевой дом, устроенный в бывшем домике начальника станции, родители тотчас позвонили в полицию и сообщили, что какой-то тип со стволом пробрался к ним в дом и ворвался в комнату, где спали дети.

Какой-то араб. Хромой. Возбужденный.

Возможно, ствол был заряжен.

От фургона отделились две тени; я узнал громоздкую фигуру Пироза и длинную сутулую фигуру его помощника.

В ночи раздался громкий голос капитана:

— Довольно играть, Салауи. Вылезайте из тачки и поднимите руки.

Пироз и его помощник держали пистолеты наготове. Они подошли ближе. Фары, светившие им в спину, до бесконечности увеличивали их тени. Отступая, Мона прижалась к капоту «фиата», словно боясь их непропорционально огромных рук, сжимавших пистолеты.

— Не двигайтесь, мадемуазель Салинас, — громко произнес Пироз.

Я впал в ступор: сидел в машине, не способный принять никакого решения. Только чувствовал, как «Кобра» оттягивает мне карман. Смешной пистолетик, стреляющий резиновыми пулями.

— Выходите, Салауи!

Я медленно открыл дверцу.

Я чувствовал то, что, наверное, чувствуют перед смертью: безропотную покорность, и одновременно крайнее возбуждение, подталкивающее к действию… Узнать, что там, за гранью. Понять великое таинство.

Кто я?

Извращенец с амнезией или затравленный козел отпущения?

— Идите вперед, Салауи!

Я окинул взглядом пустырь перед складом «Бенедиктин». Метрах в десяти от меня асфальт практически не виден, утонул во мраке ночи.

— Не делайте глупостей, — снова рявкнул Пироз, — не заставляйте меня пристрелить вас!

Чтобы затеряться в темноте, мне стоит лишь взять спринтерский старт. Всего лишь согнуть поясницу.

— Делай то, что тебе говорят, — умоляюще произнесла Мона.

Воспользовавшись тенью от кузова, я прижался левой рукой к дверце. Я чувствовал, как от Моны, находившейся меньше чем в метре от меня, исходит лихорадочный жар, слышал ее учащенное дыхание. В секунду я принял решение.

Самое плохое, какое только можно.

Испытать судьбу. До конца.

Инстинкт воробья, срабатывающий у любого мальчишки из предместья при виде полицейского мундира.

Взлететь!

Я медленно поднял правую руку, в то время как левая, прижатая к дверце, переместилась в карман толстовки.

Все произошло очень быстро.

Схватив кольт, я резко поднял левую руку, направив ствол в сторону звездного неба, чтобы изумить Пироза двумя противоречивыми знаками.

Одновременно.

Я вооружен. Я готов сдаться.

Я рассчитывал воспользоваться его кратковременным замешательством, прыгнуть во тьму, промчаться по пустырю, а потом бежать несколько километров по ровному полю. Сотни часов тренировок должны спасти мою шкуру.

Выстрел грянул без предупреждения.

Пироз выстрелил в меня. Почти в упор.

Никакой боли.

Внезапно Пироз и его помощник, словно испугавшись, опустили пистолеты.

Плавно, как в замедленной съемке, Мона рухнула на меня.

Кольт бешено плясал в моей руке, на плече моем истекала кровью Мона. Кровь фонтаном била из ее груди, заливая болотного цвета свитер. Еще одна струйка вытекала изо рта.

Мое сердце колотилось так, словно вот-вот вырвется из груди.

Гнев. Страх. Ненависть.

Мона задыхалась. Из горла ее вылетали невидимые слова, немые и таинственные, понятные только ангелам. Глаза ее покрылись поволокой, словно обозревали неведомый пейзаж, видеть который не дано никому; потом, в один миг, взор ее остановился.

Навсегда.

Соскользнув по мне, тело Моны повалилось лицом на асфальт, бесшумно, изящно, словно умирающая на сцене маленькая ученица танцевальной школы при Опере.

Дрожащими руками я попытался направить свой ствол на фликов. В полумраке они не могли разглядеть, какое оружие я на них навожу. Я решил попытать удачу.

Прицелился прямо в рожу Пироза.

Потом медленно обошел «фиат» и сел на водительское место. Словно раздавленные тяжестью совершенной ими ошибки, никто из полицейских даже не шелохнулся.

Гадкая уверенность буравила мне сердце.

Полиция не оставила мне ни единого шанса! Флики стреляли в меня на поражение! У них на пути оказалась Мона, она умерла, потому что не поверила мне.

Я был прав с самого начала.

Полиция хотела загнать меня в ловушку. Любой ценой.

Бросив последний взгляд на распластавшуюся на асфальте землеройку, я со всей силой

нажал на педаль акселератора.

В тишине раздался звон металла. На капоте «фиата» засверкала золотистая пыль.

Внутри у меня все перевернулось. Нога уперлась в пол.

Какое-то время звезда шерифа сохраняла равновесие, но вскоре свалилась с капота на асфальт. В кино героиня носит ее на сердце, и пуля рикошетом отскакивает от нее. Героиня не умирает…

В кино.

«Фиат» подпрыгнул. Я услышал, как правое переднее колесо проехало по жестяному значку, купленному матерью за пять франков. Это было в другой жизни. Той, о которой для меня мечтала мама, той, где я ловил злодеев.

Склады «Бенедиктин» казались бесконечными. Наконец я увидел проем в заборе и устремился к нему, чтобы выскочить на региональную дорогу. Темную и пустынную.

На дорогу, ведущую в ад. Где я больше не встречу Мону.

Только призрак Морганы Аврил…

34
В другой жизни?

Некоторое время я ехал по лесной дороге, потом притормозил. Повернув ключ зажигания, я подумал, что этим движением я обрываю все связи с цивилизованным миром; вместе с мотором я выключил мир вокруг себя. Погасли фары и светящиеся цифры на торпеде, а с ними и звезды и луна, исчезнувшие за кронами деревьев. Непроглядная ночь.

Я долго сидел в кромешной тьме.

Потом открыл дверцу и наклонился; меня стошнило на траву и покрышку автомобиля Моны. Я откинулся на сиденье, затылком и спиной прижался к спинке. Сидел, не шевелясь. По щекам текли слезы, но я не делал ни малейшей попытки вытереть их. Они стекали по губам, смешиваясь с застрявшей в горле горечью. В какой-то миг я подумал, что видения, порожденные бредом моего мозга, могут выйти из организма, как выходит желчь, как вытекают слезы, рожденные слезными железами. Выйти вместе с кровью. Последняя мысль едва не побудила меня вскрыть себе вены.

Запах и вкус становились непереносимы. Я протянул руку и зажег потолочный свет.

Словно выгравированные на грязном стекле, передо мной предстали двенадцать букв:

М. О. Р. Г. А. Н. А. А. В. Р. И. Л.

Я снова увидел Мону, увидел, как она, устало улыбаясь, выводит пальцем эти буквы, а потом кладет на капот мою звезду.

Удачи тебе.

Что за удача, Мона, если она позволила с нами такое сотворить?

От земли поднимался туман, затопляя подлесок; казалось, дымится почва. Термометр в машине показывал два градуса ниже нуля.

Скоро все двенадцать букв исчезли в ватном облаке.

Заблуждение.

Я должен сдаться, совершенно ясно. Магали Варрон никогда не существовала. Равно как не существует ничего, что имеет отношение к ее гибели.

Ни свидетелей, ни шарфа, ни насилия, ни убийства посредством удушения.

Просто анаграмма. Призрак. Бредовое видение.

Я метался от одной мысли к другой, словно прыгал по камням, перебираясь через бурный ручей.

Если все это выдумка, зачем Пироз все три дня гонялся за мной? И даже стрелял в меня?

Еще один камень. Только очень шаткий. Хрупкое равновесие.

Если самоубийство Магали Варрон — всего лишь фантазия, тогда почему я впервые увидел Пироза именно в то утро, вместе с его помощником? А может, я впервые увидел его в жандармерии Фекана в тот день, когда встретил Мону? И жандармы вызывали меня совершенно по другому поводу? В связи с другим делом? Тогда, значит, я сам придумал эту сказку.

Еще один прыжок. Еще один камень. Другой берег терялся вдали.

Что-то не склеивалось! Жандармы не стреляют в подозреваемых! Не стреляют без предупреждения. Не стреляют на поражение. Чтобы убить. Я направил ствол в небо. Ни секунды не угрожал Пирозу. И все же он выстрелил, чтобы не дать мне сбежать. Предпочел

убить меня, нежели позволить мне сбежать в неизвестном направлении. Почему?

Потому что убежден, что я изнасиловал Моргану Аврил и Миртий Камю, совершил двойное убийство, и меня уже десять лет разыскивает полиция. Потому что, в отличие от меня, кто все забыл, они все эти годы собирали улики, не оставляющие сомнений в моей виновности.

Пальцы мои коснулись замерзшего лобового стекла. Двенадцать невидимых букв смеялись надо мной, и стереть их было невозможно.

В клинике «Сент-Антуан» я десятки раз слышал рассказы психологов о состоянии, похожем на амнезию. Когда подростки отрицают факты насилия, жертвой которого они стали. Нет, их родители — не насильники. Нет, никто их даже пальцем не трогал. Да, они хотят вернуться домой и жить с родителями. Они придумывали себе другую жизнь, более сносную. И жили в воображаемом мире.

Туман полностью окутал «фиат»; казалось, машина медленно летит в облаках.

Неужели я постарел? Постарел, шаг за шагом создавая вокруг себя видимый одному мне мир? Но я не мальчишка, подвергшийся насилию. Не жертва с изломанной психикой.

Я чудовище.

Десять лет назад я убил двух девушек.

Я и только я виновен в смерти Моны.

Я вышел из машины и направился в лес. Холод стальным обручем сковал мне грудь. Под ногами на замерзших лужицах хрустел лед. Шатаясь, я прошел несколько метров. На первой же застывшей впадине я поскользнулся и, чтобы не упасть, схватился руками за ближайшее дерево. Это оказался вяз; я до крови ободрал ладони о его шершавую кору.

И тут, не слушая голоса разума, я в отчаянии крикнул в темноту:

— Нет!!!

В десятке метров от меня зашелестели листья. Наверное, кролик, птица или еще какое-нибудь животное проснулось от моего крика. Интересно, животным снятся кошмары? Или они просто боятся темноты?

Внезапно мне захотелось поднять на ноги весь лес. И я снова взорвал тишину:

— Не-е-е-ет!!!

Я кричал целую вечность, не переводя дыхание, пока не заболели барабанные перепонки. Последняя преграда моего мозга держалась крепко.

— Нет, — повторил я.

На этот раз почти шепотом.

Нет.

Я не мог вспомнить ни убийства Морганы Аврил, ни убийства Миртий Камю. Не мог вспомнить по совершенно простой причине.

Я невиновен!

Три дня назад Магали Варрон у меня на глазах прыгнула с обрыва. Вместе с Кристианом Ле Медефом и Денизой Жубан я стерег ее труп на пляже. Чтобы понять, нужен ключ, и он рядом, на расстоянии вытянутой руки. Загадка, которую мне надо разгадать. Как, например, дилемма узника или последнее стихотворение Миртий Камю, отправленное жениху с подписью «M2O».

Я вытер о джинсы расцарапанные ладони. От скопившейся во рту смеси желчи и слез тянуло рвать. Мне нельзя отчаиваться, нельзя сдохнуть в лесу от холода, нельзя дожидаться,

пока придут жандармы и схватят жалкого типа, терзаемого угрызениями совести. Я словно животное на поводке, которого прикончат, даже не удосужившись расспросить. Я вспомнил, что, покидая дом Мартена Денена, Мона заботливо захватила с собой кофе и печенье.

Я направился к багажнику «фиата», продолжая прокручивать в голове события последних трех дней.

События не могли произойти случайно, они связаны друг с другом, и у этой связи есть собственная логика…

Влага, покрывавшая машину, превратилась в тонкий слой льда.

…но логика, которую невозможно определить в пылу погони, связывая события, как читатель связывает главы детективного романа. Мне надо встать над всеми, прояснить положение. Свое собственное. Остановиться, выспаться.

Или выпить литр кофе.

Я открыл багажник.

Холод пробирал меня до костей, я стоял перед «фиатом», цепенея и покрываясь инеем. Словно стеклянная статуя.

Рядом с термосом и пакетом с печеньем лежал коричневый конверт.

Адресованный мне.

Кто, кроме призрака, мог положить его сюда?

Кто, кроме меня?

Я буквально смел печенье, взятое в кладовой Мартена Денена, выпил два стаканчика крепкого обжигающего кофе без сахара.

И открыл конверт.

35
Что-то не склеивалось?

Дело Аврил–Камю — весна 2007 года

19 июня 2007 года расследование дела Аврил–Камю было изъято из ведения регионального отделения судебной полиции Кана. В течение предшествующего года коммандан Лео Бастине не нашел ни одной новой улики, не собрал ни одного нового факта, и никто больше не заглядывал в материалы следствия, изложенные на трех тысячах страниц. С согласия Лео Бастине судья Поль Юго Лагард предложил до истечения исковой давности передать ведение дела Аврил–Камю следственной бригаде Фекана.

Жандармы Фекана, первыми начавшие расследование убийства, участвовали в проведении каждой экспертизы, так что капитан Грима, отстраненный от расследования после второго убийства, без сомнения, рассматривал возвращение к нему дела, которое большие шишки из региональной полиции не смогли раскрыть, как свой маленький личный реванш.

Капитан Грима согласился принять дело, и в пятницу, 15 июня 2007 года, папки с материалами расследования двойного убийства перевезли из Кана в Фекан. На следующий день Кармен Аврил нанесла капитану первый визит. Спустя несколько дней она явилась вновь; на протяжении лета она почти каждую неделю наведывалась в полицию Фекана. Капитан Грима понял, что судья Лагард не только сплавил ему явный «висяк», но и избавился от назойливой особы, вот уже несколько лет отравлявшей существование органов правосудия и полиции.

Никогда не забывать.

Время не убавило решимости председательницы общества «Красная нить»; после самоубийства Шарля и Луизы Камю она подчинила своей воле всех членов общества.

Спустя три года Грима добился перевода в жандармерию Сен-Флорана, маленького порта на Корсике, зажатого между мысом Корс и пустыней Агриате. Он устал как от вечного шума волн, бьющихся о бетонную дамбу Фекана, так и от постоянных нашествий неуемной Кармен Аврил. С тех пор как с молодого человека с шарфом «Берберри» сняли все подозрения, капитан жандармерии и хозяйка гостевого дома «Горная долина» не находили общего языка. Прежде чем покинуть одни скалистые берега и обосноваться на других, ощетинившихся генуэскими башнями, Грима передал ключи от сейфа с делом старейшему и преданному делу жандарму, тому, кому на следующий день после убийства Морганы Аврил поручили координировать допросы свидетелей, видевших неизвестного с красным шарфом: дочери гардеробщика Тюро, вышибалы Мики, студента-химика Венсана Карре.

Капитану Пирозу, известному своей скрупулезностью. Он сразу понравился Кармен Аврил. Пироз поддержал ее версию о двойном убийце. Его не пугала перспектива составить из нескольких тысяч фамилий два списка, один — обитателей Ипора, другой — обитателей Изиньи, с единственной целью: найти в обоих списках повторение одного-единственного имени. Нисколько. Пироз обладал упорством, граничащим с паранойей. Старый холостяк. Без внебрачных детей и племянников. Не любит ни футбол, ни домино, не читает детективов. По вечерам прокручивает версии текущих дел — подобно тем, кто строит дворец

Бенедиктин из спичек.

Просто так…

Как и капитан Грима, коммандан Бастине или психолог-криминалист Элен Нильсон, Пироз ни на шаг не продвинулся в установлении личности убийцы.

После смерти Шарля и Луизы Камю Кармен Аврил полностью взяла на себя управление обществом «Красная нить». В сущности, общество уже не занималось ничем, кроме как — во исполнение долга — устройством ежегодных собраний, дабы почтить мрачную годовщину. Прекрасная возможность увековечить руководящее бюро, в сущности, превратившееся в призрак.

Кармен Аврил, мать Морганы Аврил, председательница.
Фредерик Мескилек, жених Миртий Камю, вице-председатель.
Осеан Аврил, сестра Морганы Аврил, секретарь.
Жанин Дебуаз, бабушка Миртий Камю, помощник секретаря.
Алина Массон, лучшая подруга Миртий Камю, казначей.

Редкие собрания общества предоставили Алине возможность сблизиться с Осеан. Обе потеряли сестру-близнеца, одна — сестру по крови, другая — сестру по духу. У обеих словно отрезали половинку их самих. Они понимали друг друга, несмотря на то что Осеан унаследовала от матери стойкую ненависть к мужчинам, которых во время их долгих ночных бесед она обвиняла во всех смертных грехах. Возможно, потому, что они учинили насилие над ее сестрой. Впервые Алина открылась, осмелилась поделиться сомнениями, снедавшими ее уже несколько лет. Выслушав ее, Осеан никому ничего не сказала, даже матери, а Алине посоветовала обратиться к полицейским, которые вели расследование убийства Миртий Камю. Лучше поговорить с Элен Нильсон, чем с Бастине. Психолог-криминалист знала материалы дела не хуже коммандана, но наверняка способна лучше ее понять. Вероятно, способна.

Элен Нильсон отказалась говорить с Алиной Массон. Дело Аврил–Камю закрыли четыре года назад, и у нее полно других дел, которыми она обязана заниматься.

Десять телефонных звонков ничего не дали.

Пришлось обратиться к Пирозу, тот сумел надавить на судью Лагарда, а судья, в свою очередь, убедил психолога-криминалиста согласиться принять в своем парижском кабинете, расположенном в Четвертом округе на улице д’Обинье, капитана жандармов и лучшую подругу Миртий Камю. Пироз ругал грязное вонючее метро, на площади Конкорд чуть не попал под машину. Чертыхаясь, втиснул живот в крошечную кованую кабину лифта, который доставил их на пятый этаж, прямо в кабинет Нильсон, с окнами на юг, с видом на Сену.

Алина все время молчала.

Когда Элен, в платье от Ральфа Лорена, с декольте, не скрывавшем обновленного бюста, открыла тяжелую дубовую дверь и вошла в кабинет, Алина Массон чуть было не выскочила вон.

Способна понять?

Грузный, неповоротливый Пироз, явно впечатленный выполненными по

индивидуальному заказу округлостями бывшей шведской проститутки, застыл, словно приклеенный к паркету; преградив Алине дорогу к отступлению.

Они сели. Кожаные кресла. Низенький стеклянный столик. Вид на остров Сен-Луи и скользящие туда-сюда прогулочные катера. У Алины закружилась голова. Как приблизиться к истине, не запятнав память Миртий?

Элен свободно расположила ноги безупречной формы и нахмурила неестественно гладкое лицо.

— Вы желали со мной встретиться, мадемуазель Массон?

У Алины не было другого выхода, и она ринулась в пропасть:

— Помните, — с трудом проговорила она, — в первый раз мы встретились в отделении региональной судебной полиции Кана, сразу после убийства Миртий. Вы тогда задали вопрос. Странный вопрос.

— Какой? — спросила Элен; она явно не пересматривала дело. — С тех пор прошло больше шести лет.

— Вы… вы спросили, почему в тот день, когда Миртий изнасиловали, она была одета так сексуально притягательно… Короткое голубое платье с яркими цветами гибискуса. Малиновое нижнее белье в тон цветам, а не в обычную одежду аниматора лагеря для подростков.

— Возможно. Тогда мы рассматривали множество гипотез…

— О чем вы думали в тот момент? — настаивала Алина.

Сделав над собой видимое усилие, Элен погрузилась в омут памяти и, вынырнув, устало ответила:

— Ни о чем определенном. Насколько я помню, Бастине настаивал на поисках потенциального преступника и не считал важным изучение личности жертвы. Он был прав, Миртий Камю, как и Моргана Аврил, стали случайными жертвами насильника.

Пироз зевнул.

— Я много размышляла над вашим вопросом, — продолжала Алина, — все эти годы. Честно говоря, беспрестанно об этом думала. Вы правы, Миртий обычно так не одевалась.

— Но Миртий погибла, когда у нее был выходной! Насколько я помню, вы руководили летним лагерем «Золотая простыня» в Изиньи, да, вы мне сами сказали.

— Даже в выходные дни Миртий так не одевалась.

Лицо Элен нахмурилось еще больше.

— Что вы хотите сказать, мадемуазель Массон? Что Миртий убил не случайный негодяй? Что она знала своего насильника? Что она… что у нее было назначено с ним свидание? Это вы хотите сказать?

Алина колебалась. На стене в стеклянной раме висело огромное фото коленопреклоненной обнаженной женщины, лицо которой скрывалось под каскадом белокурых волос.

Элен?

Вся окружающая обстановка располагала именно к такому ответу.

— Да, — наконец выдавила из себя Алина. — У Миртий было свидание. С мужчиной Без сомнения, с ее убийцей.

— Разве она не была обручена с тем типом, что играл на гитаре?

Алина медленно заливалась краской. Именно из-за этого она молчала все эти годы. Защитить Миртий. Не омрачить образ, сохранившийся в памяти ее близких. Миртий

совершенная. Верная. Влюбленная.

— Если…

— Шишин, насколько я помню?

— Шишин — прозвище. Его зовут Фредерик Мескилек.

Наконец-то психолог-криминалист обратилась к материалам дела, лежавшим перед ней на низеньком столике. Пролистав несколько страниц, она подняла глаза.

— Значит, Миртий стала жертвой какого-то волокиты или что-то в этом роде? Типа, который вскружил ей голову? Знаете ли вы, мадемуазель Массон, что ваше предположение в точности совпадает с первоначальной гипотезой капитана Грима? Он считал, что Моргана Аврил не была жертвой случайного насильника, ее убил соблазнитель, выследивший ее и заманивший в западню.

Алина подняла голову, но ничего не сказала. Разумеется, она знала…

— В сущности, это ничего не меняет, — продолжала психолог. — Если мы решим, что убийца — не хищник, а поклонник, что это нам дает для установления его личности? Кроме, разумеется, информации, что Миртий шла на свидание. У вас есть более четкие соображения, мадемуазель Массон?

— Нет…

— Почему бы ей не пойти на свидание с Оливье Руа, молодым человеком в бейсболке «Адидас», что вертелся вокруг нее в лагере Изиньи? Тем самым типом, что исчез спустя несколько месяцев после убийства?

— Невозможно! На вечер убийства Морганы Аврил у Оливье Руа железобетонное алиби. И его ДНК не совпадает с ДНК насильника, — подал наконец голос Пироз.

Удивленная, Элен повернулась к капитану.

— Совершенно верно, — согласилась психолог. — Именно этот факт и застопорил расследование бедняги Бастине. Тогда на свидание с кем?

— Я не знаю, — произнесла Алина.

Глаза ее наполнились слезами, она вытащила из кармана бумажный платок. Элен снова склонилась над делом. Этим воспользовался Пироз; изогнув шею, он сравнивал грудь блондинки на фото с грудью психолога-криминалиста, очертания которой угадывались под платьем цвета незабудки. Когда Элен выпрямилась, Пироз мгновенно перевел взор на прогулочные катера. Как мальчишка, пойманный за руку. Напротив, Элен подняла голову и, глядя на фотографию, словно в зеркало, изящным жестом стряхнула невидимую пушинку, упавшую в ложбинку между грудей.

— Надо признать, — продолжила психолог-криминалист, — после стольких лет ряд моментов так и не прояснился. Например, сексуальное платье, которое Миртий не имела привычки надевать. Блокнот «Молескин» небесно-голубого цвета; его так и не нашли, хотя все в один голос утверждали, что Миртий записывала в него свои самые потаенные мысли. Возможно, в нем даже упоминается тот, с кем у нее было свидание. Оливье Руа, которого объявили в розыск и который, увидев, что его вот-вот загонят в угол, исчез навсегда. Почти как трусики потерпевшей.

Алина даже подскочила.

— Какие трусики?

Психолог поочередно смотрела то на Алину, то на Пироза.

— Весьма важная улика. Полагаю, вы в курсе. В вагине Миртий Камю спермы не обнаружили, но ее обнаружили на трусиках, найденных в сотне метров от трупа, в фарватере

бухты Вей.

Нет, Алина не в курсе. Пироз, разумеется, знал, и потому с трудом оторвал взор от созерцания молитвенной позы бесстыдной девицы под стеклом.

— И как эксперты это объяснили? — спросила Алина.

— Довольно просто. Насильнику пришлось убраться раньше, чем он сумел получить удовольствие. И он решил урвать хотя бы часть и эякуировал на Миртий, по крайней мере, на ее трусики. У нас возник вопрос: почему он бежал, оставив сперму, которая может его изобличить?

— Его ДНК-профиль, как и ДНК-профиль всех уголовных преступников, должен был быть зарегистрирован в Национальной картотеке, — сказала Алина.

— Он не успел в нее попасть…

Отведя взгляд от фотографии, Пироз вмешался в разговор:

— Возможно, насильник надеялся, что убийство Миртий Камю не станут связывать с убийством Морганы Аврил.

— Маловероятно, — произнесла Элен. — Странно было бы не сопоставить два преступления, даже если бы ДНК насильников не совпали. Две девушки изнасилованы и задушены одним шарфом и практически в одном и том же месте.

— Мы наверняка имеем дело с психом, — проворчал Пироз.

— Есть еще третья гипотеза, — бесцветным голосом произнесла Алина. — Если ДНК может изобличить его, значит, он был знаком с Алиной?

Прежде чем ответить, Элен Нильсон выдержала паузу:

— Именно об этом мы тогда и подумали. Мы взяли материал на анализ ДНК более чем у тысячи пятисот мужчин, у семьи Миртий Камю, у ее друзей, у жителей Изиньи, Эльбефа и окрестностей, у всех без исключения. У всех, кто хотя бы раз видел Миртий. И все напрасно!

Алина умолкла.

«Если насильник не был знаком с Миртий, зачем ему скрывать свою ДНК?» — твердил голос у нее в голове. Знал ли он Моргану Аврил? Все смешалось, запуталось. Разорванное платье с цветами гибискуса, Оливье Руа, вертевшийся возле ее лучшей подруги на пляже в Гранкам-Мэзи и в открытом море возле островков Сен-Маркуф, блокнот «Молескин» небесно-голубого цвета, стихотворение, посланное Фредерику из лагеря во время работы в лагере, все эти «тебя-меня», «убить-любить», подписанные «M2O». Миртий 2 октября…

— А ваша версия о двойном убийце? — спросила Элен. — Продвигается?

Погрузившись в свои мысли, Алина не ответила.

— Потихоньку, — произнес Пироз. — Мы не торопимся. Перед нами вся жизнь…

— Не совсем так, — уточнила Элен. — Как и я, вы прекрасно знаете, что если через десять лет в деле не появились новые материалы, его закрывают за сроком исковой давности. Насильник остается в выигрыше…

— Ну и что? — спросила Алина в лифте.

Она до боли вжалась в кованую решетку, желая избежать прикосновения к жирному телу Пироза.

— Что? Что вы об этом думаете? — повторила она.

— Это не она, — ответил Пироз.

— Как так — не она?

— Не она на фото! Голая красотка на фотографии — это не психолог. Ей на нас

наплевать.

Позднее, в метро, между остановками «Бастилия» и «Сен-Поль», Пироз, сметенный ввалившейся в вагон ватагой ребятишек лет семи в одинаковых бейсболках, буквально рухнул на Алину. На этот раз ей не удалось избежать прикосновения его тела. Он зашептал ей на ухо:

— Я видел, как вы улыбались уголком рта. Разумеется, можно не верить в двойного убийцу, но одно я могу сказать с уверенностью: 5 июня 2004 года убийца находился в Ипоре, а три месяца спустя — в Изиньи…

Ребятишки галдели, Алине пришлось повысить голос:

— Как и тысячи других людей. Убийца мог прибыть каким угодно транспортом или даже пешком, и его вполне могли не заметить: ни как он прибыл, ни как убыл. Имя его нигде не упомянуто.

Пироз пожал плечами.

Остановка Лувр.

Он скользнул взглядом по рекламной афише Диора. Обнаженный силуэт Шарлиз Терон напомнил фотографию, висевшую в кабинете психолога-криминалиста.

— Знаю, — пробурчал Пироз. — Поиски связующего звена между двумя убийствами не дает Кармен и ее дочери Осеан сойти с ума. Ждать и надеяться — все, что им осталось.

Остановка «Конкорд».

Опекаемые двумя учительницами, ребятишки в бейсболках исчезли быстрее, чем взлетает стайка голубей. Алина тотчас отступила; теперь между ней и Пирозом образовалось расстояние не меньше метра.

— Ждать чего? — спросила она. — Что насильник снова совершит преступление?

Со дня убийства Миртий прошло шесть лет.

— Слишком поздно, — ответил Пироз. — Он ничего не совершит…

Остановка «Елисейские Поля-Клемансо».

Мимо окон продефилировали очередные Шарлиз Терон. Четыре на три метра. Диор колошматил по мозгам, Пироз тащился, глядя на рекламу, Алина кусала губы. Неужели так пробуждается влечение?

— Он не совершит, — уверенно повторил Пироз, поглощенный созерцанием тысячекратно увеличенной родинки на белой коже.

Алина инстинктивно подумала обратное.

36
Неужели так пробуждается влечение?

Около часа ночи по мосту Бротон я перебрался на другой берег Сены. Затем катил по малым и большим дорогам. В свете фар «фиата» мелькали таблички с названиями нормандских городов, я старательно их объезжал. Пон-Одемер. Везвиль. Пон-Левек.

В голове у меня беспрерывно прокручивались свежепрочитанные страницы. Уверен, установить личность убийцы с красным шарфом можно, только осмыслив все материалы дела об убийстве Миртий Камю. Мне не напрасно их подбросили. Доказательства моей невиновности находятся где-то рядом, на расстоянии вытянутой руки.

Заблуждение? Еще одно заблуждение?

Какой смысл в моем последнем бегстве, когда я добрался до самого Изиньи-сюр-Мер?

Перед въездом в Троарн у меня в кармане зазвонил телефон. Было около двух часов ночи.

Разумеется, Пироз…

Я не стал включать телефон. Пироз унаследовал дело Аврил–Камю, кто-то позаботился сообщить мне об этом, подбросив мне очередной коричневый конверт. Став маньяком одной идеи, Пироз наконец нашел своего виновного.

Меня!

Спустя несколько секунд характерный звонок известил меня о новом смс-сообщении. Продолжая вести машину, я взял телефон.

И от удивления чуть не выпустил из рук руль.

Я ошибся в своих догадках!

Это не паршивый флик, гнавшийся за мной по пятам, а Офели. Теплая волна нежности накрыла меня с головой. Подросток из клиники «Сент-Антуан» прислала мне фото какого-то типа, вырезанное, как мне показалось, из модного журнала: стальной взор голубых глаз, сверкающий череп, белая рубашка с открытым воротником и плотоядная улыбка.

«Прямой потомок Цезаря», как гласил короткий комментарий под фото.

20 на 20!

Я невольно улыбнулся и вслепую, не замедляя хода, напечатал ответ:

«Слишком красив. Не доверяй внешности».

Офели ответила меньше чем через минуту:

«Дурак!
А ты где со своей рыжей милашкой!»

Мое сердце упало куда-то вниз.

Моя рыжая милашка.

Мона.

Мною завладело воспоминание о ее пышущем жаром теле, о том, как я прижимался к нему.

Теле, без сомнения, уже упрятанном в пластиковый мешок и сложенном в самом

дальнем углу полицейской тачки, увозящей его в морг. Я с трудом удержался от желания вышвырнуть телефон в окно, взорвать криком ночную тишину, нажать на акселератор и направить «фиат» на первый же платан. В конце концов, я сунул телефон под задницу и сосредоточился на дороге: я подъезжал к Кану, который мне предстояло объехать стороной.

Около трех часов ночи «Фиат-500» въехал в деревушку Гранкам-Мэзи.

«Омаха-бич — дорога свободы», — гласили развешенные через каждые пару километров плакаты, приглашавшие совершить экскурсии в бункер и ямы от снарядов, на кладбища и в музеи, входившие в мемориальный комплекс, посвященный высадке союзников.

«Дорога свободы!» — звучало в голове. Забавное название для безнадежного побега.

Я припарковался возле церкви и развернул карту дорог Нормандии. Городок Изиньи-сюр-Мер находился в трех километрах от пляжа Гранкам-Мэзи, но я искал совершенно определенное место, а именно поселок Большие Карьеры, где, согласно полицейскому донесению, 26 августа 2004 года нашли тело Миртий Камю.

Мой палец остановился на искомой точке. Глядя на церковь, единственное освещенное поблизости здание, я выпил еще чашку наполовину остывшего кофе.

Странная церковь. Современная. Разрушенная до основания в сорок четвертом, а затем восстановленная на скорую руку: бетонный куб, сбоку вместо колокольни притулилась серая труба с прорезями-бойницами. Даже в Ла-Курнев церкви выглядели симпатичнее!

Даже в Ла-Курнев…

Внезапно меня пронзила безумная мысль. Словно кто-то спроецировал в мой мозг голограмму.

Я уже видел эту церковь!

На протяжении всего пути ко мне возвращались обрывки воспоминаний: название деревни Гранкам-Мэзи и канский пейзаж из живых изгородей и каменных домов, темные черепичные крыши и рекламные щиты, напоминавшие о высадке союзников в июне сорок четвертого. Моя память хранила их под колпаком из непрозрачного стекла.

Колпаком, который разбился вдребезги, когда я увидел эту церковь.

Я уже видел эту церковь. Очень давно.

Я помнил каждую деталь.

Лето. Как и все предшествующие годы, я проводил его в лагере в Клеси, в нормандской Швейцарии, возле Фалеза, в сотне километров от Гранкам-Мэзи. Восхождения, каноэ, пешие прогулки… Досуговый центр агломерации Плен-Коммюн посещали дети из Ла-Курнев, Обервилье и Вильтанеза, всего более пятисот детей и подростков, которых летом распределяли в десятки лагерей, разбросанных по всей Франции. Два таких лагеря находились в Нормандии: лагерь в Клеси, куда попал я, и на берегу моря в Гранкам-Мэзи. Я не любил море, но в тот раз аниматору из парусного лагеря понадобился свободный день. Он ехал на похороны бабушки или что-то в этом роде. Помню, он долго метался в поисках замены на этот день. Так как я уже имел некоторый опыт пребывания в летних лагерях, заменить его попросили меня. В тот день мне пришлось съездить в лагерь в Гранкам и обратно. Там не случилось ничего особенного. Купание в чертовой ледяной воде, стычка между подростками на пляже, новые назначения детских командиров. С годами неожиданная замена вылетела у меня из головы. Если бы не церковь, я бы никогда о ней не вспомнил.

Я закрыл глаза. Установить точную дату моего здесь пребывания невозможно. Раз

купались, значит, дело было летом, Скорее всего, конец лета. Лет десять тому назад.

Я до боли сцепил пальцы.

Конец августа 2004-го?

В четверг, 26 августа, чтобы быть точным?

В день убийства Миртий Камю?

Невозможно!

Сразу после обнаружения трупа жандармы оцепили все вокруг, тотчас стали стекаться журналисты. В конце августа 2004-го я находился в Гранкам, в нескольких километрах от места, где нашли изнасилованную и убитую девушку. Подростки наверняка болтали только об убийстве, и я должен был бы это помнить.

Открыв глаза, я вновь принялся рассматривать карту местности. Увидел значки, обозначавшие ферму «Большие Карьеры». Четыре крошечных прямоугольника.

Все верно, за исключением того, что дело Камю стало достоянием публики только на следующий день после убийства. Полиция наложила своего рода эмбарго, запретив в течение двадцати четырех часов сообщать что-либо средствам массовой информации. Я не ночевал в лагере, так как вечером отбывал в Клеси. История с изнасилованием стала известна, скорее всего, спустя несколько часов после моего отъезда. Впрочем, мне было наплевать, в Клеси мы жили практически отрезанно от мира, без газет и ящика…

Ярко освещенная бетонная церковь притягивала меня; ее жутковатая колокольня напоминала сторожевую вышку концентрационного лагеря.

Неужели это возможно?

Дрожащими руками я попытался сложить карту автомобильных дорог. Безуспешно.

Неужели я, действительно, встретил в тот день Миртий Камю? На дороге из Изиньи возле «Больших Карьеров»? Я наверняка ехал на старом «рено-трафик», принадлежавшем досуговому центру «Плен-Коммюн».

Я швырнул карту на пассажирское сиденье.

Неужели я, действительно, остановился, изнасиловал ее, задушил, а потом память навсегда стерла следы моего преступления?

Я снова глотнул кофе, на этот раз прямо из горлышка термоса, и завел двигатель.

После Османвиля я свернул на дорогу, ведущую к «Большим Карьерам». Справа от меня остался большой нормандский дом из саманного кирпича с синими ставнями и характерным фахверком. Теперь я ехал по утрамбованной земле.

Я никогда здесь не был.

Я в этом уверен.

Замедлив ход, я внимательно изучал окрестный пейзаж, проплывавший в свете фар «фиата», пытаясь высмотреть нечто, что могло бы пробудить мои воспоминания. Подтвердить мое безумие.

Десять лет назад я приехал сюда, убил двадцатилетнюю девушку и бросил здесь ее тело.

Где именно бросил?

На дне небольшого карьера, вырытого в известняковой породе? В густом пролеске? У стен крошечной часовни, облицованной сланцем и опутанной корнями столетнего тиса? На каком-нибудь поле, окруженном непроницаемой живой изгородью? Или еще дальше, на берегу канала Вир, который, обогнув Изиньи, впадает в море?

В бледном свете фар деревенский пейзаж напоминал полотно кисти Милле, только без

вечернего колокола и крестьян в лучах заходящего солнца. Без свидетелей, если не считать таковыми десяток черно-белых коров, жевавших свою жвачку точно так же, как и десять лет назад. Свидетелей немых и равнодушных.

Я остановился под единственным фонарем, в пятидесяти метрах от фермы, и вышел из машины. Я словно ждал, что одна из коров повернется и, узнав меня, уставится на меня укоризненным взором.

Я сходил с ума.

Я ничего не помнил.

Я пошел. Было холодно, но безветренно. Я не понимал, почему я пошел направо, по направлению к подлеску. В какой-то момент я подумал, что меня ведет нечто вроде фантомной памяти, а руки и ноги воспроизводят движения, которые сознание мое отказывалось вспоминать.

Вскоре впереди я заметил отблеск. Точнее, два отблеска.

Возле высокой лещины горели два огонька. Их окружал ковер из цветочных лепестков.

Прибитые к стволу две таблички отбрасывали заметную тень.

Не в силах разобрать, что там написано, я подошел поближе.

В двух фарфоровых чашах, без сомнения, наполненных невозгораемой жидкостью, плавали два зажженных фитиля. Яблоневые лепестки всевозможных оттенков розового устилали землю, образуя контуры двух тел.

Я уже знал, что написано на двух деревянных табличках.

Моргана Аврил 1983–2004
Миртий Камю 1983–2004

Я замер, даже не пытаясь понять, ни кто выстроил эту похоронную декорацию, ни как долго горели маленькие факелы, ни откуда среди зимы взялись яблоневые лепестки.

И какой во всем этом смысл.

Я просто замер на месте.

Я ощутил безмерную усталость, словно мои руки, бедра и нога вмиг стали ватными. Я с трудом поборол желание лечь на лепестки и заснуть, покончив, таким образом, со всем и навсегда.

Все прозрачно.

Моргана Аврил 1983–2004
Миртий Камю 1983–2004

Этих двух девушек убил я. Жандармы загнали меня в угол, и мой разум не выдержал. Я бредил, чтобы защитить себя. Изобрел самоубийство, свидетелей, бесконечное бегство. Вовлек в свое безумие Мону, и несколько часов назад она заплатила за это жизнью. Если я не перестану отрицать очевидность, будут новые смерти.

В отблесках пламени плясали два имени.

Моргана Аврил 1983–2004
Миртий Камю 1983–2004

Охваченный лихорадкой, я не мог оторвать взгляд от табличек. Ноги подкашивались.

Казалось, я стою на двух стеклянных спичках и буду стоять до тех пор, пока за мной не явится полиция. Мой мозг отяжелел. Я не спал почти три дня, но не только усталость засасывала меня в белую мягкую дыру. Сломалась преграда. Последняя. Половодье пролитой крови вот-вот затопит мое сознание. Я к этому готов.

Вытащив из кармана револьвер, я долго держал его возле виска.

Мои скрюченные пальцы, сжимавшие заледеневшую рукоятку, не могли даже пошевелиться.

Я швырнул револьвер на ложе из цветов яблони.

Я буду ждать суда.

Пусть другие расскажут мне, каким я был чудовищем.

Стоило мне заметить, что позади мелькнули две тени, как обе замерли метрах в десяти от меня. Одна тень что-то говорила, очень тихо, как говорят в церкви. Голос знакомый, я слышал его несколько часов назад, но мой застывший разум не способен узнать его.

— Им было всего двадцать лет. Они были такие красивые.

Женский голос. Я обернулся. У меня за спиной стояла Кармен Аврил, в брюках и черной куртке, единственным украшением которой была тонкая красная нить, прицепленная к бутоньерке. В руках она держала цветок яблони. Плавным движением она бросила цветок на ложе из лепестков, на правое ложе.

— У Морганы впереди была вся жизнь. Если бы в ту ночь она не встретила вас… Если бы только…

Она замолчала, словно не имея сил произнести больше ни слова. Слева от меня прошелестели легкие шаги, кто-то ступал почти беззвучно, не приминая траву. Затем чья-то тень устремилась к лещине. В черном платье. Кожаная куртка, отрезная на талии, под ней короткое бархатное платье иссиня-черного цвета. И тонкая красная нить — там, где сердце.

Осеан.

По ее щекам текли слезы.

— В тот вечер вы должны были убить также и меня, — тихо произнесла она. — Моргана и я, мы были единым целым. Две сестры. Одно сердце.

Она положила в чашу цветок яблони, который держала в руке.

— Да, Джамал Салауи, вам следовало убить также и меня. Даже самые никудышные охотники добивают свою жертву. Раненый зверь никогда ничего не забывает.

Ни о чем не думая, словно сомнамбула, я направился в лес, желая затеряться в темноте. Ноги отказывались служить, я хватался едва ли не за каждое дерево. Я шел вперед, шатаясь, словно пьяный, от ствола к стволу. Где-то позади остались Кармен Аврил и Осеан Аврил, они не двинулись с места. Дойдя до опушки, я увидел вдалеке, в полях, простиравшихся до самого моря, какой-то свет.

Я вышел из зарослей.

В нескольких десятках метров от меня, посреди поля виднелась фигура женщины, обращенная лицом к устью реки. Женщина стояла, держа в правой руке подсвечник, где, словно по волшебству, презрев ветер с моря, горели пять свечей.

Я уже где-то видел этот силуэт…

Внезапно кровь застыла у меня в жилах.

— Миртий была моей лучшей подругой, — прозвучал нежный голос.

Слова перелетали через живые изгороди и уносились к горизонту. Несколько вскриков

чаек прорезали тишину.

— Миртий была настоящим ангелом. Почему ты отнял жизнь у ангела, Джамал?

Она медленно повернулась ко мне. Лицо девушки было мне знакомо; в ее устремленном на меня взгляде заплаканных глаз читалась невыразимая боль. Боль без ненависти, без желания отомстить. Изумление при виде абсолютного зла.

— Почему, Джамал? — повторила она.

Мона печально улыбнулась, давая понять, что больше ничего не может для меня сделать.

Я опустился на землю впереди себя, ушел коленями и ладонями в грязь. Несколько долгих секунд я стоял в этой позе, ожидая, что либо меня засосет красная глина, либо одна из женщин меня прикончит.

Осеан. Кармен.

Призрак Моны.

Зазвонил колокол; скорбный перезвон длился несколько секунд. Я инстинктивно вскочил, скрюченный, грязный, со скованными членами, хотя глина еще не успела засохнуть. Пройдя в темноте метров пятьдесят, я уперся в часовню, облицованную сланцем.

Странно, но, несмотря на непрерывную цепочку необъяснимых событий, я знал, что это не сон. Мой ум расстался с надеждой проснуться в холодном поту у себя в кровати в номере седьмом гостиницы «Сирена» или убедиться, что я заснул за рулем «Фиата-500».

Все, что происходило со мной, происходило наяву. Возможно, больше со мной уже не случится ничего…

Внезапно двустворчатая дверь часовни отворилась. Мощный свет неоновых и галогеновых ламп, заливавший ее изнутри, ослепил меня. Прижав руки козырьком ко лбу, я вошел внутрь. В крошечном нефе, перед алтарем, убранном уже увядшими цветами, я различил две молитвенные скамеечки. Затем увидел пустые скамьи из светлого дуба; на них лежали книги в красных переплетах. Конечно, библии или молитвенники.

Колокол снова зазвонил. Я убрал от лица вымазанные красной глиной руки.

— Мы должны были пожениться 2 октября, — донесся голос из часовни. — Все было готово. Шарль мечтал сам отвести дочь к алтарю. Луиза мечтала держать на коленях ребенка, который должен был родиться у меня и Миртий. Если бы она не встретила тебя.

Два шага по каменному полу отразились звучным эхо. От двери отделился мужчина в свадебном костюме. Я скользнул взглядом сначала по его бутоньерке с красной нитью, затем вгляделся в лицо.

Лицо, мне знакомое.

На меня в упор строго смотрел Кристиан Ле Медеф. Отчетливо, явно желая непременно донести до меня свои слова, он повторил:

— Мадам Миртий Камю-Мескилек. Звучало бы неплохо, а?

Убегая, я расслышал еще несколько слов, сказанных им, без сомнения, для себя.

— Если бы только я был здесь, чтобы защитить ее…

Я шел прямо, не сворачивая, к ферме с закрытыми ставнями, массивное строение которой чернело в конце тупика, после фонаря. Я собирался постучать в дверь, кричать, умолять обитателей дома впустить меня и запереть за мной дверь, чтобы не дать призракам пробраться следом.

Во дворе фермы не было ни души, даже петуха, пением своим рассеивающего кошмары.

Позади залаяла собака. Отрывистое визгливое тявканье пуделя, ничего общего с огромным молоссом, охраняющим владение. Затем где-то зажегся свет, откуда-то со скоростью выпущенной стрелы выкатился маленький шерстяной комок и застыл в нескольких метрах от моих глиняных ног.

— Арнольд? — громко спросил я.

Ши-тцу в бежевом свитере с красными полосками, том самом, что был на нем в утро самоубийства Магали Варрон.

— Арнольд, — повторил я.

Песик отказался признать свое имя. Он с недоверием смотрел на меня и щерил зубы при любой моей попытке пошевелиться.

В отчаянии устремив взор на закрытые ставни фермы, я искал, но не находил помощи и в конце концов двинулся вперед, протянув ши-тцу свою перемазанную красной глиной руку. Мускулы песика напряглись, раскрытая пасть приготовилась сомкнуться над моим запястьем.

— Назад! — прокричал голос в противоположном конце двора.

Песик немного поколебался и, решив все же не кусать меня, помчался туда, откуда прозвучал голос. Через пару секунд он уже сидел на руках своей хозяйки. В правой руке Дениза Жубан держала костыль, а левой прижимала к себе песика.

Встретившись с металлическим взором почтенной хозяйки ши-тцу, я отвернулся. Мне оставался только один путь — к воде, все другие пути отступления отрезаны призраками.

Мой череп словно взорвался. Казалось, каждый мой нейрон растянулся до бесконечности, а потом разорвался на части. Тысячу раз, одновременно. Страховочная сетка разорвалась, упала в пропасть, выдрав все удерживавшие ее крепления. Я не чувствовал ни рук, ни ног, ни пальцев, ни шеи. Кровь в жилах замедлила свой бег, словно мотор, который чихает, замедляет ход и останавливается окончательно.

Надо продержаться еще несколько мгновений.

Уйти. Удалиться. Убежать от призраков.

Осторожно, встав на цыпочки, я обогнул последнюю изгородь, как вдруг за спиной возникли двое в синей униформе.

— Не двигайся, Салауи.

Пироз…

Разумеется… На этом балу живых покойников не хватало только его.

С трудом сохраняя равновесие, я обернулся.

Фары микроавтобуса ослепили меня, словно охотники дикого кролика. Капитан жандармов направил на меня пистолет, его помощник сделал то же самое. Я стал отступать; канал находился всего в нескольких метрах от меня.

— Стоп! Стоп, Салауи. Пора прекращать бегать.

Я механически поднял руки и отступил еще на метр.

— Мы не закончили нашу беседу, Салауи. Помнишь? Два дня назад я задал тебе вопрос. Как раз перед тем, как ты разбил модель «Рождественской звезды» о мою голову.

Вдалеке, справа от меня виднелись огни Изиньи. Канал забирал воду из порта и нес к морю, словно гигантская сточная труба под открытым небом.

— В последний раз спрашиваю, Салауи. Это ты десять лет назад изнасиловал и задушил Моргану Аврил и Миртий Камю?

Я закрыл глаза. Плотина в моем мозгу взорвалась, в проем хлынули чудовищные

видения. Моя рука, скользнув под платье какой-то женщины, сжимает ее половой орган; женщина бьется в истерике, пытается от меня ускользнуть; я раздираю на ней платье; всей своей тяжестью наваливаюсь на нее, сдавливаю грудь, срываю трусы; высвобождаю свой член. Мои окровавленные руки затягивают обмотанный вокруг белой шеи красный кашемировый шарф и тянут изо всех сил, пока тело не перестает сопротивляться. Я все начинаю заново. Один раз, два раза. Мона, плача, смотрит на меня.

Шагнув назад, я закричал, и тотчас над полем взлетели три ворона, смешав свой полет с полетом чаек.

— Да, Пироз! Вы выиграли. Я их изнасиловал и задушил. Всех трех…

Когда я прыгал в воду, воля моя была ни при чем.

III
СУД

3 августа 2014 года
Кому:
Национальная жандармерия,
Территориальная бригада коммуны Этрета,
Департамент Приморская Сена
Лейтенанту Б. Донадье
От:
Научно-исследовательский институт судебно-медицинской и криминалистической экспертизы (НИИ СМКЭ)
Лаборатория идентификации жертв катастроф
Заведующего Ж. Кальметта

Господин лейтенант,

Возвращаюсь к своему письму от 22 июля 2014 года относительно найденных 12 июля 2014 года на пляже в Ипоре (департамент Приморская Сена) останков трех человек.

Как было условлено, мы приступили к всестороннему исследованию останков и их биологического материала.

Довольно быстро нам удалось разгадать первую загадку, а именно: узнать причину их смерти. У всех троих она одинакова. Напомню вам, что для удобства расследования мы стали именовать неизвестных Альбер, Бернар и Сезар.

Альбер, Бернар и Сезар были отравлены. У них в костях обнаружены следы мускарина, токсического вещества, извлекаемого из мухоморов. Яд поступил в организм в количестве, не оставляющем сомнений в их насильственной смерти. Напоминаю, мускарин практически невозможно почувствовать при добавлении в пищу, он вызывает скорый паралич центральной нервной системы, за которым неизбежно следует замедление сердечного ритма и остановка сердца.

Как вы помните, мы установили, что Альберт, Бернар и Сезар скончались в разное время, с промежутком в несколько лет. Если говорить точнее, Альбер скончался летом 2004-го; Бернар в осенне-зимний промежуток 2004 — 2005-го, Сезар — в 2014-м, между февралем и мартом. Наиболее логично предположить, что они убиты одним и тем же лицом и одним и тем же способом, с интервалом в несколько лет. Однако доказательств у этой гипотезы нет, поэтому можно предположить, что Сезар отравил Альбера и Бернара, а потом отравил себя, или же Бернар отравил Альбера, а Бернара отравил Сезар.

Иначе говоря, в идентификации личности убийцы мы далеко не продвинулись.

Однако спешу сообщить, что после идентификационных ДНК-анализов Альбера, Бернара и Сезара и сравнения результатов с Национальной автоматизированной картотекой ДНК-профилей нам удалось закрыть старое дело об убийстве Морганы Аврил и Миртий Камю (дело, именуемое делом убийцы с

красным шарфом). Местоположение трех скелетов, а именно пляж возле скалистого берега в Ипоре, сразу напомнило нам об этом давнем деле.

Сопоставление генетических отпечатков Бернара и Сезара с данными Национальной картотеки ничего не дали. Обе личности полиции не известны.

Генетический отпечаток Альбера также не совпадает с образцами, содержащимися в Национальной картотеке, тем не менее его ДНК нам известна. Можно утверждать без преувеличения: его генетический код знают практически все наши службы. ДНК Альбера соответствует ДНК, выделенной из спермы, найденной на трупах Морганы Аврил и Миртий Камю. Дата смерти Альбера приходится на время между июнем и сентябрем 2004-го, и, зная, что Миртий была изнасилована 26 августа 2004 года, можно с уверенностью сделать вывод, что Альбер нашел свою смерть спустя несколько дней или несколько недель после совершения второго преступления. Это объясняет, почему, несмотря на тысячи тестов ДНК, взятых у знакомых убитых девушек и местных жителей, насильника так и не выявили на основании его генетического отпечатка. К сожалению, ни установить его личность, ни определить, кто отравил его, мы не можем.

Данные экспертизы переданы мною судье Лагарду, которому надлежит вынести вердикт, может ли данная информация являться полным или частичным официальным заключением относительно идентификации двойного убийцы, который, как мы с вами знаем, был номинально разоблачен в субботу, 22 февраля 2014 года.

Не знаю, господин лейтенант, насколько данная информация поможет вам пролить свет на преступление десятилетней давности. Наши сотрудники продолжают работать над решением этой увлекательной задачи. Скорее всего, Альбер, Бернар и Сезар еще не все «рассказали» нам, что могут, и мы приступаем к проведению дополнительных экспертиз. В свете последних данных мы готовы сделать все исследования, которые вы посчитаете необходимыми.

С наилучшими пожеланиями,

Ж. Кальметт,

Заведующий лабораторией идентификации жертв катастроф

НИИ СМКЭ.

37
Надежда пробуждается?

Свет плясал перед моими глазами, искусственный свет, подобный флуоресцентной рыбе в темных глубинах океана, крошечная блестящая точка, начавшая расти и быстро заполонившая все поле моего зрения.

Теперь я видел только белый квадрат.

Он чем-то напоминал школьную доску, на которой пишут специальными фломастерами или магнитными буквами.

В верхнем углу доски я заметил маленькую красную табличку. Я знал на ней каждое слово.

Кармен Аврил, мать Морганы Аврил, председательница.
Фредерик Мескилек, жених Миртий Камю, вице-председатель.
Осеан Аврил, сестра Морганы Аврил, секретарь.
Жанин Дебуаз, бабушка Миртий Камю, помощник секретаря.
Алина Массон, лучшая подруга Миртий Камю, казначей.

Подобно актеру, который, отдернув черный занавес, неожиданно появляется на сцене, передо мной внезапно появилась Кармен Аврил. Она открыла рот, и ее голос зазвучал у меня в мозгу, словно ее мысли вытеснили мои собственные.

— Это несложно, месье Салауи, выбить почву из-под ног, а затем свести с ума. Заставить усомниться в самом себе. Достаточно всего лишь маленького общества, не больше пяти человек, при условии, что все они исполнены решимости. При условии, что всех их объединяет непоколебимое стремление к единой цели. *Никогда не забывать.*

Она подошла поближе. Во всяком случае, мне так показалось, ибо лицо ее приняло непропорциональные размеры, подобно лицу актера, к которому приблизили камеру. Голос ее также прибавил в объеме, равномерно отбивая внутри моего черепа отрывистые слова, ударявшие то в один висок, то в другой.

— У меня две хорошие новости, месье Салауи: вы не умерли и вы не сумасшедший. Но есть и дурная новость. Мы, члены общества «Красная нить», обвиняем вас в двойном убийстве — Морганы Аврил и Миртий Камю.

Силуэт Кармен Аврил растворился во мраке так же неожиданно, как и появился, а на ее месте материализовалась старуха Дениза. Тогда только я заметил на белой доске разноцветные магнитные буквы. Точнее, одиннадцать букв:

Д. Е. Н. И. З. А. Ж. У. Б. А. Н.

Дениза смотрела на меня или, по крайней мере в моем направлении, ибо я был не способен пошевелиться, не способен сказать, что я тут, перед ней, не способен понять, осталось ли у меня по-прежнему тело.

Ее голос проскрипел:

— Видишь, мой мальчик, не я одна потеряла память.

Д. Е. Н. И. З. А. Ж. У. Б. А. Н.

Ее морщинистые руки медленно передвигали по доске магнитные буквы.

До тех пор, пока они не образовали другое имя:

Ж. А. Н. И. Н. Д. Е. Б. У. А. З.

Дрожащий голос не умолкал:

— Теперь ты все знаешь, мой мальчик. Я тоже надеюсь узнать правду, прежде чем сойду в могилу. Всю правду. Про последние слова, последний вздох моей внучки. Ты можешь дать мне хотя бы это.

Внезапно она исчезла, словно режиссер оборвал сцену при монтаже. В следующую секунду доска возникла снова, но буквы на ней изменились.

Одиннадцать букв:

К. Р. И. С. Л. Е. М. Е. Д. Е. Ф.

Словно извергнутый ночным мраком, перед доской возник депрессивный безработный.

В уголках его губ блуждала улыбка.

Губы не двигались, однако я отчетливо слышал его хрипловатый прокуренный голос, вибрировавший у меня в черепе, словно он захватил в плен мой мозг:

— Между пятидесятилетним субъектом, потрепанным, одиноким, и сорокалетним мужчиной, пылающим совершенной любовью к двадцатилетней девушке, намеренным создать семью, свою собственную семью, разница больше, чем одна буква, Салауи. Целая жизнь. Та, которую ты у меня украл.

Его длинные пальцы переместили буквы, составлявшие его имя.

И составили другое:

Ф. Р. Е.Д. М. Е. С. К. И. Л. Е. К.

— Ле Медеф, — вибрировал у меня в голове надтреснутый голос. — Как думаешь, стоило его придумать, а? Назвать Ле Медефом безработного персонажа… Так очевидно, так заманчиво, так рискованно… Но ты поверил, верил до последнего… Хотя от тебя ничего не скрывали, абсолютно ничего!

Он тоже исчез.

У меня не осталось ничего, кроме разума. Лишенный тела, медлительный, бесстрастный, словно погруженный в ватный сон, обессилевший, я приговорен созерцать шествие перед белой доской. У меня нет сил даже повернуть голову, поднять руку или пошевелить ею. Да остался ли у меня разум, не затерялся ли и он в дебрях изнасилованной памяти?

Все та же доска.

Другие буквы:

М. О. Н. А. С. А. Л. И. Н. А. С.

Мона возникла ниоткуда, наверное, из мышиной норы.

Взор опущен. Слабый голос, почти шепчущий, усилился, смешавшись с моими мыслями:

— Спасибо, Джамал. Тебя взволновала моя история, ты только что мне это подтвердил. Теперь я бы хотела выслушать твою историю, Джамал, подлинную историю. Не очередную выдумку. Не про очередной побег.

М. О. Н. А. С. А. Л. И. Н. А. С.

Она убрала первую и последнюю букву фамилии, вставила в свое имя два «С»…

А. Л. И. Н. А. М. А. С. С. О. Н.

— Мы не жульничали, Джамал. Тебе дали все необходимые подсказки. Все имена, все буквы, все ключи. Надо было только увидеть и расставить в нужном порядке. Но ты ничего не замечал…

Она исчезла.
«С призраками покончено», — подумал я.

Новая вспышка.
Доска.
Шесть букв.
А. Р. Н. О. Л. Ь. Д.
На полу под доской спал песик ши-тцу.
В поле моего зрения возникла неизвестная рука и изменила местоположение трех букв:
Р. О. Н. А. Л. Ь. Д.
Песик приоткрыл один глаз и тотчас снова закрыл.
Полная тьма.

38
Подлинная история?

Когда я проснулся, было темно; меня раскачивало. На мгновение я решил, что утонул и труп мой дрейфует в темной толще океанских вод, но благодаря какому-то чуду я сохранил свое сознание. Моя правая рука коснулась дна.

Тепло. Мягко. Приятно на ощупь.

Матрас…

Я лежал на кровати.

Ощупью я продолжил исследовать пространство вокруг себя. Матрас, похоже, лежал в деревянной мебельной коробке. Я попытался встать. Невозможно. Моя левая рука пристегнута наручником к планке на стене.

Я подтянулся на прикованной руке, пытаясь обшарить темное пространство вокруг. Меньше чем в метре от головы рука уперлась в потолок.

Всюду доски.

Гроб?

Доски раскачивались.

Гроб в фургоне старьевщика?

По телу пробежал холодок. Я лежал на кровати совершенно голый. Если не считать привидевшегося мне во сне дефиле призраков перед белой доской, моим последним воспоминанием была ледяная вода канала Изиньи, несущего свои воды в море. Мои спасители, вытащившие меня из воды, когда я уже потерял сознание, позаботились о том, чтобы конфисковать мой протез. Как будто наручников мало…

Изменив положение, я ухитрился сесть на корточки. Ощупывая стену, я нащупал толстую ткань и подсунул под нее руку. Пальцы коснулись холодного стекла. Окно? Экран? Я оттянул ткань, и в помещение потек слабый свет. Я сразу все понял.

За стеклом плескалась вода.

Я заперт в каюте судна!

Через иллюминатор сочился свет половинки луны, значит, время ночное; однако в дверь постучали.

Посетитель не стал ждать, когда я приглашу его войти. Он повернул выключатель и закрыл за собой дверь. Неоновый свет, ударивший с потолка, ослепил меня. В светящемся белом ореоле передо мной предстал капитан Пироз. В руках он держал бутылку кальвадоса, два маленьких стаканчика и скрученный в трубочку и перевязанный красной ленточкой листок бумаги.

— Подарок, — приглушенным голосом произнес Пироз.

Я без слов понял, что его ночной визит носит подпольный характер. Он без стеснения разглядывал мое обнаженное тело, вытянувшееся на кровати, затем с отвращением уставился на мою култышку.

— Что за дурацкая идея — прыгать в канал! Черт возьми, нам пришлось немало поплавать, чтобы вытащить тебя на берег. Температура воды в канале вряд ли была выше десяти градусов. Надеюсь, ты нас простишь, что мы сняли с тебя одежду без твоего разрешения. Это была вынужденная мера, иначе ты бы сдох от гипотермии…

Я скорчился, пытаясь скрыть под культей свой пенис.

— Надо сказать, Алина немного перестаралась со стилноксом, когда сыпала его в термос с кофе.

— Алина?

— Ну да… Ты наверняка ее помнишь. Хорошенькая рыжая девушка, без колебаний бросившаяся на шею инвалиду. Хотя тебе она, скорее, известна под именем Мона.

Мона. Алина. Призраки «Больших Карьеров» вновь возникли передо мной. Туманные, размытые. Звон церковного колокола смешался с тявканьем ши-тцу. Конечно, это действие подсыпанного в кофе снотворного. Я с усилием отогнал призраков, чтобы сосредоточиться на текущем моменте.

— Где я?

— Полагаю, ты догадался. На яхте *«Параме»,* голландский куттер, восстановленный в Бретани. Сейчас нет еще и пяти утра; когда мы тебя выловили, мы сразу отдали швартовые и вышли из Изиньи.

Сделав паузу, он поставил бутылку и стаканчики на изголовье кушетки, затем, не дожидаясь моего вопроса, уточнил:

— Направление Сен-Маркуф! Надеюсь, за последние дни ты узнал о существовании этого дерьмового архипелага, единственных островов, торчащих из моря между полуостровом Котантен и бельгийской границей. Уверяю тебя, расстояние от берега невелико, вряд ли больше семи километров, но мы не торопимся, чтобы не прибыть раньше, чем начнет светать.

Я тщетно искал глазами какую-нибудь простынку, чтобы прикрыться.

— Какой черт несет нас на Сен-Маркуф? — отрывисто бросил я.

Пироз медленно налил кальвадос в оба стаканчика.

— Полагаю, это будет нечто вроде процесса. Допрос, показания свидетелей, следствие, приговор. Но, думается мне, они ускорят процедуру. Их цель — завершить все до начала прилива.

— Кто эти «они»?

Капитан ладонью загнал пробку в бутылку и посмотрел на меня.

— Так ты еще ничего не понял? Только что тебе показали видеоролик, чтобы ты расставил точки над «i», а также над другими буквами. Тебе в уши заправили наушники и подсунули под нос экран, но, похоже, ты все еще в отключке. Проще говоря, ты имеешь дело с актерами из труппы под названием «Красная нить», это тебе что-нибудь говорит? Одни сыграли самих себя, другие — персонажей, взявшихся ниоткуда, но у всех была единственная цель: заловить тебя в западню, голубчик ты мой!

Загнать меня в ловушку!

В голове вновь всплыли события трех последних дней. Совпадения, отсутствие логики, противоречивые свидетельства…

— Как считаешь, удачный кастинг? — не умолкал Пироз. — Кармен и Осеан Аврил сыграли самих себя. Логично, можно было держать пари, что ты попытаешься встретиться с ними. Малышке Алине достался самый трудный персонаж, роль Моны, девицы отнюдь не неприступной, находящейся проездом в Ипоре. Согласно сценарию ей следовало тебя обольстить и в случае необходимости лечь с тобой в постель… Могу тебе признаться, это я выдумал, предложил запудрить тебе мозги историей про кремний в гальке. Год назад у известного профессора молекулярной химии Мартена Денена вскрыли виллу в Вокотте. Я вел дело, мы прониклись симпатией друг к другу, я узнал, что в свое время он интересовался

делом Морганы Аврил. Он оставил мне связку ключей, чтобы я время от времени наведывался в его летний дом. Это позволило нам предоставить тебе нору, даже не спрашивая разрешения у профессора, ибо он никогда не приезжает сюда зимой.

Мона никогда не занималась научными исследованиями.

Мона не существовала…

Она всего лишь аватар, собирательный образ, сыгранный девушкой, старательно выучившей свою роль.

Пироз с садистским видом взирал на мое замешательство и продолжал:

— Три другие роли не предполагали столь тесной близости. Бедный Фредерик Мескилек, жених Миртий Камю, примерил костюм первого свидетеля, депрессивного Кристиана Ле Медефа. Бабушка Миртий, бабуля Ниндзя, сыграла второго свидетеля, Денизу Жубан с песиком Рональдом под мышкой, тем самым, которого она унаследовала после смерти Луизы и Шарля Камю. Должен тебе сказать, труднее всего было уговорить последнего актера, Жильбера Аврил, брата Кармен. Но кому-то непременно надо было сыграть роль жандарма, моего помощника. Нельзя сказать, что этот болван исполнил ее с блеском.

Как только Пироз завершил перечисление участников спектакля, я немедленно, не задумываясь, не пытаясь перебрать в голове все те знаки, которые я попросту не заметил, спросил:

— К чему весь этот собачий цирк? Только для того, чтобы показать его мне?

Жандарм протянул мне стаканчик кальвадоса. Я с подозрением понюхал его.

— Организация «Красная нить» потратила тысячи часов на разработку версии двойного убийства и наконец вычислила единственного субъекта, который присутствовал в субботу, 5 июня 2004 года в Ипоре и в четверг, 26 августа, в Изиньи-сюр-Мер. Спустя несколько лет, а точнее, в 2011-м, после ознакомления с показаниями сотен свидетелей из шляпы вытащили имя. Твое, голубчик ты мой! Джамал Салауи. В ночь на 5 июня ты снимал комнату в гостевом доме в Каике, а 26 августа провел день в Гранкам-Мэзи, в парусном лагере от досугового центра агломерации Плен-Коммюн. Что и требовалось доказать, Джамал. Ты убийца…

Я вздохнул с облегчением. Огромная тяжесть, лежавшая на моей совести, растаяла без следа.

Весь этот абсурдный спектакль построен на недоразумении!

В тот момент я решил не говорить Пирозу, что до этой недели я никогда не бывал в Ипоре, что бронь на комнату в гостевом доме я отменил, потому что девушка, с которой я намеревался провести уик-энд, обманула меня, так что я всего лишь проездил туда-сюда, из Клеси в Гранкам, не заезжая в Изиньи, и даже не слышал разговоров об убийстве Миртий Камю.

— Однако та еще компания психов! — присвистнул я. — Но вы-то, Пироз, что заставило вас принять участие в этом маскараде?

Капитан опустошил свой стаканчик кальвадоса и улыбнулся.

— Полагаю, ты не сомневаешься, что идея принадлежит Кармен Аврил. Это она убедила всех участников. Поставь себя хотя бы на миг на их место. Ты единственный, кто подходит на кандидатуру убийцы, но против тебя нет никаких улик, кроме присутствия в соответствующие дни в районе мест преступления. Этого недостаточно, чтобы заставить судью Лагарда возобновить дело, срок давности которого вот-вот истечет; я пытался,

можешь мне поверить. Хуже всего, что к роковому десятилетию в деле не было никаких новых подвижек, следовательно, его сдадут в архив…

Поставь себя на их место…

Пироз не причислял себя к этой компании. У меня сложилось впечатление, что капитан не разделял убеждения членов общества «Красная нить». Но я хотел получить подтверждение.

— Вы мне не ответили, Пироз. С чего вдруг национальная жандармерия участвует в бредовых постановках, чтобы задержать подозреваемого?

Перевернув стаканчик, Пироз вытряхнул в рот последнюю каплю алкоголя.

— Вначале, Джамал, все было не столь драматично. Речь шла только о том, чтобы вытащить тебя в Ипор и создать тебе такие условия, чтобы твоя память воскресила некоторые воспоминания. Спектакль был рассчитан на один день и имел две четкие цели, по одной на каждый твой визит в жандармерию. В первый визит надо было получить образец твоей ДНК, твоей спермы, твоей крови, твоих ногтей и волос с задницы. Во второй визит, то есть на следующий день, загнать тебя в угол и заставить признаться в совершении двух преступлений. На этом спектакль завершался. Генетические доказательства и признания! Мы не предусмотрели, что ты, сволочь поганая, разобьешь мою модель «Рождественской звезды» об мою голову и смоешься подальше от города. С этого момента, чтобы сохранить превосходство, нам пришлось импровизировать, иначе говоря, довести тебя до психушки.

Если он ждал, что я попрошу прощения за его кретинский макет, пусть утрется. Я поставил стаканчик кальвадоса на изголовье.

— Выпей, мальчик мой, — посоветовал мне Пироз. — Ты промерз. А то еще помрешь.

— Ничего, я живучий! Раз уж вы взяли образцы моей спермы и всего прочего, полагаю, у вас нашлось время сравнить мои данные с данными убийцы с красным шарфом? — Я изо всех сил старался говорить с иронией в голосе. — Полагаю, сейчас вы сообщите мне, что моя сперма совпадает со спермой насильника, которого разыскивают десять лет. Иначе вы все будете выглядеть идиотами. Так стараться, а все впустую.

Пироз насмешливо глядел на меня.

— В одном, по крайней мере, ты прав, мой мальчик, результаты у меня есть…

Он помахал перед моим носом свернутой в трубочку бумагой и обвязанной ленточкой цвета фуксии.

— Главное доказательство. Пятьдесят на пятьдесят. Твоя свобода — или пожизненное… Но чтобы получить окончательный ответ, надо немного подождать.

У меня возникло то же чувство, что и несколько минут назад. Пироз, похоже, верил в мою невиновность. Или играл со мной, как кот с мышью.

Он снова налил себе кальвадосу.

— Сначала я отвечу на твой вопрос, тот, что ты задал раньше. Почему, будучи полицейским, я согласился принять участие в этом маскараде и даже вызвал тебя в жандармерию, хотя никто из моих коллег не знал, зачем ты туда явился. Прежде всего, должен сказать тебе, Салауи, что через три месяца я выхожу в отставку, так что сам понимаешь, порицание со стороны начальства и тому подобная дребедень меня больше не волнует. Спектакль увлек меня. Почти десять лет я расследую это дело о двойном убийстве, и надо признать, кроме идиотской идеи Кармен вытащить тебя и оказать на тебя давление, чтобы ты раскололся, у меня не было никаких соображений, способных убедить Лагарда официально возобновить расследование и привлечь тебя в качестве свидетеля.

У меня сжались кулаки.

— Черта с два! Надо было лишь попросить меня. Кто вам сказал, что я бы не согласился? Я не насиловал этих девушек! Я сдал вам анализ крови и спермы, так что можно было обойтись без ваших глупостей. Тем более я уверен, что показания, полученные столь замысловатым способом, в глазах судьи не имеют никакого значения.

Пироз смотрел на меня так, словно моя проницательность произвела на него неизгладимое впечатление.

— Ты прав, голубчик, не имеют никакого значения с точки зрения закона. Ты совершенно прав. На самом деле, я согласился участвовать в этом хреновом спектакле, поставленном Кармен Аврил, совершенно по другой причине, той, которая известна только мне. — Он поднял свой стаканчик. — А что касается результата анализа твоей ДНК, тебе надо чуточку подождать, пока я его тебе сообщу. Давай, твое здоровье!

39
Как считаешь, удачный кастинг?

Он опустошил второй стаканчик кальвадоса. Не задумываясь, я схватил свой стаканчик и последовал его примеру. Горлодер обжег нёбо. Я вытер сбегавшие по вискам холодные капли пота и произнес как можно выразительнее и громче:

— Итак, Пироз, подводя итоги, я вынужден признать, что вы держали меня под контролем. Мона следила за мной и подбрасывала коричневые конверты, где в гомеопатических дозах излагались подробности дела Аврил–Камю. Фредерик Мескилек и бабуля Ниндзя играли в прятки, заставляя меня во всем сомневаться. Вы создали персонаж Магали Варрон, придумали и разместили в Интернете подробности ее биографии, поразительным образом совпадавшие с биографией Морганы Аврил, чтобы я в конце концов начал путать этих женщин. Но…

Внезапно я изо всех сил сжал стаканчик. Передо мной предстал образ распростершейся на камнях Ипора девушки с опухшим лицом и обмотанной красным шарфом шеей.

— Но, черт возьми, Пироз, кто же тогда прыгнул в пропасть три дня назад? Кто умер в то утро?

— Никто, Салауи.

— Не надо держать меня за дурака. Я был там! Она прыгнула с обрыва на моих глазах.

Пироз аккуратно поставил свой стаканчик.

— Салауи, ты видел фильм Хичкока «Головокружение»?

Вместо ответа я покачал головой.

— Так вот, «Головокружение» — это история частного детектива, нанявшегося следить за женой своего друга. Она постоянно пытается совершить самоубийство и в конце концов убивает себя, бросившись вниз с высокой башни. По крайней мере, детектив так считает. На самом деле это фуфло, все подстроено мужем, она выбросила вместо себя манекен. Детектив, которого выбрали из-за того, что он боится высоты, не мог непосредственно видеть прыжок красотки…

— Какое отношение фильм имеет ко мне?

— Твоя деревянная нога, кретин! Из-за нее ты не мог подойти к краю обрыва и увидеть, как тело Магали Варрон разбивается о прибрежные камни. Особенно утром, по ковру из заледеневшей травы. В сущности, отсюда и родилась сумасшедшая идея Кармен, ее цепочка ассоциаций: обрывистый берег, дурацкая искусственная нога…

— Я видел, как она прыгнула вниз. А потом видел ее окровавленное тело на пляже…

— Потом… Будь точен, Салауи. Через сорок семь секунд, если быть точным! Время, которое требуется, чтобы добежать до казино по улице Жан-Эли и спуститься по лестнице к морю. Время засекали десятки раз, для тебя быстрее добраться до пляжа невозможно. Оказавшись внизу, два свидетеля, в искренности которых у тебя оснований сомневаться не было, подтвердили, что видели, как тело Магали Варрон разбилось о прибрежные камни.

Я смотрел на Пироза и по-прежнему ничего не понимал. Он сильно вспотел. Похоже, он не слишком хорошо себя чувствовал. У меня создалось впечатление, что он хочет налить себе третий стаканчик, но не решается.

— Если я не совсем идиот, то, полагаю, роль Магали Варрон исполнила Осеан Аврил Но, Пироз, одна деталь по-прежнему от меня ускользает, совсем крохотная деталь. Если все

это подстроено, как Осеан удалось спокойно улечься на пляже? Может, у нее выросли крылья?

— Осеан — настоящая оторва! Красива до безумия. Спортивная. А главное, решительная. Горит желанием отомстить за сестру-близнеца. Как только год назад план созрел, она начала тренировки.

При упоминании о свойствах характера Осеан странное тепло разлилось по всему моему телу. «Девушка моей мечты, — снова вспомнил я. — Ангел, способный летать».

Я убедил себя пойти в наступление на Пироза.

— Какие еще, к дьяволу, тренировки?

— Бейсджампинг. Во Франции федерация насчитывает несколько сотен человек, а всего в мире их несколько тысяч. Чтобы тебе стало понятнее, бейсджампинг заключается в умении совершать короткие прыжки с фиксированных объектов. С края пропасти. С высотного здания. С церковной колокольни. Со скалы. Разве в твоем предместье этим не развлекались?

Я ничего не ответил, только покачал головой.

— Если хочешь узнать поподробнее, Салауи, скажу, что бейс-джамперы могут прыгать с высоты минимум пятьдесят метров. Прибрежные скалы в Ипоре высотой примерно сто двадцать метров. Следовательно, сам видишь, даже не будучи профессиональным бейсером, Осеан не слишком рисковала.

— Я собственными глазами видел, как она прыгнула с обрыва, — повторил я. — С красным шарфом в руке. В разорванном платье…

— Преимущество бейсджампинга. При прыжке используется вытяжной парашют, маленький и круглый, который убирается в маленькую сумочку на липучке. На их жаргоне она называется хвостовой карман. Сумочка, принимающая форму спины, толщиной менее десяти сантиметров. Очень впечатляет, под курткой или пальто ее не видно вовсе.

— А под разодранным платьем? — едва слышно спросил я.

— Молодец, мой мальчик! Платье, которое, как ты подумал, разорвал впопыхах насильник, потребовало от нас многочасовой работы. Надо было сообразить, каким образом сексуальное платье скроет то, что нужно, а именно крепежные ремешки, опутывавшие тело и проходившие под бедрами и под мышками, а также хвостовой карман на спине, который должен был выпустить парашют, как только Осеан прыгнет и дернет за лохмотья своего платья. Осеан превосходная актриса… она сумела отвлечь твое внимание. Согласен?

Я не ответил. Я не мог поверить. Не мог принять столь невероятную истину.

Спустя время, когда вся эта история окончилась, я проверил. Я посмотрел на YouTube сотни роликов бейсеров. Целую ночь, словно завороженный, я смотрел, как эти отчаянные безумцы во всех концах света развлекаются, прыгая в пустоту с самых невероятных точек — с соборов, с мостов, с телевышек. Я прошерстил все сайты, посвященные снаряжению. Пироз ничего не придумал. Хвостовой карман можно купить по Интернету, и он, действительно, занимает места меньше, чем дамская сумка, и крепится на спину.

— Падение длится менее четырех секунд, — продолжал Пироз. — Ты, возможно, заметил, что известняковое основание скалистого берега пронизано пустотами, более или менее широкими гротами, вполне достаточными, чтобы там спрятаться. Даже толстой Кармен! Сорока семи секунд больше чем достаточно, чтобы она загримировала лицо Осеан кровавыми следами и, забрав с собой хвостовой карман, снова спряталась в одном из ближайших гротов.

Я вспомнил, с какой ужасающей быстротой я мчался к пляжу. Я добежал до тела раньше, чем Кристиан Ле Медеф и Дениза Жубан. К распластавшемуся на камнях трупу.

— Осеан сыграла мертвяка? Черт, как же ей удалось выдержать столько времени? Мы ждали вас больше десяти минут, пока вы парковали полицейский микроавтобус.

Пироз не удержался и налил себе третий стаканчик.

— Вспомни, Салауи. В то утро стоял собачий холод. А что прежде всего сделала Жанин, то есть для тебя Дениза Как-ее-там?

Я стал вспоминать. Точно. Какой же я идиот, что не обратил на это внимания!

Пироз торжествовал.

— Она попросила у тебя толстовку, чтобы прикрыть лицо и тело Осеан! Чтобы она спокойно дышала, пока ты дрожал от холода!

Словно желая продлить удовольствие, Пироз омочил губы в кальвадосе.

— Мы не предусмотрели только одну деталь, а именно — что тебе придет в голову бросить Осеан красный шарф, который мы заботливо прицепили на твоем пути. Пришлось импровизировать. Осеан прыгнула вместе с шарфом. Чтобы добавить еще немного перчика нашей мизансцене, Кармен решила обмотать его вокруг шеи дочери. Уверен, тебе пришлось основательно поломать голову!

— Кучка психов!

Пироз расхохотался.

— Я рад, что ты все правильно понимаешь!

Пока он смаковал кальвадос, не решаясь проглотить его одним махом, я разглядывал свернутый в трубочку лист.

Сравнение моего генетического профиля с профилем двойного убийцы.

Доказательство моей невиновности, сводящее на нет весь этот бред. Конечно, если Пироз не подделал его, как и все остальное.

— Вы напрасно затратили столько усилий, — бодро заявил я. — Со всем уважением, с коим я отношусь к горю этих лицемеров из организации «Красная нить», среди которых хочу особо выделить мерзавку Мону, или Алину, как вам будет угодно, я заявляю, что вы поставили не на ту лошадку. Я не убийца. Очень жаль… Надеюсь, вы передадите мои слова?

Я протянул руку, давая понять Пирозу, что жду от него ключа от наручника, которым прикована к стене моя правая рука.

— Кажется, ты не понял, Салауи. Насильник ты или нет, им наплевать. Им нужен виновный!

По моему обнаженному телу пробежала дрожь, от спины до отрезанного колена.

Хреново. Что еще придет в голову этим психопатам?

— Сначала они заставят тебя признаться. Потом они тебя казнят. Они десять лет ждут этого момента. Десять лет Кармен Аврил мечтает отрезать яйца тому, кто изнасиловал ее любимую девочку. Десять лет она делает все, чтобы горечь утраты Осеан становилась еще острее. Десять лет Фредерик Мескилек, словно кастрюля-скороварка, подогревает свою ненависть, чтобы наконец взорваться и выплеснуть ее. Десять лет он мечтает наплевать на все христианские принципы и собственными руками задушить убийцу своей невесты.

— Это кретинизм, Пироз! Я невиновен!

Пироз тихо поднес свой стаканчик к моему. Этот идиот хотел чокнуться со мной! Я не пошевелился. Нисколько не обидевшись, он, резко закинул голову, одним махом опустошил стаканчик и застыл в этой позе.

— Я знаю, — наконец промолвил он.

Меня словно током ударило.

Он знает?

Что он знает?

Что я не виновен!

Капитан жандармерии медленно развязал ленточку, обвязывавшую свернутый в трубочку листок, и протянул бумагу мне.

— Тебе подарок, Салауи. Признаюсь, я бы не обрадовался, если бы ты оказался убийцей. Дебильный араб с одной ногой — это многое упрощает. Но я обязан признать очевидное: твоя ДНК не соответствует ДНК убийцы с красным шарфом. Ты, голубчик мой, не убийца.

Я лихорадочно схватил листок и вгляделся в бесконечные сочетания трех букв, похожих на те, что я видел в деле Морганы Аврил и Магали Варрон. В этот раз у Пироза нет никаких оснований лгать мне. Я облегченно вздохнул и устремил взор в иллюминатор, где уходящая ночь позволяла видеть море.

— Как давно вы это узнали?

— Вчера после полудня. Около семнадцати часов…

Я рассвирепел.

— Тогда к чему этот бардак, если вы получили доказательства моей невиновности? Кретинская перестрелка возле бывшего вокзала в Иф? Гиньоль в «Больших Карьерах» рядом с Изиньи? Какого хрена мы плывем на Сен-Маркуф?

Пироз забрал у меня листок с результатами экспертизы и снова свернул его в трубочку.

— Тише, Салауи. Радуйся. Силы правопорядка на твоей стороне. Они знают, что ты не виновен. Они тебя защищают. Тебе больше нечего бояться.

Я дернул рукой в наручнике.

— Тогда освободите меня, уроды…

— Я же сказал: спокойно. Честно говоря, результат меня не удивил. Но я никогда не скажу этого в присутствии Кармен Аврил, не хочу, чтобы она выцарапала мне глаза. Я никогда не верил в ее версию двойного убийцы, по крайней мере, не верил, что твое присутствие в те дни в Ипоре и в Изиньи является бесспорным доказательством, что ты убийца. С тех пор как мне поручили это дело, я разрабатывал другую версию. Это, знаешь ли, моя личная версия… более сложная.

— Валяйте выкладывайте, перед нами вся ночь.

— И все время утреннего прилива. Впрочем, сам увидишь. Чтобы не быть многословным, скажу лишь, когда Кармен Аврил уговорила всех членов общества «Красная нить» сыграть свои роли, чтобы загнать тебя в угол, она привлекла к своей бредовой затее и меня. Собственно, я сам ухватился за подвернувшуюся возможность.

— Не крутите вокруг да около, Пироз.

Капитан закашлялся. Похоже, он чувствовал себя неважно.

— Ты еще не понял? Объясняю. Я использовал тебя как приманку! Принял участие в спектакле, чтобы отвлечь их внимание. Потому что…

Пироз опять закашлялся. Я вспомнил содержание коричневых конвертов, последние этапы расследования, сомнения Моны-Алины. Миртий Камю знала своего насильника. Она и Моргана Аврил стали жертвами одного поклонника. У них было с ним свидание…

— Потому что вам удалось установить личность настоящего преступника? — едва ли не

выкрикнув, спросил я.

Пироз знаком велел мне сбавить тон. Я продолжил, но, кажется, почти столь же громко.

— Я его знаю? Полиция проверила генетические отпечатки всех знакомых Морганы Аврил и Миртий Камю. Среди них не могло быть убийцы!

Я перевел дух и тут же спросил:

— При чем здесь эта хренова дилемма заключенного? Она как-то связана с этим бардаком?

Пироз загадочно улыбнулся.

— Через несколько часов ты все узнаешь, Салауи. Все предусмотрено. Все готово. Доверься мне. Прошу тебя лишь об одном: играй в их игру! В последние дни они постоянно обводили тебя вокруг пальца, так почему бы и тебе немного не поломать комедию? Только пока не говори никому о нашем разговоре. Пока никто не в курсе. Твоя невиновность должна оставаться тайной еще несколько часов. Это единственный способ заставить убийцу выдать себя.

— Достали вы меня с вашими идиотскими играми.

Открыв бутылку кальвадоса, Пироз налил себе четвертый стаканчик.

— За твое здоровье, Салауи. Через несколько часов все будет кончено. Ты будешь бел как снег. И сможешь отчалить куда угодно со своей ненаглядной Алиной.

Он взял стоявший на изголовье стаканчик и протянул мне, но я даже не подумал взять его. Пироз пожал плечами.

— Она запала на тебя, голубчик. Чем чаще она виделась с тобой, тем меньше она верила в твою виновность. Запомни хорошенько мой совет, Салауи. На этом корабле мы с ней — твои единственные союзники.

Мона?

Моя единственная союзница?

В эту минуту я испытывал к мышке-притворщице самое глубокое презрение.

Обман. Предательство. Разочарование.

Как могла Офели поставить ей 21 из 20?

«Не бросай ее, это женщина всей твоей жизни».

Женщина всей моей жизни?

Моя единственная союзница?

Я не знал, ошиблась ли Офели, ошибся ли Пироз.

Когда капитан, пошатываясь, покинул каюту, забрав с собой экспертизу, бутылку и оба стаканчика, я почувствовал, как меня обволакивает сильный жар, словно деревянная обшивка каюты превратилась в стены сауны; я задыхался. Странно, я вдруг вспомнил день, когда на крыше спортивной площадки при школе «Луиза-Мишель» я выкурил свой первый косячок с наркотой. В тот день я словно с цепи сорвался, сбросил с себя весь груз, пригибавший меня к земле.

Все к черту!

Я почувствовал облегчение. Я не виновен. У фликов есть доказательства.

Мне оставалось только сказать «прощай» тесной компании психов, которые чуть не свели меня с ума.

За исключением, быть может, Осеан…

40
Играй в их игру?

Меня разбудили крики чаек и буревестников — словно тысячи морских птиц через социальные сети сговорились собраться, чтобы приветствовать прибытие «Параме» на Сен-Маркуф. Занимался день. Красный глаз робкого солнца, направленный в самый центр иллюминатора, омывали слезы пены.

Внезапно деревянные стены каюты содрогнулись. Раздались людские крики. Я понял, что яхта «Параме» причалила к берегу. В следующее мгновение дверь каюты распахнулась с такой силой, что едва не слетела с петель. Я узнал величественную фигуру Кармен Аврил. На ней был широкий непромокаемый плащ лилового цвета.

— Час настал! — воскликнула она.

С отвращением разглядывая мое обнаженное тело, она задержала взгляд на культе левой ноги. Так смотрят на монстра. На существо искалеченное и извращенное. С такой смесью восторга и ненависти, возбужденной созерцанием моего увечья, я сталкивался крайне редко.

Убийца ее дорогой дочери. Она уверена, что разглядывает убийцу.

Я демонстративно вытянулся на кровати, перестав скрывать между бедрами пенис.

Я невиновен! Жандармы на моей стороне, а не на ее.

— Надень вот это, — с отвращением произнесла Кармен, бросив на кровать скомканные шмотки.

Одновременно она извлекла из-за спины железный прут и ткнула им в мою сторону. Прут напоминал кочергу, только длиннее и толще, добрых два сантиметра в диаметре и длиной не менее метра.

Я инстинктивно отшатнулся в глубь алькова. Я невиновен, однако прикован наручником к стене, обнажен и беззащитен перед лицом психопатки, в течение десяти лет вынашивавшей план мести. Кармен Аврил приблизила прут ко мне, направляя прямо мне в лицо.

Время остановилось. Начиналась бесконечность.

Наконец она бросила прут, и тот с дребезжанием упал на пол.

— Это тебе вместо костыля.

Не сказав больше ни слова, она положила на изголовье кровати маленький ключ, видимо, от наручников, и вышла из каюты.

Как только я облачился в неопреновый комбинезон, брошенный мне Кармен, и ступил на палубу «Параме», как, видимо, поджидавший меня Фредерик Мескилек тотчас спустился в трюм. Я не успел ни обругать их, ни заорать, как подло с их стороны заставлять меня прыгать на одной ноге по лестнице, как трудно с одной ногой сохранять равновесие на борту, помогая себе лишь дурацким металлическим прутом. Фредерик Мескилек уже поднялся наверх и, держа в руках наручники, сделал мне знак протянуть руки.

Мескилек… Ублюдок Атаракс! За десять лет он здорово поистрепался, тот еще Шишин, кумир девчонок-подростков…

Я вспомнил советы Пироза.

Все предусмотрено.

Все готово.

Играй в их игру.

Я выпустил железный прут и вытянул руки. Допрыгал до сундука, служившего скамейкой, и сел.

Обе руки скованы, нога одна. Они что, действительно, считают, что я могу вплавь достичь берега?

«Параме» пристала к острову Ларж, одному из двух островков архипелага Сен-Маркуф. Островок площадью сто пятьдесят метров на восемьдесят, по сути, представлял собой крепость, построенную посреди моря. Я тотчас вспомнил телеигру *«Форт Боярд»*. Я следил за участниками игры и вместе с ними переживал свои первые детские страхи и фантазмы. Я помнил карликов, тигров, пауков, старлеток с соблазнительно глубокими вырезами спортивных маек.

Центральная часть форта Сен-Маркуф напоминала Колизей со сторожевой дорожкой поверху. Цитадель окружали рвы с водой и толстая кирпичная стена, сплошь поросшая водорослями и мхом. Во время прилива море затопляло значительную часть укрепления. И только причал, куда подплыла «Параме», похоже, был построен недавно.

Передо мной возникла Кармен.

— Не рассчитывай на спасателей, Салауи. Из соображений безопасности заходить на остров Ларж запрещено уже несколько лет. Разрешение есть только у членов общества, которое проводит реставрационные работы в форте. Но зимой добровольцы обычно не работают… А яхты не плавают по Ла-Маншу.

Я промолчал. На столике, вытащенном на палубу, стояли чашки, термос с кофе и тарелка с выпечкой. Взяв кофе и круассан, Фредерик Мескилек повернулся ко мне.

— Чашку кофе? — спросил он; в голосе его не слышалось ни ненависти, ни симпатии.

Похоже, ему очень просто играть своего персонажа, ибо, судя по его лицу, он пребывает в депрессии, как и Крис Ле Медеф.

— Нет, спасибо, — ответил я достаточно громко, чтобы меня услышала Мона. — Сколько времени мне понадобится, чтобы начать звать ее Алиной? — Последний кофе, который я пил, до сих пор сидит у меня в печенках.

Мона не шелохнулась.

Она стояла на носу, развернутом к другому островку, острову Терр. Распущенные рыжие волосы яростно хлестали ее по лицу, покрасневшему от холода; в уголках ее опухших глаз засохли несколько слезинок. Рядом с ней, слева на палубе, держась одной рукой за поручень, а другой прижимая к себе ши-тцу, расположилась Дениза Жубан. Арнольд спешно расправлялся с кусочком булочки с шоколадом, словно она могла удрать от него.

За стеклом рулевой рубки возвышался Жильбер Аврил, наблюдавший за работой навигационных приборов.

«Самый худший актер во всей труппе», — подумал я. Даже во время пути длиной в семь километров, даже причалив к острову, даже в спокойную погоду он наверняка найдет множество причин, чтобы не покидать рубку, предоставив остальным делать грязную работу.

Кармен прошла мимо меня; пытаясь согреть пальцы, налила себе чашку кофе, потом подошла к Осеан и одарила ее лучезарной улыбкой.

Союз двух женщин, после стольких лет наконец добившихся своего.

Вознаграждение. Апофеоз.

В пальцах, выглядывавших из малиновых митенок, Осеан держала сигарету. С помощью

яркой заколки-краба она заколола откинутые назад волосы. Такая прическа увеличивала ее лицо, ее темные глаза и придавала ей элегантность американской актрисы. Красавица на палубе трансатлантического лайнера, отплывшая из Нью-Йорка на завоевание Парижа. В отличие от других, она не избегала моего взгляда. Наоборот, она пристально смотрела на меня, время от времени позволяя морскому ветру швырять мне в лицо дым от ее сигареты.

Легкий налет таинственности. Я без рук, без ноги, однако побежденным себя не чувствую.

Невиновен!

Осеан рассматривала меня. Я ей интересен. Она задавала себе вопросы. В сущности, мне выпала удача. Если бы не ее презрение, не это кретинское недоразумение, такая роскошная девушка вряд ли когда-нибудь положила бы на меня глаз.

«Все предусмотрено, — сказал Пироз. — *Все готово.*

Играй в их игру».

Старый пьяница Пироз — единственный, кто не поднялся на палубу. Сидит и наверняка потягивает кальвадос, ожидая, когда настанет время извлечь из рукава новую версию.

За спиной у меня раздался строгий голос Фредерика Мескилека:

— С завтраком покончено?

Кармен поставила чашку на стол.

— Ты прав, не будем терять время, уже два часа как начался прилив.

Я не понял, как соотносится прилив с завтраком.

— Алина, — приказала Кармен, — ослабь швартовые.

Мона механически выполнила приказ: медленно выпростав руки, подтянула оранжевые буйки, качавшиеся на волнах между «Параме» и причалом острова Ларж. Во время маневра Дениза унесла Арнольда.

— Которое? — спросила Кармен, сверля взором кирпичную стену.

— Третье сверху, — ответил Фредерик Мескилек, глядя в одном с ней направлении.

Третье что?

На крепостной стене я видел только слизистые водоросли, некоторые уже смыло море, некоторые только через несколько минут окажутся под водой.

— Наименее ржавое, — уточнила Кармен, вытягивая палец.

Палец указывал на медное кольцо, вделанное в крепостную стену, примерно в метре высоты от нынешнего уровня моря, но на пятьдесят сантиметров ниже его максимального уровня, о чем можно судить по влажному мху. Я тотчас понял, почему они дали мне неопреновый комбинезон…

Они намеревались привязать меня к этому кольцу! И ждать прилива. Под неопреновым комбинезоном по телу у меня заструился едкий пот.

Какова их цель? Заставить меня признаться в преступлениях, которые я не совершал? Вырвать признание, а потом сдать полиции? Или, следуя неведомой мне логике, оставить подыхать здесь?

Я вспомнил слова Пироза:

«Все предусмотрено. Все готово».

Я молился, чтобы капитан жандармерии не ошибся.

Этот говнюк Пироз часто казался непроспавшимся.

Одним щелчком отправив окурок в море, Осеан продолжила сверлить меня взглядом. Непостижимым…

Ко мне подошла Кармен.

— Думаю, ты все понял, Салауи. Море поднимается примерно на сантиметр в минуту… У тебя чуть больше часа, чтобы рассказать нам о своих преступлениях.

Я проглотил слюну.

«Играй в их игру».

О'кей, Пироз, у меня нет выбора, но ты поторапливайся.

— А потом? — спросил я.

— Ты хочешь, чтобы я ознакомила тебя с распорядком дня? В конце заседания жюри присяжных вынесет решение. Беспристрастное жюри, так что в твоих интересах говорить убедительно.

«Играй в их игру».

— Вы все больные, — сплюнул я.

Кармен стоически выдержала мою выходку.

— Сходи за Пирозом! — крикнула она Фредерику. — Нам понадобится еще один мужчина, чтобы бросить Салауи в воду. Жильбер отказывается пачкать руки.

Жильбер Аврил не ответил. Наверное, он не расслышал реплики сестры, ее заглушили крики чаек, рассевшихся на капитанской рубке.

Фредерик исчез в трюме. Мона по-прежнему сжимала в руках облепленные морской пеной тросы. Сжимала до посинения. Скудное утреннее солнце постепенно выплывало из-за перины облаков. Температура на улице не превышала пяти градусов выше нуля. Температуру воды даже страшно себе представить.

Осеан закурила следующую сигарету. Кармен опустошила вторую чашку кофе.

— Где застрял этот идиот? — проворчала она; слова ее явно относились к Мескилеку, который должен был бы уже вернуться на палубу.

Наконец на лестнице послышались шаги. Лицо Фредерика Мескилека выражало растерянность и недоумение.

— Пироза нет в каюте, — произнес он.

Подо мной отверзлась пропасть. Видимо, судьба все же решила пришпилить меня к стене и теперь голосами сотен чаек насмехалась надо мной.

— А ты хорошо искал? — спросила Кармен. — В сортире? В душе?

Фредерик Мескилек раздраженно отмахнулся.

— Черт возьми, Кармен, — произнес он, теребя дурно выбритый подбородок, — суденышко длиной всего тридцать метров. Так что я утверждаю, что внизу его нет!

Все молчали. Кармен, Осеан, а следом и Дениза спустились вниз. Они обыскали каждый закоулок «Параме».

Безрезультатно.

Капитана жандармерии на яхте не было. Неужели Пироз так напился, что не удержался и упал за борт? А может, он добровольно прыгнул в ледяную воду и на какой-нибудь надувной лодке добрался до берега и отправился за помощью? Или его просто заставили замолчать, потому что он слишком много знал и не был достаточно осторожен?

Пока Жильбер Аврил, подгоняемый Кармен, пересчитывал спасательные жилеты, я снова и снова вспоминал слова Пироза.

«Пока никто не в курсе. Твоя невиновность должна оставаться тайной еще несколько часов.

Пока никто не в курсе».
Чертыхаясь, Жильбер Аврил сложил спасательные жилеты обратно в ящик.
Все жилеты на месте!
Я с ужасом взирал на железное кольцо, вделанное в кирпичную стену.
Море поднялось уже на добрых десять сантиметров.

41
Пока никто не в курсе?

«Волны доставали ему до колен, а старый дурак все шел вперед».

Не знаю, почему мне вдруг вспомнилась эта старая песня Грэма Олрайта, которую мы мальчишками пели в летнем лагере.

Вспомнилась и привязалась.

Один из способов, изобретенных мозгом, чтобы убежать от решения насущных проблем. Честно говоря, вода уже доходила мне до середины бедра. Холода я не чувствовал, неопреновый костюм пока еще защищал меня. Ныли руки, пристегнутые наручниками к кольцу.

За несколько минут я испробовал несколько позиций, цепляясь за кольцо то одной рукой, то другой, то обеими сразу, чтобы распределить тяжесть тела, а не перекладывать ее на одно плечо. Я знал, что, как только вода поднимется и тело мое закачается на волнах, боль, возможно, уйдет.

А потом мучения и вовсе закончатся.

Жильберу Аврил все же пришлось помочь Кармен и Мескилеку спустить меня с яхты и прикрепить наручники к медному кольцу, вделанному в стену укрепления. Он долго отнекивался, попросил у Осеан сигарету, тут же ее выбросил, несколько раз пробормотал сквозь зубы: «Какая дикость», и как только меня приковали к пыточному столбу, вернулся в рубку.

Я не сопротивлялся. Хотя сначала не хотел упрощать им задачу, хотел заорать, упасть на палубу, извиваться, словно червяк, разрезанный надвое… Иначе говоря, к тому, что пришлось пережить, добавить еще и унижение.

Все напрасно…

Их шестеро. У Фредерика Мескилека и Осеан Аврил в карманах револьверы; они специально дали мне возможность заметить их. Я один. Связанный. Мне можно не угрожать оружием, а просто бросить со скованными руками в холодную воду и слушать, как я стану умолять их бросить мне соломинку, чтобы я смог вылезти из воды.

Вода поднималась с точностью швейцарских часов — на сантиметр в минуту. Море было спокойным, что не мешало водной зыби с силой биться об укрепления форта. Морская вода брызгала мне в лицо, соль щипала глаза и губы, но у меня не было ни малейшей возможности вытереть их, чтобы уменьшить раздражение. С каждой ударной волной тело мое приподнималось и припечатывалось к стене, покрытой мокрыми водорослями. Я напоминал подхваченный шквалом ствол, которому суждено болтаться до бесконечности.

По-прежнему опираясь на поручень, Дениза стояла на палубе, держа на руках Арнольда. Четверо других моих мучителей поднялись на бастион и теперь сидели или стояли на недавно отреставрированной стене в пяти метрах от меня. Со своего места я видел только кирпичную стену центральной, самой высокой, постройки цитадели и бегущую поверху караульную тропу; снизу казалось, что она проложена высоко, в затянутом облаками небе.

Моя последняя надежда…

Когда меня привязывали к медному кольцу, я думал, что вряд ли Пироз попытается достичь берега, скорее всего, спрятавшись на острове Ларж, он будет ждать своего часа, чтобы неожиданно появиться, возможно, даже в сопровождении эскадрона жандармов, и

накрыть всю компанию.

Из четверых безумцев из «Красной нити» Мона — я не мог думать о ней как об Алине — находилась дальше всего от меня; она сидела на самом краю бастиона.

Она сама выбрала место?

Мона нервно постукивала ногами по стене; наверное, время тянулось для нее слишком медленно. Разметавшиеся волосы исполняли обязанности «дворников», убирая влагу с ее полных слез глаз. Мескилек, усевшись на корточках рядом с ней, каждые тридцать секунд нервно вскакивал и опять садился. Кармен стоически держалась прямо, ее массивная фигура доминировала над остальными. Она ни разу не присела и отводила взор только для того, чтобы посмотреть на часы.

— Осталось меньше часа, Салауи. Если хочешь, чтобы у жюри было время посовещаться, прежде чем ты изопьешь чашу до дна, советую тебе говорить.

Морская пена хлестнула меня по лицу.

Только Осеан казалась спокойной. Она сидела на корточках, ее ветровка «K-WAY» касалась земли. Глядя на меня без злобы, но и без сострадания, она продолжала курить сигарету за сигаретой. Она смотрела на меня с любопытством ребенка, который видит, как в саду одно насекомое пожирает другое, и не пытается спасти жертву, ибо начинает понимать, что мир жесток.

Потрясающе красива.

— Говорить о чем? — прокричал я между двумя волнами.

Мне никто не ответил. А я-то надеялся, что мне подскажут ответы.

Что за черт, куда делся этот кретин Пироз?

Вода, поднявшаяся еще сантиметров на тридцать, словно обручем, сдавила мне грудь.

«Все предусмотрено. Все готово», — чеканил под черепушкой голос капитана жандармерии.

Но его самого как не было, так и нет.

— Тебе осталось меньше получаса, — напомнила Кармен Аврил.

Время шло слишком быстро. Жульническая клепсидра. *«Форт Боярд»,* версия snuff movie.[12]

Я выплюнул смесь пены и слюны.

— О’кей, сейчас я вам все расскажу!

Мне оставалось слишком мало времени. «Тем хуже для советов Пироза», — подумал я. Я не могу больше ждать. Этот толстый жандарм-алкоголик должен был мне четко сказать, когда высадится кавалерия.

— Вы с самого начала ошибались! — закричал я, перекрывая шум волн. — Я не убивал Моргану и Миртий! Пироз это знает, сегодня ночью он мне все рассказал.

Я тоже рассказал все, даже сообщил о результатах экспертизы ДНК; бумага эта наверняка лежит в каюте Пироза или где-нибудь на корабле, и они, черт бы их побрал, обязаны срочно найти ее!

— Идите поищите, — обратилась Кармен к Осеан и Мескилеку.

Они беспрекословно встали.

Тем временем я продолжал излагать свои доводы. Ипор, где я никогда не был, несмотря на полученную информацию, иначе говоря, на этот чертов заказ комнаты в гостевом доме. И вообще, в этом нормандском захолустье я только и видел, что бетонную церковь в Гранкам-

Мэзи, да и то вечером, и никогда не был ни в «Больших Карьерах», ни на берегах канала Изиньи-сюр-Мер.

Мона ни разу не повернула голову в мою сторону. Она знала эту версию. Волна, превысившая все предыдущие, хлестнула меня по лицу, превратив мои последние аргументы в жуткий глоток соленой воды, который я выплюнул вместе с желчью.

Еще немного — и я сдохну.

Больше я ничего не сказал. Я решил пока не говорить о двойной игре Пироза, о его истинной цели — использовать меня как приманку, чтобы разоблачить преступника.

Интересно, на яхте есть еще кто-нибудь?

«Вода дошла ему до пояса», — звучали в голове строчки Грэма Олрайта.

Через десять минут из трюма выбрались Осеан и Фредерик Мескилек; с пустыми руками.

Ничего. Они все обшарили.

Никаких следов экспертизы ДНК. Пироз исчез, не оставив единственной оправдывавшей меня улики. Некомпетентный идиот!

Глаза щипало, словно их кололи тысячи абразивных кристаллов.

— Послушайте, уроды! — заорал я, вопреки забивавшим горло пене и слюне. — Сегодня ночью Пироз показал мне эту бумажку. Она выдана Региональным отделением службы криминалистического учета в Руане. Позвоните им, детективы хреновы, они вам подтвердят.

Осеан закурила новую сигарету и села. Совершенно безразличная ко всему. Мескилек прошел несколько шагов по брустверу.

— Не пытайтесь тянуть время, Салауи, — сурово произнесла Кармен. — У вас его не так много.

Возможно, минут двадцать…

Максимум.

Вода уже доставала мне до лопаток. Но мое положение стало более сносным: я сумел кое-как расслабить тело, поддерживая его в равновесии на колышущейся воде. А с помощью ампутированной ноги даже сдерживал натиск особенно агрессивных волн. Пытка, изобретенная Кармен и ее друзьями, оказалась невероятно эффективной. Каждый шаг, позволявший поудобнее устроиться на волнах, неумолимо приближал меня к смерти.

Горизонт был отчаянно пуст.

Несколько туч лопнули, и вниз посыпался мелкий дождь. Его послало само Провидение!

Широко открыв рот и распахнув глаза, я лакал струившуюся по лицу пресную воду. На палубе Дениза и дядя Жильбер зашли под навес капитанской рубки, а потом и вовсе скрылись в ее стеклянных затуманившихся от дождя стенах.

Кармен накинула на голову капюшон лилового дождевика. Мескилек открыл черный зонт, который вряд ли мог долго сопротивляться ветру, подошел к Моне и прикрыл ее от дождя. Девушка никак не отреагировала: не отмахнулась, но и не поблагодарила.

Только Осеан не обращала внимания на дождь.

Капли били ее по лицу, смывая тушь с ресниц и фиолетовые тени с век, сбегавшие по щекам цветными дорожками; дорожки попадали в рот и струились дальше. Она выглядела потрясающе, настоящая византийская икона, забытая под дождем, смывшим ее золото и пурпур, чтобы боги могли изобразить на ней новый чудодейственный лик.

Я не сводил с нее глаз. Я чувствовал, что влюбляюсь в нее, как последний дурак. И хотя через несколько минут мне придется сдохнуть, утонуть в море, я испытывал непреодолимое желание, я желал эту девушку, которая наверняка больше, чем кто-либо, жаждала моей смерти. Без сомнения, это был тот самый перенос, который психиатры из клиники «Сент-Антуан» с радостью бы отпрепарировали; бегство в бездну, куда устремилась свихнувшаяся часть моего мозга.

Я подтянулся к кольцу, чтобы хоть на несколько минут приподнять тело над водой, а потом заорал, перекрывая шум волн, чаек и дождя:

— У Пироза другая версия! Он хотел расставить ловушку настоящему убийце!

Мое тело снова оказалось в ледяной воде.

— Убийца не я, — завопил я что было мочи. — Не я!

Последний вдох. Затем я вытолкнул из себя весь воздух, который только оставался:

— Он один из вас!

Никакой реакции. Арнольд, которого Дениза выпустила из капитанской рубки, тявкал, бегая за опустившимся на палубу бакланом.

— Не мелите чушь, Салауи, — отозвалась Кармен. — У вас четверть часа, чтобы во всем признаться.

«Вода дошла мне до груди», — насмешливо пел Грэм.

«Все предусмотрено, все готово», — отвечал ему Пироз.

Сволочи!

Какой план мог надеяться осуществить Пироз на этом крошечном островке? Почему здесь, на Сен-Маркуф? Потому что Миртий Камю незадолго до гибели останавливалась здесь на день во время экскурсии на паруснике? Что общего между планом Пироза и сомнениями Алины, лучшей подруги Миртий? Миртий, надевшей в свой выходной соблазнительное платье, Миртий, назначившей свидание со своим насильником, Миртий, поверявшей свои секреты небесно-голубому блокноту «Молескин», который никто больше не видел.

Миртий и под стихотворением подпись, смутившая Алину: «M2O».

Получается, она тоже знала, что я не убийца.

Алина, иначе говоря Мона, получившая задание соблазнить меня, была, по утверждению Пироза, моей единственной союзницей.

Алина, неизвестная незнакомка. Мона, предательница.

С сожалением оторвав взор от Осеан, я переместил его на ту, которую так и не смог назвать иначе, чем Мона; подавленная, она сейчас пряталась под зонтом Мескилека.

Я умоляюще смотрел на нее.

«Скажи им все, Мона. Скажи им все. Быстрее!»

Она услышала меня, хотя я даже рта не открыл, поняла меня без слов. Она медленно поднялась и решительным жестом отстранила зонт Мескилека.

— Довольно, — произнесла она тихим голосом; я с трудом ее услышал.

Она обратилась к Кармен:

— Вы же видите, он ничего не скажет. Виновен он или нет, не нам решать. Вытащим его из воды и передадим в руки полиции.

— Они отпустят его, — отрезала Кармен. — Без признания они его отпустят.

Мона не уступала:

— Мы решили предоставить решение жюри. Значит, ему и решать. Примем решение вместе, как делали всегда.

Вода уже затопила мне плечи.

Да скорее же, уроды…

— О’кей, — уступила Кармен, — пусть те, кто готов вынуть этот кусок дерьма из воды, поднимут руки.

У себя в рубке Жильбер и Дениза не слышали вопроса, или сделали вид, что не слышат. Осеан закурила еще одну сигарету.

Мона долгим вопросительным взглядом окинула каждого члена «Красной нити», потом подняла руку.

— Господи, — воскликнула она, — мы же можем ошибаться! Мы все знаем, что можем совершить ошибку. Нельзя оставить умирать этого типа только потому, что у нас нет никого другого, чтобы отомстить…

Она повернулась к Мескилеку. Взгляд длился целую вечность.

Еще три сантиметра воды — и ледяной клинок сдавил мое адамово яблоко.

Мескилек руку не поднял.

— Мы пришли к согласию, — отрезала Кармен. — Один голос за спасение Салауи, пять голосов против. Мне жаль, Алина…

Это конец, я приговорен.

«И волны уже были ему по шею», — усмехался Грэм.

Каждая вторая волна била мне прямо в рот. Я глотал две волны из трех. Кашлял. Задыхался.

«Все предусмотрено, — сказал Пироз. — *Все готово».*

Кретин!

Тест ДНК оправдывал меня, жирный жандарм верил в мою невиновность, но членам общества «Красная нить» на это наплевать. Им надо кого-нибудь казнить, потому что один из них убит.

Жизнь за жизнь.

Полный жизненный цикл.

Моя шея исчезла в пене.

Внезапно в полубреду я услышал, как на борту «Параме» залаял Арнольд. Громче, дольше, чем он обычно, тявкал, гоняясь за чайками.

Все обернулись. Я широко раскрыл глаза. Течение, несущее воды к острову Ларж, прибило к корме «Параме» тело, и сейчас оно раскачивалось на волнах рядом с яхтой.

Пироз.

Он не свалился случайно за борт, перебрав стаканчик кальвадоса, и не отправился на поиски помощи. Он покачивался на спине, словно алый плот со странной мачтой посредине.

Рукояткой кинжала.

Убитый.

«Все предусмотрено, все готово», — утверждал он.

Чертова задница!

Вчера вечером у меня в каюте мы слишком громко разговаривали. Пироз поступил неосмотрительно. Настоящий убийца услышал нас и заставил его замолчать.

Но кто?

Впрочем, теперь это не имеет значения. Значение имеет только уверенность.

Пока никто не в курсе.

Единственный человек, у которого имелись доказательства моей невиновности, умолк навеки. Я безоговорочно приговорен к смерти.

Все члены «Красной нити» недоверчиво следили за безжизненным телом Пироза, медленно колыхавшимся на волнах. Тело, раздувшееся от воды, а потому еще огромнее, чем обычно.

Все, кроме Осеан Аврил.

Казалось, она поглощена чем-то иным, находящимся в нескольких метрах от нее, на кирпичной стене, почти под ногой у Моны.

Инстинктивно я повернул голову, пытаясь понять, что же она увидела. Сначала я ничего не смог разглядеть в промежуток между двумя волнами, как ни старался. Но потом на меня словно озарение нашло.

Надо смотреть под определенным углом.

Осеан была потрясена не меньше меня.

На кирпичах цвета охры виднелись две полустершиеся буквы и цифра, инициалы, какие обычно процарапывают влюбленные, чтобы скрепить свою любовь печатью вечности.

«M2O».

42
Один из вас?

«M2O».

Я недоверчиво уставился на кирпичную стену.

Две буквы и цифра тоненькими белыми линиями мерцали на каменной кладке, словно Миртий Камю несколько дней назад вернулась на Сен-Маркуф, чтобы процарапать их, или же кто-то в течение десяти лет благоговейно сохранял эту надпись.

В лицо мне влетел сноп брызг. Я отплевывался, исторгая из себя смесь холодной пены и соли.

В моем катастрофическом положении мне было наплевать, каким образом эта эпитафия выплыла из прошлого, важно только ее значение. Очевидное. Столь же ясное, как голая истина, что скрывалась за внезапно отдернутым занавесом.

«M2O» не означала «Миртий второго октября», как считали все.

«M2O» имела иной смысл, неумолимая логика подсказывала его.

«Инициалы, которые обычно процарапывают влюбленные», — снова подумал я.

Миртий любит Оливье.

M.M.O.

M2O.

Миртий любила Оливье. Оливье Руа, красивого парня, вертевшегося вокруг нее в лагере Изиньи, в открытом море вокруг Сен-Маркуф и на пляже в Гранкам-Мэзи, типа в сине-белой бейсболке «Адидас», которого искали все службы коммандана Бастине, типа, исчезнувшего 6 октября 2004 года.

Алина ошиблась, давая показания жандармам. Оливье Руа не вертелся вокруг Миртий Камю подобно извращенцу, выслеживавшему потенциальную добычу… Нет! Все гораздо проще: Миртий и Оливье спали вместе. Они переживали летний роман, и Миртий за несколько месяцев до свадьбы не осмелилась рассказать об этом своей лучшей подруге… Все эти годы Алину глодало сомнение, но она так и не смогла в этом признаться.

Море закрыло мой подбородок. Я дрожал от холода и возбуждения. Адреналин ускорял мыслительные процессы. Информация, полученная мною за прошедшие дни, стремительно всплывала в моем мозгу. Все материалы расследования коммандана Бастине и Элен Нильсон.

M2O.

Миртий любит Оливье.

Память услужливо подкинула несколько строчек…

Вселенную нашу окружу я забором,
Чтобы никто не сумел взять нас измором.

Чтобы никто не смел тебе докучать,
Я всех готова навеки прогнать.

Я стену построю, чтоб нас окружить,
И от врагов сумею нас защитить.

M2O.

Подпись под стихотворением, написанном для Оливье Руа, а не для Фредерика Мескилека…

В отчаянии я подтянулся на руках, чтобы оказаться над водой, и, набрав полные легкие воздуха, прокричал:

— Там!

Мой крик сопроводил указующий перст Осеан.

Все члены общества «Красная нить» замерли. Раздувшееся от воды тело капитана Пироза, достигнув мели возле причала форта, теперь, словно упрямая резиновая кукла, яростно билось о стену при каждом приливе и отливе волн. Но на него никто не смотрел.

Не дожидаясь разъяснений, Мона легла на бруствер и дотянулась рукой до нацарапанных букв, находившихся примерно в метре над уровнем моря. Кирпич не был вмурован в стену.

Правой рукой Мона осторожно вынула его; за ним открылся тайник размером около десяти сантиметров. Она наклонилась еще ниже и левой рукой принялась исследовать углубление. В следующую минуту она извлекла оттуда прозрачный пластиковый пакет.

Вода лизала мою нижнюю губу. Через минуту она польется мне в рот. И все же, перед тем как новая волна захлестнет мне лицо, мне удалось рассмотреть светло-голубой прямоугольник, лежавший в целлофане. Разумеется, я знал, что сейчас обнаружит Мона.

Сюрприз Пироза?

«Все на месте», — утверждал он.

Интересно, он сам подготовил эту мизансцену? Процарапал на камне инициалы и спрятал пакет?

Мона зубами разорвала пластик. Прозрачные клочки тотчас унес морской ветер, а в руках у нее остался маленький голубой блокнот.

Блокнот «Молескин». Блокнот Миртий, тот самый, куда она записывала свои самые сокровенные мысли.

Уже потом, когда я вспоминал каждую деталь этой сцены, я составил список совпадений и описал точную позу каждого члена общества «Красная нить», где бы он ни находился — на палубе «Параме» или на крепостной стене форта острова Ларж, и каждой позе нашел логическое объяснение. Неизбежный прорыв после долгого, очень долгого ожидания. Но в ту минуту мозг мой выкрикивал только одно:

— Скорее, Мона!

Вода подобралась к ноздрям. От производимой организмом молочной кислоты горели плечи. Я напряг дельтовидные мышцы и, приподнявшись над волнами, высунул из воды подбородок. Когда боль стала слишком сильной, я вдохнул, расслабился, задержал дыхание и с головой ушел в море. Несколько секунд расслабления позволили мне снова напрячь мускулы и вынырнуть над водой. Как долго мне еще удастся продержаться?

Шевеля губами, Мона читала записи. Ее силуэт четко вырисовывался на фоне светлого

неба; круглое здание форта казалось ее прической.

— Ну же, Алина! — внезапно раздался с палубы голос Денизы.

Арнольд залаял.

Фредерик Мескилек сжал руку в кармане куртки.

Осеан и Кармен подошли друг к другу. Их одинаковые «K-Way» слились в единый лиловый синтетический дождевик. Похоже, мать и дочь не понимали смысла случившейся цепочки событий.

Новое погружение. Я сосчитал до тридцати.

И опять вынырнул на поверхность.

Оторвав взгляд от блокнота, Мона перевела его на Фредерика Мескилека. Ее голос, пропущенный через литры морской воды, словно через фильтр, показался мне очень далеким, почти нереальным:

— Она хотела расстаться с тобой, Фредерик. Миртий больше не любила тебя…

— Чушь! — выкрикнул Мескилек.

Кармен шагнула к ней, но Осеан удержала ее. Мона снова перевела взор на страницы блокнота «Молескин». Она переворачивала страницу целую вечность.

Мона, прошу тебя!

Море захлестнуло меня. На этот раз я продержался двадцать секунд. Затем, опершись на медное кольцо, со скованными запястьями, я вынырнул и принялся глотать кислород, рискуя разорвать легкие.

Голос Моны звучал все дальше и дальше:

— Она встретила другого, Фредерик. Того, кто открыл ей глаза. Кто дал ей мужество пойти против близких. Против Шарля и Луизы. Против меня. Мужество отказаться от всего, что от нее ожидали…

— Ерунда! — прокричал Мескилек.

Труп Пироза лег в дрейф и теперь покачивался в двух метрах от меня. Обессилев, я тупо смотрел на него. Волна ударила меня в лицо, захлестнула рот. Мне показалось, что внутри у меня заплескался целый океан. Я тонул, не в силах выплюнуть ни слова, но никто не обращал на меня внимания.

Все смотрели только на губы Моны.

— Это ее последние слова, Фредерик. Последние слова, которые она записала в своем блокноте.

Слова кружились вихрем. Моя нога, единственный мускул, еще способный сопротивляться, отчаянным движением уперлась в стену, пытаясь пальцами нащупать под водой хотя бы небольшое углубление между двумя кирпичами.

Опереться обо что-нибудь. Выиграть несколько секунд ценой хрупкого равновесия, которое нарушит первая же волна.

Не найдя ни малейшей зацепки, нога забилась в пустоте.

Невозможно высунуть голову из воды.

Я закрыл глаза, рот, задержал дыхание — навеки. В нескольких сантиметрах от поверхности воды, словно в пузыре, я слышал, как Мона читает:

> «25 августа. Три часа утра. Фред приезжает завтра. Завтра у меня выходной. Он настоял на этом приезде. Он никак не может согласиться с тем, что все кончено. Я назначила ему свидание в укромном месте, рядом с фермами „Больших

Карьеров“, возле Изиньи. Надеюсь, в этот раз он поймет. Надеюсь, папа, мама и Алина тоже поймут. Надеюсь, что я их всех не разочарую. Надеюсь, что все пройдет быстро. Я тороплюсь, Оливье, очень тороплюсь встретиться с тобой».

Я открыл глаза. Грудная клетка вот-вот разорвется. Сквозь воду я видел только размытые тени.

Мона шагнула навстречу Мескилеку:

— Ты был в Изиньи, Фредерик? В «Больших Карьерах»? В тот день, когда убили Миртий?

Бесформенный силуэт Мескилека наклонился, вытянул руку и направил ее на меня.

— Черт, это все ваши фантазии! Он убийца. Он!

Я слишком поздно понял, что Мескилек держал в руке ствол и намеревался стрелять. В меня.

Я погрузился в воду, но скованные наручниками руки не позволяли мне опуститься глубже чем сантиметров на пятьдесят.

Идеальная мишень…

Все произошло очень быстро.

— Сдохни! — завопил Мескилек.

«Нет!» — прозвучал следом крик Осеан, раздался выстрел, и я понял, что сейчас пуля прошьет мое тело.

Ничего.

Еще три выстрела — и тело Фредерика Мескилека упало со стены в пяти метрах от меня, а Осеан все еще продолжала кричать.

Я понял, что она опередила Мескилека и выстрелила первой. А затем еще и еще — в убийцу Миртий Камю. Убийцу ее сестры Морганы.

В следующую секунду поднялся сноп брызг.

Мона прыгнула в воду.

Я почувствовал, как ее тело прижалось к моему; она прилипла ртом к моим губам, чтобы дать мне дополнительный глоток кислорода и тем самым на несколько мгновений отстрочить мою гибель. Потом она вынырнула, вдохнула, снова ушла под воду и опять поцеловала меня, в то время как пальцы ее лихорадочно теребили ржавое кольцо.

Я услышал звяканье металла и почувствовал, что на мне больше нет наручников.

Я свободен! Живой. Невиновный.

С капитанского мостика «Параме» дядя Жильбер с бесстрастным лицом бросил нам два спасательных жилета.

На берегу Осеан рыдала в объятиях Кармен, недвижной, словно скала, заслонявшей своей фигурой половину форта.

Мона, в мокрых джинсах капорал и зеленом свитере, обняла меня и попыталась поцеловать, скользнув губами по виску, где мокрые волосы смешались с морскими водорослями.

Я отвернулся. Я ощущал себя куском замерзшего дерьма, плывущего вдаль от всякой лжи.

Мона предала меня.

Это не она спасла меня.

Ухватившись за веревочную лестницу, свисавшую с борта «Параме», я обернулся и

посмотрел на Осеан.

Она подняла голову и выдержала мой взгляд.

Это был тот же самый взгляд, который я видел несколькими днями ранее, на вершине утеса, прежде чем она прыгнула в пустоту.

Бездонная синь.

У ног ее лежал револьвер.

Чтобы я жил, Осеан только что убила человека.

43
Это все ваши фантазии?

Пляж Гранкам-Мэзи находился на расстоянии никак не меньше километра, но я уже различал светлые фасады домов первой линии, выстроившиеся, словно белые зубы в широченной улыбке.

Кармен Аврил позвонила в полицию. Хотя переход от Сен-Маркуф занимает всего несколько минут, жандармы уже ждали нас в порту. Видимо, к нашему прибытию подняли на ноги все местные бригады. В утреннем тумане исчез оставшийся у нас за спиной остров Ларж. И только полет бакланов над пустынным морем подсказывал, что где-то неподалеку, на расстоянии полета этих тяжелых птиц, есть земля.

Я сидел на сундуке. Никто не подумал вернуть мне протез. Осеан рыдала, прижавшись к моей груди. Кармен, зависнув на телефоне, вручила мне дочь, не оставив мне выбора. Я весь промок. Вода залилась под неопреновый комбинезон и там осталась. От ледяного ветра, бившего нам в лицо, костюм мой все больше напоминал холодильник.

Но я ни на что не променял бы свое положение.

Я не смел даже пошевелиться, чтобы укрыться от морского бриза, чтобы вытереть ледяные ручейки, струившиеся по телу, по рукам и ногам, не смел сделать ни единого движения, способного хотя бы на миг нарушить это чудесное положение.

Лицо Осеан покоилось на моем плече. Рука обвилась вокруг талии. Ее горячие слезы капали мне на шею: обжигающие капли в ледяных потоках.

Она находилась в состоянии прострации.

Осеан не видела, как после долгих стараний Жильбер и Кармен Аврил подняли на палубу трупы Пироза и Мескилека. Затем Жильбер в одиночку, зажав во рту «Мальборо» и не говоря ни слова, спустил их в трюм.

«Я знал, что эта дурацкая история ничем хорошим не кончится», — проворчал он, искоса поглядывая на сестру. Потом поднялся к себе в рубку и запустил мотор.

Кармен не ответила, ее ухо и губы приклеились к мобильнику; видимо, она дозванивалась в полицию. За время перехода ей так и не удалось объяснить жандармам, почему голландский куттер доставит в своем трюме два трупа.

Труп полицейского и труп убийцы.

Мона сидела на корме у борта, глядя в белесое небо. Единственной видимой точкой на берегу, куда можно устремить молитву, была колокольня церкви Гранкам. Глаза у Моны были красные. Дениза, привязав к ноге поводок Арнольда, гладила Мону по голове. Ей понадобится время. Ее лучшая подруга убита человеком, которого она знала с самого детства. Убита Шишином. Человеком, которого родители ее подруги, Шарль и Луиза, выбрали сделать счастье дочери.

Все сгинули, погребенные под лавиной лжи.

Все, кроме нее.

Начавшаяся качка баюкала Осеан. Я никогда не держал на руках младенцев, но понимал отцов, способных целыми ночами качать ребенка, прижимая его к груди. Я понимал, сколь неповторимо чувство ответственности, которое приказывает тебе не делать ничего, приказывает ждать, навечно превратившись в статую. Ибо достаточно того, что ты есть.

Пока мы шли в порт Гранкам, мысли мои, беспокойно метавшиеся в пустоте, окончательно заблудились. Я ничего не понял, или почти ничего, кроме того, что Фредерик Мескилек оказался дважды насильником и убийцей с красным шарфом, которого полиция искала на протяжении десяти лет и которого Пироз вычислил и заманил в ловушку.

Я смотрел, как вдоль бесконечно длинного бетонного причала, отделявшего пляж Гранкам от деревни, в направлении порта друг за другом мчатся три полицейские машины. Полиция была взбудоражена. Словами Кармен.

Они ждали десять лет. А потом все произошло слишком быстро.

Но ни я, ни они этого еще не знали.

Первую экспертизу блокнота «Молескин», найденного в тайнике за кирпичом, провели до наступления вечера; она безошибочно показала, что записи сделаны Миртий Камю десять лет назад. Специально выделенные жандармы изучили график Фредерика Мескилека от 26 августа 2004 года. Один из служащих мэрии Эльбефа вспомнил, что накануне директор досугового центра Пюшо отменил встречу с родителями, с которыми намеревался отправиться осматривать будущий новый летний лагерь. Гостевые домики. Места для плавания. Пони-клуб. В то время никто не обратил на это внимания, никто не стал ничего проверять.

Речь шла о серийном убийце. Кто мог подумать, что Фредерик Мескилек в один день съездит из Эльбефа в Изиньи и обратно, проделает триста шестьдесят километров для того, чтобы изнасиловать и задушить свою невесту?

К концу дня, около 23 часов, жандармы из бригады Эльбефа, получив судебное поручение от судьи Лагарда, обыскали квартиру Фредерика Мескилека на улице Сент-Сесиль. К своему удивлению, в ящике, который им пришлось взломать, так как он был заперт на ключ, они нашли сумочку Морганы Аврил. Немедленно позвонив судье, они радостно сообщили, что наконец-то впервые получено доказательство связи между делом Аврил и делом Камю.

Около полуночи аспирант Ашани поговорил по телефону с Сандрой Фонтен, бывшей аниматоршей центра Пюшо, а ныне учительницей в Туи-Симер неподалеку от Эльбефа, и та вспомнила, что обсуждала со своим директором фестиваль «Рифф и Клифф» и, в частности, группу под названием «Истории А», которая должна была выступать в тот вечер. Группа славилась исполнением шлягеров «Риты Мицуко». Сандра Фонтен не знала, побывал ли ее директор на фестивале, но точно помнила, что на следующий день за кофе обсуждала с ним «Рифф и Клифф». Впрочем, в это день все говорили о фестивале. Но не о музыкальной программе, а о девушке, найденной изнасилованной, задушенной и сброшенной с обрыва.

Около часа ночи группа из трех полицейских во главе с коммандаром Вайсманом из региональной службы судебной полиции Руана приступила к составлению первого отчета. Получалось, что Фредерик Мескилек один отправился на фестиваль «Рифф и Клифф» и попал там под чары Морганы Аврил, зажигавшей в тот вечер на танцполе в зале Си-Вью. Несомненно, Моргана Аврил не осталась равнодушной к ухаживаниям Мескилека. Они вместе вышли из зала. А дальше все пошло хуже некуда. Мескилек изнасиловал девушку, задушил ее и вернулся в Эльбеф, оставив себе сумочку, которую потом безуспешно искали полицейские.

Но что случилось через несколько месяцев, когда его невеста Миртий Камю назначила

ему свидание в «Больших Карьерах», чтобы объявить, что хочет порвать с ним? Новый приступ ярости? Коварный план, тщательно разработанный? Конечно, теперь уже не узнаешь. На первый взгляд Фредерик Мескилек действовал по уже отработанной модели, как и в случае своего первого убийства. Разорвал платье. Красным шарфом «Берберри» задушил жертву. Отвел от себя подозрения полиции. Случайный убийца, извращенец. Никак не лицо, близкое к одной из девушек…

К трем часам утра коммандан Вайсман позволил своим сотрудникам передохнуть, а сам попытался разбудить коммандана Лео Бастине, пять лет назад вышедшего в отставку и проживавшего теперь возле Амбера, в департаменте Пюи-де Дом; коммандан торопился сообщить ему о последнем повороте в деле Аврил–Камю. После десятка звонков коммандан Бастине взял трубку, но быстро ее повесил, не дав Вайсману сказать и десяти слов. Совсем иначе повела себя Элен Нильсон, до которой Вайсман дозвонился сразу после звонка коммандану Бастине.

В шесть утра психолог-криминалист уже давала первое интервью каналу «i-Tele». Небрежно причесанная, словно только что из постели, лицо без грима и без единой морщинки, пышная грудь под натянутой наспех прозрачной шелковой кофточкой, она говорила журналисту, искоса поглядывавшему на ее стройные голые ноги, что всегда знала, что Миртий Камю знакома со своим убийцей, но, увы, никто, кроме нее, этому не верил.

В десять утра телефонистки из регионального отделения судебной полиции Руана отыскали пять новых свидетелей — девушек, работавших в то время аниматорами в «Золотой простыне» и Доме молодежи и культуры в Эльбефе. Все девушки подтвердили, что, когда красавчик Шишин руководил молодежными центрами, его тянуло к юным хорошеньким практиканткам, проходившим стажировку, необходимую для получения разрешения на работу с детьми и подростками во время каникул. Девушки составили поистине впечатляющий список поклонниц Шишина, от семнадцати до двадцати лет, готовых следовать за ним вплоть до постели. Несколько девушек признались, что они поддались на ухаживания гитариста, и описали метаморфозы, происходившие с соблазнителем, как только они складывали оружие: вечерний восторженный воздыхатель на заре превращался в капризного любовника. Торопливого. Избалованного. Однако полицейские не сумели найти ни одной девицы, прошедшей через постель Мескилека после лета 2003 года, даты, когда он стал появляться на людях с Миртий Камю. Неужели Мескилек нашел свою большую любовь? И не смог смириться с ее утратой?

Жильбер Аврил резко повернул штурвал влево. «Параме» взяла курс на порт, прямо на бетонный пирс, возвышавшийся над узким входом в фарватер. Несмотря на ранний час, на пирсе уже толпились несколько десятков зевак. Наверняка обитатели первой линии и владельцы ларьков, обеспокоенные появлением вереницы полицейских автобусов.

Они с любопытством взирали на нашу яхту, показывали пальцами в нашу сторону, смеялись и перешептывались. Блеснуло несколько фотовспышек.

Осеан, все еще в моих объятиях, повернулась к ним спиной. «Параме» медленно скользила по тихой воде. Я предчувствовал, что стоит нам пристать к берегу, как разразится буря. Полиция возьмет в оборот каждого члена общества «Красная нить». Всех отвезут в ближайший полицейский участок. Допросят поодиночке. Перед участком разобьет лагерь свора журналистов. Пользуясь последними секундами покоя, я мысленно составлял список

вопросов, не исчезнувших со смертью Мескилека.

Кто доставил на остров дневник Миртий Камю? Пироз, намеревавшийся таким образом сбить с толку Фредерика Мескилека? Он на это намекал в каюте «Параме»? Но если он заполучил в руки такую неопровержимую улику, как дневник, почему бы прямо не предъявить обвинение Мескилеку? Если Пироз догадался, что на самом деле означает подпись «M2O», почему он согласился принять участие в безумном спектакле, задуманном Кармен Аврил, и играл до конца, вплоть до жуткой развязки на островке Ларж?

«Все на месте», — утверждал капитан Пироз.

Что намеревался сделать Пироз, прежде чем его настиг кинжал Мескилека? Какое место в этой истории занимает дилемма узника, которой капитан жандармерии придавал большое значение?

В конце пирса наблюдатель уже поджидал нашу яхту. Тип в морской фуражке и вооруженный фотоаппаратом с телеобъективом, держась за перила, чтобы не потерять равновесие, делал нам руками какие-то знаки. *Кретин!*

Я инстинктивно развернулся, чтобы скрыть лицо Осеан. Журналисты толпились на набережной. Мой мозг снова закипал.

Несколько минут назад Осеан убила человека, Фредерик Мескилек, без сомнения, виновен, даже если…

Оставался еще один подводный камень. В сущности, основной, тот, благодаря которому никто никогда не подозревал Мескилека.

Его ДНК!

Жандармы подвергли экспертизе анализы ДНК всех лиц мужского пола, знавших Миртий Камю, и среди них ДНК Фредерика Мескилека. Разумеется, он не совпал с анализом спермы, найденной на теле Морганы и Миртий. Неужели красавчик Шишин тоже стал жертвой невероятных совпадений, цепочки умопомрачительных превратностей, сделавших его идеальным преступником? Или же он сотворил самый ловкий фокус?

Мы этого не знали, но жандармы уже завтра, к тринадцати часам, намеревались дать ответ.

Ответ простой и очевидный…

44
Неужели он нашел свою большую любовь?

К полуночи в Региональную службу судебного опознания Руана доставили шестьдесят три опечатанных пластиковых мешка. Стаканы, бутылки, ножи, вилки, зубные щетки, расчески, одежда, обувь, очки, перчатки, носовые платки, ручки, ключи, каподастры для гитары, наушники для плеера MP3…

Жандармы из бригады Эльбефа, исполняя приказ коммандана Вайсмана, тщательно собрали в квартире Фредерика Мескилека все предметы, на которых, по их мнению, так или иначе, мог сохраниться биологический материал.

Первый результат анализа доставленного барахла пришел утром: банальная баночка, втиснутая между гелем для душа и шампунем, содержала застарелые остатки спермы. Спустя несколько часов компьютер выплюнул генетический код.

Жандармы долго и старательно сверяли каждую букву, каждую цифру, словно игроки в лото, которые не могут поверить, что держат в руках выигрышный билет. Десять лет они ждали, когда же наконец выскочит нужная комбинация…

И теперь бурно выражали свою радость.

Сперма в баночке оказалась та же, что нашли на телах Морганы Аврил и Миртий Камю! По горячим следам Вайсман составил итоговую докладную судье Лагарду: Фредерик Мескилек раздобыл сперму неизвестного, чтобы отвести от себя подозрения. Эта улика позволяла поставить точку в деле, принявшем совершенно отвратительный оборот. Обычный влюбленный, запаниковавший, получив отказ от обеих пассий, красавчик Шишин превращался в убийцу-садиста, тщательно подготовившего оба убийства. Напрасно судебный медик доктор Курад утверждал, что, по его мнению, технически невозможно, чтобы сперму, обнаруженную во влагалище Морганы Аврил, ввели туда искусственно; никто не придал значения его словам. Даже с тремя пулями в животе Фредерика Мескилека занесли в первые строчки списка дьявольски изобретательных убийц.

«Параме» вошла в порт Гранкам-Мэзи. Обошла десяток пестрых рыбацких лодок, лениво покачивавшихся у набережной. Жандармы, рассыпавшиеся среди полистироловых баков, похоже, поймали сетью лодки рыбаков и пригнали сюда в ожидании, когда за ними явятся владельцы.

Дениза бросила канат ближайшему жандарму. Сплющив желтые спасательные круги, «Параме» уперлась в кирпичные подпорки набережной.

— Они хотят с тобой поговорить, — прошептала Кармен на ухо Осеан. — Поговорить с каждым из нас. Но сначала с тобой.

В ее голосе звучала тревога. Она сжимала в руке телефон.

Взглянув мокрыми от слез глазами на мать, Осеан снова обрушила на меня поток слез. Поток дождя — на этот раз горячего. Разумеется, ей надо объясниться с полицией. Она убила человека. Меньше тридцати минут назад она всадила в него три пули.

Чтобы отомстить.

Чтобы спасти меня…

Ее ладонь медленно заскользила по моей руке.

— Прости меня, Джамал, — произнесла она. — Прости нас, это было…

— Тебя ждут, — торопила Кармен.

Осеан встала. Мне показалось, что во взгляде ее мелькнуло сожаление.

— Зовут, — прошептала она.

Зовут.

Кармен и Осеан скрылись за синим микроавтобусом «Рено-Трафик», стоявшим прямо напротив «Параме», а палубу куттера наводнили жандармы. Наверное, с десяток. Некоторые надели латексные перчатки и маски из прозрачного пластика. Я по-прежнему сидел на запертом ящике, и никто, похоже, мной не интересовался. Справа в поле моего зрения стояла, опираясь на поручни, Мона; когда к ней подошел полицейский, она что-то ему сказала.

Слишком далеко. Расслышать невозможно.

Флик покачал головой и отошел. В следующую секунду Мона уже стояла передо мной.

— Здравствуй, Джамал. С тех пор как я «умерла» возле вокзала в Иф, у нас толком не было возможности поговорить.

Ее смех звучал фальшиво. Или бессмысленно. Потому что с моей стороны ей ждать нечего.

Она поджала губы. Ветер играл ее волосами, пытаясь загнать их в капюшон ветровки «K-Way».

— Мне очень жаль, Джамал. Ты не причастен к этой истории. А мы все вляпались. Все.

В моем комбинезоне по-прежнему хлюпала вода. Мне очень хотелось покончить с этой тягомотиной. Выложить все фликам, подписать показания и свалить отсюда.

— Тебе, конечно, наплевать, — продолжала Мона, — но я скажу. Я не хотела играть в их игры, но у меня не было выбора.

Я отвернулся. Из-за микроавтобуса «Рено-Трафик» в сопровождении жандарма вышла Кармен. Но не Осеан.

— Видишь, в конце концов Кармен Аврил оказалась права. Как и Пироз. Чтобы вытащить на поверхность истину, пришлось разворошить прошлое.

Разворошить прошлое?

Вытащить на поверхность истину?

В трюме «Параме» разлагались два трупа, явно не те, которые были предусмотрены в начале спектакля.

Какой-то жандарм в надвинутом до самых бровей кепи направился к нам. Но прежде чем он успел до нас дойти, его перехватила Дениза, сунув ему в руки Арнольда. Очевидно, Мона должна довести переговоры о перемирии до конца. Пришло время поговорить со мной.

На что она надеялась?

Мона нервно отбросила метавшуюся по губам непослушную прядь. Она больше не похожа на маленькую перепуганную землеройку.

— Джамал, я с самого начала знала, что ты невиновен…

С самого начала?

Уточни, прелесть моя.

Когда мы стали спать с тобой? Или раньше? Или после? Или во время?

Я заметил, как в трюм спустился четвертый жандарм.

— Я обязалась сыграть свою роль до конца, — оправдывалась Мона. — В память о Миртий… О Луизе, о Шарле… Я не могу этого объяснить. Помнишь, вчера вечером в Вокотте, когда мы сидели в «фиате», ты прочитал историю, присланную в коричневом конверте, историю девчонки с улицы Пюшо и ее подружки. Мими и Лины, подружек с

самого детства. Печальную историю девушки, рыдавшей рядом с тобой, пока ты читал письмо незнакомки…

Вчера вечером. Сейчас не больше десяти часов. А мне казалось, что с тех пор прошел целый год.

Вокотт. «Фиат». Коричневый конверт.

«Трогательно?» — спросила она меня. «Спасибо» — добавила она.

Я ничего не понял, но выплюнул горсть ядовитых слов:

— Помню. Ты здорово запудрила мне мозги.

— Нет, Джамал…

— Еще как… Снимаю шляпу. Ты настоящая актриса.

Накрутив на палец прядь волос, она вскочила и поднялась на цыпочки, став похожей на примерную ученицу.

— Нет, Джамал, — глубоко вздохнула она. — Я была искренней. Несмотря на свою роль, я была искренней. Совершенно искренней. Ты не веришь мне, Джамал, но я не занимаюсь самообманом. Я обязана сказать тебе. Сказать сейчас. Если оставить в стороне все, что относилось к двойному убийству, я никогда…

Ей не хватало дыхания, но она решительно завершила фразу:

— …никогда не была такой искренней в отношениях с мужчиной.

Ее неловкая улыбка разбилась о каменное выражение моего лица.

Искренней?

За исключением всего, что относилось к двойному убийству!

За исключением коричневых конвертов, разбрасываемых за моей спиной.

За исключением ночной поездки к Ле Медефу. За исключением вторжения в спальню к перепуганным детям в гостевом доме бывшего вокзала в Иф. За исключением придуманной жизни Магали Варрон. За исключением идеальной жизни некой Моны Салинас, докторанта, исследующего содержание кремния в гальке, любимой ученицы своего научного руководителя, начальника самой большой во Франции лаборатории экспериментальной химии, предоставившего в ее распоряжение свою виллу. Зачем это отрицать, Мона? У тебя был выбор, ты примерила на себя роль смешной, умной, обвешанной дипломами девчонки… Словом, получила все шансы соблазнить голубка, присевшего напротив тебя на столик в ресторане «Сирена».

— Все ложь, — проговорил я. — Все.

— Ни ложь, ни правда, Джамал… Мы придумывали, мы рассказывали друг другу истории!

У меня над головой раздался хриплый крик:

— Отвалите отсюда!

В капитанской рубке «Параме» Жильбер Аврил орал на жандарма, попытавшегося оттащить его от штурвала. Обезумевшие чайки метались между мачтами. Я смотрел поверх плечей Моны.

— Нет. В твою историю я поверил.

Молчание.

Я увидел, как из микроавтобуса в сопровождении двух жандармов вышла Осеан и тотчас скрылась в «ситроене». Через несколько секунд машина уже сворачивала с набережной.

Внутри у меня все сжалось. Я отвел взгляд.

— Я тебе поверил, Мона, — повторил я. — Видишь, я даже продолжаю называть тебя

Моной. Глупо, да? Мона Салинас не существует! Никогда не существовала. Ты… Ты… я тебя не знаю!

Растрепавшиеся волосы все время падали ей на лицо, она отмахивалась от них, как от назойливых комаров.

— Если ты в этом уверен, — помолчав, произнесла она. — Впрочем, Алина не многим отличается от Моны. Это та же самая девушка, Джамал. Только буквы меняются местами. В сущности, каждый из нас играл свою собственную роль.

Она подошла ко мне и поцеловала в щеку. Задрожала. Выдавила из себя улыбку.

— Я не могу на тебя сердиться. Это был бы перебор. Забудем прошлое, и тогда…

Я молчал. Не сказал ни единого слова. Бодрый тон Моны казался мне жутко наигранным.

— Помнишь нашу первую встречу, Джамал? Наш обед в «Сирене». Я спросила тебя, дал бы ты мне свою визитку, из тех, которые ты раздавал на улице самым красивым девушкам.

— Я тебе ответил, что да.

— Это правда. Но ты помнишь, что я прибавила?

Напрочь не помню.

Я вглядывался в опустевший перекресток, где за кремовым павильончиком исчезла машина, увозившая Осеан.

— Тогда я обращалась к тебе на «вы», Джамал. Я была уверена, что вы бы не дали мне свою карточку. Потому что вы любите романтических женщин, роковых красавиц, неуловимую красоту. Не таких непосредственных, как я. — Холодным пальцем Мона провела по моей щеке. — Вы ловите призрачные образы, коллекционируете их, как фигурки Панини, не пытаясь поймать ту, которая нужна вам.

Яркая вспышка, мелькнувшая в бледном дневном свете, ослепила меня. Кто-то из жандармов фотографировал борта и оснастку «Параме», чтобы определить то место, откуда Мескилек сбросил за борт Пироза. Никто по-прежнему не торопился нас допрашивать.

Слова Моны продолжали проскальзывать мне в голову:

«Вы любите романтических женщин, роковых красавиц, неуловимую красоту.

Вы не пытаетесь поймать ту, которая нужна вам».

Теперь я вспомнил, она сказала мне это еще в первый вечер; некое предчувствие, на которое я не обратил внимания.

— Забудем прошлое, — громко произнес я. — Ты права, Мона, меня больше привлекают звезды.

Я провел рукой под левым коленом — наверное, чтобы вновь ощутить пустоту.

— Те, которые я должен завоевать! Недостижимые вершины. Забраться на Монблан, ну, и тому подобные глупости. Для этого я упорно тренируюсь.

— Я знаю. В сущности, я всегда это знала. Чао, Джамал. Нас ждут жандармы. Думаю мы оба можем похоронить славную девушку Мону, тогда как…

Алина. Вбить себе в голову это имя.

Она изогнулась, вытаскивая из заднего кармана джинсов какую-то штуку.

— Помня о твоих будущих вершинах, я вчера подобрала ее и положила на капот «фиата». Когда же ты рванул, чтобы уйти от Пироза, она соскользнула на землю. Возможно, ты даже проехал по ней…

Мона вложила мне в руку желтую звезду шерифа. Черную от грязи. Искореженную.

— Ты мне ее доверил. Теперь тебе надо найти другую хранительницу.

Я устремил взор к небу. Высоко над побледневшим месяцем, мимо которого плыли длинные белые облака, тускло поблескивало догорающее созвездие.

— Спасибо, Мона. Но она мне больше не нужна.

Я посмотрел на утренние звезды, кокетливо подмигивавшие из-за последней тонкой вуали тумана, потом двумя пальцами взял звезду шерифа и резким движением швырнул ее в воду, как можно дальше от яхты.

Описав элегантную кривую, кусочек жести отрикошетил от черной поверхности бухты.

— Не надо было этого делать, — заметила Мона. — Это твой талисман…

Звезда шерифа медленно погружалась в воду.

— Твой талисман, — повторила она.

Она подошла к борту и начала спускаться. Она одолела всего три ступеньки веревочной лестницы, когда жандарм в кожаной куртке вытащил руки из карманов и бросился помогать ей.

Четверо жандармов вынесли на палубу трупы Пироза и Мескилека, упакованные в темные пластиковые мешки.

Один из них смерил меня равнодушным взглядом. Быть может, он надеялся, что я помогу им оттранспортировать трупы.

Я закрыл глаза; качка убаюкивала меня.

В голове плясали пять целей.

Пять команд.

Стать первым спортсменом-инвалидом, принявшим участие в супермарафоне вокруг Монблана.

Заняться любовью с женщиной своей мечты.

Родить ребенка.

Быть оплаканным женщиной после смерти.

Заплатить долг, прежде чем умру.

Я не втирал очки Моне, по крайней мере, не в этот раз.

Мне больше не нужна путеводная звезда.

Я уже достиг всех пяти целей. Первое — это всего лишь вопрос тренированности. Второе перестало быть недосягаемым Эверестом.

Осеан…

Никогда еще я так сильно не хотел, чтобы три моих желания исполнила одна и та же женщина. А пятая цель… за последние дни я столько раз был близок к смерти, что она вполне могла бы дать мне долгую передышку…

Трудно сказать, сколько времени я просидел на сундуке, погруженный в собственные мысли, пока наконец какой-то флик не пришел допросить меня. Молодой, улыбающийся, наверное, стажер. Он протянул мне одеяло и спросил, не хочу ли я переодеться. Я покачал головой.

— Следуйте за мной…

Я встал и запрыгал на своей единственной ноге. Смутившись, стажер обернулся и стал шарить глазами по кораблю, надеясь отыскать мою отсутствующую половину ноги. Хотя, возможно, он искал, не притаился ли где-нибудь на борту крокодил с открытой пастью, который только и ждет, чтобы откусить мне вторую ногу.

Вскоре я почувствовал, что его смущение перешло в недоверие. Его многозначительный

взгляд заскользил по моему лицу.

Подозрительный.

Наверное, ему трудно поверить, что невысокий одноногий араб совершенно не причастен к этой истории. Нет дыма без огня… В конечном счете, «Красная нить» собрала доказательства, я оказался единственным типом, который в соответствующее время находился в местах убийства и Морганы Аврил, и Миртий Камю. Я последний, кто говорил с Пирозом перед тем, как его убили… Да и в деле Мескилека осталось множество темных мест.

В конечном счете, я идеальный козел отпущения.

В конечном счете, не исключено, что я с самого начала вру.

Я протянул руку, намекая, что юный флик должен подставить мне плечо. Куда, интересно, эти уроды из «Красной нити» засунули мой протез? Я подозревал, что в последующие часы мне придется рассказывать, и не один раз, о невероятных стечениях обстоятельств, произошедших за последние шесть дней.

А также записывать, чтобы ничего не забыть.

Как самое худшее, так и самое лучшее.

Худшее у меня позади, лучшее — впереди.

Помните? Это было начало моего рассказа.

Я обедал у самой красивой девушки в мире.

Она только что надела синее платье-тюльпан. Ее груди подпрыгивают, свободные и обнаженные, слегка прикрытые шелком глубокого выреза, куда я имел право смотреть так долго, сколько мне хотелось.

Теперь я могу открыть вам ее имя.

Осеан.

Я был готов заняться с ней любовью.

Это первые строчки моего рассказа, они же и последние.

Любители триллеров, мне жаль разочаровывать вас…

Это хеппи-энд!

45
Лучшее впереди?

Шампанское «Пайпер Хайдсик» урожая 2005 года.

Полный бокал.

В камине поленья, перед камином — низенький темный столик из экзотического дерева, название которого мне неизвестно, бесценного, разумеется.

Кожаное кресло, в котором я сижу. Патинированная кожа, та самая светло-коричневая кожа, из которой делают седла для «Харлеев», сапоги для гаучо и техасские стетсоны. Целое состояние! Надо полагать, все это заработано гинекологом.

Осеан возится на кухне. Мой бокал шампанского стоит на столе рядом со стопкой бумаги, точнее, со ста тринадцатью страницами. Рассказ о моих последних шести днях. Я напишу последние строчки и после того, как прочту их Осеан, отложу листки в сторону. Навсегда.

Кому они интересны?

Кто их прочтет?

Возможно, мое глубоко личное самонаблюдение останется лежать, позабытое, на дне ящика. А возможно, станет захватывающим детективным романом, главным героем которого буду я.

Кто вы, пролиставшие этот текст? Вы вообще-то существуете?

Конечно, на последних страницах я перехватил с черной краской.

К вечеру жандармы отпустили Осеан. Ее адвокат заявил, что ей больше ничто не грозит. Законная защита. Пять свидетелей это подтвердили. Фредерик Мескилек собирался выстрелить в меня и наверняка бы убил, если бы Осеан не выстрелила первой. Генеральная инспекция жандармерии продолжает расследовать участие Пироза в этом деле. Нам придется выступить в качестве свидетелей, и не один раз. Выслушав мою историю, коммандан Вайсман и трое его помощников посмотрели на меня с какой-то подозрительной жалостью и спросили, не хочу ли я подать жалобу.

Подать жалобу. На кого?

Они сделали вид, что не понимают, и отпустили меня. В течение двух дней жандармы придирались по пустякам, расспрашивали и переспрашивали, но, как мне теперь кажется, им на все было наплевать. У них был виновный, мотив, признания и улики; чего еще желать?

Фредерик Мескилек.

Арестован. Осужден. Казнен.

Дело закрыто.

Я приехал к Осеан меньше часа назад. Она живет в небольшом уединенно стоящем домике в Люси, в нескольких километрах от Нефшатель-ан-Брэ. Настоящий кукольный домик: фахверк, стены из саманного кирпича, на крыше солома и ирис, вокруг живая изгородь. Колодец, прудик, между грядок с безупречно подстриженными растениями дорожки, посыпанные гравием. Похоже, Кармен отрабатывает сверхурочные в саду у дочери.

Осеан впустила меня, указала на кожаное кресло и дала открыть бутылку шампанского,

а сама пошла на второй этаж переодеться. Когда через несколько минут она спустилась, я увидел, что она сменила джинсы и свитер на синее платье-тюльпан.

Ручка выпала у меня из рук, я чувствовал, как подо мной плавится кожа кресла.

Широкая бирюзовая лента, крепившаяся где-то на спине, спускалась двумя концами на грудь, прикрывая ее и сбегая к поясу, где концы встречались, завершая умопомрачительное декольте. Из-под пояса платье-цветок расширялось, образуя шелковый венчик, обрамлявший два хорошеньких пестика, обтянутых чулками в сеточку цвета морской воды.

Наклонившись, она протянула мне бокал и отошла приглушить огонь в камине. Длинные волосы, падавшие ей на лицо, бросали вызов языкам пламени.

Она была так красива, что у меня перехватило дыхание.

Сердце колотилось, рвалось наружу из груди. Чтобы оно не выскочило, я перевел взгляд на изгибы ее обтянутого платьем тела. Под платьем у Осеан не было ничего — ни парашютных ремней, чтобы снова улететь, ни лифчика.

Она стояла совсем близко.

— Не думай, что я мила с тобой только потому, что хочу заслужить прощение.

Ее губы коснулись моих, словно желая помешать мне ответить.

— Ты бы видел себя в тот день, когда ворвался в мой кабинет в Нефшателе. Словно перед тобой явился призрак.

— Нет, ангел, — прошептал я.

Она насмешливо приложила палец к моим губам.

— А твой восхитительный испуг в то утро, когда я прыгнула в пустоту с обрыва?

— Ангел, — повторил я.

Своим бокалом шампанского она коснулась моего бокала.

— Можно?

Не дожидаясь разрешения, она осторожно, с легкостью маленькой девочки, села ко мне на колени, стараясь щадить мою искусственную ногу. Я затаил дыхание.

— Ты такая…

Она снова прижала свой палец к моим губам.

— Тссс…

Ее угольно-черные глаза в упор смотрели на меня. Настоящий поединок, глаза в глаза, пока я не уступил, не перевел взгляд на ее ничем не скованную грудь, слегка прикрытую двумя бирюзовыми лентами. Я устоял перед желанием отстранить ленты, накрыть ладонями грудь, пальцами исследовать изгибы ее тела, тысячекратно обвести вокруг темных ореолов сосков. Продолжая сидеть у меня на коленях, Осеан изогнулась, продвинулась немного вперед. Ее грудь прижалась к моей груди, лобок терся о застежку моих джинсов.

Я содрогнулся.

Под платьем скрывалось обнаженное тело красавицы.

Прежде чем я успел обнять ее за талию, она встала. Ее ловкие пальцы быстро расстегнули мой поясной ремень, одним движением спустили джинсы и «боксеры» до самых щиколоток.

Я молил небо, чтобы вид моей стальной кости не остановил ее порыв. Но, казалось, она не заметила ее вовсе. Королевским жестом она подняла платье, словно желая не помять его, и села.

Ее бедра слегка раздвинулись.

Когда я вошел в нее, губы ее слегка дрогнули.

Обнаженное тело Осеан являло собой экран, по которому в дикой пляске мчались тени, отброшенные языками пламени в камине.

— Ты даже не спросила меня, — прошептал я ей на ухо.

Шампанское лилось к ней в горло. Меня так и подмывало опрокинуть бутылку, из которой она пила из горлышка, в ямочку у нее на шее, чтобы затем омочить в ней губы и язык.

— О чем?

— О чем спрашивают меня все. Моя нога. Как это случилось? До 2004 года или после?

— Мне наплевать, Джамал.

И прижалась ко мне своим горячим телом. Никогда еще я серьезно не говорил о своей инвалидности со взрослым человеком. Однако именно в эту минуту мне больше не хотелось ни играть, ни бежать, ни лгать. На последней странице своего романа я запишу каждое слово своего разговора с женщиной моей мечты. Мои будущие читатели заслуживают право узнать правду до окончания истории.

Скользнув рукой вдоль обнаженной спины Осеан, я заговорщическим тоном произнес:

— С момента своего рождения я придумал не один десяток версий, и все разные. Некоторые я даже сообщил членам твоего общества «Красная нить». Героические подвиги, трагические случаи. Я играл в искалеченного пожарного, в неудачный выстрел, в неосторожного паркурщика. Но истина гораздо проще.

Она ласково погладила меня по плечу и поцеловала в шею.

— Одни родятся вместе с сестрой-близнецом, и жизнь умножается на два. — Глядя на нее, я улыбнулся. — Для меня, наоборот, она всегда была разделена надвое. Я родился с одной почкой, одним легким, одной ногой и одним сердцем, разумеется, очень слабым. Моей матери Наде исполнилось сорок шесть, когда она забеременела от моего отца, которому к тому времени было за пятьдесят. Мое появление стало для нее своего рода чудом. За первые пятнадцать лет брака она раз в три года рожала по ребенку. А потом пятнадцать лет никого… До моего рождения.

Поцелуи Осеан перебрались мне на грудь, мои ласки добрались до изгиба ее спины.

— Последние пятнадцать лет своей жизни мама занималась только мной. В детстве я перенес пятнадцать операций, провел на больничной койке в общей сложности двадцать месяцев. В десять лет я превратился в кошмар социальных служб. Я рос вместе с мыслью, что никогда не стану взрослым, что в моем организме слишком мало прочных деталей и он не выдержит долгую дорогу. Авария может произойти в любую минуту, и я застряну на обочине. Тогда я придумал себе будущее, вообразил судьбу Ахилла… Надеюсь, ты понимаешь, что я хочу сказать? Смирился со смертью в молодом возрасте, но с условием, что прежде сделаю то, что захочу; не буду ставить планку в годах, но буду стремиться к поставленным целям.

— А их у тебя много? — спросила Осеан.

В ее голосе звучала бесконечная нежность. Словно она влюбилась в меня после моих признаний. Я даже пожалел те смешные версии, которые начиная с подросткового возраста придумывал, чтобы соблазнять девушек.

— Пять… Пять лучей моей звезды.

Она поймала мою руку, ласкавшую ее кожу, и нежно ее сжала.

— Сама понимаешь, мать и слушать не хотела ни о каком будущем Ахилла! Одну почку,

одно легкое, одно взрослое сердце, все это можно найти, купить или получить. В поисках органов она возила своего мальчика по всем госпиталям Франции, самые известные хирурги не могли отделаться от нее. С карточкой медицинского страхования она договаривалась об операциях, стоивших миллионы евро. Восемнадцать операций — это не шутка. Как только моя грудная клетка достигла размеров ее грудной клетки, она отдала мне свое легкое; тогда мне исполнилось пятнадцать. Это была моя последняя операция. Следующей зимой мамы не стало.

Пять тонких пальцев сжали мою руку.

— Моя последняя операция, — повторил я. — Теперь я стоил три миллиарда. Приятели из Ла-Курнев прозвали меня Робокопом. Совершенно новый организм, за исключением большой берцовой кости и стопы, частей человеческого тела, которые ни один хирург в мире не смог пересадить. Но одна нога не мешает бегать так же быстро, как бегают здоровые люди. Или еще быстрее. Я начал бегать вечером того дня, когда похоронили мать. И с тех пор никогда не останавливался.

— Понимаю.

— В пригороде Ла-Курнев меня знали все. Вам надо было всего лишь справиться у соседей по подъезду. Я инвалид с детства, я не мог изнасиловать Моргану и Миртий.

— Прости нас.

Воспользовавшись выдавшейся возможностью, я похитил у нее долгий поцелуй.

— Знаешь, взрослея день ото дня, я всегда помнил, что за мной по пятам идет смерть, и каждый раз 25 декабря просил у Санта-Клауса еще годик жизни… Так что если бы вы утопили меня на Сен-Маркуфе, мне, в сущности, было бы не о чем сожалеть…

— Даже о пяти лучах твоей звезды?

Я промолчал.

Может, я изменился? Может, отказался от судьбы Ахилла?

Высвободив руку из ее цепких пальцев, я обхватил ее грудь, круглую и полную.

— А разве моя звезда не продолжит светить и после моей смерти?

Осеан вздрогнула. Схватив мою руку, она прижала ее к груди, а потом медленно повела ниже, еще ниже, до самого края мира.

Привычным движением Осеан натянула через голову платье. Шелк обтянул ее тело, словно вторая кожа.

— Я хочу есть. Давай завершай свою премию Гонкуров,[13] а я пойду завершать приготовления к нашему пиршеству.

Значит, ко всему прочему Осеан еще и готовит?

Я смотрел, как она шла по комнате, как привычным движением подхватила бокал из-под шампанского и поставила его на место, а потом исчезла в кухне.

Прошло несколько минут.

Все это время я сидел в кожаном кресле и старательно заносил на бумагу каждое слово, каждое движение, каждое чувство, испытанное за истекший час.

Так завершится мой рассказ.

Через несколько минут я попрошу Осеан прочесть его. И мы снова займемся любовью.

Правда, красивая история? Низенький араб-инвалид, которого все считали убийцей, расстается с жизнью в объятиях женщины своей мечты. Что вы на это скажете?

Согласен, конец слишком слюнявый, чтобы вставить его в детектив. А в дамский роман? *Красавица и Чудовище*, версия эмигрантского пригорода…

Я поднимаю глаза. Над нормандским шкафом, украшенным резными гирляндами из всевозможных фруктов, круглое смотровое окошко, обрамленное кружевными занавесочками; в окошко видно темное небо, где сверкают тысячи звезд.

Которая из них моя?

Которая из них направляет пять лучей моей судьбы?

Мои мысли медленно плывут к прежней жизни, той, что начнется в понедельник в клинике «Сент-Антуан». Ибу сочтет меня сумасшедшим, Офели наверняка выложит целую коллекцию новых фотографий своих парней, кретин Жером Пинелли позеленеет от зависти.

На кухне поет Осеан. Кажется, это «То, что мы не сделали» Жан-Жака Гольдмана.

Ручка замедляет полет по чистому листу. Надо очень тщательно подобрать слова для последних строк моего романа.

Неужели я выиграл?

Неужели смерть наконец перестала преследовать меня?

Ручка повисла в воздухе, висит там несколько долгих секунд, до тех пор пока стук дверцы от духовки не заставляет меня повернуть голову. Появляется Осеан с тряпкой в руке. Пряный аромат щекочет ноздри. Охотничий соус, такой, какой не подают в столовых. Шампиньоны, лук-шалот, сливки и вино.

— Ты уверен, что никто не знает, что ты здесь? — спрашивает меня Осеан.

— Абсолютно!

Я уважал ее стыдливость и никому не сказал, что отправляюсь к ней. Красавица все еще стесняется своего неудобного любовника. Опасается, что Кармен не оценит. Боится, что дядя Жильбер станет ворчать. Или ее пугает реакция Моны?

Не Моны, Алины!

Она ревнует?

Обожаю аромат тайны. Пусть наша любовь останется в секрете, это придаст ей пикантности.

Ручка в последний раз касается бумаги. Я ужасно хочу найти симпатичную фразу, чтобы поставить финальную точку. Мучаюсь. Грызу колпачок.

— Готово! — кричит Осеан.

Тем хуже. Я уступаю, выбрав самый простой вариант.

Первые слова моего рассказа станут и последними.

«Мне долго не везло.

Я был уверен, что удача всегда на одной стороне, только не на моей…»

Честно говоря, я все еще сомневаюсь, что она перебежала на мою сторону.

КОНЕЦ

IV
ИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРА

10 августа 2014 года
Кому:
Национальная жандармерия,
Территориальная бригада коммуны Этрета,
Департамент Приморская Сена
Лейтенанту Б. Донадье
От:
Научно-исследовательский институт судебно-медицинской и криминалистической экспертизы (НИИ СМКЭ)
Лаборатория идентификации жертв катастроф
Заведующего Ж. Кальметта

Господин лейтенант,

направляю вам письмо с ответом на особый запрос по так называемому делу трех скелетов, найденных 12 июля 2014 года на пляже в Ипоре. Вкратце напоминаю вам, что три индивида, которых мы для удобства расследования назвали Альбером, Бернаром и Сезаром, скончались в разное время: Альбер — летом 2004-го, Бернар в промежутке между осенью 2004-го и зимой 2005-го, а Сезар между февралем и мартом 2014-го. Причиной их смерти явилось преднамеренное отравление мускарином; по мнению экспертов, меньше чем через тридцать минут после попадания яда в организм, случилась остановка сердца, ставшая причиной смерти всех трех индивидов.

Продолжая исследовать останки, мы неожиданно столкнулись со странным обстоятельством, вынуждающим задать вам вопрос, за который заранее прошу меня извинить.

Могут ли ваши службы проявить небрежность и забыть отправить нам одну из улик, проходящих по этому делу? Нам, образно говоря, не хватает одной детали пазла, и мы просим вас тщательно проверить, не утеряна ли она.

Поясню. Из костей, которые вы нам отправили, мы сумели полностью восстановить скелеты Альбера и Бернара, исполнить привычную для нас скрупулезную работу палеонтологов.

Несмотря на все усилия, нам не удалось полностью восстановить скелет Сезара, индивида, скончавшегося позже всех, а именно в феврале 2014 года, спустя несколько дней после того, как дело Аврил–Камю завершилось смертью Фредерика Мескилека, предполагаемого убийцы обеих девушек. Я намеренно употребляю определение «предполагаемый», ибо в предыдущем письме я официально указал, что ДНК Альбера, отравленного летом 2004-го, соответствует ДНК, выделенной из спермы, найденной на телах и одежде Морганы Аврил и Миртий Камю. В настоящее время я еще не получил ответ от судьи Лагарда, которому отправил копию предыдущего письма.

Скелет Сезара соответствует скелету молодого мужчины до тридцати лет,

прекрасно сложенного; хотя он скончался всего полгода назад, останки его пребывали в состоянии быстрого разложения. Собрав все присланные вами кости, мы убедились, что Сезару недостает берцовой кости.

Надеюсь, вы сможете объяснить нам причину либо отсутствия, либо потери данной недостающей части скелета.

С наилучшими пожеланиями,

Ж. Кальметт,

Заведующий Лабораторией идентификации жертв катастроф НИИ СМКЭ.

46
Неужели я выиграл?

Отведя взгляд от трупа Джамала, Осеан захлопнула багажник «ауди». Удостоверилась, что в темном саду никто ее не увидел. Самый яркий свет исходил от фонаря в конце улицы, но его световой круг не проникал за изгородь, окружавшую дом.

Холодно. С неба сыпался мелкий снег, устилая мокрым покровом крыши и тротуары. Сегодня вечером никто носа на улицу не высунет. Осеан могла беспрепятственно отвезти тело туда, где уже покоятся все остальные.

Непогода заставила ее вернуться в дом.

Из троих мужчин именно Джамала Салауи она никак не решалась убить. Пироз не в счет. Она устранила его, потому что он все понял и начал собирать доказательства; всадить ему в брюхо нож, когда он напился, и выбросить тело за борт «Параме» оказалось минутным делом.

Она подошла к камину. Язычки пламени лизали оставшиеся от поленьев головешки.

С Джамалом Салауи все иначе. Если судить объективно, он не заслуживал смерти. Он стал жертвой, как и она. Жертвой системы, чужого мнения, подражательного насилия. Козел отпущения в самом точном значении термина, невиновный, взваливший на себя коллективную вину всех остальных.

Всех остальных мужчин.

Осеан собрала страницы с рассказом Джамала, лежавшие на низеньком столике, больше ста страниц, и бросила в огонь. Сначала ничего не произошло, потом пирамида из бумаги внезапно вспыхнула ярким факелом.

Джамал Салауи мог докопаться до истины.

Пронырливая ищейка Пироз рассказал ему про дилемму заключенного, и Джамал все записал у себя в дневнике. Но если Джамал не понял, то другой, более изощренный, читатель вполне мог по-иному подойти к подсказкам, которыми пренебрег Джамал, усомниться в логике официальной версии. Понять…

Осеан скинула платье-тюльпан. Некоторое время она, обнаженная, стояла у камина, наслаждаясь жаром высоко взметнувшегося пламени. Она упивалась этим мгновением, этой минутой, когда ни один мужчина не мог уставиться на ее тело, увидеть в нем предмет своего вожделения и пожелать купить его для своих ничтожных извращенных игр.

Никогда ни один мужчина не встанет между нами.

В голове резонировал звонкий голос Морганы. Ее сестре семь лет, они вместе забрались на большую яблоню, что растет напротив дома матери. Весна, и лепестки яблоневого цвета падают им на волосы и плечи, настоящий розовый дождь из волшебных сказок.

Никогда ни один мужчина не встанет между нами.

Они обещали. Чтобы стать принцессами, им не нужен ни рыцарь, ни принц, ни король. Они сестры, близнецы, первая для второй и вторая для первой, и никогда никто и ничто не должно встать между ними.

Даже цветочный лепесток.

В камине угасал огонь. Обгорелые обрывки дневника Джамала крутились в воздухе. Осеан наклонилась и пошевелила пепел в камине, чтобы оживить язычки пламени. Как всегда уже на протяжении десяти лет, она должна быть осторожна. Разумеется, любезный и

услужливый Джамал никому не сообщил, что свидание с ней назначено у нее в доме, но, когда жандармы убедятся в его исчезновении, они непременно станут расспрашивать и ее. Надо уничтожить все следы его пребывания. Столь же бесследно должен исчезнуть и его дневник.

Пока им не исполнилось восемнадцать, они с Морганой часто лазили на яблоню. Каждую весну, каждый год они давали клятву, делавшую их еще ближе, еще сильнее, еще красивей.

Ни одного мужчины между нами. Никогда.

Постепенно они превращались в Белоснежку и ее зеркало. Сиамских близнецов-принцесс. Два сердца, но одна кровь.

Мать с одним сердцем никогда не нуждалась в мужчине. Она самостоятельно создала семью. Своими руками построила самый красивый дом в Нефшатель-ан-Брэ, самостоятельно. Получила высокую должность в муниципальном совете, в ассоциации развития области Брэ, самостоятельно. Между ними и матерью никогда не стояло ни одного мужчины.

Огонь потух. Несколько минут Осеан позволяла холоду покалывать ей кожу, потом поднялась к себе в спальню, где натянула черные джинсы и темный свитер. Настал час, когда труп Джамала Салауи должен присоединиться к двум другим трупам.

Дороги заповедного края Ко были пустынны. Холодный дождь выбелил склоны и скелеты деревьев. Никакой опасности, что тебя остановит полиция. Кто отважится выехать в три часа ночи на сельскую дорогу, исхлестанную ветром и ледяной изморосью? В свете фар указатель извещал, что до Ипора осталось десять километров.

Никогда ни один мужчина не встанет между нами.

Вечером 5 июня 2004 года звон гитар сверлил ей мозг. Одна группа сменяла другую, и каждая оглушала своей музыкой. Вылазка в Ипор с Кларой, Николя, Матье и Морганой. Ночь на дискотеке в зале «Си-Вью». Танцпол.

«Дворники» двигались в ритме сердца, давя слезы, упорно появлявшиеся вновь и вновь, каждый раз все более частые.

Ни одного мужчины между нами. Никогда.

Осеан повторила ей эти слова. Прошептала на ухо в «рено», когда заметила, как изменилась Моргана, надев платье, облегавшее ее ягодицы и груди. Она прокричала их ей на танцполе, продираясь сквозь лес мужчин с волчьими глазами, окруживших Моргану. Гремела музыка-техно. Моргана впала в транс и не услышала ее. Не слушала. Даже не посмотрела.

Но Моргана обещала…

Николя и Клара обнимались на канапе. Этот кретин Матье, решив попытать удачи, провел рукой по ее бедрам и прижал губы к ее шее. Неужели он думал, что она способна нарушить свое обещание и пойти с мерзким представителем тараканьего племени? Он заснул над стаканом водки с апельсиновым соком. Осеан тоже выпила. Много. Слишком много. Больше, чем когда-либо в жизни.

И пошла за ними.

Моргана выбрала одного из волков. Не вожака стаи, скорее волчонка с молочными зубами, в рубашке, расстегнутой на безволосой после эпиляции груди и смешным красным

шарфом на шее.

Осеан видела, как они целовались на парковке, как раздевались в уголке пляжа. Укрывшись в тени скалы, она смотрела, как они бежали к морю, стараясь сдерживать смех, как касались друг друга в воде, как, стуча зубами, выскочили на берег. Спрятавшись за причалом, она слышала, как тяжело дышит Моргана, наслаждаясь ласками незнакомца, сдерживает крики, отдается, впадает в экстаз.

«Ты обещала, — кричал голос у нее в голове, — *никаких мужчин, никогда!*» Когда они поспешно оделись, так быстро, что Моргана не успела надеть трусы, Осеан, пошатываясь, пошла за сестрой и парнем с красным шарфом, шла до самого бункера. Кто из них двоих предложил, взявшись за руки, подняться наверх, чтобы с обрыва полюбоваться бескрайними просторами моря? Осеан никогда этого не узнает.

Под действием алкоголя шиферные крыши домов колыхались, словно серые волны. Через несколько минут после того, как волчонок наконец удалился, Осеан подошла к сестре. У Морганы на шее был намотан шарф незнакомца.

— Его мне дал Алекс.

Его звали Алекс. Александр Да Коста.

— Это соединяющая нас нить. Наша красная нить. Мы еще увидимся. Он не такой, как ос…

«Дворники» не справлялись с потоком слез. Осеан сбавила скорость и остановилась на обочине, перед перекрестком, где указатель показывал на Бенувиль. Воспоминания оказались слишком яркими. Стремительными. Обгоняли друг друга.

Ее крики в ночи. Улыбка Морганы.

Ты не имела права. Ты обещала. Ты не имела права.

Смех Морганы.

Никаких мужчин. Никаких мужчин между нами. Никогда.

Ее смех, звучавший вызывающе.

Осеан вновь видела, как ее пальцы раздирают платье сестры, стараясь удержать ее, как ее руки стягивают концы шарфа, чтобы она прекратила смеяться, чтобы наконец заплакала, попросила прощенья и пала к ней в объятия.

Чтобы ни один мужчина никогда больше не смел встать между ними.

Осеан снова увидела, как кроткий взгляд Морганы остекленел, ее тело упало на мокрую траву, покатилось по косогору и сорвалось вниз.

«Ауди» медленно тронулась с места. Тысячи раз, снова и снова, Осеан видела, как взгляд Морганы тонул в ее глазах, угасал и улетал. Кто умер в этот вечер — принцесса или ее зеркальное отражение?

Никто? Обе?

Флики ничего не поняли. Они обнаружили на пляже труп хорошенькой девушки, задушенной, в разорванном платье, со следами спермы на теле и во влагалище, признаки насильственного проникновения, случившегося за несколько минут до убийства. Заключение глупых ничтожных самцов и не могло быть иным: только изнасилование! Осеан презирала их некомпетентность.

«Ауди» проехала Бенувиль. Городок спал. Возможно, он проспит всю зиму. Табличка предупреждала водителей: проезд закрыт. Осеан направилась именно туда. Надо проехать еще сотню метров по утрамбованной земле. Кому придет в голову искать здесь труп

Джамала Салауи? Никому, как не пришло в голову искать трупы двух других — вот уже много лет. Завтра утром дождь смоет с тропинки все следы протекторов…

Осеан без труда нашла Александра Да Коста. Он скрывался в дачном домике своих родителей в Блонвиль-сюр-Мер; они собирались выйти на пенсию, а пока девять месяцев в году проводили на Антильских островах Сен-Винсент и Гренадины. Он оказался глуп, как пробка; тем не менее понял, что является подозреваемым номер один в деле об изнасиловании и убийстве Морганы Аврил, и если он высунет хотя бы кончик носа, ему придется отвечать за все — по причине его ДНК, его спермы и его красного шарфа.

Еще меньше труда Осеан затратила, чтобы соблазнить его. Она позвонила ему и сообщила, что накануне гибели сестра прислала ей сообщение, где называла своего любимого по имени. Александр Да Коста.

Этот кретин считал, что какой-то тип напал на Моргану после того, как он расстался с ней; наверное, чтобы украсть ее сумочку.

Она назначила ему свидание вечером, в Ивето, возле развязки А-29, в отеле «Формула один», где нет персонала, а только автоматы, выдающие коды для входа, готовая замороженная еда и кофе. Она обещала не выдавать его полиции, хотя может, так как не уверена… Словом, сначала она намерена с ним поговорить. Попытаться понять. Узнать, какие чувства сестра испытывала в тот вечер. Он примчался, как побитый пес. Поджав хвост. Впрочем, вскоре он распушил его.

Ее красота потрясла дурака. Чудовище, он посмел сказать, что она красивей, чем ее сестра. Смерть настигла его на матрасе в номере 301, комнате с картонными стенами, где под действием порошка мускарина, подсыпанного в мусаку, подогретую в холле в микроволновке, сердце его перестало биться. Всего-то дел. Осеан осторожно сняла презерватив, содержавший сперму юного петушка, аккуратно опорожнила его в стеклянную баночку, и в три часам ночи затолкала тело в багажник своей машины.

«Никогда ни один мужчина не станет между нами», — шептала она звездам, сбрасывая труп в черную пустоту.

Прошли три долгих месяца, прежде чем родители Александра Да Косты заявили об исчезновении своего двадцатидвухлетнего сына, посылавшего им весточку не чаще двух раз в год. Но они даже не могли назвать адрес его последнего местожительства; помимо домика в Нормандии у них во Франции было еще два дома: один на Лазурном Берегу, а другой на острове Ре; третий принадлежавший им дом находился на острове Црес, а еще квартира где-то на Балеарских островах. Тогда Осеан узнала, что во Франции ежегодно пропадает около шестидесяти пяти тысяч человек, и более десяти тысяч так и не находят…

Никому никогда не придет в голову заподозрить…

Мама, вероятно, всю жизнь будет искать убийцу своей дочери, но напрасно. Он умер. Осеан отомстила за сестру. Мужчина, который попытался разлучить их, их обоих, их троих, навечно упокоился на дне расщелины в скалистом берегу.

Осеан оставила «ауди» за небольшой ясеневой рощей, постаравшись поставить машину так, чтобы ни один заблудившийся в полях полуночник — если таковой найдется — не смог ее найти, разве что упершись в нее носом. Самое трудное — начать. Взвалить тело на плечи. Не оставить никаких следов, никаких отпечатков — ни волоса, ни капли пота. Пройти еще сто пятьдесят метров на запад от Вальез дю Кюре.

Десять лет назад, в июне 2004-го, прежде чем назначить Александру Да Коста свидание в «Формуле один», Осеан целыми днями бродила вдоль отвесных прибрежных скал. «Она

предается грустным мыслям», — думали местные жители и жандармы. Беспокоились. Они, без сомнения, полагали, что она намеревается прыгнуть вниз вслед за сестрой-близнецом. Они бы это поняли. И не могли догадаться, что в испещренном дырками известняке, тянущемся на километры, она искала подходящий колодец, чтобы в нем навеки исчезли неудобные мужчины. Достаточно широкий, чтобы сбросить туда половину человечества.

Она нашла такой колодец немного восточнее Бенувиля, возле небольшой котловины Этиг: карстовый провал, затерянный среди колючих зарослей, куда забредали только коровы; местные жители издавна туда не наведывались.

Затаив дыхание, Осеан открыла багажник. Она завернула тело Джамала в одеяло, которое сожжет тотчас же по возвращении в Нефшатель.

В этом укромном уголке она оставляет машину в третий раз.

7 августа 2004 года Нижнюю Нормандию облетело душераздирающее известие. Нашли труп девушки, изнасилованной и задушенной шарфом «Берберри». Некоей Миртий Камю. Всеобщее смятение. Серийный убийца снова выбрал жертву. И она не последняя…

В тот вечер в столовой школы «Гранкам-Мэзи», освобожденной для такого случая по приказу мэра, мама организовала общество «Красная нить». Она хотела встретиться с близкими этой Миртий, с ее родителями, с бабушкой, с лучшей подругой, с женихом. Время поджимало. Преступника надо ловить по горячим следам, пока он не сбежал. Или не начал снова убивать. Надо собрать как можно больше улик. Мама произнесла энергичную речь, суть которой сводилась к тому, что нельзя доверять полицейским, так как они завалены работой, им мало платят, а потому хотят поскорее сбросить с себя это грязное дело и вернуться к привычной текучке.

Вместе с маминым братом Жильбером за столом собралось восемь человек. Трое со стороны Аврил, пятеро со стороны Камю.

Все время, пока ехали из Нефшателя в Гранкам, пока дядя Жильбер, сидевший за рулем, проклинал парижан, дружно рванувших в августе в отпуск и заполонивших дорогу A-13, пока мама, не разжимая зубов, шептала: «Он снова начал убивать. Надо остановить этого мерзавца. Он снова начал убивать», Осеан окончательно прониклась уверенностью: убийца был знаком с Миртий Камю! Не просто мимолетный знакомый, а один из близких друзей, тот, кого полиция должна была бы заподозрить в первую очередь. Иначе почему он замаскировал свое преступление и перевел падавшие на него подозрения на убийцу, разыскиваемого всей полицией Нормандии, на того, кто сначала насилует свои жертвы, а потом душит красным шарфом «Берберри»? Почему он приложил столько усилий, чтобы все поверили в серийного убийцу?

Несуществующего серийного убийцу! Только двое были посвящены в эту тайну: убийца Миртий Камю… и она!

Когда дядя Жильбер припарковал свой старенький «мерседес» на стоянке школы «Жан-Марион де Гранкам-Мэзи», Осеан с трудом скрывала свое возбуждение. Нет ли среди тех пятерых, кто сидит с ними за столом, убийцы Миртий Камю?

Осеан не сумела удержать тело Джамала, и оно соскользнуло со спины. Спина горела. Она не прошла и тридцати метров, а уже чувствовала себя на пределе. Ей никогда не дотащить его до колодца. Она остановилась и задумалась. Придется тащить, иного выхода нет. Тащить и заметать за собой след. Она вздохнула.

Ее сознание невольно снова возвращалось в «Гранкам-Мэзи», к тому вечеру, когда нашли труп Миртий. К тому собранию в столовой, где присутствовали члены семьи Камю. В тот вечер она совершила ошибку, единственную за все десять лет. Ошибку, которая едва не обошлась ей слишком дорого.

Войдя в зал школьной столовой и окинув взглядом пятерых, сидевших за маленьким восьмигранным столиком, Осеан сразу заподозрила Фредерика Мескилека в убийстве его невесты. Наблюдая за ним весь вечер, оценивая каждый его жест, каждое содрогание, каждую, в том числе и едва заметную, реакцию на любую упомянутую в полицейском докладе улику, она пришла к выводу, что, в отличие от остальных близких Миртий, его психологический профиль вполне соответствует профилю убийцы.

К концу вечера у нее сложилось твердое убеждение. Это он.

Но она забыла кое-что очень важное.

Убийца Миртий Камю обладал тем же самым преимуществом. Он тоже знал, что серийный убийца — фикция, придуманная полицейскими. И вполне мог предположить, что убийца Морганы сидит с ним за одним столом, напротив него, и наблюдает за ним.

Когда их взгляды наконец встретились, они без слов поняли друг друга. Осеан выдала себя, слишком настойчиво, в упор глядя на него. Кто мог его заподозрить? Кто мог сомневаться в версии о серийном убийце? Разве что тот, кто знал, что Моргана убита отнюдь не случайным гастролером.

Кто, кроме ее убийцы?

Их связало молчаливое соглашение.

Оценивая, как бы поудобнее подхватить труп Джамала, Осеан вспомнила знаменитую теорему, которую раскопал Пироз, так называемую дилемму заключенного, двух сообщников, которые могут предать или не предать друг друга. Если оба свидетельствуют друг против друга, они все теряют. Если они молчат и сотрудничают, выигрывают оба. До тех пор, пока один из них не будет уверен, что предаст раньше, чем это сделает другой. Согласно теореме за это он получит самый крупный куш. Пироз оказался не таким тупицей, как все остальные флики, он все понял, но стоило ему выпить, как голос у него стал слишком громким, а перегородки между каютами на «Параме» очень тонкие.

В тот день, когда убили Миртий Камю, собрание общества «Красная нить», проходившее в помещении столовой, завершилось около полуночи. С покрасневшими глазами все сели в свои машины и разъехались по гостиницам. Перед тем как выйти на улицу, Осеан направилась в туалет, расположенный в глубине школьного коридора и прилегавший к помещению столовой. Там ее догнал Фредерик Мескилек. Мертвенно-бледный.

«Это несчастный случай, — заплетающимся языком проговорил он. — Несчастный случай. Я не хотел ее задушить. Мы должны были пожениться. Она любила меня, она бы никогда меня не бросила. Это какое-то затмение. Тот тип для нее ничего не значил. Миртий любила меня. В последний раз мы занимались любовью как раз перед…»

— Надеюсь, с презервативом?

Мескилек уставился на нее. Он был ничем не лучше остальных мужчин. С этой минуты Осеан решила устранить его так же, как и других. Она сделает это, как только сможет, когда не будет никакого риска.

— Да, — ответил он.

— У меня для вас подарок!

Осеан вынула из кармана баночку. Разумеется, Мескилек ничего не понял.

«Это мне доверил тот, кто изнасиловал мою сестру, — уточнила Осеан. — Но надо прекратить играть в молчанку».

Схватив обеими руками баночку, Мескилек заговорил; признания, больше напоминавшие исповедь, полились из него потоком. Убив свою невесту, он впал в панику и спрятал тело Миртий в зарослях папоротника рядом с фермой «Большие Карьеры», в надежде, что успеет вернуться раньше, чем кто-нибудь случайно наткнется на труп. Затем, уверенный, что, как только труп его невесты найдут и опознают, его немедленно заподозрят, ему пришла в голову идея оформить свое преступление так же, как убийство в Ипоре, о котором средства массовой информации писали и говорили на протяжении последних месяцев. Мескилек отправился в Довиль, там в универмаге «Прентан» нашел бутик «Берберри», где, усыпив бдительность продавщиц, купил рубашку за сто пятьдесят евро, сумев при этом стянуть и спрятать под пальто красный кашемировый шарф. На обратном пути он остановился в Аснель и на пустынном пляже набрал в канистру морской воды, чтобы обрызгать труп Миртий. Наконец, вернувшись в «Большие Карьеры», он забрал сумочку и трусики Миртий, то есть повторил все действия убийцы Морганы Аврил. Не было только одной вещицы, блокнота «Молескин», куда Миртий записывала свои самые сокровенные мысли. Его не было ни в сумочке, ни где-либо.

С другого конца коридора раздался звучный голос мамы:

— Ты идешь, Осеан?

— Иду, мама.

Осеан оставила баночку Мескилеку.

Сотрудничество — взаимность.

Этим простым даром они снимали друг с друга обвинение.

На следующее утро в нескольких сотнях метров от «Больших Карьеров» полиция нашла трусики Миртий, зацепившиеся за колючие ветки кустарника; на трусиках обнаружили сперму насильника, идентичную сперме, извлеченной из влагалища Морганы Аврил.

Убедительное доказательство, что убийца тот же самый.

Серийный убийца, наугад выбирающий свои жертвы.

Осеан остановилась передохнуть. Она протащила тело Джамала еще сотню метров. Еще метров двадцать — и все будет кончено. Несколько звезд и узкий серп месяца слабо освещали бескрайние поля. Изморось перешла в мелкий дождь. Он превратит следы в грязь, и к утру от них ничего не останется. Осеан откинула капюшон, зябко потерла руки в перчатках и взялась за дело.

Удача пришла к Осеан 6 октября 2004 года, вечером, из глубины кармана, на ее мобильный телефон. Она тогда была секретарем общества «Красная нить», а мама регулярно размещала объявления, где приглашала потенциальных свидетелей. Тех, кто не осмелился идти в полицию.

Судя по голосу, Оливье Руа смущался.

«Я тот, кого все разыскивают, — боязливо шептал он в телефон. — Молодой человек в бейсболке „Адидас“, тот, кто крутился вокруг Миртий. Кого полиция…»

Осеан приказала ему замолчать, а главное, никому ничего не говорить. Она захотела

встретиться с ним в Ивето, в «Формуле один», причем в тот же вечер, но он отказался. Слишком далеко, слишком поздно, слишком опасно. Ей все же удалось уговорить его встретиться — днем, в самом центре заповедника «Марэ де Вей», в нескольких километрах от его дома, неподалеку от Изиньи, в заброшенном охотничьем домике на отшибе, возле бывшей переправы Карентан.

— Я не убивал ее, мадам, — продолжал стенать телефон. — Все в этом уверены, но я ее не убивал. Я любил ее. Она собиралась расстаться со своим чуваком. Она посвящала мне стихи. В дневнике она написала стихотворение…

— Этот дневник у вас?

— Да, но…

— Принесите его…

Как и все, Оливье Руа считал, что Миртий стала жертвой заезжего гастролера. У него не было никаких оснований подозревать соперника. Но он никак не мог решиться пойти в полицию. Стал редко выходить из комнаты, на прогулку отправлялся только в пустынные места. Чтобы поразмыслить. Подумать о Миртий. Ему не в чем себя упрекнуть; в конце концов, он легко докажет свою невиновность. Но с этими полицейскими… Мечтая засадить убийцу в тюрьму, они расклеили по всему кантону фоторобот, отдаленно похожий на него, так что если он явится, они наденут на него наручники раньше, чем он успеет сказать хоть слово в свое оправдание. И тут ему пришла в голову мысль: связаться с организацией «Красная нить». У них наверняка есть адвокаты, да и потом, они должны знать подробности дела, неизвестные полиции. Они обязательно выслушают его, дадут совет, объяснят, как надо вести себя с фликами.

В охотничьем домике Оливье передал Осеан все, что осталось у него после Миртий: блокнот «Молескин», письма и стихи. И почувствовал великое облегчение. В отличие от Осеан. Если Оливье Руа заговорит, подозрения тотчас падут на Фредерика Мескилека. Если Фредерик Мескилек попадется, она попадется вместе с ним…

Никогда ни один мужчина не встанет между нами.

Осеан открыла сумочку. Полдень, солнце в зените. Десятки уток и вальдшнепов копошились вокруг на изрезанных морскими приливами торфяных островках цвета ржавчины. Оливье Руа находил пейзаж очень милым. Он был настроен романтично и пессимистично, иначе говоря, у него ехала крыша. Когда Осеан вынула бутылку кока-колы, кусочки пиццы и восточные сладости, он машинально стал жевать вслед за ней. Он не удивился, отчего у всей еды столь пряный вкус. Возможно, просто не успел. Взгляд его медленно угасал, мускулы деревенели, и вскоре он застыл, словно охотничий пес, сделавший стойку по свистку хозяина. Через несколько минут сердце его остановилось.

На следующий день Мескилек нашел у себя в почтовом ящике стихотворение, написанное его покойной невестой. Осеан продолжала вести игру.

Сотрудничество — взаимность.

Мескилек схитрил: принял подарок и предъявил его коммандану Бастине. Исключительно как меру безопасности. Малышка Алина, постоянно вспоминавшая последние дни своей подруги, задавала себе все больше и больше вопросов.

Еще двадцать метров. Осеан двигалась осторожно, аккуратно отстраняя колючие ветки,

чтобы не зацепиться за них. Полицейские слепы, но упорны. Банальный клочок ткани, оставшийся на колючке, может помочь определить того, кто, тайком пробравшись сюда, незаконно опорожнил мусорный бачок.

С исчезновением Оливье Руа следствие сдулось, словно продырявленный воздушный шар. Несмотря на ярость мамы, полицейские спустили дело на тормозах. Поддерживать тлеющий огонь поручили жандармерии Фекана, в частности, капитану Пирозу.

Все вернулось на круги своя.

Мама вцепилась в версию о двойном убийце. Найти того типа, который побывал и в Ипоре, и в Изиньи… Осеан ей не мешала. В конце концов, это помогает маме не сойти с ума. История тянулась годы. Осеан исподволь сблизилась с Алиной Массон, лучшей подругой Миртий Камю, и постепенно заронила ей в душу семена сомнения — чтобы подготовить ее к тому дню, когда придется избавляться от Мескилека, этого вируса, этого Троянского коня на жестком диске ее мозга. От исполненных коварства вопросов.

А если Миртий убил не заезжий гастролер?

А если Миртий знала своего убийцу?

И вот однажды, в марте 2013-го, из огромного лотерейного барабана наконец выпало имя Джамала Салауи. Злосчастный тип, побывавший в нужное время в нужных местах. О его невиновности знали только Мескилек и она.

Когда Кармен предложила свой безумный план, несусветный спектакль для разоблачения Салауи, Осеан с ней согласилась. Все встало на свои места. Очень удобный случай расправиться с Мескилеком. Она придумала финальную сцену на островках Сен-Маркуф и сумела внушить ее маме. Накануне, перед тем как обман наконец сработает, она подправила кое-какие детали. Извлекла кирпич из крепостной стены форта на острове Ларж и спрятала за ним блокнот «Молескин», принадлежавший Миртий Камю. Выцарапала на кирпиче три буквы. M2O. Вместе с Алиной составила очередное досье в коричневом конверте и подбросила его Джамалу Салауи, чтобы посеять у него сомнения. Даже если он поймет, в нужный момент… Потом заехала к Мескилеку и с помощью дубликата ключей, изготовленных во время бесконечных заседаний «Красной нити», проникла в нему в квартиру и спрятала там сумочку Морганы, до сих пор хранившуюся у нее, а также флакон с застарелыми следами забытой спермы Александра Да Коста. Мескилек был не такой дурак, чтобы хранить подарок Осеан у себя.

На следующий день рано утром она спрыгнула с обрыва под самым носом у Джамала Салауи, совершила прыжок с высоты ста двадцати метров, используя карманный парашют. Колесо стечения обстоятельств завертелось, и никто, даже Пироз, не мог его остановить. Джамал Салауи боролся с машиной, которая рано или поздно должна была его перемолоть.

Экономист Аксельрод ошибся, предложенная им схема не решает дилемму заключенного.

Сотрудничество — взаимность — прощение.

Возможно, такая схема работает в том случае, если сообщники, выйдя из тюрьмы, хотят продолжить сотрудничество. Или отомстить друг другу. Настоящее решение — это предать всего лишь раз, но окончательно.

Ответить ударом на удар. Выстрелить первой.

Сотрудничество — предательство — наказание.

Осеан почти дотащила труп Джамала Салауи до колодца. Согласно ее подсчетам его

глубина метров тридцать, а возможно, и больше, принимая во внимание прилегавшие боковые галереи, пронизывавшие известняк. Наверняка местные крестьяне знают это место и используют его как свалку отбросов. Но никому не придет в голову спуститься вниз.

В лучшем случае какой-нибудь спелеолог лет через пятьдесят найдет среди собачьих костей, старых телевизоров и ржавых стиральных машин три человеческих скелета. Или через сто лет, когда порода начнет оседать. Но даже если их тела найдут завтра, кто установит их связь с Осеан? Даже если удастся идентифицировать трех покойников, а ученые-криминалисты определят даты и причину их смерти, ничего, совершенно ничего не будет связывать эти трупы с ней, не позволит обвинить ее.

Она не приписывает себе никаких особых заслуг, кроме осторожности. Все сами попали к ней в паутину, ей даже не пришлось их заманивать.

И, словно молитву, она в последний раз повторила: «Никогда ни один мужчина не станет между нами». Теперь она в этом уверена. Все мужчины получили свое. Все мужчины, посмевшие приблизиться к ней, к ним, мертвы.

Она развязала веревки, развернула одеяло. Словно по ковру, развернутому для последней церемонии, труп Джамала тихо покатился по пурпурной ткани и бесшумно соскользнул в бездонный колодец.

Все кончено.

Осеан торопилась вернуться в Нефшатель-ан-Брэ; однако она внимательно проверила, не наследила ли по дороге; слабый свет фонарика еле-еле достигал носка ее сапог.

Она торопилась вернуться домой.

Торопилась увидеть маму.

В бледном круге света Осеан видела голые чахлые стволы каштанов, сгибавшиеся под порывами ветра с моря.

Скорей бы во дворе дома «Горная долина» снова расцвела яблоня.

V
ПЕРЕСМОТР

Фекан, 13 августа 2014 года

Кому:

Научно-исследовательский институт судебно-медицинской и криминалистической экспертизы (НИИ СМКЭ)

Лаборатория идентификации жертв катастроф

Заведующему Ж. Кальметту

От:

Национальная жандармерия,

Территориальная бригада коммуны Этрета,

Департамент Приморская Сена

Лейтенанта Б. Донадье

Господин Кальметт,

Отвечая на ваше письмо от 10 августа 2014 года относительно идентификации останков Альбера, Бернара и Сезара, найденных на пляже в Ипоре 12 июля 2014 года, и выраженное вами беспокойство по поводу «недостающей детали пазла», хочу вам сообщить. Берцовая кость неизвестного, условно названного Сезаром, не потеряна ни вашими, ни моими сотрудниками, равно как и не унесена в море после обрушения скалы.

Мы сопоставили описание останков Сезара с Джамалом Салауи, одним из главных свидетелей в деле Аврил–Камю, молодым человеком, которого одно время подозревали в том, что он является насильником и убийцей обеих девушек. Вы легко поймете ход нашей мысли. Джамал Салауи — инвалид: нижнюю часть левой ноги, начиная от колена, ему заменял протез. Молодой человек исчез полгода назад, сразу после закрытия дела Аврил–Камю. Исчез без видимых причин. Впрочем, никто не пытался объяснить его исчезновение.

Бесспорно, ваше открытие требует возобновить расследование, ибо очевидно, что Джамал Салауи убит и причина убийства неизвестна.

Но если говорить откровенно, то, имея лишь скелет и никаких других улик, мы не уверены в результатах расследования; вряд ли они изменят выводы, сделанные по делу Аврил–Камю. Невозможно предъявить обвинение в отравлении двойному насильнику Фредерику Мескилеку, убитому на островах Сен-Маркуф за три дня до исчезновения Джамала Салауи. По нашему мнению, ни один из оставшихся в живых участников этой драмы не вызывает подозрений. Кто бы ни был субъект, отравивший троих мужчин, чьи останки мы обнаружили, он действовал аккуратно, педантично и осторожно.

Все же мы возобновили следствие по делу об исчезновении Джамала Салауи; в свое время его вела жандармерия Фекана совместно с региональным отделением судебной полиции (РОСП) Руана. В Ла-Курнев мы опросили всех, кто знал Салауи, включая дальних родственников и знакомых, а также главных участников дела Аврил–Камю, членов бывшего общества «Красная нить» и коллег Салауи из

клиники терапии «Сент-Антуан». Никто ничего не мог сказать. Джамал Салауи был замкнутым, сосредоточенным на собственных переживаниях; его внутренний мир был закрыт для других; он жил, словно окруженный прочной защитной оболочкой, и мало кому позволял под нее проникнуть. Его непосредственный начальник Жером Пинелли сказал, что Салауи был подвержен приступам депрессии. От депрессии к попытке отравиться мускарином и прыгнуть в расщелину, чтобы на дне ее составить компанию трупам двух других мужчин, скончавшихся от того же алкалоида несколько лет назад, всего один шаг, и мои сотрудники в основном с этим согласились.

Когда мы покидали клинику «Сент-Антуан», намереваясь окончательно закрыть дело, неожиданно появился еще один свидетель. Молоденькая девушка, пациентка клиники. Она вопила на весь коридор, что непременно хочет «поговорить с фликами», но воспитатели, привыкшие к ее скандалам, на время нашего визита заперли ее в комнате.

Мы уже садились в машину, когда из окна своей комнаты на четвертом этаже она сумела до нас докричаться. Девочке пятнадцать лет, она находится в клинике с понедельника по пятницу, ее двадцать четыре часа в сутки лечат транквилизаторами. В истории болезни говорится, что она психологически нестабильна и страдает серьезными сексуальными расстройствами, причины которых кроются в ее детстве. Как нам сказали, это классический случай для таких клиник, как клиника терапии «Сент-Антуан». Офели была влюблена в Джамала Салауи, и его не раз приходилось призывать к порядку, чтобы он не переходил известные границы в общении с этой девушкой и не мешал работе специалистов. Во всяком случае, показания Офели Пароди — так зовут подростка — не представлялись нам заслуживающими доверия.

Когда один из воспитателей попытался оттащить девочку от окна, она вцепилась в подоконник, в занавеску, в свитер воспитателя и принялась бить его ногами. Истерика.

Я решил положить конец этой сцене, заявив, что готов выслушать все, что хочет сказать девочка. Но, честно говоря, юной Офели нечего было нам сказать…

Но было что показать!

Когда ее, все еще не успокоившуюся, дышащую тяжело, словно загнанная лань, которой удалось уйти от собак, привели ко мне и двум моим помощниками, она просто сунула мне в руку свой мобильник.

Экран открыт на смс-сообщении.

Имя отправителя — Джамал, его окружают два смайлика.

Заинтригованный, я посмотрел день и час отправления смс.

25 февраля 2014 года. 21 час 18 мин.

Тот самый день, когда Салауи исчез. С тех пор его никто не видел, не считая, разумеется, полуразложившегося трупа, найденного спустя полгода после его исчезновения. Девчонка не бредила, она действительно последняя, кто общался с Салауи.

Я увидел текст, чрезвычайно краткий и больше напоминавший ребус.

20 из 20?

Он наверняка остался бы неразгаданным, если бы его не сопровождала

картинка. Неудачное фото с видом спины и четверти лица молодой женщины в синем платье-тюльпане с тряпкой в руке; в помещении, где находилась женщина, угадывалась кухня.

Очень красивая женщина.

Несмотря на расплывчатое изображение, нам удалось установить ее личность; когда мы получили результат, я просто онемел.

Осеан Аврил.

Сестра первой жертвы.

Роскошная, умная, импозантная женщина, несмотря на все перенесенные испытания. Я неоднократно расспрашивал ее об исчезновении Салауи, и у меня ни на секунду не возникло ни единого подозрения. Теперь вы знаете все.

Я немедленно связался с автономной территориальной бригадой жандармерии Нефшатель-ан-Брэ. Ее сотрудники позвонили в гинекологический кабинет, где работала Осеан Аврил; она оказалась на месте. В настоящее время она находится в пенитенциарном центре «Виньет» в Валь-д-Рей. Первые результаты допросов, полученные психиатрами, удручающие.

После проведения новых, углубленных, экспертиз специалистам из Национального института научной полиции удалось извлечь из недр ноутбука Джамала Салауи рассказ, написанный им перед смертью, за те несколько дней, что прошли после предполагаемого закрытия дела Аврил–Камю. Я его прочел; очень поучительно. Вы найдете его в вашей почте и сами сможете ознакомиться с историей, которую любой издатель наверняка опубликовал бы немедленно. В сущности, бедняга Салауи это заслужил.

Хочу уточнить еще одну деталь, хотя она и не дает ничего нового для раскрытия дела. Юная Офели Пароди немедленно ответила на смс Джамала Салауи. Согласно выстроенной нами модели ситуации к этому времени Салауи уже проглотил мускарин, и через несколько минут его неминуемо ждала смерть.

Краткое сообщение в точности повторяло смс-сообщение, отправленное ей Джамалом Салауи несколькими днями ранее. Лично мне кажется, что, несмотря на все диагнозы психиатров из клиники «Сент-Антуан», эта девочка с трудным характером отнюдь не глупа. Ее ответ на фото Осеан Аврил и поставленный вопрос: «20 из 20?» заключался в двух строках.

«Слишком красивая. Не доверяй внешности.

Я бы предпочла рыженькую.

С уважением,

Лейтенант Б. Донадье».

31 августа 2014 года, спустя 18 дней

Эмиль привычным движением открыл 22-й вагончик, совершивший подъем на вершину Эгюий-дю-Миди, и выпустил шесть десятков китайских туристов. После путешествия в кабине маятниковой канатной дороги, протянувшейся над пропастью глубиной в две тысячи метров, ноги у них подгибались, словно ватные.

Он подошел к ограждению, посмотрел вниз и закурил «Мальборо».

Восемь вечера. Обычно это последний вагончик, рабочий день окончен. Потом спуск на станцию и пиво на террасе Шука.

Не сегодня.

Подождав, пока пройдут китайцы, к нему подошла невысокая рыженькая девушка. За ней, в белоснежном плаще с нашивками и галунами, высился настоящий «шкаф», широкоплечий красавец, похожий на альпийского стрелка, но только менее загорелый. Шикарный чувак. «Наверняка из Управления уголовных дел и исполнения наказаний», — подумал Эмиль.

Он протянул девушке руку. Ее лицо, обрамленное меховой оторочкой капюшона, напоминало мордочку сурка.

— Мадемуазель Алина Массон?

Девушка сунула ему свою маленькую, словно лапка грызуна, ручку.

— Нет. Салинас. Мона Салинас.

Эмиль пожал плечами. Если в министерстве ошиблись, ему наплевать. Телохранитель из Управления вручил ему несколько листков с триколорами и печатями. Выплюнув окурок, Эмиль указал им на раздвижную дверь вагончика.

— Заходите, все уже уехали. Последний подъем… Я поеду с вами. Того, о чем вы меня просите, мадемуазель, еще никто не делал. Мне так кажется.

Кабина дернулась и поползла. Два черных провода двумя жирными царапинами уродовали гору до самой заснеженной вершины, высота которой равнялась почти трем тысячам метров. Мона прижимала к груди свое сокровище. Эрве, исполнявший поручение Управления уголовных дел и исполнения наказаний, стоял бесстрастный, словно мраморная статуя.

— Чудно это как-то, — продолжал Эмиль, чтобы заполнить пустоту. — Да и запрещено.

— Разрешение получено непосредственно от министра. Полагаю, вы в курсе этой истории? Неужели вы не находите ее чрезвычайно трогательной? — тоном проповедника произнес «шкаф».

Эмиль смотрел на Монблан и не ответил.

Трогательной?

Интересно, когда эти супергерои из министерства успели намочить свои бумажные платки…

— Принимая во внимание обстоятельства, — продолжал объяснять Эрве, — министерство не смогло отказать мадемуазель Массон в таком символическом жесте.

— А мне показалось, что ее зовут Салинас, — проворчал в бороду кондуктор подъемника.

Последние лучи заходящего солнца обсыпали Белую Долину розовыми и золотистыми отблесками. Настоящий север. Эмиль включил портативную рацию.

— Следующая остановка по требованию! Станция Этуаль. Выход на улицу Парадиз прямо у вас под ногами.

Спустя мгновение вагончик остановился. Глядя на небо, Мона улыбнулась. Присев на корточки, Эмиль принялся выкручивать болты запасного люка.

Тридцать сантиметров на тридцать.

Четыре болта.

Мона перевела взгляд с неба на долину Шамони.

— Где проходят участники соревнований? — спросила она.

— Внизу, — кротко ответил Эрве. — За Эгюий-де-Бионасей, вон той белой пирамидой что высится над хребтом. Немного ниже они переберутся через перевал Коль дю Трико. Я дважды принимал участие в соревнованиях, организованных компанией «North Face», поэтому именно мне и доверили сопровождать вас. Бегуны стартовали примерно пару часов назад. Передовые до ночи должны достичь Италии. Затем еще пятнадцать часов бега. Для самых быстрых.

Эмиль вздохнул, словно усилия участников ультрамарафона вокруг Монблана не шли ни в какое сравнение с теми, которые прикладывал он, чтобы вывинтить четыре болта, сидевшие в своих гнездах целую вечность.

Мона медленно повернула крышку урны.

Прямо над ней загоралась Венера. Пять грез…

Разжав пальцы левой руки, она, одну за другой, зачитала их наизусть, шепотом, едва шевеля губами, словно читала молитву.

Пять лучей. Джамал наверняка прошел бы все пять.

«Быть оплаканным женщиной после смерти», — прошептала Мона.

Слезы бежали по ее щекам. Она загнула большой палец. Эрве протянул ей носовой платок, но она отмахнулась.

Заплатить долг, прежде чем умру.

Сгибая указательный палец, Мона вновь вспомнила арест Осеан Аврил, обвиненной в шести убийствах: троих мужчин, чьи трупы найдены в расщелине скалистого берега, мерзавца Мескилека, капитана Пироза и Морганы, своей сестры-близнеца… Джамал сумел докопаться до истины, той истины, в поисках которой тысяча полицейских в течение десяти лет ломали голову. Она закрыла глаза; воспоминания перенесли ее в Ипор, на качели в пустынном детском парке, что рядом с пляжем. Тогда она впервые услышала об Офели. С тех пор она очень часто говорила с девушкой о Джамале. В следующий уик-энд подросток, получив разрешение от клиники «Сент-Антуан», впервые приедет к ней в Эльбеф и проведет с ней два дня.

Три болта покатились по полу вагончика. Эмиль торжествовал. Под металлической пластиной свистел ветер.

— Как только я выкручу последний болт, мадам, у нас начнется качка.

Мона невольно вздрогнула.

Заняться любовью с женщиной своей мечты.

Она загнула средний палец.

Перед ней проплыли картины их первой ночи в «Сирене». Комната номер семь. Шум гальки, перекатывающейся под ласками волн. Прикосновение двух тел. Ее легкомыслие. Любовь без презерватива.

Внезапно порыв ледяного ветра ворвался в кабину. Эмиль держал в руках железную пластину.

— Алина, — произнес Эрве, — пора завершать.

В его голосе зазвучали повелительные нотки.

Мона загнула безымянный палец.

Родить ребенка.

Когда ветер еще раз сильно толкнул кабину, ее рука на мгновение замерла на

округлившемся животе. С той ночи в «Сирене» прошло шесть месяцев.

Она медленно опустилась на колени возле люка. Эрве придерживал ее за плечи, хотя опасности не было никакой. Никто, даже младенец, не смог бы выпасть из крошечного люка. Она поднесла к нему урну.

Стать первым спортсменом-инвалидом, принявшим участие в супермарафоне вокруг Монблана.

Загнув мизинец, она высыпала пепел в люк. Ветер мгновенно рассеял его, понес в сторону Монблан-дю-Такюль, Мон-Моди и кемпинга «Дом де Миаж», понес высоко, очень высоко, так высоко, куда никогда не забирались участники супермарафона, чьи крошечные фигурки в пестрых комбинезонах виднелись на пешеходной тропе у подножия ледника Боссон.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

---

notes

Примечания

1

Атаракс — название седативного препарата.

2

Флик — обидное прозвище французского полицейского, обычно произносимое за глаза.

3

Девичья Комната — один из гротов, которыми изобилуют скалы Этрета. — *Примеч. автора.*

4

Классификация гостевых домов во Франции производится в колосьях.

5

Фамилия «Ле Медеф» (Le Medef) соответствует аббревиатуре, именующей французский Союз предпринимателей (Le Mouvement des entreprises de France, Le Medef).

6

До 1973 года Фекан являлся основным портом, принимавшим и отправлявшим корабли на ловлю трески у берегов Ньюфаундленда.

7

Бетти Буп — дамочка из рисованных американских мультфильмов, созданная Максом Флейшером в 1932–1939 гг.

8

Ки Бискейн — остров возле побережья курорта Майами.

9

Друпи — пес, предположительно бассет-хаунд, из американских мульфильмов, созданных в 1943 году.

10

Ситком — комедийный телесериал с постоянными персонажами и местом действия.

11

Омерта — «кодекс чести» у мафии.

12

Snuff movie — видеозапись убийства, сделанная с развлекательной целью.

13

Гонкуровская премия — самая престижная литературная премия Франции за лучший роман.